

Н.М. ШАНСКИЙ

В
МИРЕ
СЛОВ

РАЗУМ НЕИСТОЩИМ В СООБРАЖЕНИИ ПОНЯТИЙ, КАК
ЯЗЫК НЕИСТОЩИМ В СОЕДИНЕНИИ СЛОВ.

А. С. Пушкин

ВЕЛИЧАЙШЕЕ БОГАТСТВО НАРОДА — ЕГО ЯЗЫК! ТЫСЯ-
ЧЕЛЕТИЯМИ НАКАПЛИВАЮТСЯ И ВЕЧНО ЖИВУТ В СЛОВЕ
НЕСМЕТНЫЕ СОКРОВИЩА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ И
ОПЫТА.

М. А. Шолохов

ЖИЗНЬ СЛОВ, ГЕНЕТИЧЕСКИ СВЯЗАННЫХ МЕЖДУ СОБОЮ,
МОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ В ВИДЕ РОДОСЛОВНОГО ДЕ-
РЕВА... В КОЕМ НЕТ ТАКОГО СРЕДОТОЧИЯ, ОТ РАЗЪЯСНЕ-
НИЯ КОТОРОГО ЗАВИСЕЛО БЫ ВСЕ БЕЗ ПРЕДЫДУЩЕГО
СЛОВА НЕ МОГЛО БЫ БЫТЬ ПОСЛЕДУЮЩЕГО, КОТОРОЕ,
ОДНАКО, ИЗ ~~СЛОВА~~ ПРЕДЫДУЩЕГО НИКАКИМ СРЕД-
СТВОМ ВЫВЕДЕНО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ, ПОТОМУ ЧТО ОНО
НЕ ЕСТЬ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГОТОВОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ
ФОРМУЛЫ, А НЕЧТО СОВЕРШЕННО НОВОЕ.

А. А. Потебня

ЯЗЫК ОБОГАЩАЕТСЯ ВМЕСТЕ С РАЗВИТИЕМ ИДЕЙ, И ОДНА
И ТА ЖЕ ВНЕШНЯЯ ОБОЛОЧКА СЛОВА ОБРАСТАЕТ ПОБЕ-
ГАМИ НОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ И СМЫСЛОВ. КОГДА ЗАТРОНУТ
ОДИН ЧЛЕН ЦЕПИ, ОТКЛИКАЕТСЯ И ЗВУЧИТ ЦЕЛОЕ.

В. В. Виноградов

72 960

Ш. 2 Руч
Ш. 22

Н. М. ШАНСКИЙ

**В
МИРЕ
СЛОВ**

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Издание третье,
исправленное
и дополненное

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1985

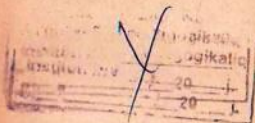
ББК 81.2Р
Ш21

Рецензент:

кандидат филологических наук
доцент МГИМО МИД СССР

Р. А. Аганин

Вместе с книгой „Слова, рожденные Октябрем“
данная работа (издание 2-е) отмечена в 1982 г.
первой премией АПН СССР.

Шанский Н. М.

Ш21 В мире слов: Кн. для учителя. — 3-е изд., испр. и доп. — М.:
Просвещение, 1985. — 255 с.

Популярные очерки о строении, происхождении и употреблении русских слов и выражений,
составляющие книгу, повествуют о важных явлениях словообразования, этимологии, лексикологии и фразеологии.

Ш 4306010000—437
103(03)—85

37—85

Институт лингвистики и литературы
Институт лингвистики и литературы
Институт лингвистики и литературы

ББК 81.2Р
4Р

© Издательство «Просвещение», 1975 г., с изменениями.
© Издательство «Просвещение», 1985 г., с изменениями.

81-2Р
Ш-21.

Слова, слова, слова...
(В. Шекспир)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Книга, которую вы начинаете читать, как пособие для учителя выглядит несколько необычно. Это объясняется и ее содержанием, и принятой в ней формой изложения. Именно поэтому здесь необходимо авторское предисловие.

Итак, несколько слов об этой книге. С первой же страницы читатель попадает в удивительный и многоцветный мир слов, в разных ракурсах и аспектах знакомится с тем, что образует, так сказать, стройматериалы нашего языка. Толкуются и отдельные слова, и тесные словесные союзы — фразеологические обороты. Один очерк следует за другим. И везде (помните эту знаменитую реплику Гамлета?) „слова, слова, слова“. Как известно, это выражение имеет сейчас или значение „обещания, не подкрепленные реальными делами“, или значение „пустая болтовня“. Но здесь оно употребляется в своем прямом, первоначальном, нефразеологическом значении, ничего отрицательного в себе не содержит и носит чисто деловой, информационный характер, раскрывая и главного героя книги, и ее анатомию.

Книга строится как серия совершенно самостоятельных очерков, маленьких лингвистических новелл, в которых можно прочитать о происхождении, употреблении и структуре различных слов — как элементов творимых словосочетаний, так и компонентов готовых выражений, извлекаемых из памяти в виде целостных единиц.

Какова биография того или иного слова и выражения, почему оно пишется или употребляется именно так, а не каково иначе, как оно „сделано“ и как родилось в языке, каким образом мы называем словами предметы и явления объективного мира — вот о чем прежде всего рассказывается в книге.

Предметом повествования здесь является только то в русском слове, что очень интересно или по каким-то причинам трудно, что вызывает вопрос, с чем постоянно приходится сталкиваться учителю в его школьной практике, о чем он не может

72960

узнать из других источников, чем можно возбудить интерес и любознательность, развить языковое чутье ученика на уроке и вне его.

Отбор материала во многом диктовался постоянными вопросами учителей на встречах и конференциях, письмами в журнал „Русский язык в школе“.

Книга „В мире слов“ — не только сборник отдельных коротких рассказов о лексических и фразеологических единицах. Это также пособие, в котором поднимаются некоторые — очень важные — вопросы теории современного и исторического словообразования, разбора слова по составу, этимологии, лексики и фразеологии, семантики и словоупотребления. Правда, они не освещаются здесь систематически (это задача специальных учебных пособий, следующих определенной программе). К теоретическим проблемам читатель подводится путем анализа отдельных языковых фактов.

Распределение рассказов по главам было во многом условным. Говоря об орфографии слова, приходится, как правило, подробно разбирать его морфемный состав или происхождение. Выдавая свидетельство о рождении того или иного фразеологического оборота, обычно нельзя обойти вопрос о его значении и употреблении и т. д. Ведь различные стороны слова и выражения всего лишь отдельные стороны этих языковых единиц как целостных организмов.

Было бы неправильным думать, что предлагаемые очерки во всем своем объеме являются лишь научно-популярным переложением уже известного. Это относится и к сообщаемым теоретическим положениям, и к толкованию языковых фактов.

Вы можете найти здесь и такие сведения, которые добыты автором в процессе работы над этой книгой (см. хотя бы этимологию слов и оборотов *смазливый, собаку стел, сырок, драчун, внимательный падеж, грудь, кувалда, конек, голевой, пионер, дуноход, за душой нет ничего* и т. д.).

Настоящее, 3-е издание книги во многом отличается от 2-го. Изменена отчасти структура книги, произведена соответственно перекомпоновка материала. Полностью исключен раздел „Читатель, писатель и слово“. Включены новые новеллы по анатомии слов и их происхождению.

Приношу глубокую признательность читателям и рецензентам за их помощь в работе. Их добрые слова о книге, многочисленные советы и пожелания, а также новые вопросы были очень нужными и своевременными при подготовке книги к переизданию.

Мне хорошо видно, что далеко не все в моем детище одинаково удачно и сейчас. Буду искренне благодарен за все критические замечания, советы и пожелания, а также за новые вопросы об интересующих вас словах.

А пока за мной — в мир слов. Нас ждут слова.

АНАТОМИЯ СЛОВ

ВНУТРИ СЛОВА

Внутри слова *внутри*

Наше „анатомическое“ путешествие внутрь слов мы можем начать с „разреза“, а затем и анализа предлога *внутри*, имеющего омонимичного двойника-наречия (ср. *находиться внутри комнаты* и *находиться внутри*).

Неказистое и ничем не примечательное как будто слово поставит перед нами не один вопрос и окажется в конце концов любопытным и интересным.

Начнем с самого элементарного и необходимого — с разбора предлога *внутри* по составу. Членится ли он на морфемы? Если членится, то на какие?

Сопоставление (а оно нам подсказывается родством и соседством данных слов) с предлогом *внутри* заставляет разделить слово *внутри* на *внутр'* и *и*. Поскольку смысловая разница между словами *внутрь* и *внутри* создается и получает свое материальное выражение в отсутствии и в первом предлоге и наличии его во втором, приходится признать, что *и* — значимая часть слова, морфема. А коль скоро эта морфема стоит за какой-то основной частью в неизменяемом слове (предлоги ведь не склоняются и не спрягаются), она может быть только суффиксом.

Внутрь — направление в пределы чего-либо или кого-либо, *внутри* — уже нахождение в этих пределах. Значит, суффикс *-и* указывает в данном случае (есть другие, ему омонимичные и чужие *и*, ср. *и в дружески, неси* и т. д.) на нахождение кого-либо чего-нибудь в определенном месте. *Внутри* и *внутрь* отличаются семантически друг от друга так же, как *в* с предложным (ранее местным) падежом от *в* с винительным: *внутри комнаты* — *внутри комнаты* = *в комнате* — *в комнате*. Семантическая изоморфность, какая-то особая близость *внутрь* и *в* с винительным падежом (о последнем см. заметку „О „вине“ винительного падежа“) сказалась в образовании просторечного редупликаanta *вовнутрь* того же значения (ср. *снять* „сфотографировать“ и *заснять* и т. п.). Это очень похоже на чистое удвоение *вов* (< *говъ*) „в“, встречающееся в диалектах нередко.

Однако, как говорят французы, используя для обозначения

чрезмерного отвлечения от основной темы разговора выражение из первого фарса об адвокате Пьере Патлене XV в., „вернемся к нашим баранам“ (revenons à nos moutons).

Внутри имеет сейчас немало родственников, но все это его потомки: *внутренний, внутренность, внутрикомнатный, внутреннее* и т. д. С точки зрения современного языкового сознания вряд ли целесообразно далее „резать на части“ слово *внутри* (особенно в школе), хотя лингвистическое чутье, вероятно, и извлекает из нашей памяти слово *нутро*. Слишком уж далеки в настоящее время по смыслу и в сфере употребления литературный предлог *внутри* и просторечное существительное *нутро* с узким значением „внутренности“ (ср. *все нутро болит, нутром чует* и т. д.).

Несмотря на известную связь, которую может установить наше языковое чутье между предлогом *внутри* и существительным *нутро*, родственные отношения их все в прошлом, да и там они не выступают непосредственными: между предлогом *внутри* и существительным *нутро* в качестве промежуточного звена стоит наречие *внутри*, прямым отпрыском которого и является одноименный предлог.

Чтобы закончить рассказ о современной морфемике предлога и наречия *внутри*, еще два слова о суффиксе *-и*. Он по своей функции „места“ не является уникальным. Стоит лишь вспомнить об антонимическом наречии *снаружи*, где четко и ясно выделяется по соотношению со словом *наружу* тот же самый суффикс *-и*, а также *сзади, впереди*.

Таким выглядит слово *внутри*, когда мы смотрим на него с колокольни современных словообразовательных связей и соотношений. Иным, но таким же забавным оно оказывается, если мы обратимся к его прошлому.

По своему происхождению предлог *внутри*, как уже говорилось, родился из наречия. (Такой переход из одной части речи в другую называется морфолого-синтаксическим способом словообразования.) Что до наречия *внутри*, то оно возникло путем слияния двух слов: предлога *вън* и существительного *утрь* в форме местного падежа *утри*. Слово *утрь* „внутренность“ как самостоятельная лексическая единица в древнерусском языке еще употреблялось. Сейчас и предлога *вън*, и существительного *утрь* как отдельных слов нет и в помине. Законным „наследником“ *вън* (а оно родственно нем. *in*, греч. *en*, лат. *in* и т. д.) является (после отпадения конечного *и*) предлог *в*, *во* в консонантном и вокализованном виде, ср. *с, со, к, ко* тоже из трехзвучных *сън, кън*. Старое *вън* содержится в виде этимологического кусочка также в словах *внушать* (ср. *ухо*), *внимание* (ср. *имать*).

Заметим попутно, что поскольку в бывшем *вън* начальное *в* не исконное (ср. приведенные выше соответствия из других языков), а протетическое (ср. подобное в *вобла* < *обла*, бук-

вально „круглая“, просторечное *вострый* < *острый* и т. п.), то в консонантном варианте предлога *в* исконного корня нет. Нечто подобное наблюдается и в глаголе *вынуть* (см. заметку „Есть ли в слове *вынуть* корень?“).

О бывшем существительном *утрь* (ранее всего писалось оно с юсом большим) можно рассказать интересного не меньше. По своему образованию оно подобно словам типа *синь, лень, глубь, рань, ширь* и т. д. и было создано с помощью суффикса *-ъ* < *-ъ* от исчезнувшего прилагательного *утрь* < **ontros* (суффикс *-ъ* еще в дописменную эпоху стал в результате переразложения окончанием, а затем последствие — после падения редуцированных — из мат., иально выраженного *-ъ* превратилось в нулевое). Общеславянское **ontros* того же корня и структуры, что и древнеинд. *ántaras* „внутренний“, лат. *interus* — т.ж., и „сделаны“ с помощью суффикса *-tr-* на основе того же слова, что и предлог *в*, но только с перегласовкой (*ъя — он*). Так что уже упоминавшееся просторечное *вовнутрь* тавтологично трижды: *во < въ < вън, он < вън, у < он*. Впрочем, в дублировании одних и тех же морфем в слове нет ничего из ряда вон выходящего. Несколько примеров наудачу (вековечный, *поверхностность, разойтись*) будет достаточно.

В заключение затянущейся заметки о слове *внутри* добавим, что его этимологическим родственником является неуклюжее слово *утроба*, сейчас обычно употребляющееся лишь в значении „живот“, но в недавнем прошлом известное и как обозначение внутренностей вообще. Образовано оно было от того же прилагательного *утрь* „внутренний“, что и вышеозначенное *утрь*, при содействии суффикса *-(о)ба*, точно по такому же образцу и подобно, как слова *злоба* (ср. *злой*), *хвороба* (ср. *хворый*), *худоба* (ср. *худой*) и др., в которых суффикс *-об(а)* выделяется до сих пор.

Осталось, чтобы внутри слова *внутри* все стало ясным, сказать два слова о мельком упомянутом уже существительном *нутро*: оно было „вынуто“ из наречия *внутри* по аналогии со словами типа *вдали, впереди* и оформлено на *-о* по образцу однокорневого общеславянского *ятро* „внутренности“, в диалектах еще отмечаемого (*ятро* < **ento* еще ближе к латинскому *interus* „внутренний“ и особенно к греческому *entera* „внутренности“).

Не правда ли, немало можно увидеть, если заглянуть внутри слова *внутри*?

Почему *-ся* не частица

Очень часто недоуменно спрашивают, почему *-ся* перестаёт называться частицей и получило звание суффикса. Такие вопросы вполне понятны и обоснованы в своем возникновении, поскольку преподаватели русского языка в школе (да и обучающиеся тоже) издавна привыкли считать *-ся* возвратной частицей.

Однако столь же понятным и обоснованным является определение **-ся** как суффикса в действующих учебниках. И вот почему.

В качестве определенной значимой единицы современного русского языка **-ся**, с одной стороны, не обладает теми свойствами, которые характерны для частиц, а с другой — имеет все признаки, присущие суффиксам. Разберемся в этом подробно.

Что представляют собой частицы, образующие известную часть речи? Это прежде всего слова, имеющие не только специфическое словное звучание и значение, но и полную словесную самостоятельность. В предложении они поэтому могут свободно передвигаться и располагаться после любого слова¹ ясно и четко осознаваясь как отдельная, самостоятельная, автономная лексическая единица. Вспомним хотя бы возможные варианты такого высказывания, какими являются предложения: *Я уже вчера это знал, Я вчера уже это знал, Я вчера это уже знал, Я вчера это знал уже и Он бы этого не сделал, Он этого бы не сделал, Он этого не сделал бы.*

Обратите, например, внимание на такие разные высказывания, которые возникают, когда начинают кочевать по предложению частицы только и не: *Только он тогда пожалел тебя, Он тогда пожалел только тебя, Он только тогда пожалел тебя; Не здесь твой плащ, Здесь не твой плащ.* И т. д.

Варьируя одно и то же, создавая совершенно новые смыслы или оттенки значения, частицы всегда живут своей собственной жизнью, отдельной от окружающих их слов.

Является ли **-ся**, подобно частицам, самостоятельным словом? Нет, не является. В отличие от действительных частиц типа *уже, только, бы, не, вот, еще, почти, лишь, разве, даже, неужели, же* и т. п., существующих как слова в предложении и, **-ся** в качестве определенного языкового факта наблюдается только в слове (либо в глаголе, либо в образованных от него причастии и деепричастии). А коли так, то **-ся** представляет собой лишь значимую часть слова, морфему, единицу внутрисловного проявления и семантики, неотделимую от соответствующих глаголов и их причастных и деепричастных образований.

В качестве покорневой служебной морфемы, находящейся после неизменяемой основы, **-ся** может быть только суффиксом, и ничем другим. Правда, **-ся** стоит в слове после окончания (ср. *носится, возвращающегося* и т. д.), однако никто не предписывал суффиксу быть обязательно перед окончанием. Он может быть и пофлексийным. Суффиксом (о чем говорит и этимология этого слова) мы называем служебную значимую часть слова, располагающуюся после корня, неважно, сразу же после корня или нет, до окончания или после. По своему пофлексийному характеру суффикс **-ся** не одинок. Такими же пофлексийными суффиксами являются, в частности, суффиксы **-то, -либо, -нибудь** (ср. *кого-то, кому-либо, кем-нибудь* и т. д.).

Заметим, что морфемность **-ся**, равно как и **-то, -либо, -нибудь**, обозначена (в отличие от частиц, которые пишутся раздельно) и орфографически: **-ся** пишется слитно, а **-то, -либо, -нибудь** — через дефис, подобно префиксально-суффиксальному блоку **по-и** в словах типа *по-братски*.

Выше говорилось, что в качестве служебной морфемы, стоящей после корня, **-ся** может быть охарактеризовано лишь как суффикс. Такая квалификация **-ся** определяется, естественно, не одним только его покорневым местоположением: ведь после корня располагаются и окончания. **-ся** не является окончанием, в силу того что оно не имеет флексийной семантики. Известно, что окончания указывают на связь слова с другими словами в предложении, суффиксу же **-ся** такие функции не свойственны: он имеет различные, но всегда несинтаксические значения: значение взаимности (*они целуются*), страдательности (*дом строится*), интенсивности действия (*стучатся*), подчеркнутой непереходности (*хвастаться*) и т. д.

Таким образом, морфема **-ся** называется суффиксом потому, что она, находясь за корнем, не обладает семантическими признаками окончания и, напротив, имеет такие значения, которые целиком укладываются в смысловые рамки, характерные для суффикса. Суффиксом морфему **-ся** называют в науке о русском языке уже давно. В частности, так именовал **-ся** академик В. В. Виноградов в своей работе «Современный русский язык» еще в 1938 г., правда (имея в виду пофлексийный характер **-ся**), с уточняющим определением «агглютинативный». «Грамматика современного русского литературного языка» под ред. Н. Ю. Шведовой (М., 1970) называет **-ся** постфиксом, однако постфиксами могут быть и суффиксы, и окончания.

Суффикс **-ся** не всегда выступал, как это наблюдается сейчас, пофлексным суффиксом. Было время, когда **-ся** действительно представляло собой частицу. Однако в качестве отдельного, хотя и служебного, слово **-ся** существовало лишь в древнерусском языке. Затем оно слилось с предшествующим глаголом, причастием и деепричастием и превратилось в суффиксальную морфему, стоящую после окончания. Вот один пример употребления частицы **ся** в древнерусском языке. В «Слове Даниила Заточника» (XII в.) мы встречаем такое предложение: *Очию бо плачют со мною, а сердцемъ опосле смеют ми ся!* «Глазами плачут со мной, а сердцем после смеются надо мной». Здесь совершенно самостоятельная и независимая, употребляющаяся отдельно частица **ся** находится там, где сейчас глагол без **-ся** (*смеются*) даже невозможно представить, так как без **-ся** он вообще не существует.

¹ Здесь и далее примеры из памятников древнерусского языка даются в упрощенной орфографии (без сохранения юсов, йотированных гласных и др.).

В заключение отметим, что этимологически *-ся* представляет собой энклитическую (краткую) форму возвратного местоимения *себя*, т. е. в конце концов восходит даже не к служебному, а к полнозначному слову.

Об окончаниях и суффиксах в словах *вечером и дома*

Необходимо всегда разграничивать морфемный, словообразовательный и этимологический анализ слова. Цель морфемного анализа — установить состав значимых частей слов на том или ином этапе развития языка. При этом учитываются те связи и соотношения между словами, которые в это время имеются, а также те грамматические свойства, которыми в данный момент разбираемое слово обладает. Рядом с наречиями *вечером* „в вечернее время“ и *дома* „у себя дома“ сейчас употребляются родственные слова, в которых корни *вечер-* и *дом-* имеют те же значения, что и в наших наречиях. Следовательно, слова *вечером* и *дома* членимы и, кроме непроезжих основ *вечер-* и *дом-*, содержат морфемы *-ом* и *-а*. Наречия как неизменяемая часть речи представляют собой чистую основу и окончания не имеют. Значит, *-ом* и *-а* — суффиксы. Что касается существительных *вечером* и *дома*, то они будут делиться уже иначе: на непроезжую основу *вечер-*, *дом-* и окончания *-ом* и *-а*. С точки зрения современного русского языка наречия *вечером* и *дома* — это устанавливает уже словообразовательный анализ — воспринимаются как суффиксальные производные.

Однако современная структура слова далеко не всегда совпадает с исходной, характерной для него в момент возникновения в языке. Поэтому словообразовательный анализ очень часто не дает нам ответа, как в действительности слово было образовано. Да это и не его задача. Устанавливать реальное происхождение слова — дело этимологии. Этимологический анализ приводит к выводу, что наречия *вечером* и *дома* по происхождению представляют собой окаменевшие падежные формы. Но это заключение относится лишь к тому, как появились те слова, которые сейчас существуют, но отнюдь не касается того, какой у них морфемный состав в настоящее время. Следовательно, нет никакого противоречия в утверждении, что слова *вечером* и *дома* делятся на корни *вечер-*, *дом-* и суффиксы *-ом*, *-а*, но образовались путем превращения в наречия падежных форм существительных: оно касается разных фактов языка — современного морфемного состава слова, с одной стороны, и их реального происхождения — с другой.

Слово *вешалка* делится сейчас на морфемы *веш-*, *-а-*, *-лк-* и осознается как производное с помощью суффикса *-(л)к-* от глагола *вешать*, хотя образовано посредством суффикса *-(к)а* от *вешало* „вешалка“.

Слово *большеви́стский* делится в настоящее время на *больше-* *ист-* *ск-* и прямо и непосредственно соотносится со словом *больше* *шк*, хотя в действительности было образовано от слова *большеви́ст* с помощью суффикса *-ск-*.

Таких примеров очень много. И они заставляют особенно строго дифференцировать настоящее и прошлое языка, отличать морфемный и словообразовательный анализ от этимологического.

Где корень в слове *солнце*?

На этот вопрос можно ответить (и это будет одинаково правильно!) по-разному. Все дело в том, о каком корне пойдет речь.

Если в слове *солнце* надо выделить корень, т. е. непроезжую основу, которая имеется в нем с точки зрения современного русского языка, то это будет *солн-*. Та же непроезжая основа связанного характера содержится в словах *солнышко*, *подсолнечник*. Все эти существительные соответственно имеют суффиксы *-ик-* (ср. *седице*, *донце*, *салюце*), *-ышк-* (ср. *перышко*, *зернышко*, *горлышко*) и *-ух-* (ср. *кожиха*).

В диалектах тот же корень содержит слова *посолонь* „по солнцу“, *солнопек* „солнцепек“, *усолонь* „тень“ и др. А в стихах С. Есенина мы наблюдаем эту непроезжую основу и в свободном виде (*солны и стмы*).

Придется ответить на вопрос заголовка совсем по-другому, если в слове *солнце* надо выделить корень с этимологической точки зрения, т. е. такую часть, которая далее не членилась даже при привлечении сравнительно-исторических данных.

В таком случае в качестве корня в нашем слове необходимо будет выделить *сол-* (<*съл-*, ср. древнерусск. *сълъно*). Этот корень вычленился в нем по сопоставлению с родственными словами в других индоевропейских языках: древнегреческ. *saule*, лат. *sol*, древнеисланд. *sól*, греч. *hélios*, нем. *Sonne* — в значении „солнце“, греч. *selēnē* „луна“ и др.; следующая после *сол-* морфема *-н-* в этимологическом плане будет суффиксом.

Этимологический анализ обнаруживает в слове *солнце* тот же корень, что и, например, в словах *гелий* (от греч. *hélios*) и *соларий* „площадка для приема солнечных ванн“ (от лат. *solarium* „терраса“, производного от *solaris* „солнечный“). Более того, в известной степени слову *солнце* окажутся родственными названия гелиотропа и зонтика. В слове *гелиотроп* слову *солнце* „родной“ является часть *гелио-* (см. выше), часть *-троп* (ср. *потопический троп*) передает греческое *tropos* „поворот“. Цветок назван так за те же свойства, что и подсолнечник. У слова *зонтик* нашему существительному „родственнику“ приходится часть *зон-*: в голландском языке, откуда нам было взято это название, *zondek* является сложением слов *zon* „солнце“ и *dek* „покрышка“. До заимствования этого слова в нашем языке

для названия зонтика от солнца использовалось слово *солнечник*. Ср. в "Путешествии" И. Петлина 1618 г.: *А над воеводами несут солнешники великие*.

Может ли *ком* быть суффиксом?

Для многих из вас этот вопрос, вероятно, выглядит так, словно он специально придуман для книжки по занимательной грамматике или языковой викторины на уроках русского языка в школе. Между тем этот вопрос самый что ни на есть серьезный: он касается важных сторон разбора слова по составу. Конечно, звуковой комплекс *ком* заставляет вспомнить прежде всего о существительном *ком*, но отнюдь не о суффиксе *-ком*. Да, *-ком* может быть суффиксом, и в качестве значимой части слова он выделяется в небольшой, но приметной словесной семье. Если обратить внимание на то, как только что графически был обозначен этот суффикс, то можно определить, к какой части речи относятся имеющие его слова. Ведь дефиса с правой стороны не было. Значит, за суффиксом нет окончания, и слово с суффиксом *-ком* всегда выступает как чистая основа. А чистую основу, как известно, имеют лишь неизменяемые части речи, среди которых на первом месте стоит наречие. Именно среди этой разношерстной по морфемному составу части речи и находятся слова с нашим чудным суффиксом, не отмеченным пока ни одной грамматикой русского языка.

Для начала обратимся к слову *пешком*. Как оно членится на морфемы? Ввиду того что это наречие прямо и непосредственно связано со словами *пеший*, *пешеход*, *пехота*, его можно и должно разделить лишь на корень *пеш-* и суффикс *-ком*. Делить слово *пешком* на *пеш-к-ом* (это иногда делается) нельзя потому, что в современном русском языке нет уже слова *пешько* "пешеход", а со словом *пешка* "шахматная фигура", "ничтожество" наше наречие давно порвало всякие родственные узы.

Вот вам первое слово с суффиксом *-ком*. Первое, но не последнее. Эту же морфему содержат в себе и наречия *ползком* (ср. *ползати*), *тайком* (ср. *тайно*, *утайти*), *силком* (ср. *силой*; об этом слове см. заметку "Чему родственно слово *силком*?", *гуськом* (ср. *гуси*), *битком* (ср. *набитый*), *торчком* (ср. *торчать*), *ничком* (ср. *нищ* (падать), *поникнуть* и пр.) и т. д. Так что суффикс *-ком* не составляет собственность отдельных и изолированных слов (как, скажем, суффиксы *-алей* и *-овизн(а)*, известные лишь в словах *дуралей* и *дороговизна*), а образует определенную, хотя и непродуктивную словообразовательную модель.

Может возникнуть новый и естественный вопрос: а каково происхождение этой морфемы? Языковые факты говорят, что суффикс *-ком* разрастался "как снежный ком" в связи с изменениями в структуре слова.

Вот как это было.

В праславянском языке на раннем этапе его развития оконча-

ние твор. пад. ед. числа у существительных с основой на *о* (> *ъ*) было *-тъ*. В результате слияния тематического суффикса основы *ъ* (< *о*) с *-тъ* родилось окончание *-ъмь*, которое затем — уже в древнерусскую эпоху — превратилось (после падения редуцированных и отвердения конечного *м*) в *-ом*. При превращении существительных в наречия окончание *-ом* становилось суффиксом (ср. **mĭg-ъ-тъ* > *mĭg-ом* (сущ.) > *mĭg-ом* (нареч.)). Такой суффикс в свое время возник и у наречия *пешком*, когда оно появилось на свет от существительного *пешько* "пешеход" в форме творительного падежа (*пешькѣмъ* > *пешком*).

Подобный суффикс видим мы и сейчас в наречиях типа *броском* (ср. *бросок*) и *волчком* (ср. *волчок*). В слове *пешком* он не сохранился, поскольку исчезло "промежуточное звено" словообразовательной цепочки — исходное существительное (*пешько* в значении "пешеход"). В результате в наречии *пешком* произошло переразложение основы: она стала делиться не на *пеш-к-ом*, а на *пеш-ком*. Так родился суффиксальный *-ком*: *-мь* → *-ом* (из *ъ* < *о* + *мь*) → *-ком* (из *к* < *ък*, *ък* + *ом*). Заметим, что далеко не во всех словах этот суффикс именно такого происхождения. В некоторых словах он выступает как *-ком* с самого момента их рождения. Это там, где наречие было сделано с его помощью, по аналогии со словами типа *пешком* (например, в наречиях *стойком*, *торчком* и т. п.).

Чему родственно слово *силком*?

На первый взгляд, ответ на этот вопрос лежит, так сказать, на поверхности и определяется значением и смысловыми связями этого слова.

Его значение — "насилно, силой". Соотносительное ему корневое слово — существительное *сила*. Ср.: *...Их обзороужили силой* (Шолохов); *...Меня и замуж силком выдали* (Арбузов).

Однако современная родственность этого слова существительному *сила* не является исконной. И об этом в достаточной мере ясно говорит уже его "ненормальная" структура: суффикс *-ком* при основе существительного женского рода (*сила*). Ср.: *силой*, *зимой*, *порой* и т. д.

Рассмотрение слова *силком* в ряду других, имеющих то же конечное звуко сочетание (*бочком*, *щипком*, *броском* и др.), показывает его действительное происхождение. Это существительное образовалось на базе творительного падежа слова *силко* "петля для ловли птиц и мелких животных" (вначале лишь в выражениях *поймать силком*, *тащить силком*). Омонимичность корневого *сил-* в *силко* непривозводной основе в *сила* и смежность значений "поймать, тащить силком" и "поймать, тащить силой" привели к смешению этих слов. В результате слово *силком* оторвалось от своего "родителя" (от слова *силко*) и стало осознаваться как производное от существительного *сила*.

Странность прилагательного *молчаливый*

А что, собственно говоря, странного в этом слове? Прилагательное как прилагательное, обозначает склонного к молчанию, соотносится с глаголом *молчать*. Однако есть все же в этом слове „особинка“.

Она заключена в том, что суффикс *-лив-* присоединяется в нем к инфинитивной основе, включая классовый показатель глагола *-а-*, *молч-а-лив(ый)*, тогда как по правилу он следует за образующей основой глагола без классового показателя (ср. *болтливый*, а не „болталливый“, *ворчливый*, а не „ворчалливый“, *пугливый*, а не „пугалививый“, *хвастливый*, а не „хвасталививый“ и т. д.).

Такое словообразовательное своеобразие этого прилагательного объясняется тем, что оно только кажется нам образованным с помощью суффикса *-лив-*, а на самом деле возникло как производное посредством суффикса *-ив-* (подобно словам *спесивый*, *ленивый*, *живый*, *лытый*, *красивый* и др.) от существительного *молчаль* „молчание“, сейчас утраченного (ср. в древнерусском языке: *Отъ мѣлчали роди слово*).

Как членится на морфемы и как образовано прилагательное *сердитый*?

Эти разные вопросы в одинаковой степени интересны, хотя и не очень сложны. С точки зрения современного русского языка морфемный состав слова *сердитый* представляется простым и прозрачным, правда не без некоторых — довольно любопытных — деталей. Поскольку оно имеет значение „такой, который сердится“ и прямо и непосредственно соотносится с глаголами *сердиться* и *сердить*, оно делится на производную основу *серд-*, суффикс *-и-* (ср. *сердиться* — *сержусь*), суффикс *-т-*, окончание *-ый* и воспринимается нами сейчас как производное от глагола *сердиться* (или *сердить*, если его объяснять как слово, имеющее значение „такой, который рассержен“).

Глагольный суффикс *-и-* (ср. *хвалить*, *грузить*, *гневить* и т. д.) и окончание *-ый* являются частыми и обычными и замечаний как будто не вызывают. Некоторых, возможно, смутит в этом слове производная основа *серд-*, ее связанный характер (она известна только в соединении с каким-либо суффиксом). Однако связанные производные основы в нашем языке — не редкость: *птица* — *птаха*, *прибавить* — *убавить*, *крепкий* — *крепость* и т. д. Важно помнить, что *серд-* в словах *сердитый*, *сердить* и *сердиться* — это то же самое, что *серд-* в слове *сердце* в значении „гнев, злоба“. Как, между прочим, и в паре *сердце* — *предсердие* (с суффиксами *-и-* и *-иѣ-*). Подробнее см. в заметке „Два сердца в одном сердце“.

Особое наше внимание должен привлечь в слове *сердитый*

суффикс *-т-*. Как это ни странно, привычный и непримечательный суффикс *-т-* (хорошо известный уже ученику VI класса) должен быть у нас на примете прежде всего. Ведь это суффикс страдательных причастий прошедшего времени. Получается, что в составе прилагательного мы выделили суффикс, свойственный причастию. А для этого надо иметь основания. Не сомневайтесь, некоторые из нас сочтут, что такие основания есть. Почему бы не считать прилагательное *сердитый* бывшим страдательным причастием от глагола *сердить*, подобным словам *надутый*, *развернутый*, *тронутый*, *тертый*, *забитый* и т. д.? Тогда все как будто встает на свои места: *-т-* в *сердитый* — вполне законный суффикс „страдательности“. Однако верно ли такое решение? Следует отметить, что оно относится уже не только к определению характера суффикса *-т-* в нашем прилагательном, но и к установлению способа его образования (из причастия!).

Оказывается, такое решение неверно. И вот почему. В страдательных причастиях суффикс *-т-* присоединяется или прямо к корню (*надутый*, *тертый*, *забитый* и пр.), или к суффиксальному *-и-* (*тронутый*, *развернутый*, *подтянутый* и др.). Ни от каких иных по структуре глаголов страдательные причастия на *-тый* не образуются и не образовывались. Значит, суффикс *-т-* в слове *сердитый* хотя и равнозначен сейчас суффиксу *-т-* в прилагательных типа *надутый*, *развернутый* и т. д., но по происхождению иной. Он появился здесь в результате распада на две морфемы *-и-* и *-т-* единого суффикса *-ит-* после того, как (еще в дописменную эпоху) наше слово *сердитый* стало непосредственно соотноситься с глаголами *сердиться* и *сердить*, а не с тем словом, от которого было образовано.

А произошло это потому, что производящее существительное было утрачено.

От какого же слова было образовано прилагательное *сердитый*? Как и глагол *сердить* (слово *сердиться* является его возвратной формой), слово *сердитый* было создано на основе существительного *сърдь* „гнев, злоба“ < „сердце“, но с помощью суффикса *-ит-* (ср. подобные по исходной структуре слова *маститый*, *нарочитый*, *знаменитый* и т. д.).

Существительное *сърдь* „сердце“, вытесненное из употребления своей уменьшительно-ласкательной формой *сердце* (ср. *свань* и *солнце*, *коло* и *колоццо* и т. д.), является общиндоевропейским: ср. латышск. *sirds*, армянск. *sirt*, греч. *kardia*, хеттск. *kard*, нем. *Herz* и т. д.

Анализ слова *сердитый* с точки зрения происхождения заставляет нас вернуться и к выделенному в нем суффиксу *-и-*. Как и *-т-*, он тоже здесь необычен и своеобразен. Ведь это, как видим, испытавший чудесное превращение кусочек первоначального прилагательного суффикса *-ит-*, ставший в нашем слове глагольным суффиксом *-и-*.

Какой суффикс участвует в образовании глагола *участвовать*?

Слово *участвовать* членится на морфемы четко, при чем определение его морфемного состава в общем никаких особых трудностей не составляет. Необходимо только помнить основные правила словообразовательного разбора слова: 1) слово, морфемный состав которого устанавливается, должно рассматриваться на фоне родственных и одноструктурных слов, с учетом всех свойственных для него грамматических форм; 2) членение основы на значимые части следует начинать (после выделения окончания) не с вычленения корня, а в порядке, обратном тому, который характерен для словообразовательного процесса, результатом которого было данное слово, т. е. „добираясь до корня“ постепенно, снимая слой за слоем морфемы ближайших родственников, с учетом связей и соотношений, существующих между производной и производящей основами; 3) выделяя морфемы, нельзя забывать, что ими являются только значимые части слова; 4) при разборе слова по составу необходимо помнить, что морфемы в слове могут располагаться по-разному (как одна за другой, так и апплицировано, накладываясь — частично или полностью — одна на другую).

В глаголе *участвовать* по соотношению со спрягаемыми формами выделяются инфинитивное *-ть* и тематический суффикс глагола *-а-* (ср. *участвова́л, участво́ую*).

Соотношение, устанавливаемое затем между производной основой *участвоо-* и соответствующим производящим словом *участие*, заставляет на первый взгляд выделить суффикс *-оо-* (и соответственно *-и-* в *участие*). Однако суффикса *-оо-* в русском языке нет, и в глаголе *участвовать* выделяется в действительности другой суффикс. О том, что это так, свидетельствуют одноструктурные ему слова на *-ствоовать*, выделяющие суффикс *-ствоо-* (чередующийся с формой *-ству-*, ср. *ковать* — *кую*, *совать* — *сую* и т. д., где чередование *ов* — *у* наблюдается в корне). Достаточно сравнить наш глагол со словами типа *злостововать, усердствовать* и т. д. (ср. существительные *злоба, усердие* и пр.). Только этот суффикс не располагается в глаголе *участвовать* за основой (*участ-*), как это наблюдается в словах *злостововать, усердствовать* (*злоб-ствооо-а-ть, усерд-ствооо-а-ть*), а частично накладывается на нее, апплицируется. Такое же частичное наложение суффикса *-ствоо-* на предшествующую основу наблюдается и в словах *властвовать, цествовать, повествовать* (ср. также *фашиствующий*). Заметим, что в похожих глаголах на *-ствоовать* типа *господствовать, блаженствовать, упорствовать* и др. по соотношению с существительными на *-ствоо* (*господство, блаженство, упорство* и т. д.) выделяется уже суффикс *-оо-*.

После выделения суффикса *-ствоо-* можно поставить уже вопрос о характере основы *участ-*. Эта основа является производной, поскольку глагол *участвовать* тесно связан и соотносится

лен по своему значению не только со словом *участие*, но и со словом *часть* (одним из его значений является значение „иметь долю, пай, часть в каком-либо деле или предприятии“): в ней выделяется приставка *-у-* и производная основа *-част-*. Таким образом, морфемный состав слова *участвовать* будет таким: (*у-часть*)-*ствоо-а-ть*, с частичным наложением суффикса на основу.

Форма *участвую* будет члениться таким образом: (*у-часть*)-*ству-й-у*, где *-ству-* — форма морфемы *-ствоо-*, *-й-* — суффикс основы настоящего времени (ср. *сделать* — *сделаю*), *-у* — окончание 1-го лица ед. числа.

Какая приставка в слове *встать*?

При разборе слов по составу следует иметь в виду существование омонимов, имеющих иногда не только различное значение, но и разную структуру. Это относится и к слову *встать*.

Глагол *встать* „помещаться“ — *В этот угол столу не встать* — членится на приставку *в-*, корень *-ста-* и инфинитивное *-ть* (ср. *однотипные внести в комнату, влететь в окно, обжать в сад* и т. д.).

Глагол *встать* „подняться“ — *Вошла учительница, и ученики встали* — распадается уже на приставку *вс-*, корень *-ста-* и инфинитивное *-ть* (ср. *аналогичные взлететь, всплыть, взойти* и др.).

В последнем случае соседние морфемы (*вс-ста*) частично накладываются друг на друга. (См. об этом явлении в заметке „Какой суффикс участвует в образовании глагола *участвовать*?“.)

Про числительное *девятьсто*

С точки зрения современного языкового сознания слово *девятьсто* выступает как простое числительное, распадаясь лишь на производную основу *девьяност-* и окончание *-о* (ср.: *девьяност, девьяностный*). Его современное значение не воспринимается в качестве соотносительного с числительными *девять* и *сто*, и само *девьяност* функционирует в русском языке в виде совершенно условного названия.

Таким образом, сейчас это слово ничем по своей структуре не отличается от *полтора, миллион* и т. п.

Однако по своему происхождению оно является сложным, содержащим этимологически в своем составе несомненно два корня, хотя единого мнения о его возникновении в лингвистике пока нет. Некоторые считают, что его возникновение *девьяност* является восточнославянским и появилось в древнерусском языке на смену более старому *девятьдесят*, известному — с соответствующими фонетическими изменениями — другим славянским языкам и сейчас.

В таком случае оно обычно объясняется как переформирование несохранявшегося *девять до ста* (с распадением согласных *д-д > д-н* и вовлечением в парадигму (т. е. систему соотносительных друг с другом грамматических форм), свойственную слову *сто*); так, в частности, оно этимологизируется в „Кратком этимологическом словаре русского языка“ Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской (изд. 3-е, испр. и доп. М., 1975) и „Исторической грамматике русского языка“ П. С. Кузнецова. Такое объяснение, однако, является маловероятным. Скорее всего, числительное *девять* представляет собой позднейшее видоизменение праславянского **devenъsъ* (< **nevenъsъ*), родственного лат. *nonaginta* „девяносто“, греч. *enēkōnta* — тж. и др. (см.: Этимологический словарь русского языка, вып. 5. М., 1973, с. 39).

Праславянское **nevenъsъ* в результате диссимилиации *н-н > д-н* и под влиянием числительного *десять* (< **desenty*) является сложением *neven* „девять“ (еще без суффикса *t*, ср. нем. *neun*) и *sъ* „сто“. Заметим, что в числительном *девять* этимологически тот же суффикс *t* (**deventy* > *девять*), что и в словах *четверть, десять* и т. п.

Согласно этой точке зрения числительное *девять* древнее формы *девятыдесят* и выжило в конкуренции с последним, не дав ему укрепиться, потому что обозначало (в отличие от *пятьдесят* и пр.) „узловое“ число, по которому вели ранние счет, наравне с десятками и сотнями (ср. в древнерусских памятниках: *Домонъ со псковичи съ тремя девятости плени землю литовскую...; Две же девятости мужъ отпrowди съ полоумъ...; Два девятости то мерних верстъ проехаль Иванушка... и т. д.*).

О словах

космос, космонавт и космический

В названных словах при разборе по составу следует выделять, кроме окончаний (в первых двух существительных в именительном падеже оно нулевое), корень *косм-* и суффиксы *-ос*, *-онавт* и *-ическ-*. Корень *косм-* представляет собой непронизводную основу связанного характера. В чистом виде она в соединении с окончанием не встречается и употребляется всегда с тем или иным суффиксом. В этом отношении наш корень подобен непронизводным основам типа *кош-* (ср.: *кошка, кошачий*), *пт-* (ср.: *птица, птенец, птаха*), *боч-* (ср.: *бочка, бочончок*), *скрип-* (ср.: *скрипка, скрипач*), *сад-* (ср.: *садище, садизм*) и т. д.

Суффикс *-ос*, возникший в русском языке на базе греческого окончания, является нерегулярным суффиксом абстрактного значения и выделяется, кроме слова *космос*, лишь в существительном *эпос* (ср.: *эпический*); в других словах он имеет иное значение (ср.: *термос, альбинос* и пр., в которых суффикс *-ос* выделяется по соотношению с *термометр, альбицизм* и т. д.).

Нерегулярным, выделяющимся в отдельных изолированных словах является и суффикс лица *-онавт*, возникший в русском языке в результате процесса переразложения, на основе греческих соединительного гласного *о* и основы *-навт* (< греч. *nautēs* „мореплаватель, моряк“, от *паус* „корабль, судно“). Он встречается сейчас в словах *астронавт, аэронавт, стратонавт, аргонавт* (в его прямом номинативном значении — „легендарные греческие герои, отправившиеся под водительством Язона на корабле „Арго“ в Колхиду за золотым руном“); ср. также шуточное *лаваонавт* в телевизионной передаче о традиционном празднике физиков МГУ — дне Архимеда.

Суффикс *-ическ-* является регулярным, образующим четкую и определенную словообразовательную модель (ср.: *утопический, феерический, сферический, фактический, хаотический* и т. д.).

По своему происхождению в русском языке слова *космос* и *космический* являются заимствованными: первое из греческого (< греч. *kosmos* „мир, вселенная“, *kosmos* „порядок, красота“), второе — из французского (< франц. *cosmique* „космический“) языков. Что касается существительного *космонавт*, то оно возникло в русском языке и укрепилось в нем вскоре после запуска первого спутника Земли в 1957 г.¹

Можно ли считать корнем *кус* в слове *искусство*?

С этимологической точки зрения предлагаемое членение существительного *искусство* на *ис-кус-ств-о* правильно. Однако сейчас оно члится иначе, причем по-разному, в зависимости от различной семантики, которую это слово может иметь в конкретном употреблении. *Искусство* в значении „творческое отражение действительности в художественных образах“ является сейчас словом с непронизводной основой и делится лишь на непронизводную основу *искусства-* и окончание *-о*. *Искусство* в значении „умение, мастерство“ соотносится с прилагательным *искусный*, „опытный, умелый, обладающий большим мастерством; мастерский, сделанный с большим умением“ и члится на непронизводную основу *искус-*, суффикс *-ств-* и окончание *-о*.

По своему происхождению слово *искусство*, впервые отмечаемое в словарях с 1704 г., представляет собой суффиксальное образование от существительного *искус* „опыт, умение, мастерство“, заимствованного из старославянского языка.

В последнем слове *искусъ* „опыт, испытание“ — безаффиксное производное от *искусити* „испытывать“, префиксального образования от *кусити* „испытывать“, заимствованного, как полагают, из готского языка (ср. готск. *kausjan* „испытывать, пробовать“).

¹ См. подробно об этом в книге: Шанский Н. М. Слова, рожденные Октябрьем. М., 1980, с. 85.

Что является корнем в существительном *счет*: *чет* или *смет*?

Ответ на этот вопрос зависит от того, о каком корне, т. е. непронизводной основе, идет речь: о том ли, который осознается и выделяется нами в этих словах сейчас, или же о том, который в них некогда был.

С точки зрения связей и соотношений, существующих между словами в современном русском литературном языке, во всех этих словах непронизводной основой, т. е. корнем, является *смет-*, *счит-*. Только такое членение, отражающее реальные факты современной речи, мы можем и должны требовать от учеников младшего и среднего школьного возраста. Таким образом, приставка (именно приставка) *рас-* выделяется в настоящее время только в словах *расчет* и *рассчитать*; заметим, что в существительном *расчет* с одновременно относится как к приставке *рас-*, так и к корню *смет-*, ср.: *и в приду, и в пнуть* и т. п.

Выделять в названных словах корень *-чет* можно лишь с этимологической точки зрения, говорить о нем как о живой морфеме можно лишь по отношению к русскому литературному языку до XIX в.

Правда, в отдельных диалектах еще существует глагол *честь* „считать“, „полагать“ (ср. поговорку: *чел, чел и спутался сметом; чти долг за мной; чтенные деньги* „считанные деньги“ и т. д.), однако выделять на этом основании в слове *счет* и пр. корень *-чет* и приставку *с-* совершенно неверно: это значило бы неправомерно переносить словообразовательные связи, существующие лишь в отдельных диалектах, на словообразовательную систему современного русского литературного языка.

Откуда в словах *окаянный*, *постоянный* и *отчаянный* два *и*

Прилагательное *окаянный* пишется с двумя *и* потому, что оно по своему происхождению является страдательным причастием прошедшего времени от глагола *окаяти* „проклять, осудить“, префиксального производного к глаголу *каяти* „поричать, наказывать“ (с тем же корнем, что *казнь* и *цена*). В русском языке это слово заимствовано из старославянского.

Как известно, в полных страдательных причастиях два *и* в суффиксе представляют собой продукт влияния прилагательных типа *повеленный* — от *повелеи*, *осужденный* — от *осуждеи* и т. д. (Булаховский и Л. А. Курс русского литературного языка. Киев, 1953, т. 2, с. 218).

Именно такими производными, образованными с помощью суффикса *-и-* (> *и*) от отлагательных существительных на *-иье*, являются и два других слова: *постоянный* и *отчаянный* (из *постои-иный* и *отчаи-иный*). В этих прилагательных первое *и* принадлежит образующей основе, а второе — суффиксу.

Слово *постоянный* образовано от существительного *постоянье* „продолжение, непрерывность“, возникшего в свою очередь на базе глагола *постояти* „продолжаться, не прекращаться“, а слово *отчаянный* — от *отчаянье* „отчаяние, отчага“, производного от глагола *отчаяти* „приходить в отчаяние, терять надежду“.

Заметим, что в прилагательном *постоянный* по соотношению с существительным *постоянье* в настоящее время выделяется суффикс *-и-*. Непронизводной основой сейчас в этом слове является уже *постоян-*, так как генетические связи его с глаголом *стоять* потеряны.

В прилагательном *отчаянный* (ср.: *отчаянное положение*), соответственно в настоящее время непосредственно с глаголом *отчаяться*, выделяется суффикс *-и-*.

Почему в глаголе *расспросить* два *с*

Слово *расспросить* образовано с помощью приставки *рас-* от *спросить*, а не непосредственно от *спросить*. Этим и объясняется наличие в нем двух *с*.

Глагол *расспросить* в настоящее время вообще несоотносительен с глаголом *спросить*: они разошлись по значению и как родственные уже не осознаются. В древнерусском языке эти глаголы были связаны друг с другом тесными генетическими узами (ср.: *Аще самъ недоумевашеши, проси оумоужаго, не стыдися*, т. е. „если сам не понимаешь, спроси умеющего, не стыдись“).

Тем не менее в качестве непронизводной основы в глаголе *расспросить* выделяется *прос-*: *рас-(с-прос-и-ть)*. Позволяет выделить от *прос-* приставку *с-* наличие рядом с глаголом *спросить* соотносительных ему слов *вопрос*, *вопросить*, *вопросить*, содержащих префикс *во-*.

Непронизводная основа *прос-* в словах *спросить*, *вопрос* и т. п. является связанной и употребляется лишь в сочетании с приставками *с-* или *во-*.

Выделяемая в слове *спросить* непронизводная основа *прос-* является свободной, а в соединении с окончанием образует целое слово (ср.: *прошу*, *просит* и пр.).

Немного о приставке *пра-*

Приставка *пра-* в современном русском литературном языке принадлежит к числу непродуктивных.

Реальность этой морфемы как значимой части, ощущаемая при сопоставлении таких слов, как *прадед* — *дед*, *праязык* — *язык*, *прародитель* — *родитель*, *правнук* — *внук* и пр., сосуществует с ее непродуктивностью как словообразовательного аффикса: в XX в. с ее помощью не образовано ни одного слова.

По своему значению приставка *пра-* может быть разной: в одних словах она имеет значение предшествования или следова-

ния во времени (*прадед, прабабушка; правнук, правнучка*), в других — значение древности или изначальности (*призвание, празык, праотцы, прародина, праславяне, прародитель*), в третьих — это, правда, наблюдается лишь в диалектном употреблении, но было свойственно и древнерусскому языку — она обладает значением высшей степени качества (= очень, ср. диал. *прастарый, прзелень, древнерусск. прапруда* „ливень“ и т. д.).

Самыми новыми словами с *пра-* являются лингвистические термины, появившиеся в русском языке в результате калькирования нем. *Ursprache, Urform, Urheimat* (праязык, праформа, прародина) во второй половине XIX в.

По своему происхождению приставка *пра-* является очень древней и родственна лат. *prō* „перед“, древневерхнемецк. *frō* „рано“, древнеинд. *prā* „перед“ и т. д.

Я в слове приятный

Слово *приятный* (< *приятный*) представляет собой в русском языке заимствование из старославянского, в котором оно является производным с помощью суффикса *-ым* от *приятый* „достойный принятия, позволительный, угодный“ (ср.: *скрытый* — от *скрытый*, *понятный* — от *понятый*), в свою очередь образованного от глагола *прият* „принять“. Последний — префиксальное образование (посредством приставки *при-*) от *яти* „брать, взять“.

Таким образом, корнем, если рассматривать прилагательное *приятный* в этимологическом плане, в этом слове будет *-я-*, тот же, что в словах *изъять, занять, отнять, обнять* и пр. Однако ныне это слово следует рассматривать как непроизводное, основа которого сейчас на морфеме уже не делится, так как между словами *приятный* и *принять* прямых смысловых и словообразовательных связей в настоящее время нет: значение прилагательного *приятный* так же не вытекает из значения глагола *принять* (принять вообще является архаизмом), как, например, значение прилагательного *замечательный* — из значения глагола *замечать*. Сдвиги в семантике этих прилагательных повели к тому, что они пережили процесс опрожнения и из слов с производной основой превратились в корневые слова.

Расчеты и подсчеты

Разное количество *с* в словах *рассчитать* — *расчет* при одинаковом в родственных и однокорневых им *подсчитать* — *подсчет* объясняется различным графическим обозначением стяжения согласных *с* на стыке приставки и корня. В паре *подсчитать* — *подсчет* начальному *с* непроизводной основы предшествует *т* (< *д*) приставки. Что же касается слов *рассчитать* — *расчет*, то здесь звук *с* приставки *рас-* „сталкивается“ и сливается со звуком *с* корня *-счит* (с точки зрения

современного русского языка *счит* на морфеме уже не делится, хотя этимологически в нем *с* является приставкой).

Такое слияние иногда обозначается на письме, а иногда нет. Так, в слове *вскоичить* (ср. *подскоичить, соскоичить*) это существует не только в устной речи, но и пишется на письме: *вскоич-и-ть* (< *вс-скоич-и-ть*). В слове же *вышть* мы наблюдаем лишь фонетическую спайку морфем (произносится [шы'т]), орфографически не выраженную. В древнерусском языке фонетическое слияние морфем на стыке приставки и корня получало отражение на письме — в силу отсутствия строгих орфографических норм — значительно чаще (ср. написание *раселити* „расселить“, *расказати* „рассказать“, *раслабити* „расслабить“, *расолити* „рассолить“, *расотляне* „расотляние“, *расуждение* „расуждение“ и т. д.).

Именно это традиционное написание мы и наблюдаем в слове *расчет*, основа которого состоит из приставки *рас-* и корня *-счит*. В глаголе *рассчитать* оно не сохранилось: его написание было позже скорректировано и на письме восстановлена этимологическая исходная форма *рассчитать* (после реформы русской орфографии 1917—1918 гг. — *рассчитать*), хотя и здесь, как об этом уже говорилось, наблюдается наложение морфем *рас-* и *-счит*. Следовательно, разное выражение аппликации морфем в словах *рассчитать* (здесь она на письме не обозначена) и *расчет* (здесь она выражена орфографически) объясняется существующими в нашем правописании непоследовательностями и традицией.

Такое же явление наблюдается в паре *рассориться* — *ссора*, где в первом слове этимологически должно было бы быть три *с*.

Почему глагол отворить пишется с одним т?

В самом деле, в слове *отворить* выделяется приставка *от-* (ср. *рас-творить, за-творить, при-творить*). За приставкой *от-* следует корень *-твор-* (ср. приведенные слова). Если приставочное *т* „сталкивается“ с корневым *т*, то они обозначаются на письме (ср. *оттянуть, оттащить* и пр.). Следовательно, „по закону“ глагол *отворить* должен писаться как будто с двумя *т*. Таким образом, вопрос, почему слово *отворить* пишется с одной буквой *т*, не является праздным. Как же на него ответить?

Глагол *отворить* пишется с одним *т* в соответствии со своей этимологией: он был образован с помощью приставки *от-* на основе глагола *ворити* „запирать“ (производного от той же основы, что и *ворота*, древнерусск. *ворь, вора* „ограда, забор“) и членился первоначально на морфеме так: *от-вор-и-ти*. Соответствующий ему антонимический глагол имел приставку *за-*: *за-ворити* „закрыть, запереть“ (ср. в I Псковской летописи: *Бродове бяху вся заворени* „Все пути были закрыты“). Затем, в результате народно-этимологического сближения с глаголом *отворить* (ср. его приставочные производные в древнерусск. *при-*

творити „придѣлать“, *растворити* „смѣшать“ и пр.), слово *отворити* пережило процесс переразложения и стало делиться на *от-твор-и-тъ*. Новая основа стала базой для образования родственных приставочных глаголов: *притворить, растворить*. Она же проникла и в этимологически правильное образование *заворить*, получившее форму *заворить*.

Таким образом, во всех родственных глаголах выделяется сейчас связанная производная основа *-твор-*, но в *отворить*, в силу переразложения его основы, корень *-твор-* не располагается отдельно за приставкой *от-* (как в *заворить* и пр.), а отчасти накладывается на приставку. Об аппликации (наложении) морфем говорилось выше, в заметке „Какой суффикс участвует в образовании глагола *участвовать*?“.

Где же, наконец, суффикс в прилагательном *розоватый*?

Однажды на адрес редакции журнала „Русский язык в школе“ я получил письмо от ребят из села Майковского Краснодарского края. Оно очень походило на сигнал SOS. „Где же, наконец, суффикс в прилагательном *розоватый*?“ — спрашивали школьники.

Учащиеся, имеющие „Школьный словообразовательный словарь“ З. А. Потихи (М., 1964), разобрали это слово по словарю: корень *розов-*, суффикс *-ат-*, окончание *-ый*. А те, которые не имеют словаря, разобрали прилагательное по-другому: корень *роз-*, суффикс *-оват-*, окончание *-ый*.

Поскольку этот вопрос связан с некоторыми принципиальными проблемами членения слова на морфемы, остановимся на нем подробнее.

Прежде всего следует сказать, что ни то, ни другое членение слова *розоватый* на значимые части (т. е. ни *розов-ат-ый*, ни *роз-оват-ый*) не является правильным. Оба решения, как, на первый взгляд, это ни покажется странным, неверны. Проанализируем их по порядку.

Почему неправильны членение *розов-ат-ый*?

Если это прилагательное сравнивать с производящим, т. е. образующим, словом *розовый*, то кажется совершенно необходимым выделять в его основе суффикс *-ат-* (*розоватый* — это не в полной степени *розовый*). Но верно ли мы поступим, если выделим в прилагательном *розоватый* суффикс *-ат-*, который будет указывать на неполноту качества? Формально как будто верно. Однако если обратиться к прилагательным с суффиксом *-ат-*, то станет очевидной по крайней мере поспешность этого решения. Ведь такие прилагательные имеют ните и вполне определенное значение (ср. *крылатый, хвостатый, чубатый, бородатый, волосатый, брюхатый, носатый* и др.). Они совершенно иного характера, в них суффикс *-ат-* не обозначает неполноту качества, а

указывает на обладание тем, что обозначено в корне (*крылатый* „имеющий крылья“, *бородатый* „имеющий бороду“, *носатый* „имеющий большой нос“ и т. д.). Кроме того, суффикс *-ат-* в подобных словах всегда присоединяется к основам имен существительных (*крыло, борода, хвост, чуб, волос, брюхо, нос* и т. п.), а не имен прилагательных. Таким образом, и значение суффикса *-ат-*, и словообразовательные его связи (способность сцепляться только с основами существительных, причем, как правило, обозначающих части тела человека или животного), свойственные ему в регулярной словообразовательной модели *косматый, усатый, пузатый, горбатый, лохматый* и т. д., говорят о том, что выделение в слове *розоватый* суффикса *-ат-* и корня *розов-* противоречит реальным фактам языка.

Неверным будет и членение *роз-оват-ый*. Ведь в таком случае прилагательное *розоватый* толкуется как производное с помощью суффикса *-оват-* от существительного *роза*. А от существительных с помощью суффикса *-оват-* образуются лишь такие прилагательные, которые обозначают или похожего на то, что названо исходным существительным (*мужиковатый* „похожий на мужика“, *чудаковатый* „похожий на чудака“ и т. д.), или содержащего то, что названо исходным существительным (*сукноватый* „с сучьями“, *узловатый* „с узлами“ и т. п.). Что касается слова *розоватый*, то оно, как известно, не обозначает ни похожего на розу, ни имеющего розы, содержащего розы, с розами.

Как же надо разбирать это слово по составу?

Для того чтобы правильно разделить это слово на морфемы, необходимо учитывать не только родственные ему слова, но и одноструктурные, причем одновременно не упускать из виду также и то обстоятельство, что в русском языке в ряде случаев морфемы располагаются в слове не в линейной последовательности (одна за другой), а накладываясь — частично или полностью — одна на другую.

Слово *розоватый*, образованное от слова *розовый*, входит в большую группу прилагательных со значением неполноты качества, свободно и четко выделяющихся в своем составе суффикс *-оват-* (*-еват-*) (ср. *беловатый, красноватый, зеленоватый, голубоватый, желтоватый* и т. д.).

Неполнота качества в современном русском языке выражается именно суффиксом *-оват-* (*-еват-*). Значит, в слове *розоватый* также выделяется суффикс *-оват-*, указывающий на неполноту „розовости“. Однако — в отличие от прилагательных типа *голубоватый* — он здесь располагается не отдельно за производной основой, а частично на нее накладывается. Поэтому членить это слово надо так: */роз-ов-/ат-/ый*, выделяя в нем производную основу *розов-*, суффикс *-оват-* и окончание *-ый*.

Два слова о производной основе *розов-*. Ее нельзя путать с производной, т. е. членной, основой *розов-* в отглагольном прилагательном *розовый* „относящийся к розе, приготовленный из

лепестков розы" (ср. *розовый куст, розовое варенье* и т. д.), которое является аналогичным словам типа *липовый*. Ведь качественное прилагательное *розовый* в цветовом значении — это уже не "двѣта розы" (розы могут быть и белыми, и желтыми, и даже черными), а просто "светло-алый". Значение "светло-алый" в слове *розовый* не складывается из значений морфем *роз-* и *-ов-*, поэтому членить комплекс *розов-* далее в этом прилагательном нельзя. Слово *розовый* "светло-алый" оторвалось от существительного *роза*, и основа *розов-* в нем пережила процесс опрощения, превратилась в корень.

Наблюдающееся в слове *розоватый* частичное наложение суффикса *-оват-* на образующую основу свойственно и некоторым другим прилагательным, имеющим в конце образующей основы сочетание *-ов-* или *-ев-* (ср. *коричневатый, лиловатый, оранжеватый* и т. п.).

Наложение части суффикса *-оват-* (*-еват-*) на образующую основу в таких случаях объясняется, несомненно, фонетическими причинами: необходимостью устранения повтора звуко сочетания *-ов-* (*-ев-*). При словопроизводстве как бы происходит гаплогогия на стыке образующей основы и суффикса, и эти морфемы частично сливаются, накладываются друг на друга.

Заметим, что в некоторых из таких прилагательных образующая основа может быть производной, с суффиксом *-ов-* (*-ев-*). Такой она является, например, в слове *бежеватый*, которое делится на корень *беж-* (ср. *чулки цвета беж*), суффикс *-ев-*, суффикс *-еват-* и окончание *-ый*: /беж-/ев/ ат /-ий/.

Три ли морфемы в слове *томский*?

На первый взгляд этот вопрос может показаться странным. "Конечно же, три, — скажут очень многие. — *Томск-ий*". Однако такое членение прилагательного *Томский* (в контекстах *Томский университет, Томская область* и т. д.) будет совершенно неправильным.

Ведь разбираемое слово является относительным прилагательным от слова *Томск* (заметим, от слова *Томск*, а не от слова *Том*). Следовательно, как все соответствующие образования (*Ленинград — ленинградский, Тула — тульский, Самарканд — самаркандский, Рязань — рязанский* и т. д.), оно содержит в себе суффикс относительного прилагательного *-ск-*. Но пойдём дальше. Какова структура слова *Томск*? Это обычное и частое "речное название" города. Томск назван так потому, что он стоит на реке Томь. Значит, в основе существительного *Томск* содержится топонимический суффикс, а именно суффикс города *-ск-* (ср. *Волжск, Ангарск, Уральск* и т. д.).

Таким образом, в слове *Томский*, о котором мы пока говорим, последовательно выделяются окончание *-ий*, суффикс относительного прилагательного *-ск-*, "городской" суффикс *-ск-* и непрор-

водная основа *Том-*, т. е. не три, а четыре морфемы. Только располагаются они по-особому, не последовательно, одна за другой, а в одном месте — на стыке двух суффиксов — накладываясь друг на друга (аплицируясь).

Такое же явление мы будем наблюдать и во многих других прилагательных такого типа (ср. *пятигорский, новосибирский* и т. д.).

И все же есть слово *томский*, в котором надо выделять не четыре, а три морфемы. Это прилагательное, образованное не от слова *Томск*, а от слова *Томь*. Так, в предложении *Холодная вода была томская* вода слово *томская* делится лишь на непрорводную основу *том-*, суффикс относительного прилагательного *-ск-* и окончание *-ая* (ср. *вожжская, донская, байкальская* и т. п.).

Но это прилагательное по отношению к первому является омонимическим, совершенно другим словом не только по своему морфемному составу, но и по значению.

Есть ли в слове *вынуть* корень?

Глагол *вынуть* относится к числу немногочисленных русских слов, которые этимологически исходного корня в своем составе не содержат. Однако это не означает, что он, с современной точки зрения, является словом без корня. Непрорводная основа свойственна абсолютно каждому слову и является важнейшим элементом, мотивирующим его значение. Есть корень и в анализируемом глаголе, но это уже другой корень, не совпадающий с тем, который выделялся в нем в момент появления его в языке.

Наш глагол образовался (с помощью приставки *вы-*) от глагола *лти* "брать", так же как и *взять* (с помощью приставки *вз-*), *объять* (с помощью приставки *об-*), *внять* (с помощью приставки *вн-*, ср. эту же приставку в словах *внущить, внити* "войти" и др.), *изъять* (с помощью приставки *из-*) и др.

Позднее первоначальное *внати* — *внимати* (ср. *внемка*) по аналогии с родственными *внати* — *внимати*, *снати* — *снимати* (с приставкой *сн-*, ср. ту же приставку в существительном *снедь*, родственном словам *еда, есть* и пр.) получило от них, как и другие глаголы (ср. *отнять, принять, занять, перенять, обнять* и пр.), "вставочное" и стало звучать *внатьи* — *вниматьи*. Затем глагол *внатьи* как форма совершенного вида подвергся уже аналогичному воздействию глаголов на *-нуть* типа *стукнуть, двинуть, кинуть* и т. д. и приобрел в результате этого современное звучание и структуру — *вынуть*. Поэтому у нас наблюдаются не только процесс переразложения основы, но и явление апликации морфем. Сейчас в глаголе *вынуть* (по соотношению со словами *вниматьи, внемка; отнимать, снатьи* и пр.) непрорводная основа выступает в однозвучном виде *-н-*, которое одно-

временно является и формой выражения суффикса однократности действия (ср. *вынь, вынем, выну* и пр.).

Таким образом, если раньше это слово делилось на *вы-н-я-ть* (< *выяты* по аналогии с *взяты, съняты* с заменой *-я-* на *-н-*), то сейчас оно делится на морфемы уже следующим образом: *вы-н-у-ть*, т. е. приставка *вы-*, непроемная основа *-н-* ("чередующаяся" с *-ним-*, *-ем-*, ср. *вынимать, выемка*), суффикс однократного действия *-н-*, суффикс *-у-*, выступающий как классовый показатель, подобный *-а-*, *-о-*, *-е-* в словах *звать, колоть, тереть*, и инфинитивное *-ть*; корень *-н-* и суффикс *-н-* накладываются друг на друга, все остальные морфемы располагаются в "прямой" линейной последовательности, одна за другой.

Таким образом, слово *вынуть* и имеет корень (если понимать под ним непроемную основу как ядро его лексического значения), и не имеет (если понимать под корнем исходный "основной" материал слова). Такой своеобразный и, казалось бы, парадоксальный факт вполне понятен и исторически оправдан.

Анатомия слова *принять*

Анатомический разрез глагола *принять* показывает его "трехморфемный" характер.

Поскольку с глаголом *принять* соотносятся слова и формы *принимать, прием, принять, изъять, отнять, приму* и др., его современное морфемное членение выглядит следующим образом: *при-ня-ть*.

Глагол *принять* состоит из приставки *при-*, корня *-ня-* и инфинитивного *-ть*. Непроемная основа *-ня-* является связанной, всегда выступающей в слове с той или иной приставкой: *отнять, занять, перенять, разнять, съять* и пр. Она может выступать в целом ряде своих разновидностей, объясняемых исторически, а именно в виде *-я-* (ср. *принять*), *-им-* (ср. *приму*), *-ым-* (ср. *изымать*), *-ним-* (ср. *принимать*), *-ем-* (ср. *прием*), *-ня-* (*принять*) и даже *-н-* (*вынуть*; см. об этом в заметке "Есть ли в слове *вынуть* корень?"). Заметим, что в личных формах (*приму, примет* и пр.) наблюдается явление наложения (аппликации) морфем, приставка *при-* и корень *-им-* частично накладываются друг на друга, что обязательно должно учитываться при разборе слова по составу: *при-им-у* и т. д.

Такое наложение морфем встречается и в словах *вынуть, придти, архирей, рассориться, бескозырка, дерматовед* и целом ряде других.

Поднятый вопрос о членении глагола *принять* позволяет остановиться на этом явлении подробнее.

Наложение морфем в слове может быть различным. В некоторых случаях оно возникает в слове с течением времени, в силу определенных звуковых изменений или изменений в морфологической структуре.

Таким, в частности, является наложение в слове *приму* (ср. в "Повести временных лет": *Примаху брата в монастырь с работою*), где оно возникло, как и в глаголе *приду*, в результате стяжения в один звук двух и.

Таким же оно является, например, и в существительном *бескозырка*. В современном русском литературном языке это существительное соотносится со словами *без козырька* и входит в тот же словообразовательный ряд, что и существительное *безрукавка*, в соответствии с чем *к* в нем должно быть истолковано и как принадлежность непроемной основы *козырек* — *козырька*, и как предметный суффикс *-к-*, тот же самый, который совершенно свободно выделяется в слове *безрукавка*.

Такое фонетическое наложение элемента основы на суффикс возникло здесь в результате процесса переразложения основы, пережитого словом после исчезновения из литературного языка образующего существительного *козырь* "козырек" и установления прямых словообразовательных связей с бывшим уменьшительно-ласкательным *козырек*.

В других случаях аппликация морфем в слове появляется в момент его образования. В момент словообразования морфемы при объединении их друг с другом в одно словесное целое нередко не располагаются рядом в линейной последовательности, а частично "находят" одна на другую.

Такую спайку значимых частей слова в процессе словообразования мы наблюдаем, например, в прилагательных *розоватый, бежеватый, коричневатый, лиловатый*, в которых *-ов-*, *-ев-* являются одновременно как принадлежностью производящей основы исходного прилагательного, так и принадлежностью суффикса неполноты качества *-оват-*, *-еват-*. Диффузия, одновременная процессу словообразования, наблюдается также в прилагательном *повсеместный*, возникшем путем суффиксации словосочетания *по всем местам* (ср. *потусторонний*), в словах *фашистский, омский, дерматовед, лунный* и др.

С современной точки зрения оба этих вида наложения морфем совпадают. При разборе слова по составу их необходимо обязательно учитывать, так как иначе состав слова будет определяться неверно.

Делим слово *любезный*

Прилагательное *любезный* по-разному членится в настоящее время на морфемы, в зависимости от того, в каком конкретном (из двух присущих ему сейчас) значении мы его берем. Слово *любезный* в значении "обходительный, предупредительный, учтивый" имеет непроемную основу, членимую лишь с этимологической точки зрения. Слово *любезный* в значении "любимый, милый, дорогой" (это значение первоначальное и уже устарелое, ср. *любезный друг*) делится по соотношению с глаголом *любить* на

люб-езн-ый. Морфема *-езн-* является в этом прилагательном, известном в ряде славянских языков (ср. старослав. *любѣзньч*, чешск. *libezný* „приятный“ и др.), суффиксом, причем, очевидно, по своему происхождению составным, возникшим на базе суффиксов *-ѣз-* и *-н-* после исчезновения из употребления существительного *любѣз* < *любѣзь* и ему подобных; ср., например, диал. *любжа* (< **libъzja*), „любовь“ и т. п.

Произношение *любезный* (а не „любѣзный“) свидетельствует о книжном, церковнославянском характере этого слова.

Зайшка и паишка

Слова *зайшка* и *пайшка* членятся на три морфемы: непроизводную основу (*зай-* и *пай-*), уменьшительно-ласкательный суффикс *-шк-* и окончание *-а*. Соответствующие непроизводные основы выделяются в этих словах по соотношению со словами *зайка*, *заяц*, *зайсика* и словом *пай-малыш*.

Как непроизводная основа *зай-*, так и корень *пай-* являются связанными, известными сейчас лишь в соединении с другими словообразовательными морфемами (ср. свободные непроизводные основы типа *лес-*, *дом-*, *край-* и т. п.).

Слово *пай* (откуда — *пайсика*) было заимствовано русскими из финского языка, в котором оно значит „хороший, милый“. Слово *зайшка* представляет собой суффиксальное производное от ныне утраченного *зай*, „заяц“, давшего также и *заяц*. Уменьшительно-ласкательной формой от *заяц* (суффикс в этом слове такой же, какой можно этимологически выделить в существительном *месяц*) является *зайчик*. Форма *зайшка* стала осознаваться как уменьшительно-ласкательное образование к *заяц* лишь после выхода из языка слова *заш*. Последнее буквально значит „прыгун“ (ср. родственное литовск. *žaisti* „прыгать“).

Суффикс *-шк-* в словах *зайшка*, *пайшка* выступает как орфографическая разновидность суффикса *-еньк-* того же значения (ср. образования *папенька*, *рученька*, *душенька* и т. п.). Написание его с *ш*, а не с *е* объясняется влиянием конечного звука *й* в предшествующей суффиксу основе (*зай-*, *пай-*). Ср. в известной степени аналогичное разбираемым словам междометие *байсика*, образованное от *бай* (см. заметку „Баю-бай“).

Глагольные близнецы — *одеть* и *надеть*

Как правило, глаголы *одеть* и *надеть* употребляются в качестве слов, имеющих разные значения и — в соответствии с этим — различные словесные связи. Глагол *одеть* имеет значения „покрыть одеждой“ и „снабдить одеждой“ (*одеть малыша, одеть родню*) и сплетается обычно с существительными, обозначающими человека. Глагол *надеть* обладает значениями „укрепить что-либо на чем-нибудь“ и „целиком или частично покрыть одеждой кого-нибудь“ (*надеть браслет на руку, надеть плащ*); на

деть ботинки) и сочетается только с существительными, обозначающими неодушевленные предметы. В связи с этим разбираемые глаголы имеют при себе и различные антонимы: глаголом, противоположным по значению слову *одеть*, будет являться слово *раздеть*; антонимичным глаголу *надеть* будет выступать уже слово *снять* (ср. *раздеть малыша, родню; снять браслет с руки, плащ, ботинки* и т. д.). Отмеченная смысловая разница в рассматриваемых однокорневых глаголах в первую очередь объясняется исходными пространственными значениями дифференцирующих их приставок *о-* и *на-*, соответственно указывающих на действие вокруг (ср. *окутать*) и на действие, направленное на поверхность (ср. *накутать*).

Указанное различие в семантике глаголов *одеть* и *надеть* характеризует нормативное употребление, сложившееся в русском литературном языке первой половины XIX в. В настоящее время как в разговорной речи, так и в письменной глагол *одеть* нередко употребляется вместо (вернее — на месте!) глагола *надеть*. Некоторыми лингвистами (см. хотя бы „Правильность русской речи“. М., 1965, с. 136) такое употребление характеризуется как „противоречащее традиционным литературным нормам“, как грубое нарушение норм литературного словоупотребления.

Такой пуризм вряд ли, однако, оправдан, поскольку речевая практика уже в течение более трех столетий расходится с нормативными предписаниями, идущими, кстати, еще от „Справочного места русского языка“ А. Греча (СПб, 1843) (подробно см. об этом в статье Р. М. Цейтлин „Об одной старой ошибке в словоупотреблении“ — „Вопросы культуры речи“. М., 1963, вып. 4, с. 110—119). Ср.: *Шуба одеванная* („Олонекские акты 1661—1662 гг.“); *И одева одежды своя* („Книга земледельческая 1705 г.“); *Он чулочки одевает* („Псковские песни XIX в.“) и т. п. Глагол *одеть* вместо *надеть* не только употребляется современными писателями, но и встречается у классиков нашей литературы, ср. *Каждую пятницу Цыганок одевал короткий до колен полушубок и тяжелую шапку* (Горький); *Одевши рубаху, штаны, опорки и серый халатик, он самодовольно оледывал себя* (Чехов); *Только встал я тогда поутру-с, одел лохмотья мои, воздел руки к небу и отправился к его превосходительству Ивану Афанасьевичу* (Достоевский) и т. д.

Что такое *бесталанный*? «Несчастный» или «бездарный»?

Вопрос, может ли слово *несчастный* употребляться в значении „бездарный“, кажется странным. Ведь прилагательные *несчастный* и *бездарный* имеют совершенно различные значения.

И все же такой вопрос оказывается в известной степени закономерным. Правда, не по отношению к слову *несчастный*, а по отношению к его архаическому синониму *бесталанный*. В

академическом „Словаре современного русского литературного языка“ (т. I, 1950, с. 435) прилагательное *бесталанный* толкуется как устаревшее слово, имеющее лишь значение „неудачливый, несчастный, обездоленный“. Только с таким значением оно раньше и употреблялось: *И казнили Степана Калашникова Смертью лютою, позорною; И головушка бесталанная Во крови на плечи покатилася* (Лермонтов); *Ох, в несчастный день, В бесталанный час, Без сорочки я Родился на свет* (А. Кольцов и т. д. Однако сейчас это прилагательное довольно часто употребляют и со значением „не имеющий таланта, бездарный“. *Сы Мы против пошлости, безыдейности, бесталанности, в каких бы жанре искусства они ни давали о себе знать; Стихи были небесталанными* (из газет); *Когда порою, без толку стараясь, Все дело неумелостью губя, Идет на бой за привилегии бесталанность — Талантливость, мне стыдно за тебя* (Евтушенко).

Как появилось такое значение у слова *бесталанный*? На первый взгляд может показаться, что *бесталанный* возникло из *бесталантный* фонетически. Но это не так: *т* между двумя *а* не выпадает (ср. *галантный, пикантный, толерантный* и т. д.). В действительности употребление прилагательного *бесталанный* в значении „бездарный, не имеющий таланта“ возникло в результате ошибки, вследствие путаницы слов *талан* „счастье, удача, fortuna“ (тюркск. *тадан* „счастье, успех, добыча“ — суффиксальное производное от *таа*- „грабить, отнимать“) и *таалан* „способность, дарование“ (из французского языка) и замещения в слове *бесталанный* основы *таалант*- основной *талан*-. В связи с этим возникает уже практический вопрос: правильно ли такое употребление слова *бесталанный*? Факты говорят, что нормой его считать нельзя: 1) оно противоречит живому еще этимологическому составу слова: *бес-талан-н(ый)*; 2) в русском языке для выражения понятия „не имеющий таланта“ есть хорошие синонимы *бездарный* и *бесталанный*.

О двух *а* в слове *аллея*

Существительное *аллея* относится к числу тех, при описании которых обычно дается „в словарном порядке“. Между тем ученикам о нем можно не только сказать: „Запомните, аллея надо писать два *а*“, но и рассказать почему. Особенно полезно и просто это будет сделать, если они изучают французский язык. Дело в том, что написание *аллея* передает орфографию своего французского первоисточника — *allée* „аллея“ (а буквально „проход, дорога“), которое унаследовало два *а* от своего „родителя“ — глагола *aller* „идти, проходить“. Так что два *а* в *аллея* так же законны, как, скажем, *о*, а не *а* в слове *проход* (от *проходить*, ср. *прорез*).

Можно ли *трогать*, не трогая?

Ответы на этот каламбурный вопрос могут быть разными. И это будет зависеть от того, о чем мы говорим и, соответственно, о каких глаголах идет речь. Конечно, нельзя трогать (касаться), не трогая (не касаясь).

Но трогать (волновать, вызывать сочувствие, сострадание), естественно, можно и не трогая (не касаясь).

Вспомним хотя бы стилистическую игру слов писателя конца XVIII — начала XIX в. А. А. Шаховского в пьесе „Новый Стерн“, в которой он высмеивает Карамзина и карамзинское словоупотребление. В этой пьесе в ответ на реплику сентиментального князя: „Обрая женщина, ты меня трогаешь!“ — крестьянка отвечает: „Что ты, барин, перекрестись! Я до тебя и не дотронулась!“

Таким образом, все дело в том, какое *трогать* имеется в виду. Заметим, что *трогать* „касаться“ и *трогать* „волновать, вызывать сочувствие, сострадание“ представляют собой синонимы, одинаково звучащие слова, значения которых не накладываются между собой в отношениях „прямое — переносное“. Ведь значение „волновать, вызывать сочувствие, сострадание“ как родственное значению „трогать“ нами сейчас не осознается. Поэтому квалификация значения глагола *трогать* „волновать, вызывать сочувствие, сострадание“ как переносного значения глагола *трогать* „касаться“, которую мы находим в 17-томном „Словаре современного русского литературного языка“, является неверной. Кстати, не были родственными эти значения и раньше, о чем, в частности, свидетельствует происхождение глагола *трогать* „волновать, вызывать сочувствие, сострадание“: это перевод франц. *toucher* (ср. слова *сливки* (обшества), (детские) *ясли*, *слики* „декарство“, (газетная) *утка*, *гвоздь* (программы), также являющиеся точными „снимками“ соответствующих французских существительных).

Поперечное сечение глагола *рисовать* и его этимология

„Школьный словообразовательный словарь“ З. А. Потина дает совершенно правильное поперечный разрез слова *рисовать*: *рис-ов-а-ть*. Такой морфемный состав устанавливается по соотношениям *рисовать* — *рисование*, *рисовал* (выделяется инфинитивное *-ть*), *рисовать* — *зарисовка* (выделяется тематический суффикс *-а-*), *рисовать* — *рисунки* (выделяется корень *рис-* и суффикс *-ов-*). Корень *рис-* является связанным (ср. свободные непроизводные основы *-ход-*, *-нес-*, *-мах-* и т. д.), обязательно предлагающим либо суффикс *-ов-* (*рисовать*), либо суффикс *-ник* (*рисунки*).

В польском языке, из которого (вместе с существительным *ри-сунки*) глагол *рисовать* к нам пришел, корень был свободным.

Там рядом с *gusować* „рисовать, чертить” есть *gus* „черта, штрих”. Этот же корень (польск. *gusować*, нем. *reissen*), но уже в огласовке, восходящей непосредственно к немецкой, этимологически можно выделить в слове *рейсфедер* (буквально „чертежное перо”). Не что подобное следует сказать и о суффиксе *-унок*. У нас он выделяется только в *рисунок*. В польск. языке он существует в словах *podarunek* „подарок”, *rachunek* „счет” и т. д. и так же, как корень *gus-*, восходит к нем. суффиксу *-ung*. В нашем языке последний содержится, но не выделяется только в *лозунг*.

Прилагательные моровая и смертельная как они есть

Слово *моровая* сейчас известно лишь в составе фразеологических оборотов *моровое поветрие* и *моровая язва*, имеющих значение „массовая эпидемическая болезнь, вызывающая большую смертность, мор”. В этих синонимических выражениях оно выступает как смысловой эквивалент прилагательному *смертельная*. Такое значение его вполне закономерно и определяется целиком происхождением. Ведь прилагательное *моровая* является суффиксальным производным (ср. одноструктурные образования *годовая*, *силовая*, *меховая* и т. д.) от существительного *мор*, того же корня, что слова *умереть*, *смерть*, *мертвый* и т. д.

Слова *поветрие* и *язва* значат в указанных фразеологизмах „болезнь” (ср. также *ветряная оспа*, *сибирская язва*). Отдельно, вне фразеологизмов, мы в настоящее время употребляем их в других значениях: *поветрие* — „получившее повальное распространение явление”, *язва* — „гноящая или воспаленная рана; зло”.

Таким образом, употребление прилагательного *моровая* заключено в узкие рамки прокустовой ложа фразеологически связанных по своему характеру слов *поветрие* и *язва* в значении „болезнь”. Что касается существительных *болезнь*, *рана*, то они сцепляются уже с прилагательным *смертельная*. Это слово любопытно и по своему составу, и по своему происхождению.

По соотношению со словом *смерть* (ведь *смертельная* — это „приводящая к смерти”) в прилагательном *смертельная* мы выделяем наряду с окончанием *-ая* также и суффикс *-елы-*. Этот суффикс в других словах не встречается. Он „живет” только в нашем слове. Может показаться, что оно с его помощью от слова *смерть* и было в русском языке образовано. Однако на самом деле слово *смертельная* заимствовано русским языком из польского (не позднее XVI в.). Заметим, что и в польском оно не исконно, а было усвоено из чешского языка, где *smrtelný* „смертельный” возникло как суффиксальное образование от *smrt* „смерть”.

Как видим, в конце концов все же рассматриваемые прилагательные (и *моровая*, и *смертельная*) родственны, так как с помощью разных суффиксов возникли на базе однокорневых и даже более того — „близкозначных” слов *мор* и *смерть*.

Почему в слове *галлология* нет *гаплогологии*

Вспомните, если запоминали, фонетическое явление *гаплогологии*. Так называется упрощение одинаковых или схожих слогов в слове. В результате этого процесса слово становится на слог меньше, два стоящих рядом — одинаковых или близких по звучанию — слога сливаются в один. Последнее довольно часто приводит даже к изменениям в морфологической структуре слова. *Галлология* меняет иногда „лицо” слова настолько сильно, что, для того чтобы установить его первоначальную форму, требуется вмешательство этимолога.

Так, если *гаплогология* в словах *знаменосец* (из *знаменоносца*) и *лермонтовед* (из *лермонтововеда*) повела лишь к наложению морфем и связи этих существительных с образующими (*знамя*, *носить*; *Лермонтов*, *ведать*) не нарушила, то в словах *шиворот* и *перец* она привела к полной их перестройке.

Мы уже не видим в существительном *шиворот* сложное слово. А ведь первоначально оно звучало „шиворотъ” и ясно осознавалось как сложное, состоящее из основ слов *шить* „шить” (от *шита*, как и *шея* < *шия*, буквально „то, что шивает голову и туловище”) и *воротъ*, связанных между собой соединительной гласной *о*.

Мы сейчас абсолютно не ощущаем суффиксальный характер слова *перец*. А ведь было время, когда это было ясно каждому; в древнерусском языке рядом с *пльрьць* „перец” (в котором два начальных *пль* упростились в одно, а *ь* после падения редуцированных изменилось в *е*) употреблялся и его производящее *пльрь* „перец”, передающее греч. *peperi*.

Но вернемся к *галлологии*, и уже не к понятию, а к слову. Странно, но тем не менее факт: термин, называющий явление *гаплогологии*, существует как будто в незаконном, негаплогологизированном виде. Вместо ожидаемого *галлогия* перед нами *галлология*, с двумя соседствующими *ло*. Почему же в слове *галлология* не произошло *гаплогологии*? Это объясняется двумя причинами. Во-первых, тем, что слово *галлология* является недавним и книжным, а в современном литературном языке явление *гаплогологии* наблюдается уже далеко не всегда (ср. прилагательное *противоавоздушная* с двумя *во*). Во-вторых, тем, что это слово появилось как термин и в среде лингвистов, для которых правильное *галлология* было бы все же недостаточно точным и ясным с точки зрения своей терминологической структуры.

Два корня *пят-*

Пореемся немного в словах с корнем *пят-*.

Слова *пятка*, *пятно*, *вспять* и *опять* являются родственными словами. *Пятка* представляет собой уменьшительно-ласкательное от существительного *пятя* „пятка”; *пятно* — производное с по-

мощью суффикса *-ви-* от того же существительного (ср. аналогичные *судно, рядно*, древнерусск. *рясно* в *ресница, садно* в *садить* и т. д.), его первоначальное значение — «след от пятки».

Наречия *вспять* и *опять* образованы с помощью приставок *взвз-* и *о-* от несохранившегося *пять* «пятка» (ср. лит. *pentis* «пятка»; отношения между *пята* «пятка» и *пять* «пятка» такие же, как между *занавесь* и *занавеса*, давшим более употребительное сейчас *занавеска*).

Заметим, что оба раньше обозначали «назад» (ср.: *пятиться*). Значение «снова» наречие *опять* (ср. современное диалектно-просторечное употребление *обратно* в этом же значении) получило лишь с течением времени.

Числительное *пять* со всеми этими словами ничего общего не имеет. Оно родственно соответствующим словам в других славянских и индоевропейских языках (ср. греч. *penle*, лат. *quinque*, нем. *fünf* и т. д.) и, возможно, слову *пять* (буквально «пять пальцев, кулак», затем «кисть руки»).

В заключение следует отметить, что в современном русском литературном языке все перечисленные родственные слова такими уже не осознаются и соответствующих генетических связей, которыми они когда-то были связаны, не обнаруживают. С точки зрения современного языкового сознания в соответствующих словах выделяются непроемные основы *пят-* (в существительном *пятка*, ср.: *под железной пятой*), *пяти-* (в существительном *пятно*), *пят-* (в наречии *вспять*, ср.: *пятиться*), *опять* (в наречии *опять*).

Как членится и образовано слово *поколение*

В современном русском литературном языке существительное *поколение* стоит по существу особняком и связывается со словом *колено* лишь в значении «совокупность родственников одной степени родства; род, поколение в родословной» (ср.: *Он же приходился ей братом в третьем колене* (И. А. Гончаров)).

В качестве слова, синонимичного существительному *сверстники*, оно выступает сейчас совершенно изолированно.

Поэтому в первом значении слово *поколение* еще может ощущаться как составное (*по-колен-и-е*), во втором же — в настоящее время наиболее активном и частотном значении «сверстники» — оно выступает уже как непроемное.

Образовано существительное *поколение* с помощью суффиксально-префиксального способа словообразования (приставки *по-* и суффикса *-и-*) от слова *колено* < *кольно* в значении «род, поколение» (ср. древнерусск. *колыньник* «единоплеменный»). Последнее (значение «род, поколение» восходит к значению «сочленение, сустав», откуда также и «коленка») является производным с помощью суффикса *-и-* (ср. с тем же суффиксом *полено*, родственное *полюти* «гореть», *пламя, пальть*) от той же основы

(ср. литовск. *kelėnas* «коленка», греч. *kōlon* «член»), что и *член* (< *kelp, чередование *о* — *е*, как в *воз* — *везу*, перед *е* *к* > *ч* по первой палатализации заднеязычных, *-и-* — суффикс, ср. его же в слове *сон* < *sъrpъ, *горн, дерн* и др.).

Таким образом, в слове *поколение* этимологически корень *-кол-* (ничего общего, правда, со словом *кол*, производным от *колоть*, не имеющий; см. приведенные выше литовские и греческие слова).

Други друга

Слова *дружина, дружка* и *недруг* являются непосредственными производными (первое и второе с помощью суффиксов *-ин* (*а*) и *-к* (*а*)), второе с помощью отрицательной приставки *не-*) от общеславянского *другъ* «приятель, товарищ», родственного соответствующим словам в балтийских и германских языках (ср. литовск. *draugas* «друг, товарищ», древнесканд. *draugr* «мужчина» и др.).

Слово *другъ* «другой» (*другой* является его полной, местоименной формой) (ср.: *белый* — *бел* и т. п.) возникло в результате морфолого-синтаксического способа словообразования на базе существительного *другъ* «приятель, товарищ» еще в общеславянском языке.

Возникновение значения «другой» из значения «приятель, товарищ» произошло, как полагают, в сочетаниях *друг друга, друг друеу, друг с другом, друг за друга* и т. п.

Наречие *вдруг* «внезапно, неожиданно» представляет собой семантическое видоизменение слова *вдруг* «сразу, одновременно» (ср. диалектное *враз*), восходящего в свою очередь к древнерусскому сочетанию *въ другъ* в значении «вместе, за раз», в котором *другъ* значит «другой; друг, приятель» (ср.: *сам-друг* «вдвоем»).

Таким образом, слова *вдруг, друг, друеой, недруг, дружка* этимологически (сейчас прямо и непосредственно связаны между собой лишь *друг* и *недруг*) являются родственными и имеют в своем составе общий корень. Никакого отношения к ним не имеет глагол *вдругать*, образованный с помощью приставки *взвз-* от исчезнувшего *дружатъ*, производного от существительного *другъ* «шест, кол, палка». Родственными ему словами являются иные: *удручать, вздрючка, дружок*.

О суффиксоне *-роб*

В слове *хлебобор* после соединительной гласной *о* следует морфема *-роб*, которая, выступая в качестве корня, аналогична по своей функции и семантике суффиксу действующего лица. Такие значимые части слова переходного типа, хотя и играющие роль суффикса, но продолжающие тем не менее оставаться корневыми, называются суффиксонами (Шанский Н. М.,

Следует иметь в виду, что суффиксоид представляет собой именно суффиксоид лишь тогда и до тех пор, когда и пока не используется и в качестве корня, и в качестве суффикса. Пусть неизменная основа в сложных словах встречается часто и регулярно. Она еще не суффиксоид, если ее значение не синонимично значению суффикса. И напротив, на месте суффиксоида мы находим уже суффикс, когда анализируемая морфема в данный момент языкового развития неизвестна в языке как корневая и не выступает с каким-либо несоотносительным значением и в качестве родственной исходному корню не осознается.

Морфема *-роб* является корневой морфемой, поскольку она существует не только в слове *хлебороб*, но и в просторечном диалектном глаголе *робить*. Однако это особая корневая морфема, так как она обладает суффиксальной семантикой, аналогичной значению суффикса действующего лица, ср.: *хлопкороб*, *земледельец*. Именно поэтому ее и можно назвать суффиксоидом.

Морфема *роб-* в *робить* «работать» и *хлебороб* «земледелец» этимологически идентична морфеме *раб-* в *работа*, *раб* и *роб* в *робкий*, *робеть*, однако происхождение этих слов в русском языке различно и непосредственно друг с другом не связано.

Слово *робить* является общеславянским суффиксальным производным от *робъ* «слуга, работник, раб». Существительное *раб* было заимствовано русским языком из старославянского. Существительное *работа* восходит к древнерусскому *робота* (*a* вместо первоначального *o* в результате развития аканья и закрепления его на письме), в некоторых диалектах в таком виде еще известному и являющемуся суффиксальным производным от *робъ*.

Что касается слов *робкий*, *робеть*, то эти слова образованы от основы *роб-* со значением «дитя, мальчик, несовершеннолетний» (ср. древнерусск. *робя*, диал. *ребенок*). Слова *робкий*, *робеть* (исхонн «быть подобным ребенку») противопоставлялись в своем происхождении словам *мужественный*, *мужать* (смелый, такой, как подобает мужчине; становиться мужчиной).

Именно от основы *роб-* было в свое время образовано *робенок*, давшее затем вследствие межслоговой ассимиляции современное литературное *ребенок* (в диалектах имеются и старые формы: *ребенок*, *рабенек*).

Остановился, стоим и оставим

В глаголе *остановиться* в его прямом значении «перестать двигаться» по соотношению с родственными словами *остановка*, *стать* «перестать двигаться» и др. выделяется непронизанная основа *-ста-* (*o-ста-нов-и-ть-ся*). Глагол *постоять* (ср. *стоять*, *стой*, *выстоять* (на ногах целых пять часов), *стоять*

в пр.) делится на приставку *по-*, корень *-стой-*, тематический суффикс *-а-* и инфинитивное *-ть*.

Что касается глагола *оставить*, то его, ввиду того что рядом с множеством родственных слов сейчас существуют слова *оставить*, *оставлять*, *остаток*, *рассставаться* и др., можно разбить на приставку *o-* (ср.: *рас-* в *рассетаться*), корень *-ста-*, суффиксы *-и-* и *-и-* (ср.: *останусь* и *оставаться*) и инфинитивное *-ть*.

С современной точки зрения *-ста-* в *остановиться* и *-ста-* в *оставить* являются корнями-омонимами.

О «лишних» морфемах в слове *женитьба*

Все, что дано слову — это, и говорить о чем-то лишнем в той или иной лексической единице просто нельзя. И все же есть в существительном *женитьба*, если смотреть на него глазами его «одномодельных» собратьев, как будто целые две лишние значимые части. И выглядит оно в силу этого на их фоне неуклюжим и странным. В самом деле, по соотношению со словом *жениться* в существительном *женитьба* выделяется тот же суффикс имен действия *-б(а)*, что и в словах *хотьба*, *резьба*, *молба*, *пирьба*, *горобьба*, *косьба*, *пальба*, *молотьба* (ср. *молотить*) и т. д. Но вот присоединяется этот суффикс в нашем слове сейчас совсем не так, как в других, только что названных. Вы уже, наверное, обратили внимание, что он в слове *женитьба* следует не за начальным корнем (с полным вычетом *-ить*, *-ать*, *-ять*), а за всем инфинитивом, включая не только классовый показатель глагола *-и-*, но и инфинитивное окончание *-ть*. И перед нами не ожидаемое и «правильное» слово *женьба*, как *косьба* и пр., а неожиданное *женитьба*, выявляющее в себе пять морфем: корень *жен-*, суффикс инфинитивной основы *-и-*, окончание инфинитива *-ть*, суффикс имени действия *-б-* и окончание существительного женского рода *-а*.

Позникают законные вопросы: что же, это слово так и родилось с лишними значимыми частями? Так и было незаконно образовано от всего инфинитива в целом? Ничего подобного. Никакого исключения из правила о деривации отглагольных имен здесь нет. Просто в данном случае слово первоначально совершенно иной модели производства подверглось с течением времени аналогичному влиянию слов на *-б(а)*. В результате этого и возникло не укладывающееся в прокрустово ложе морфематических мерок существительных на *-б(а)* структурный гибрид *женитьба*.

Оно возникло на базе первоначального образования на *-и* — *женитва* в процессе замещения элемента суффикса *-и-* суффиксом *-б-*.

А произошла эта замена *a* на *-б-* без влияния на наше слово влияния ему по значению существительных *свадьба* (< *сватьба*, от *свататься*) и *городьба* «забор вокруг поселения, усадьба».

Можно ли считать существительные картина и карта однокорневыми словами

В настоящее время слова *картина* и *карта* как родственные и, следовательно, однокорневые не осознаются. Для русского языка это слова, никак друг с другом не связанные ни по значению, ни по словообразовательной структуре. Существительное *картина* производным от слова *карта* не является и из него не выводится (ср.: *лыбина* „кусок льда“, *низина* „низкое место“, *перина* „матрац из перьев“ и т. д.). В нем сейчас не выделяется ни корень *карт-*, ни суффикс *-ин-*, вся *картин(а)* является производной основой. Ведь *картина* — это не большая карта (ср.: *дола* — *долина*), не предмет, сделанный из карты (ср.: *воск* — *воишна*) и т. д. Таким образом, по своему современному составу слова *картина* и *карта* совершенно чужие.

Однокорневыми их можно назвать, только имея в виду их далекое прошлое, общее происхождение в том языке-источнике, где они появились. Но в таком плане однокорневыми для слов *карта* и *картина* являются также и существительные *картон* и даже *картуз* и *хартия* (1). Все эти слова, пришедшие к нам из французского языка, восходят к итальянским словам (*cartina*, *cartone*, *cartoccio*), образованным от *carta* в значении „бумага“.

Последнее получилось из лат. *charta*, представляющего собой переоформление греч. *chartēs* „лист бумаги из папируса, хартия“.

Почему слово подлинный пишется с двумя н

Начиная с В. Даля, прилагательное *подлинный* объясняется как слово, связанное в своем происхождении с существительными *подлинник*, *длинник* „багот“; на допросах, попытках правды, были баготами. Правду, добытую таким образом, называли подлинной, хотя, конечно, такой она была далеко не всегда.

Если эта этимология является верной (а это пока единственное существующее объяснение происхождения слова *подлинный*), то вначале прилагательное *подлинный* появилось во фразеологическом обороте *подлинная правда* и лишь потом стало употребляться свободно.

Таким образом, два н пишутся в этом слове потому же, почему они пишутся в слове *длинный*.

Два однокорневых синонима

Слова *четкий* и *отчетливый* связаны между собой прямыми словообразовательными и семантическими связями. По соотношению друг с другом в них обоих выделяется связанная производная основа *чет-*, являющаяся тем же корнем, который — правда, с перегласовкой — наблюдается в словах *читать*,

прочсть, *честь* и т. д. Первоначальное значение этих прилагательных — „удобный для чтения“.

Этимологическую связь прилагательных *четкий* и *отчетливый* с глаголом *прочсть* (ср.: *счет* — *счесть*, *шел* — *шестье* и т. д.) можно использовать для объяснения учащимся того, почему в этих словах пишется *ѐ*.

Волнующее до сих пор слово волнительно

Слово *волнительно* стало постоянно употребляться в разговорной речи только в последнее время: раньше оно было характерно лишь для актерского арго, где, по всей вероятности, и возникло (в качестве производного с помощью суффикса *-о* от прилагательного *волнительный*).

К словам *волнительно*, *волнительный* относятся по-разному: одни осуждают употребление этих слов как неправильных, ненужных (ср., например: Тим о фее в Б. Правильно ли мы говорим? Л., 1960), другие считают их полными членами литературного словаря (см., например: „Правильность русской речи“. М., 1962).

Несомненно, что ценным приобретением для русского языка они не являются: во-первых, потому, что ничего нового ни в семантике, ни в экспрессивно-стилистическом отношении по сравнению со словами *волнующий*, *волнующе* не содержат; во-вторых, потому, что со словообразовательной точки зрения исходное для наречия *волнительно* прилагательное *волнительный* является не совсем правильным: от глагола *волновать*, с которым это прилагательное соотносится, должно было бы быть „волновательный“ (ср.: *очаровать* — *очаровательный*, *осознать* — *осознательный*, *зажигать* — *зажигательный* и т. д.).

Слово *волнительный* было образовано от существительного *волнение* по аналогии с парами значение — *значительный*, *сомнение* — *сомнительный*, *презрение* — *презрительный*, что является известным нарушением словообразовательных законов русского языка, так как в нем прилагательные на *-тельный* от существительных обычно не образуются.

Почему в слове скатерка нет буквы т

В написании слова *скатерка* без *т* (ср.: *скатертца*, *скатертный* и т. д.) наблюдается следование фонетическому принципу: буква *т* не пишется в нем потому, что не произносится соответствующий звук. Поскольку в других словах неизменяемые согласные на письме обозначаются (ср.: *повесть*, *костный*, *сердце*, *солнце* и т. д.) и написание без *т* слова *скатерка* противоречит сейчас основному морфологическому принципу нашей орфографии, при ее упорядочении логичнее всего было бы писать разбираемое существительное по общему правилу (т. е. с буквой *т*).

Поперечное сечение глагола *тыкать* и его происхождение

Слово *тыкать* — «ударять чем-либо» имеет корень *тык-*, суффикс несовершенного вида *-а-* и инфинитивное *-ть*: *тык-а(ть)*. О таком членении четко говорит его сопоставление с соотносительным глаголом совершенного вида *ткну́ть*, выделяющего корень *тк-*, суффиксы *-н-* и *-у-* и инфинитивное *-ть*: *ткн(н-у) (ть)*. Суффикс *-н-* в этом слове (ср. *ткну, ткнешь, ткнет* и т. д.) является обозначением несовершенного вида, суффикс *-у-* указывает на инфинитивную основу. Следовательно *-у-* в *ткну́ть* и *ткну* — омонимические морфемы — суффикс в первом случае и окончание во втором. Непроизводная основа *тык-*, *тк-* может выступать и в виде *тыч-* (ср. *тычет*). Этимологически тот же корень мы наблюдаем в словах *точка* (< *ты́чка*) и *точный*, ср. также *точь-в-точь*. По своему происхождению слово *тыкать* является итеративом, т. е. многократным глаголом, от *ткну́ть*, подобно слову *пина́ть*, образованному от *пну́ть*.

Организовывать — организму

Приведенные формы (с привлечением сюда соответствующего существительного *организация*) позволяют безосновно установить морфемный состав данных слов и конкретную семантику выделяемых суффиксов. Деление *организов-а-ть* и *организу-й-у* свидетельствует, что в разбираемых формах, помимо инфинитивного *ть* и окончания *-у*, имеется по одному общему словообразующему суффиксу, выступающему, правда, в двух алломорфах *ов/у* (что обусловлено чередованием), и по одному различному словообразующему суффиксу *-а-* и *-й-*. В *организовать* выделяется суффикс основы инфинитива *-а-*, в *организу* — суффикс основы настоящего времени *-й-*. Словообразующий суффикс *ов/у* оформляет глагольную основу (ср. суффикс отвлеченного действия *-ащи-* в существительном *организация*).

С помощью какого суффикса было образовано слово *мохнатый*

Прилагательное *мохнатый* соотносится с существительным *мох* и членится на производную основу *мох-* и регулярный суффикс *-нат* (ср. современные *пернатые*, древнерусск. *дубнаты* и др.).

Образовано оно было, однако, с помощью регулярного суффикса *-ат-* (ср. той же модели слова *волосатый*, *косматый*, *лохматый* и т. п.) от слова *мохна* «пучок волос, шерсти, перьев; кисть, флок, косма». Последнее представляет собой суффиксальное производное (суффикс *-н* < *-вн-*) от *мох* < *мохъ*), аналогичное слову *мохра* «короткая нитка, волос, шерстинка, перо,

каждая отдельная часть мохны» (Даль В. Толковый словарь... М., 1955, т. 2, с. 252), производному от того же существительного *мох*, но с помощью суффикса *-р* (< *-вр-*). Таким образом, *мохнатая* (ветка) оказывается сродни *махровому* (полотенцу).

Редкие корни и суффиксы

В глаголах *ездить*, *ехать* — по соотношению со словами *еду*, *ехала*, *ездила*, *езда*, *приезд* и т. д. — выделяется корень *е-*, представляющий собой непроемную основу связанного характера, известную лишь в сочетании с каким-либо суффиксом (*-а*, *-ха*, *-зд*). Тот же корень *е* < *je* (естественно, отчасти с иной огласовкой) выделяется в литовск. *jóti* «ехать верхом», тохарск. *уа* «приезжать, вести» и т. д.

Фонетически слабо выраженных корней типа *е* в современном русском языке немного, однако они все же есть (ср.: *-у-* в *обуть*, *разуть*, *-й-* в *зайти* и т. п., *е-* в *ем*, *ешь* и др., *а-* в *акать*, и в *икать*, *ли-* в *лить*, *пе-* в *петь*, *бы-* в *быть* и некоторые другие).

Суффикс *-д-*, выделяемый в *еду*, *едешь*, *едет* и пр. по соотношению с *езда*, *ехал*, указывает на глагольную основу настоящего времени. Этот же суффикс содержится в глаголах *иду*, *идешь*, *идет* и др. (ср.: *зайти*, *войти*, *разойтись* и др., древнерусск. *ити* «идти», чешск. *jíti*, словенск. *íti* и т. д.).

Сейчас уже не выделяют этот суффикс, хотя в глубокой древности с его помощью были образованы глаголы *кладу* (ср.: литовск. *klóti* «расстилать» без *d*), *владеть* (ср.: лат. *valéo* «быть здоровым, сильным») и др.

Суффикс *-зд-*, выделяемый сейчас только в слове *езда* и ему родственном, является нерегулярным суффиксом того же значения, что и продуктивный суффикс *-ние* (*-ение*) (ср.: *ходить* — *хождение* и т. д.), т. е. суффиксом абстрактного действия.

В некоторых других словах его можно вычленил лишь этимологически (ср.: *узда*, диал. *глизда* «глиста», древнерусск. *звиздъ* «свист» и пр.).

Что касается суффикса *-ха-* в составе глагола *ехать* и его форм (*ехал*, *ехавши* и т. д.), указывающего на основу инфинитива, то он появился здесь скорее всего аналогически под влиянием глаголов типа *махать*, *слыхать*, *пыхать*, *-ухать* «пахнуть» (в *благоухать*), *-бухать* «разбухать» (в *разбухать*) и т. д. Впрочем, возможно, что он представляет «слияние» именного суффикса *-х-* (ср.: *смех* и т. п.) и тематического суффикса глагола *-а-* (ср.: *звать* и пр.).

Трещотка и щетка

Слово *трещотка* представляет собой суффиксальное производное от глагола *трещать*, аналогичное *чахотка* (ср.: *чахнуть*) и *чесотка* (ср.: *чесаться*). Существительное *щетка* по своему происхождению является уменьшительно-ласкательным

образованием с помощью суффикса **-к (а)** от слова *щеть* того же значения, восходящего в свою очередь к слову *щеть* со значением „жесткий волос, щетина“. Поскольку в настоящее время существительного *щеть* нет, а слово *щетина* со словом *щетка* несоотносительно, последнее следует считать уже корнем, пережившим процесс опрощения.

Правописание этих слов регулируется § 4 „Правил русской орфографии и пунктуации“ (М., 1956, с. 7—9), однако с точки зрения изложенного в нем орфография существительных *трещотка* и *щетка* представляется недостаточно обоснованной. В самом деле, слово *трещотка* приводится среди таких слов, где *о* под ударением после шипящего находится в корне (*обжора, жом, крыжовник, чокаться, шов, шоры* и т. д.), несмотря на то что в нем *о* после шипящего находится в суффиксе. Слово *щетка* указано в числе слов, „в корнях которых под ударением произносится *о*, чередующееся с *е* в других формах или в других словах того же корня“, хотя, как говорилось выше, оно со словом *щетка* как родственное уже не связывается.

Написание *трещотка* с *о* после *щ* объясняется тем, что в данном слове, как и в словах *чахотка, щетотка*, имеется ударный суффикс **-отк-**. Поэтому с точки зрения морфологического принципа русской орфографии оно является вполне закономерным.

Написание *щетка* с *ѣ* после *щ* под правило о написании слов с чередующимися *о* — *е* не подходит, так как со словом *щетка* оно связано сейчас лишь этимологически. Оно является чисто традиционным и может быть объяснено только с привлечением фактов истории русского языка.

Размышления о том, почему мы пишем *месиво*, но *варево*

Если иметь в виду только те словообразовательные связи и соответствия, которые наблюдаются в современном русском литературном языке, то орфография слов *варево, жарево, курево* (с *е*, а не *и*) кажется действительно неоправданной. Неоправданной в современном аспекте представляется и непоследовательность в написании слов похожей модели, соотносительных с существительными: *огниво* < *огонь*, *но зарево* < *заря*.

Однако речь здесь должна идти не о разном в написании указанных слов. Ведь каждое из этих слов имеет сейчас одно правильное написание и по-разному писаться не может. А о разном мы говорим, имея в виду только такие случаи, когда одно и то же слово можно писать и так и этак.

В данном случае вопрос может возникнуть лишь о том, почему слова, выделяющие на первый взгляд один и тот же суффикс, пишутся то с *е*, то с *и*, почему наблюдается орфографический разрыв как будто единого словообразовательного типа.

Как уже упоминалось, разбираемые существительные по своей структуре одной модели не образуют: одни соотносительны с глаголами (*месиво, курево, жарево, варево*, ср. также: *придиво, крошево, жниво, топиливо, печево, вязево*)¹, другие — с существительными (*огниво, зарево*, ср. также *сочиво*), однако это обстоятельство поставленного вопроса не снимает.

Примеч, если абстрагироваться от уже привычных орфограмм, предположение о правильности написания в перечисленных словах на конце **-иво** не является бесспорным: под ударением наблюдается только *и* (ср.: *жниво, огниво*). Поэтому при выделении в перечисленных словах суффиксов **-ив-, -ев-, -в-** опираются не на реальное звучание содержащих определенные аффиксальные морфемы существительных, а на орфографию и историю языка. Именно фактами исторического словообразования русского языка различное написание (как с *и*, так и с *е*) соответствующих слов объясняется и оправдывается. Большую роль в закреплении разбираемого орфографического разрыва в обозначении суффикса здесь сыграла и правописная традиция.

Дело в том, что на основе суффикса **-в(о)** в славянских языках еще в дописьменную эпоху сформировались как суффикс **-ив(о)**, так и суффиксы **-ов(о), -ев(о)** (последний первоначально в качестве фонетического варианта суффикса **-ов(о)** после смягченных согласных основ на **-jо**).

В отличие от суффикса **-в(о)**, соотносительного с глагольными основами, эти вторичные суффиксы начали сцепляться с именными основами: *огнь* — *огниво*, *логъ* — *логово*, *куръ* (ср. польск. *kurz „пыль“*) — *курево* (ср.: *Лето же тогда бысть сухо и курево дымное хождение*. Софийский временник, 1533) и пр., а потом по аналогии стали переноситься даже в такие образования, которые были отглагольными производными с суффиксом **-в(о)**. Последнее, возможно, происходило не без влияния отглагольных существительных на **-ение** (ср.: *варево* — *вариво*; укр. *вариво*, болг. *варииво*, древнерусск. *вариво*: *Вариво безъ масла; кружево* — древнерусск. *кружево*; *Уашиа и оксамитомъ со кружиовомъ, яко достоинъ царемъ; печево* — *печиво* — см.: Д а л ь В. Толковый словарь ..., т. 3, с. 109, сербскохорв. *печиво* и т. п.).

Указанные случаи мены орфографического *и* на *е*, свидетельствующие о фактах словообразовательной контаминации, представляют собой как будто еще один аргумент в пользу написания такого рода слов с *и*.

Несомненно, что в ряду орфографических вопросов, требующих своего разрешения, в будущем надо будет рассмотреть и вопрос о *е* — *и* в словах типа *месиво, варево, зарево*.

¹ В словах *кружево, марево, малозиво, пиво* суффиксы уже не выделяются.

² Ср., например, в „Грамматике русского языка“, М., 1952, т. I, с. 251.

Что правильное: *опята* или *опенки*?

В современном русском литературном языке существительное *опенок* имеет две формы множественного числа: *опенки* и *опята*. Обе они вполне нормативны, поэтому вовсе не обязательно употреблять форму *опенки*, можно — и это будет также правильным — говорить и писать *опята*.

Однако этимологически более предпочтительной является все же форма *опенки*, так как это слово образовано с помощью приставки *о-* и суффикса *-ок* от существительного *пень* (ср. диал. *обабок* „масленок, подберезовик“, образованное также от слова *баба* в значении „пень“). *Опенок* буквально, как и *обабок*, значит „гриб, растущий вокруг пня“. Когда слово *опенок* разошлось по своему значению со словом *пень* и этимологизировалось, оно подверглось аналогичному воздействию существительного того же семантического ряда, также обозначающего гриб *масленок*, образованного по модели *пострел* — *постреденок*, *милый* — *миленок* от *масло* „масленок“, отмечаемого еще В. Далеком. По образцу *масленок* — *маслята* появилась рядом с *опенок* — *опенки* пара *опенок* — *опята*.

Варианты или одно и то же?

Корень не является одинаковым во всех случаях своей жизни, он иногда — по разным причинам — варьируется, выступая то в одном, то в другом обличье. Иногда к корневому варьированию относят, в частности, случаи типа *земл* — *зем*, *солнц* — *солн*. Но это неверно.

В словах *земля* — *подземный*, *солнце* — *солнышко* наблюдаются не варианты корневой морфемы, а один и те же (*зем*, *солн*), но связанные производные основы.

Варьирование производной основы является следствием внутриморфемного чередования фонем (ср.: *пек-у* — *печ-ешь*, *писк-* — *пищ-а-ть*, *свет* — *о-свещ-ени-е* и т. д.).

В разбираемых же словах и *л*, и *ц* находятся за пределами и корней и имеют определенное значение, т. е. представляют собой по отношению к соответствующим основам самостоятельные морфемы, а именно суффиксы.

В слове *земля* по соотношению с *подземный*, *чернозем*, *назем* выделяется связанная производная основа *зем-*, суффикс *-л-* и окончание *-а*. (Заметим, что эта же производная основа, например, в словацком языке является не связанной, а свободной: *зем* „земля, страна“. А что касается суффикса *-л-*, оформляющего основу существительного, то, кроме слова *земля*, он — по соотношению с глаголом *капать* — выделяется также в существительном *капля*.)

В слове *солнце* суффикс *-ц-* (восходящий к уменьшительно-ласкательному суффиксу *-ыц-*) также в очень большой степени

десемантизирован и указывает лишь — в отличие от уменьшительно-ласкательного суффикса *-ышк-* — на основу существительного. Непроизводная связанная основа *солн-* вычленяется здесь по соотношению со словами *солнышко*, *подсолнух*. В диалектах основа *солн-* представлена шире (ср.: *усолонь* „тень“, *солныш*, „подсолнух“, *солновать* „ходить по солнцу, с востока на запад“ и т. д.).

Глагол *уничтожить* по составу и происхождению

По своему составу глагол *уничтожить* по соотношению с *уничтожать*, *изничтожить*, превратив в *ничто* (и дальше — что, чему, кем и т. д.) членится на следующие морфемы: *у-ни-ч-то-ж-и-ть*. Поэтому перенос *унич-тожить* является таким же правильным, как и переносы *уни-чтожить*, *уничто-жить*.

С точки зрения современной языковой системы в слове *уничтожить* выделяются два корня: местоименный корень *-ч-* (из *чь* < *кь*, ср.: *кто* < *къто*) и отрицание *ни*.

Комплекс *-то* в настоящее время, как это ни покажется, может быть, парадоксальным, выступает в качестве окончания именительного-винительного падежа (ср.: *что, чего, чему, кем, о чем*). Окончание это является нерегулярным и встречается, кроме местоимения *что*, лишь в слове *кто* и их производных. По своему происхождению же это указательное местоимение *то*, в котором корнем является *-т-*, а *-о* представляет собой окончание.

Что касается морфемы *-ж-*, которая выделяется в глаголе *уничтожить* по соотношению со словами *ничто* и *уничтожать*, то ее следует охарактеризовать, если иметь в виду современное состояние русского языка, как суффикс, образующий вместе с приставкой *у-* глагольную основу. Этимологически же эта морфема тоже является корневой и представляет собой частицу *же*, так как глагол *уничтожить* в действительности возник не на базе *ничто*, а на основе *ничтоже* „ничто“, ныне из употребления исчезнувшего.

Для точности о выражении *для блезиру*

Выражение *для блезиру* по своему употреблению является просторечным и устаревшим. Сейчас его единственное значение — „для вида“, однако такое значение не является для этого оборота исходным: во второй половине XIX в. ему было свойственно еще значение „для забавы, для удовольствия, для развлечения“ (ср. у Н. С. Лескова: *Вообще она стала хозяйкой не для блезиру, а взялась за дело плотно, без шума, без треска, но... солидно*).

По своему происхождению оборот *для блезиру* представляет собой народно-этимологическую переработку выражения *для плезиру*, в котором слово *плезир*, во второй половине XIX в. еще

употреблявшееся, является заимствованием из французского языка (франц. *plaisir* «забава, удовольствие»).

Слово *плезир* было изменено в *близир* в результате звукового сближения его с прилагательным *близкий*.

Несколько слов о слове *удовлетворять*

В глаголе *удовлетворять* с точки зрения современного языкового сознания выделяется непростоизводная основа *удовлетвор-*, суффикс несовершенного вида *-а-* (ср.: *удовлетворить*) и инфинитивный суффикс *-ть*. Вообще же по своему происхождению этот глагол является сложным и возник — по модели *ублагодетворять* (ср.: *ублажать*), *оживотворять* (ср.: *оживить*) и т. д. — в результате сложения глаголов *удовлетви* «удовлетворить» (родственного словам *воля, удовольствие, довольный*) и *творити* «делать».

Поэтому с этимологической точки зрения в глаголе *удовлетворять* можно выделить следующие морфемы: приставки *у* и *до-*, корень *-вл-* (из *-вл-*) тот же, но на ступени редукции, что и в словах *воля, велеть*, соединительную гласную *е*, корень *-твор-*, суффиксы *-а-* и *-ть*.

Остановимся немного на слове *постановщик*

Слово *постановщик* в семантическом и словообразовательном отношении соотносится сейчас со словами *постановка, поставить, ставить*. В соответствии с этим в ней выделяются следующие морфемы: [(*поста-*)-*нов*] — *щик* (), где () обозначает нулевое окончание, а *-нов-* выступает как своеобразный вариант суффикса *-ов-* (ср.: *распиловщик, упаковщик* и т. п.).

В настоящее время существительное *постановщик* осознается как производное от слова *постановка*, соотносительного в свою очередь с *поставить* (от *ставить*).

В действительности же слово *постановка* было образовано от ныне уже не употребительного (в «Толковом словаре...» В. Даля он отмечается, см. т. 3, с. 342) глагола *постановить* «поставить», префиксального производного от *становить* (< *стан*, ср.: *усыновить* < *сын*; существительные *сын, стан* искони принадлежали к 1-й основе: род. пад. — *сыну, стану*, дат. пад. — *сынови, стани* и т. д. Отсюда и *ов* между суффиксом *-н-* (корень *-ста-*) и суффиксом *-ити* > *-ить*). Ср.: *усыновить*.

О *пожарнике, чертежнике* и других

При членении слова на морфемы необходимо учитывать прежде всего, с каким родственным словом по своему значению и структуре анализируемое соотносится, какое слово прямо и непосредственно мотивирует данное. Иначе говоря, выделяя значимые части в слове, надо сопоставлять его с самым

близким его родственником. При этом важно не забывать, что любое слово с производной, т. е. членимой, основой может быть «развернуто» в словосочетание с таким родственным, однокоренным словом: *высотник* — «летчик, специалист по высотным полетам»; «человек, работающий на строительстве высотных зданий». Соотношение *высотник* — *высотные* является основанием для выделения суффикса *-ик*. *Водник* — «рабочий или служащий на водном транспорте». Значит, и здесь перед нами суффикс *-ик*. *Колхозник* — это «крестьянин — член колхоза». Следовательно, в этом слове выделяется суффикс *-ник*. *Ударник* — «передовой работник социального производства» (ср. словосочетания *ударная бригада, ударное задание, ударная работа* и т. д.) или «тот, кто входит в состав ударной войсковой группы». В этом слове выделяется суффикс *-ик*. Он же содержится и в слове *десантник* («боец из десантных войск»).

Физкультурник — это «человек, занимающийся физкультурой». В слове *физкультурник* (по несомненному соотношению с существительным *физкультура*) выделяется уже суффикс *-ник*.

Опять-таки суффикс *-ик*, а не *-ник* надо выделять в слове *пожарник*, поскольку *пожарник* — это *пожарный*, работник пожарной команды (а отнюдь не всякий, кто тушит пожар!).

Особый случай образует в морфемном и словообразовательном плане слово *чертежник*, толкуемое в словарях как «специалист по черчению», т. е. «специалист по изготовлению чертежей, или специалист, выполняющий чертежные работы». Здесь мы встречаемся с тем, что в лингвистической литературе называется либо омонимией словообразовательной формы, либо альтернативным членением. Дело заключается в том, что существуют в языке слова, которые могут члениться не однозначно, а двояко, по-разному; они представляют собой такие названия, которые имеют несколько мотивирующих основ (обычно две).

В подобных случаях следует указывать все возможные словообразовательные решения. В слове *чертежник* можно выделять и суффикс *-ник* (*чертежник*, «специалист по изготовлению чертежей»), и суффикс *-ик* (*чертежник*, «специалист, выполняющий чертежные работы»), но в обоих случаях надо это соответствующим образом аргументировать.

Естественно, при разборе слов по составу нельзя забывать, что «анатомия» слова далеко не всегда указывает нам на его действительное образование как структурного целого. Было уже указано, например, что слово *ударник* — передовой работник социального производства — содержит в себе суффикс *-ик*, однако оно не было образовано с его помощью: это существительное возникло в результате лексико-семантического способа словообразования, путем переосмысления на базе слова *ударник* в значении «солдат или офицер ударной войсковой группы».

Как известно, в современном русском языке существуют только две соотносительные между собой формы повелительного наклонения: 2-е лицо ед. числа и 2-е лицо мн. числа. Таким образом, парадигма глаголов в повелительном наклонении является "двучленной" (в отличие, например, от шестичленной парадигмы глаголов настоящего времени).

Противопоставляются друг другу лишь формы единственного числа, с одной стороны, и множественного — с другой (ср. *веди — ведите, неси — несите* и т. д.). Это противопоставление получает свое формальное выражение, аналогичное тому, что наблюдается, например, в существительных *стол — столы, кость — кости*.

В существительных мы видим нулевое окончание в единственном числе и материально выраженное окончание **-и (-ы)** во множественном. В формах повелительного наклонения *веди — ведите, неси — несите, пиши — пишите* и т. д. мы также видим в единственном числе нулевое окончание, а во множественном — материально выраженное окончание **-те**.

С окончанием множественного числа **-те** нельзя смешивать суффикс **-те**, который служит для образования формы вежливого обращения. В предложениях *Ребята, идите ко мне* и *Ребята, идите ко мне* (ср. *Ребята, идем ко мне*) **-те** разные: в первом случае это окончание множественного числа, во втором — суффикс формы вежливого обращения.

Что касается морфемы **-и**, стоящей в *неси, пиши* и т. д. перед нулевым окончанием, а в формах множественного числа *несите, пишите* перед окончанием **-те**, то она является суффиксом, с помощью которого мы от основы настоящего времени (*нес-, пиш-* и т. п.) образуем основу повелительного наклонения какого-либо конкретного глагола.

Таким образом, глаголы повелительного наклонения содержатся — в зависимости от того, какого они числа — либо нулевое окончание (2-е лицо ед. числа), либо окончание **-те** (2-е лицо мн. числа). Без окончания глаголы в форме повелительного наклонения не существуют. Но в них в то же время нет и окончания **-и**.

Кстати, надо иметь в виду, что в каждом глаголе повелительного наклонения обязательно есть и суффикс и окончание, причем и та и другая морфема может быть не только материально выраженной, но и нулевой. Так, количество морфем в слове *брось* и в слове *смотрите* одинаково. В *смотрите* три морфемы: *смотр-* (корень), **-и-** (суффикс) и **-те** (окончание 2-го лица мн. числа); столько же их и в *брось*: *брось-* ()¹-()², где *брось-* — непронизывающая основа, ()¹ — нулевой суффикс повелительного наклонения и ()² — нулевое окончание 2-го лица ед. числа.

Проверка и проверка

Проверка и проверка — не только слова, звучащие почти одинаково. Они представляют собой в то же время и синонимы. Ведь в сочетаниях *вечерняя проверка в лагере* и *вечерняя проверка в лагере* эти существительные значат одно и то же.

Частичное совпадение значений этих слов понятно и закономерно. Оно отражает синонимичку глаголов *поверить* и *проверить*, имеющих — помимо смысловых различий — общее значение "обследовать с целью контроля, удостовериться в правильности". Возникает вопрос, почему глаголы с разными приставками в одном из своих значений совпали. Ведь как будто **по-** обозначает совсем не то, что **про-** (ср. *понести — пронести, побегать — пробегать, помаслить — промаслить* и т. д.). В большинстве слов это так и есть. Однако в отдельных словах значения наших приставок могут быть очень близкими (ср. *Я побуду здесь всю весну* и *Я пробуду здесь всю весну* и т. п.). Это наблюдается не в глаголах, обозначающих конкретное действие, связанное с движением в пространстве (в них приставки всегда имеют четкое, как правило, пространственное значение и выступают как эхо соответствующего предлога), а в глаголах абстрактного плана. Таковы глаголы *поверить — поверить* и *проверить — проверить*, а также их прямой и ближайший родственник *сверить — сверить*, давший существительное *сверка*.

С глаголом *поверить* "проверить" как исходным для слова *проверка* не следует смешивать омонимичные глаголы *поверить* со значением "доверить, вверить (что-либо)" и *поверить* как соотносительную форму совершенного вида к слову *верить*. От них будут иные производные, например *поверенный* (от первого) и *повере* (от второго).

Три слова с приставкой **пре-**

Среди приставок современного русского языка приставка **пре-** занимает особое — более скромное — место. Это объясняется тем, что она сейчас не только непродуктивна, т. е. совершенно не образует новых слов, но даже и нерегулярна, т. е. встречается лишь в единичных, разрозненных словах. Поэтому некоторые из вас могут даже усомниться: а существует ли она вообще? Спешу ответить, что префикс **пре-** не выдумка, а вполне реальная морфема с очень четким и вполне определенным значением. Правда, "живет полной жизнью" она в качестве значимой части слова сейчас только в трех именах — в существительных *преволюция* и *презвон* и в прилагательном *преклятый* (глаголу *презвонить* приставка **пре-** досталась по наследству от слова *презвон*).

Достаточно сопоставить эти слова с их "родителями", т. е. с теми, на базе которых они были образованы (*волнение*,

звон, клятый), чтобы стали ясными и реальность приставки **пре-** как морфемы, и ее „превосходное“, усилительное значение (вышей степени), похожее на семантику приставок **пре-, наи-, раз-, ультра-, архи-** в словах типа **преогромный, наилучший, раскрасавица, ультрамодный, архиплут** и т. д.

Заметим, что не всякое **пре-** будет такой приставкой. В словах типа **презубец, тренोजник, треух** **пре-** представляет собой уже сочетание корня числительного **тр-** и соединительной гласной **е**.

Так что надо учитывать, что **пре- пре-** разн. В своей нерегулярной исключительности приставка **пре-** не является исключением, как можно подумать. Есть и другие нерегулярные приставки (ср.: **ку-** в **кумекать, стор-** в **сюрреализм**).

Почему в слове летчик-космонавт
склоняются обе части,
а в слове инженер-полковник — только вторая?

Вопрос этот вполне понятен, так как на первый взгляд перед нами совершенно одинаковые по своей структуре образования. Ответ мы получаем после их словообразовательного анализа. Он наглядно показывает нам, что формы словозменения в этих существительных проявляются по-разному потому, что они имеют различную структуру, относятся к различным (хотя и смежным) словообразовательным моделям.

Существительное **летчик-космонавт** представляет собой с о с т а в н о е сложное слово. Именно поэтому в нем, как и во всех других словах этого типа, склоняются обе части сложения (**летчика-космонавта, летчику-космонавту** и т. д.). Составные сложные слова образованы по модели „определяемое + определяющее“. В слове **летчик-космонавт** вторая часть определяет первую, так же как и в существительных **инженер-экономист, вагон-ресторан, школа-интернат, самолет-разведчик, ракета-носитель, концерт-загадка, бал-маскарад, пальте-костюм, матчевши, шапка-ушанка, диван-кровать, слесарь-ремонтник** и т. п., по аналогии с которыми оно недавно было создано.

Что касается существительного **инженер-полковник**, то по своему внутреннему строению оно является иным и относится уже к с л и т н ы м сложным существительным, образующим промежуточный разряд слов между составными сложными словами и слитными сложными словами с соединительными гласными **о/е**. Промежуточный характер слов типа **инженер-полковник** (по сравнению со словами типа **летчик-космонавт**, с одной стороны, и **копейметатель** — с другой) сказывается в том, что по своему составу — из компонентов, известных в качестве самостоятельных слов, — они подобны словам типа **летчик-космонавт**, а по своей слитности аналогичны словам типа **копейметатель**. Соответствующая модель („определяющее + определяемое“) сфор-

мировалась в русском языке на основе заимствованных слов типа **генерал-прокурор, штаб-квартира, джаз-оркестр, дизель-мотор** и др. Так появились существительные **шеф-повар, плац-набатка, альфа-лучи, инженер-капитан** и т. п. В словах этой структуры определяющей является первая часть, а определяемой — вторая: **генерал-прокурор** — это „генеральный прокурор“, **штаб-квартира** — „квартира, где помещается штаб“, **инженер-капитан** — „капитан инженерных войск“, **шеф-повар** — „главный (являющийся шефом, т. е. начальником) повар“ и т. д.

В этом отношении они аналогичны старым исконно русским сложениям типа **жар-птица, бой-баба, пай-мальчик** и пр. Так же как и они, существительные модели **инженер-полковник** изменяемы только в своей второй части. Принадлежность слов **инженер-полковник** к словам типа **генерал-майор, штаб-офицер** и т. п. ясно ощущается, как только мы сравним его 1) со словами **инженер-майор, инженер-капитан** и др. и 2) со словами **инженер-экономист, инженер-механик** и т. п.

Где кончается основа слова и начинается окончание

При разборе слова по составу одной из основных задач является выделение основы. Вот здесь-то и встают перед учителем и учениками самые различные вопросы, связанные как с общими понятиями словообразования, так и с анализом конкретных слов. Чаще всего и более всего их интересуют пять следующих вопросов.

Вопрос 1. Как определить основу слова? Можно ли придергиваться, например, того методического рецепта, который предложен в учебнике для подсказки: „Если в какой-нибудь форме слова мы отбросим окончание, то получим основу этой формы... В некоторых случаях основой называется часть слова без формообразующего суффикса...“ (Земский А. М. и др. Русский язык, ч. 1. Изд. 8-е. М., 1971, с. 85)?

Вопрос 2. Если исходить из того, что основа — это часть слова без окончания и без формообразующих суффиксов, то куда надо относить суффиксы субъективной оценки — к формообразующим или к словообразующим (т. е. где основа в словах: **листик, платьишко, дружище, зверюга**)?

Вопрос 3. Нужно ли включать в состав основы формообразующую приставку (например: **прочитать, написать**)?

Вопрос 4. Какими — словообразующими или формообразующими — являются суффиксы **-ни-** и **-ени-** в словах **обладание** (ср. **обладать**), **деление** (ср. **делить**) и т. д.?

Вопрос 5. К чему — к основе или к окончанию — относятся наращения **-ен-** в косвенных падежах существительных на **-мя** (**зная, время** и др.) и **-ер-** в словах **мать и дочь**? Если наращения — суффиксы, то какие: формообразующие или словообразующие (словообразовательные)?

Попробуем кратко ответить сейчас на эти вопросы.

1. Если иметь в виду все структурное многообразие слов русского языка, то придется сказать, что предложенный способ определения основы неудовлетворителен. Ведь в нашем языке есть и такие слова, которые форм словозменения не имеют и, значит, окончания не содержат. В словах *пешком, мимо, жалю, дрожь, алло, без* и т. п. нельзя "получить основу, отбросив окончание", но в них имеется основа и ее можно определить.

Она может быть в таких словах и производной (*пешком, дрожь*), но она представляет собой в них чистую основу, принципиально неспособную иметь флексийный аккомпанемент. Окончание не существует как отдельная нота (подобно суффиксу и приставке), а всегда звучит в гамме целой парадигмы. Морфема *-а* в составе слова *нога* в качестве окончания существует лишь постольку, поскольку она оказывается в одном ряду с *-и* (*ноги*), *-е* (*ноге*), *-у* (*ногу*), *-ой* (*ногой*), () (*ног*), *-ами* (*ногами*) и т. д.

Таким образом, окончание как значимая часть слова предполагает парадигму, и обращаться к нему для определения основы можно только в сфере изменяемых слов.

Следовательно, указываемое определение не является всеобщим. Оно рассчитано только на слова, имеющие формы словозменения.

Кроме того, в ряде случаев окончание оказывается внутри слова, и его нельзя "отбросить", а можно только "выбросить". Ведь в русском языке есть слова, в которых за окончанием следует суффикс (входящий, разумеется, в основу). Ср.: *бо-й-у-сь*, где после окончания *-у* идет суффикс *-сь*, *к-ого-нибудь*, где после окончания *-ого* идет суффикс *-нибудь*, и т. д.

И наконец, суффикс (каким бы он ни был) всегда, если это подлинный суффикс, входит в основу данного слова, выступая ли он в нем как словообразовательный или формообразующий. Не входит в основу только словоземительный аффикс, т. е. окончание.

Анализируя конкретные формы слова, необходимо при этом учитывать реальную парадигму слова. Так, в глаголе *писала* (по соотношению с *писал, писали, писало*) выделяется основа *писал-* и окончание ед. числа жен. рода *-а*. Нас в данном случае не интересует, что основа *писал-* образована с помощью так называемого формообразующего суффикса *-л-* от основы инфинитива *писа-*, — ведь и последняя в свою очередь тоже образована (с помощью тематического суффикса *-а-* от корня *пис-*). Все это относится уже не к определению демаркационной линии между основой и окончанием, а к членению производной основы на морфемы.

Следовательно, ту или иную основу нельзя называть "частью слова без формообразующего суффикса". Последний входит в основу так же, как и остальные несловоземительные аффиксы.

2. Из сказанного ранее ясно, что основами в словах *листик, платьишко, дружище, зверюга* и т. п. являются *листик-, платьишк-, дружищ-, зверюг-*. И на такое единственно правильное решение не может никак повлиять, какими — формообразующими или словообразующими — мы будем считать суффиксы субъективной оценки. А этот вопрос решается различными лингвистами по-разному. Однако даже если считать эти суффиксы формообразующими (что вряд ли оправданно и целесообразно), то следует иметь в виду, что они образуют совсем не такие формы, какие образуются нами с помощью окончаний (ср. отношения *лист — листик* и пр. и отношения *лист — листва — листвы* и т. п.). Более того, эти "формы" сами имеют свои формы (ср. *листика, листику, листиками* и т. д.). Думается, что формами слова (если мы хотим за этим термином сохранить определенное значение) следует считать только те образования, различия между которыми является чисто синтаксической и создается только окончаниями. Семантически, т. е. по своему вещественному значению, формы слова выступают как абсолютно тождественные.

С этой точки зрения не являются формообразующими не только суффиксы субъективной оценки (привносящие особые эмоциональные и стилистические обертоны в исходное название, а иногда и значение реального уменьшения или увеличения размера предмета), но и суффиксы прошедшего времени и повелительного наклонения. Последние лишь образуют соответствующие основы, различные же формы прошедшего времени и повелительного наклонения оформляются уже окончаниями: () *-а, -о, -и*; () *-те*, так же, между прочим, как и суффиксы ед. и мн. числа в существительных (ср. *гражданин()* и *гражданин(е), неб(о) и небес(а)* и т. д.).

3. Изложенное выше позволяет сказать решительное "да" в ответ на вопрос о том, нужно ли включать в состав основы формообразующие приставки. Абсолютно все приставки входят в состав основы слова, в том числе также и те, которые имеют чисто видовое значение. По поводу характера приставок совершенного вида, как и соотносительных с ними суффиксов в глаголах совершенного и несовершенного вида, единого мнения среди языковедов нет: одни считают их словообразовательными, другие — формообразующими. Здесь все зависит от того, как понимается форма слова. Логичнее считать соотносительные глаголы совершенного и несовершенного вида самостоятельными словами.

4. Предыдущее изложение не оставляет сомнений в том, что суффиксы *-ниж-* и *-ениж-* в отглагольных именах существительных типа *обладание, деление* и др. могут быть только словообразующими, так как с их помощью от слов одной части речи (от глаголов) образуются слова иной части речи (имена существительные). Регулярность производства существительных

посредством этих суффиксов и наличие у этих имен отдельных свойств глагола не делают их формами глагола, так же как подобные явления, например, не делают существительные на **-ость** (*есть*) (*внимательность, стыдливость* и т. д.) формами соответствующих прилагательных.

5. Нарушения **-ен-** и **-ер-** в словах типа *знамя, мать* представляют собой суффиксы, оформляющие основу падежей соответствующих существительных, исключая им. и вин. пад. ед. числа. С высказанной выше точки зрения это основообразующие аффиксы, сопровождающие образование форм слова. Сами по себе они форм не образуют. Тем не менее без них формообразование невозможно.

Морфемы **-ен-** и **-ер-** как принадлежности основы четко и просто выделяются по сопоставлению форм слова (*знамени, знаменем, знамени, матери, матерью, матерей* и т. д.). Как особые значимые части в пределах основы они выделяются по сопоставлению с формами им.-вин. пад. ед. числа (*знамя, мать* и пр.) и однокорневыми словами типа *времечко, доченька*, в которых этих элементов нет.

Правда, пары *знамя — знамени, племя — племени, темя — темени* и др. можно как будто интерпретировать и иначе, как образования с одной и той же основой, выступающей в двух чередующихся разновидностях (ср. *смять — сминать, обнять — обнимать* и т. п.). В свете этого форму *знамя, племя, темя* и т. д. можно рассматривать уже как состоящую или из одной неприводимой основы (например, *знамя-*), или из производной основы, выделяющей корень и суффикс **-а-** (например, *время: врем-* и **-а-**, ср. *времечко*). Однако такое решение является неверным: в русском языке основы склоняемых имен существительных всегда оканчиваются на согласный звук.

Заметим, что суффиксы **-ен-** и **-ер-** не являются нарушениями косвенных падежей, как иногда думают. С исторической точки зрения, напротив, в им.-вин. пад. ед. числа мы наблюдаем их сокращение; первоначально эти морфемы в данных формах тоже были (ср. праславянские **vertimen* „время“, **mater* „мать“ и т. п.).

Кстати, по своему происхождению суффиксы косвенных падежей весьма своеобразны и оригинальны.

Суффикс **-ер-** первоначально был суффиксом родства, с его помощью в глубокой древности — еще в эпоху индоевропейского языкового единства — были образованы термины родства. Сейчас он выделяется только в двух словах, но он же этимологически присутствует и в таких существительных, как *деверь, свекор, брат* (ср. лат. *frater*), *сестра* (ср. древневерхненемец. *swester*). Сюда же относились и такие слова, как утраченное славянскими языками название отца (ср. лат. *pater*), диал. *ятровъ* (< *ятры*) „жена брата мужа“ (ср. древнеинд. *yāter-*) и т. п.

Что касается суффикса косвенных падежей **-ен-** в словах типа *знамя, племя, вымя* и т. п., то его происхождение еще более любопытно. Он родился от очень древнего словообразовательного суффикса предметного значения **-теп-** в силу процесса переразложения, в результате которого часть суффикса (**-п-**) отошла к корню, а часть образовала современный суффикс косвенных падежей (**-ен-**). Так, диал. *беремя* „вязанка, охапка; ноша, тяжесть“ (ср. старославянское по происхождению *бремя*) восходит к праслав. **berpen*, образованному с помощью суффикса **-теп-** от **ber-* „нести“ (ср. *беру, брать*, родственные греч. *phero* „несу“, древнеинд. *bhrāti* „несет“, готск. *baiga* „несу“ и т. д., исходя имевшие значения „несу, нести“). Сейчас же оно в косвенных падежах делится по соотношению с формой им.-вин. пад. ед. числа на корни *берем-*, суффикс косвенных падежей **-ен-** и окончание.

Как видим, при „поперечном сечении“ изменяемого слова во всей совокупности данных ему языком форм в нем выделяются лишь основа и окончание. Все остальное — „от лукавого“. Все имеющиеся в слове как целом суффиксы и приставки входят и могут входить только в основу, где бы они ни находились и какое бы значение ни имели. Настоящие формы слова образуются окончаниями. Никаких собственно формообразующих суффиксов и приставок нет. Те из них, которые по традиции носят название „формообразующих“, на поверку являются либо словообразовательными (*листик, написать, овладение* и т. д.), либо основообразующими (в *знала* суффикс **-л-** образует основу прошедшего времени, а окончание **-а** — форму жен. рода, в *знаю* суффикс **-я-** образует основу настоящего времени, а окончание **-у** — форму 1-го лица ед. числа, в *знаменем* суффикс **-ен-** образует основу косвенных падежей и мн. числа, а окончание **-ем** — форму твор. пад. ед. числа и т. д.). И хорошо усвоить это — значит усвоить одну из основ словообразовательной премудрости.

Слово *приобретать* в морфемном и этимологическом отношениях

С точки зрения современного русского языка слово *приобретать* (по соотношению с глаголом *приобрести* и *обретать*) делится на следующие морфемы: приставку *при-*, производную основу *обрет-*, суффикс несовершенного вида **-а-** и инфинитивное **-ть**. Структурная формула этого слова сейчас такова: *при (обрет-а-ть)*. Непроизводная основа *обрет-* в формах прошедшего времени выступает в виде *обре-*, например *обрем, обрели* и т. д. Подобное варьирование корня (*шед-, ш-*) наблюдается и в словах типа *шедший, шел*.

В этимологическом аспекте этот глагол выглядит несколько по-другому. Его производная сейчас основа *обрет-* была некогда членимой и состояла из приставки *об-* и корня **-пет-**.

Этот же корень (<рѣт-) мы находим в древнерусском слове *рѣть* "встреча". С ним мы встречаемся и в слове *встреча*, образованном от *встрѣтити* по аналогии с синонимическим и однокорневым словом *стѣпча* (со вставным *т*, как в просторечно-диалектном *спрам*, *стреча* < *стѣпча*, **szęřtja*). Глагол *встрѣтити* образован от *срѣтити* (тоже "встретить"), являющегося в свою очередь приставочным производным от несохранившегося *рѣтити* "встречать". В основе последнего лежит все то же *рѣть* "встреча".

По своему происхождению глагол *приобретать* в русском языке не исконный. Он пришел к нам из старославянского языка.

О прошлом и настоящем существительных *сапожник* и *портной*

На первый взгляд слова *сапожник* и *портной* не имеют ничего общего, кроме разве лишь того, что оба одинаково относятся к разряду имен существительных со значением действующего лица (и уже — к названиям профессий). Но ведь к этому же пласту слов принадлежат многие и самые разнообразные наименования типа *врач*, *каменщик*, *строитель*, *слесарь*, *тракторист* и другие. Узы, связывающие слова *сапожник* и *портной*, значительно более тесные, нежели их общее значение профессии. В известной степени, как ни удивительно, эти разные слова объединяются по своему происхождению. И то и другое возникло на базе не отдельного слова, а целого словосочетания. Более того: и то и другое возникло на базе фразеологических оборотов с одними и теми же опорными словами. Так что в определенной мере слова *портной* и *сапожник* — родственники, своеобразные "сводные братья". Различным оказалось уже их дальнейшее словообразовательное оформление.

Как же вылился на свет эти слова? Их рождению предшествовало довольно длительное употребление оборотов *сапожнй швец*, *сапожнй мастер* и *портнй швец*, *портнй мастер*. Использовав слово *швец* (потом и слово *мастер*), но с уточняющим определением (*сапожнй*, *портнй*), в зависимости от того, что этот *швец* шил: сапоги или порты, т. е. одежду.

Указанные словосочетания активно и свободно употребляются еще в XVIII в. Однако уже в это время появляются и виновники нашего рассказа. Оба они возникли в результате сжатия оборота в слово. Но эта конденсация фразеологизма происходила по-разному. Слово *портной* появилось на основе оборотов *портнй швец*, *портнй мастер* в результате простого опущения опорного существительного (*швец*, *мастер*). Значение оборота стало существительным. Таким образом, оно возникло с помощью того способа словообразования, который называется морфологосинтаксическим, путем перехода слова из одной части речи

в другую. Заметим, что это серьезно сказалось на окончании слова *портной*. Из чистого окончания прилагательного *-ой* превратилось в такое оригинальное окончание существительного, которое одновременно выполняет роль также и суффикса, указывая (по сравнению с *-ик(а)* в слове *портника*) на мужской пол портного.

По-другому складывалась судьба оборотов *сапожнй швец*, *сапожнй мастер*. Оборот "сжали" в слово посредством суффикса *-ик*. Именно он взял на себя те функции, которые в обороте выполняли опорные существительные *швец*, *мастер*.

Таким образом, слово *сапожник* родилось как суффиксальное производное путем прибавления суффикса *-ик* к основе прилагательного *сапожнй* в оборотах *сапожнй швец*, *сапожнй мастер*.

Словообразовательный анализ слова *сапожник* в современном русском литературном языке позволяет как будто толковать его как производное с помощью суффикса *-ник* от слова *сапог*. Но на самом деле он дает нам лишь следующий вывод: слово *сапожник* соотносится сейчас с существительным *сапог*, выделяет в своем составе корень *сапог-*, суффикс *-ник*, нулевое окончание и входит в словообразовательный ряд существительных с суффиксом *-ник*, обозначающих действующее лицо: *печатник*, *охотник*, *огородник* и т. д.

По происхождению же, по своей истинной этимологии слово *сапожник*, как вы теперь знаете, отнюдь не производное от *сапог* с помощью суффикса *-ник*. Его родителем было не слово *сапог*, а обороты *сапожнй швец*, *сапожнй мастер*.

А образовано оно было не с помощью суффикса *-ник*, как нам кажется, а посредством суффикса *-ик*, и не от существительного *сапог*, а от прилагательного *сапожнй*.

Как видим, слово *сапожник* — еще одно и очень яркое свидетельство того, что словообразовательный анализ и разбор слова по составу, с одной стороны, и анализ этимологический — с другой, далеко не одно и то же.

А теперь — о разборе этих слов по составу в школе. Слово *портной* проще, и разных решений здесь быть не может. Оно делится сейчас на непроезвонную основу *портн-* и окончание *-ой*. Надо только обратить внимание учеников на то, что здесь это окончание, как уже говорилось, указывает не только на им. пад. ед. числа, но и выступает в функции суффикса мужского пола. Заметим, что таким же по структуре является слово *нищий*, в котором за непроезвонной основой *нищ-* следует окончание-суффикс мужского пола *-ий* (ср. *нищенка*, в котором значение женского пола заключается в суффиксе *-енк-*).

Существительное *сапожник* может быть соотнесено учениками и со словом *сапог*, и с оборотом — хотя и устаревшим, но еще известным — *сапожнй мастер*. В соответствии с этим производную основу они могут разделить по-разному: то на *сапож-ник*,

то на *сапож-н-ик*. Оба решения являются допустимыми, хотя предпочтительнее (в силу архаичности выражения *сапожный мастер*) все-таки первое. Важно, чтобы предлагаемое членение разумно аргументировалось.

О родственных связях слова *предварительный*

В прилагательном *предварительный* легко и несомненно выделяются прежде всего окончание *-ый* (по соотношению с формами косвенных падежей), суффикс *-тельн-* (по отношению к глаголу *предварить*) и суффикс совершенного вида *-и-* (по соотношению к глаголу *предварять*). С точки зрения современного русского языка основа *предвар-* должна быть охарактеризована как непроизводная, хотя ее бывшая производность чувствуется нами очень хорошо: основное значение слова *предварительный* „предшествующий чему-либо, бывающий перед чем-нибудь“ соотносится со значением приставки *пред-* (ср. *предшествовать*, *предупредить*, *предостеречь* и *предохранить*). В этимологическом плане основа *предвар-* распадается на приставку *пред-* „перед“ и корень *-вар-*.

В русском языке глагол *предварить*, от которого затем было образовано прилагательное *предварительный*, заимствован из старославянского языка, где он возник как приставочное производное от глагола *варити* „предупреждать, встречать, ждть“.

Этот глагол (ср. с другим суффиксом — *варовати*) в древнерусских письменных памятниках встречается очень часто. В диалектах есть родственные ему слова и сейчас, например: глагол *варовать* „сохранять, защищать“, существительное *вар* „защита; то, что охраняет; задний двор при избе, баз“. Очевидно, того же корня и литературное *варежки* (буквально „охраняющие, защищающие“). Несомненно родство глагола *варити* „предупреждать, встречать, ждть“ (и значит, прилагательного *предварительный*) с соответствующими словами германских языков (ср. нем. *warnen* „предостерегать“, *wahren* „охранять, оберегать“, *warten* „ждть“, древневерхненем. *waga* „внимательность“, англ. *warn* „предостерегать“ и др.)

О слове *заветный*, его составе и написании

Речь пойдет о слове *заветный*, в первую очередь о том, как его надо членить на морфемы и почему в нем надо после *з* писать *а*.

В „Школьном словообразовательном словаре“ З. А. Потихи прилагательное *заветный* представлено как трехморфемное: *завет/н/ый*. Такое деление нашего слова на значимые части является не совсем точным, так как учитывает только одно относительное значение этого прилагательного, соотносительное со

словом *завет* „заповедь, наказ“, а именно „заповедный“. Между тем у этого прилагательного есть и качественное значение („сокровенный, душевный“), в котором оно уже прямо и непосредственно с существительным *завет* „заповедь, наказ“ не связано и имеет непроизводную основу *заветн-*.

Значит, слово *заветный* может делиться по-разному (в зависимости от того, какое — качественное или относительное — значение мы имеем в виду).

Разбор слова по составу — с учетом современных связей и соотношений между словами — не позволяет объяснить в прилагательном *заветный* (как и в существительном *завет*) написание буквы *я*. Для этого надо обратиться к анализу этимологическому. С исторической точки зрения в слове *завет* как производном от глагола *заветити* „обещать“ (< „сказать, дать слово“) выделяется та же приставка *за-*, что и в слове *заповедь* (от *заповедати*, ср. *поведать* „сообщить, сказать“). Ведь слово *завет* этимологически родственно словам *обет* < *обвѣтъ*, *ответ*, *привет*, *совет*, *навет* и т. п. и содержит, как и они, корень *-вет-* (< *-вѣт-*). Написание же приставки *за-* (она здесь является безударной) проверяется словами, содержащими ее под ударением (ср. существительные *заповедь*, *залежь*, *запах*, *замысел* и т. п.).

Таким образом, по счастливой случайности методическая заповедь при проверке написания безударных приставок обращать к словам, в которых она находится под ударением, при этимологической проверке слова *заветный* приводит нас к существительному *заповедь*.

Последнее как однокоренной синоним слова *завет* оказывается тем самым заветным (поистине — заповедным) словом, которое надо вспомнить, чтобы написать правильно слово *заветный*.

Про о в слове *кинемеханик* и е в слове *кинематограф*

Слова *кинемеханик*, *киножурнал*, *кинокамера*, *киноплёнка*, *кинотеатр*, *кинофильм* и т. д. представляют собой сложные существительные, в которых в качестве первой части сложения выступает основа слова *кино*. Все эти слова по своему составу и образованию выступают как сложения двух основ, связанных между собой без посредства соединительной гласной (ср. *фотокамера*, *радиопостановка* и пр.). Ведь слово *кино* не склоняется, окончания поэтому не имеет и в структурном отношении является чистой основой (*о* в *кино* — не окончание, как, например, в *вино*). Тем не менее на фоне сложных слов с соединительной морфемой *о* существительные типа *кинемеханик* могут толковаться и как образования с соединительной гласной *о*, которая наложена на конечный гласный основы (ср. наложение *и* в *приду*, *ов* в *лермонтовед* и т. д.).

Слово *кино*, с использованием которого образованы существительные типа *киномеханик*, заимствовано русским языком из немецкого. В последнем оно (*Kino*) возникло в результате сокращения слова *Kinematograph*, заимствованного немцами из французского языка, где его источник — существительное *cinématographe* — является неологизмом братьев Люмьер на базе греческих слов *kinēma*, род. пад. *kinēmatos* „движение“, и *grāphō* „пишу“. От полного названия кино как искусства — *кинематограф* и было образовано слово *кинематография*. Таким образом, по способу образования существительное *кинематография* — не сложное, а суффиксальное (суффикс *-и́-*). Сложным (и то больше в этимологическом аспекте) является слово *кинематограф*: *кине-мат-о-граф*; с исторической точки зрения *е* здесь суффикс: форма род. пад. от *kinēma-kinēmatos* на морфеме исходно делилась так: *kin-ē-m-at-os* (ср. греч. *kinēmai* „двигаться, приводить в движение“).

Вчера и днесь

Вряд ли раньше эти два слова встречались рядом. Уж очень они разные по своей стилистической окраске. Не то что их синонимами: *вчера* и *сегодня*.

Слово *вчера* просторечное, сниженное. Вспомните, как его использует А. П. Чехов в письме Ваньки Жукова: *А вчера мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул*.

Наречие *днесь* „сегодня, теперь“ выступает как книжное и поэтическое. Вот как его параллельно с нейтральными стилистически словом *сегодня* употребляет в поэме „Война и мир“ В. Маяковский: *Сегодня ликую! Не разбрызгав, душу сумел, сумел донести. Единственный человек, средь вой, средь визга, голод подбеглю днесь*.

И все-таки эти слова сблизает не только обозначение смежных понятий вчерашнего и сегодняшнего дня. У них есть общий элемент — конечное *-сь*, восходящее к указательному местоимению *сь* „этот“ (ср. полную форму этого местоимения — *сей*).

Наречие *днесь* возникло в результате слияния в одно слово словосочетания *день сь* „день этот“, так же как его общеупотребительный синоним *сегодня* из *сего* (род. пад. от *сь* „этот“) *дня*. Наречие *вчера* возникло по модели слов *днесь*, *летось*.

Однако с точки зрения современного русского языка слова *вчера* и *днесь* отличаются друг от друга в словообразовательном отношении не менее, чем стилистически. Слово *днесь* представляет собой сейчас производную основу. В слове *вчера* основа (ср. *вчера*) является производной и делится на *вчера-сь*.

Ради этого *-сь* — весь разговор. Во-первых, что это за морфема? По происхождению она корневая, но в настоящее время ее

нельзя охарактеризовать иначе как суффикс. Во-вторых, каково значение этой морфемы? Оно оказывается у *-сь* довольно своеобразным. Суффикс *-сь* можно определить как стилистический, переводящий слово в разряд просторечных и сниженных. Лексическое значение производящего слова (*вчера*) остается прежним, меняется лишь его стилистическая окраска. Такой же характер имеют суффиксы *-у* (в слове *нету*, ср. *нет*), приставки *су-* и *за-* (в словах *супротив*, *завсегда*, ср. *против*, *всегда*) и т. д.

Слаще или слаже?

Можно не сомневаться, что большинство без каких-либо колебаний и раздумий категорически выскажется в пользу *слаще*. Действительно, обычный, так сказать, правильной формой сравнительной степени от прилагательного *сладкий* (о нем см. заметку „*Сладкий* и *солонный*“) является *слаще*. Вспомните хотя бы пословицу *хрен редьки не слаще*. Однако чем все-таки объяснить, что от слова *сладкий* сравнительная степень будет *слаще*? Так ли предпочтительна эта форма по сравнению с формой *слаже*? Ответить на этот вопрос можно, познакоившись с родословной обоих образований.

В соответствии с общим правилом сравнительная степень от прилагательных типа *сладкий*, *высокий*, *близкий*, *широкий*, *узкий*, *частый*, *короткий* и т. д. бывает (или, вернее, воспроизводится) без суффиксов *-к-* и *-ок-* и оформляется с помощью суффикса *-е*, причем перед ним конечный согласный производной основы выступает в „измененном“ виде: *выше*, *ближе*, *шире*, *уже*, *чаще*, *короче* и т. д. В последнем отражается давняя палатализация согласных перед *й*, поскольку когда-то — еще в общеславянском языке — при образовании сравнительной степени за корнем следовал суффикс *-йъ-*.

Поэтому в качестве закономерной сравнительной степени от *сладкий* выступает форма *слаже* с обычным чередованием *д/ж*. Однако эта форма ныне существует лишь в диалектах. Для литературного употребления сейчас единственно правильной признается форма *слаще*, с своеобразным и нерегулярным чередованием *д — щ*.

Л. А. Булаховский считал (см.: Курс русского литературного языка, т. 2. Киев, 1953, с. 180), что форма *слаще* „восходит к *слажце* (контаминация *слаже* и *сладце*)“, и приводил в качестве доказательства правильности своего объяснения следующие примеры: *Да накалхотъ ти слажше меду словеса зет моих* („Слово Даниила Заточника“) и *сладкая меду* („Памятник смутного времени“). Однако это объяснение неубедительно и, очевидно, неправильно.

Дело в том, что *слаще* возводится исследователем к такой форме (*слажце*), которая нигде не зафиксирована и вряд ли была (ср. отсутствие *гажце* > *гаще*, при *литер. гаже*, диал. *гадче*;

отсутствие *реже* > *реце*, при литер. *реже*, диал. *редче*; отсутствие *гладче* > *гладце*, при литер. *гладче*, диал. *гладце* и пр.).

Кроме того, Л. А. Булаховский не учитывал приводимой им же формы *слажчи* (< *слажше*), которая резко отличается от предполагаемой *слажче* и представляет собой закономерное производное к *слаждь* в им. пад. ед. числа ср. рода. Именно эта форма и послужила основой для современного *слаще*. Так, в частности, толкует ее М. Фасмер.

Вспомните склонение прилагательных сравнительной степени в древнерусском языке:

ед. ч. муж. р. — *И. слажши, большши*
Р. *слажшиа, больша* и т. д.;
мн. ч. муж. р. — *И. слажше, больше* и т. д.;
ед. ч. ср. р. — *И. слаже, боле* и т. д.

Следовательно, в этимологическом плане *слаще* (< *слажше*) отсылается к *слаже* так же, как *больше* к *боле*.

Таким образом, обе формы *слаже* и *слаще* исторически представляют собой закономерную сравнительную степень от старославянизма *слаждьки*, но исходно разного рода: форма *слаже* является исконно формой им. пад. ед. числа ср. рода (ср. *чище, выще, боле* и пр.), форма *слаще* < *слажше* возникла на базе им. пад. мн. числа муж. рода (ср. *больше, горше, тоньше* и т. п.).

Изменению формы *слажше* > *слаще*, вероятно, способствовало также и наличие рядом с ней родственных слов типа *слацувый* (от *сласть*), старослав. *слаций* „предполюющий удовольствие“ (ср. диал. *солоций, солоца* „жадный, прожорливый“).

Что такое *ч* в слове *стричь*

Очень своеобразен морфемный состав глагола *стричь*. В форме *стригу* перед нами две морфемы: корень *стриг-* и окончание 1-го лица ед. числа настоящего времени. В существительном *стрижка* их три, и они также четко и непосредственно ощущаются: корень *стриж-*, суффикс *-к-*, образующий имена действия (ср.: *ковка, промывка, проходка* и т. д.), и окончание *-а*.

А как выделить морфемы в форме *стричь*?

Глагол *стричь* вместе со словами *печь, мочь, стеречь, бечь, течь* и др. образует особый структурный тип. В инфинитивах этих глаголов еще в дописменную эпоху в звуке *ч'* были объединены в одно целое конечный согласный корня *к* или *г* и согласный *т'* инфинитивного *ти* (общеславянское *стригити* > *стрикти* > *стричи*, а затем — *стричь*).

Таким образом, глагол *стричь*, как и *везти*, состоит из двух морфем: корня *стриг-* и инфинитивного *-ти*. Но инфинитивное *-ти* располагается не отдельно за корнем (как, например, *-ти* в *везти*), а накладываясь на него и сливаясь с последним его звуком в одно целое [*ч'*].

Нужные сведения о прилагательном *сведущий*

Далеко не всякий сведущий человек досконально знает, как появилось слово *сведущий* и почему не подлагается писать „сведущий“. В то же время всем ясен его отглагольный характер. Разберемся: в чем же тут дело?

Слово *сведущий* близко прилагательному *знающий* и по значению (ср. *сведущий человек* и *знающий человек*), и по происхождению: это бывшие причастия. Рядом с прилагательным *знающий* в нашей речи употребляется омонимическое ему и исходное для него причастие *знающий* (ср. *более знающий, самый знающий, очень знающий*, где слово *знающий* — прилагательное, и, скажем, *Ученик, знающий это правило, ошибаться не будет*, где слово *знающий* — причастие).

„Отричастное“ происхождение прилагательного *сведущий* не столь очевидно. И это понятно. Ведь глагол, от которого слово *сведущий* было в качестве причастия образовано, в настоящее время в русском языке не существует. А образовано оно было от глагола *свьѣдѣти* „знать“, ср. в „Повести временных лет“: *Ини же, не свѣдѣюще, рехомъ, яко Кий състь перевозникъ былъ, т. е. „Иные же, не знающие, говорили, что Кий был перевозчиком“.*

Глагол этот, хотя и был приставочным (он возник на основе глагола *вѣдѣти* „знать“ в результате прибавления приставки *св-*), тем не менее принадлежал к глаголам несовершенного вида, почему от него и могло быть образовано действительное причастие настоящего времени с суффиксом *-ущ-*: в древнерусском языке приставки вовсе не обязательно переводили глаголы несовершенного вида в глаголы совершенного вида (ср., например, объяснение названия города Полоцка в Лаврентьевской летописи: *Рѣчки ради ѡже втечетъ в Двину именовъ Полота, т. е. „Из-за речки по имени Полота, которая впадает (втекает) в Двину“.*

Ошибочное написание прилагательного *сведущий* в виде „сведующий“, наблюдаемое иногда у учащихся, объясняется в первую очередь аналогическим влиянием слов типа *следующий*, но может возникнуть и в силу ошибочного сопоставления со словом *ведущий*. Последнее, кстати, является производным как раз от того глагола (*ведати*), который сейчас заменил старое *вѣдѣти*.

Заметим, что, кроме слова *сведущий*, от глагола *свьѣдѣти* „знать“ были образованы еще два хорошо известных вам слова. Это вынесенное в заглавие заметки существительное *сведения* (ср. *знания* — от *знать*) и слово *свидетель*. Первоначальное *свьѣдѣтель* „знающий“ подверглось затем народно-этимологическому сближению с глаголом *видѣти* (также этимологически родственным, между прочим, глаголу *ведати*) и стало писаться с *и*.

Почему в слове *лестница* пишется буква *т*?

Страшась *прелестница* опасной ничего страшного в написании буквы *т* не содержит. Слово *прелестница* накрепко связано со словом *прелесть* «очарование, обаяние» < «обольщение, соблазн».

Но можно ли объяснить ученикам, почему в слове *лестница* мы пишем букву *т*? Если привлечь факты древнерусского языка — можно, и очень легко. В древнерусском языке было слово *лѣстоица*. Оно превратилось в *лестница* под влиянием слов с суффиксом *-ница* типа *сахарница*, *звонница*, *чернильница* и т. д. *Лѣстоица* же образовано с помощью суффикса *-иц(а)* от *лѣства* (ср. *водица* от *вода*, *голодеица* от *голодѣть*) и т. д. Что касается слова *лѣства* (< *лѣства*), то оно образовано от глагола *лѣзти*, «лѣзть» с помощью суффикса *-та(а)*, подобно словам *бѣгта*, *мошита*, *жатва* и пр. Значит, неизменяемое *т* в существительном *лестница* — это остаток суффикса *-та(а)*.

Таганрожский или таганрогский?

Относительное прилагательное от городского имени Таганрог в современной речевой практике употребляется в двух формах, одинаково правильных: *таганрожский* и *таганрогский*. Первая из этих форм является старой, вторая появилась сравнительно недавно. Более предпочтительной пока кажется первая, освятенная не только длительностью употребления, но и большим «согласием» с издавна сложившейся системой чередования заднеязычных *к, г, х* и шипящих *ч, ж, ш* перед гласными переднего ряда.

Современный суффикс *-ск(-еск-)* — ср. *братский*, *дружеский* и т. д. — в обоих вариантах восходит к старому *-ьск-* со звуком *ь* перед *ск*, который после падения редуцированных либо исчезал (*-ск-*), либо прояснялся в гласный полного образования (*-еск-*).

Поэтому модель с чередованием заднеязычных и шипящих является основной и более законной. Ведь 1) до утраты редуцированных перед гласным переднего ряда *ь* в суффиксе *-ьск-* мог быть только шипящий (ср. *рижьский*, *варяжьский* и т. д.), а 2) перед вокализованным вариантом суффикса *-ск-*, каким является морфема *-еск-*, и сейчас возможны одни только основы с чередованием (ср. *пастушеский*, *дружеский*, *пророческий* и т. п.).

Форма *таганрожский* в качестве параллельного образования к слову *таганрогский* возникла значительно позже, когда в русском языке появилась возможность (и, как некоторые ученые даже утверждают, тенденция) ослабления строгости в реализации чередований.

В отдельных случаях новые формы без чередования «выжили» старые совершенно (например, *петербургский*, *герцогский*, *казахский*).

С другой стороны, наблюдаются пока еще и такие случаи, когда реально существует и употребляется только старая форма с чередованием (например, *волжский*, *рижский*, *ляшский*, *норвежский*).

В образованиях от географических наименований новых форм (без чередования) появляется сейчас все больше и больше.

Почему мы пишем *городки*, но *городошник*?

Вопрос вполне закономерный, хотя и не всегда мы на это обращаем внимание. В самом деле, при образовании новых лексических единиц от слов, основа которых оканчивается на *к*, наблюдается регулярное и последовательное чередование *к — ч*, но нет вариации *к — ш*. Вспомните существительные на *-ник*, образованные от слов указанной структуры: *балалайка* — *балалачник*, *тройка* — *троечник*, *лавка* — *лавочник*, *лодка* — *лодочник*, *сказка* — *сказочник*, *взятка* — *взяточник*, *стрелка* — *стрелочник* и т. д. И вдруг (вместо ожидаемого и законного *городочник*) — *городки* — *городошник*. Чем объясняется, как возникло такое странное чередование *к — ш*?

Если мы обратимся к русскому литературному языку XIX в., то увидим, что тогда это слово писалось еще «по общему правилу» с *ч* — *городочник*. Почему же его затем стали писать с *ш*? Может быть, это закрепление на письме произношения? (Ведь по старомосковским нормам сочетание *чн* произносилось как [шн].) Вряд ли. Не пишем же мы «лавошник», «стрелошник» и т. д.

Случай закрепления произношения на письме в таких словах наблюдается лишь тогда, когда соответствующее существительное этимологически отрывается от исходного (ср. *двурушник* < *двуручник*). Связь же слова *городошник* с производящим *городки* четкая и непосредственная.

Появление *ш* на месте *ч* в этом слове, вероятно, имеет иное — аналогическое — происхождение. Оно закрепилось в нем под влиянием слова того же семантического поля *лотошник* «игрок в лото» (от *лотошный*, ср. *киношник*, *доминошник* и т. п.).

Исключение ли прилагательное *голевой*?

Без этого прилагательного сейчас не обходится ни один спортивный репортаж, особенно часто это всем понятное и привычное слово выступает в сочетании с существительными *положение*, *ситуация* и *момент* (*голевой положение*, *голевая ситуация*, *голевой момент*). Его морфологическая структура ясна и прозрачна (*гол-ев-ой*), но... необычна.

Вы не замечали этого? Тогда вспомните слова того же словообразовательного ряда, производящая основа у которых состоит из одного слога и оканчивается на твердое *л*. Все они имеют суффикс *-ов-*: *половой*, *меловой*, *тыловой*, *смысловой*, *уловой* и т. д.

Выходит, что популярное спортивное прилагательное — своеобразный уиикун. Может быть, оно вообще неверно образовано? Давайте в этом вопросе разберемся как следует. Если учитывать лишь современные связи и соотношения, то это слово, действительно, представляется нам исключением.

Однако словообразовательным „исключением“ оно все же только кажется. В действительности же по своему происхождению оно самое рядовое и правильное. Все это станет понятным, как только мы обратимся к вопросу о его рождении. Тогда выяснится, что прилагательное *голевой* появилось как суффиксальное производное от слова *гол* не в его современной огласовке, а в виде *соль*.

Так раньше звучало это заимствованное из английского языка слово в нашей речи. Несколько примеров: *Несмотря на хорошую защиту, павлодские (футболисты) принуждены были три раза пропустить мяч в свой город, сами же сумели вбить еще только один гол* („Русский спорт“, 1909, № 19, с. 14); *Через три минуты им был вбит первый гол* („Русский спорт“, 1909, № 15, с. 12); *Каждый удар давал англичанам гол* (там же); *Обыкновенно довольствовались тем, что ставили в ворота большого игрока, который назывался голкипер* (Дюперрон. Футбол и другие игры того же типа. Спб., 1909, с. 36) и т. д.

От этого ныне уже устаревшего *гол* наше *голевой* было образовано точно так же, как от *киль*, *рудь*, *цель*, *боль*, *тюль*, *шаль* — прилагательные *килевой*, *рулевой*, *целевой*, *болевой*, *тюлевой*, *шалевый* и т. п.

Правильно ли употребляется морфема *-ся* в форме *равняйся*?

Нормативное употребление разновидностей суффикса возвратной формы *-ся (-сь)* определяется простым правилом: если суффиксу предшествует согласный звук, употребляется *-ся*, если гласный, то используется уже *-сь* (*вернулся* — *вернулось*, *умывается* — *умывалась*, *мчатся* — *мчались* и т. д.). Однако от этого правила наблюдаются и некоторые отклонения, с одной стороны, в разговорной, а с другой — в поэтической речи.

В поэзии нередко форму *-ся* можно наблюдать (что обусловлено требованиями ритма) и после гласного звука (ср. у Ю. Смирнова: *Шли только потому, что нужно, злись, что растащили с теплом*). Такое употребление *-ся* — одна из узаконенных стихотворной практикой поэтических вольностей.

В отдельных случаях, напротив, наблюдается „незаконное“ *-сь* после согласного. Это отмечается в скороговорочной речи, не только допускающей, но и определяющей отдельные (иногда очень серьезные) сокращения. Именно такого (командного) происхождения *-сь* из первоначального *-ся* в *равняйся*. Вспомните < *приготовься*.

Баки, дупель, Каспий и другие

Эти слова не только однородны синтаксически, но и связаны между собой в другом отношении: они однотипны по своему образованию. Все эти существительные представляют собой по происхождению „кусочки“ слов, ставшие целыми словами.

Способы словопроизводства очень разнообразны. И среди них действуют в русском языке и такой, как сокращение (аббревиация). Слова образуются с его помощью путем то большего, то меньшего сокращения производящего слова или словосочетания с последующим оформлением остатка в существительное, синонимическое исходной единице. Способ этот в целом не очень продуктивный, благодаря ему возникают одни существительные, однако его все же не учитывать нельзя. Тем более что в последнее время — не без влияния прежде всего английского языка — образование слов аббревиацией оживилось. Но известен этот способ словопроизводства в русском языке давно, и перечисленные в заглавии слова — явнее тому доказательство.

Слово *баки* возникло в XIX в. путем сокращения существительного *бакенбарды* (из нем. *Backenbart*). Существительное *дупель* „вид кулика“ является не чем иным, как отрезком немецкого слова *Doppelschnepfe* (буквально „двойной бекас“). Название *Каспий* образовалось в результате сокращения словосочетания *Каспийское море* (море названо по имени обитавшего ранее в Закавказье народа каспи).

Старыми аббревиатурами будут также слова *Питер* (из *Петербург*), *унтер* (из *унтер-офицер*), *самоцвет* (из *самоцветный камень*).

Одним из самых древнейших сокращений является прежнее название буквы *х* — *хер* (из *херувим*), сохранившееся в производном глаголе *похерить* „зачеркнуть“.

Среди новых слов, образованных аббревиацией, можно прежде всего отметить существительные *противогаз* (из *противогазовая маска*), *псих* (из *психопат*), *спец* (из *специалист*), *зам* (*заместитель*), *пом* (*помощник*), *зав* (*заведующий*), *член-корр* (*член-корреспондент*); ср. совсем недавние аргоотические *абиту* (из *абитуриент*), *маг* (*магнитофон*), *диссер* (из *диссертация*), *нач* (из *начальник*), *рз* (из *рубль*) и др. По своей структуре ко всем этим словам примыкают заимствованные существительные типа *кило* (ср. *килограмм*), *метро* (ср. *метрополитен*), *фото* (ср. *фотография*) и пр., возникшие как сокращения не в русском языке, а уже в языке-источнике.

Слова возникают в результате не только финальной аббревиации, но и сокращения начала или середины производящего слова (ср. *рация* из *радиостанция*, *вожатый* из *пионервожатый* и т. д.).

Следует иметь в виду, что аббревиация — это определенный способ словопроизводства. Поэтому слова, образованные с его помощью, нельзя смешивать с такими словами, которые возник-

ли в разговорной речи по фонетическим причинам, как „скороговорчицы“ разновидности „полных“ по произношению лексических единиц (в лингвистической литературе их называют аллоформами). В качестве примеров последних можно привести *вишь* (из *видишь*), *барыня* (из *боярыня*), *пали!* (из *пали!*) и пр.

КАК РАЗБИРАТЬ СЛОВО ПО СОСТАВУ

Из уже прочитанных вами заметок хорошо видно, что в мире словообразования нас встречают то сложность и многообразие на первый взгляд, казалось бы, весьма простых и удручающе одинаковых значимых частей слова, то захватывающие дух и поражающие самое смелое воображение метаморфозы словесной „архитектуры“, то почти сказочные биографии целого ряда самых обычных с виду лексических единиц, то становящийся нередко настоящим детективным поиском разбор слова по составу. Вместе с тем здесь, в этой словообразовательной „вселенной“, мы находим математически строгие правила образования слов, распределения морфем и реализации чередований, свободное укладывающихся в прокрустово ложе точных и стройных формул и схем, разряды, типы и модели строения слов, непреложные законы языка и точные, как дважды два четыре, формулировки научного анализа. Именно поэтому, оказываясь „внутри слова“, ученики познают, из чего оно скроено, как сделано, и приобретают — при умелом преподавании — твердые языковые навыки и приверженность к лингвистической точности, узнают немало полезного и нужного не только по русскому словообразованию, но и по лингвистике в целом. Вот почему в методическом арсенале преподавателя русского языка — как при изучении многих грамматических тем, так и в разнообразной работе по развитию речи — разбор слова по составу занимает почетное место. Ведь он позволяет не только очень наглядно и глубоко раскрыть многие конкретные языковые факты и теоретические положения русской грамматики, но и развить у учащихся чуткие языки (а иногда и несомненные лингвистические способности), выработать у них умение видеть и анализировать языковую материю, пробудить у них живой интерес к лингвистике как науке, любви к родной речи.

Правда, достигнуть всего этого возможно только в том случае, если словообразовательная работа в целом ведется учителем верно, разбор слова по составу осуществляется лингвистически грамотно и методически продуманно и учащиеся приучаются сознательно анализировать языковые явления, неуклонно следуя выработанным наукой правилам и приемам разбора слова по составу. К сожалению, следует отметить, что в школьной практике до сих пор наблюдаются ошибки в проведении морфемного анализа даже у хороших учителей. Попробуем дать краткую лингвистиче-

скую консультацию по наиболее важным вопросам морфемного анализа слова, которая, однако, будет содержать не только изложение общей теории, но и краткий комментарий некоторых сложных и каверзных случаев.

В средней школе разбором слова по составу называется членение слова на морфемы, т. е. составляющие его как определенное структурное целое значимые части.

Разобрать слово по составу — значит установить, что является у данного слова основой (а если слово склоняется или спрягается, то нужно найти у него и окончание), а затем — какова по своему характеру основа — членимая или нечленимая. Если основа производная, то необходимо также определить, на какие значимые части она распадается. Практически разбор слова по составу не только позволяет понять, из чего и как слово построено, но также помогает правильно написать его, четче и точнее представить себе его значение и грамматические свойства, а иногда даже проникнуть в святая святых происхождения слова.

Однако, для того чтобы разбор слова по составу приводил к правильным выводам и решениям, необходимо, как уже упоминалось, проводить его, соблюдая правила и процедуру морфемного анализа.

В связи с этим прежде всего следует коснуться того, в какой последовательности надо членить слово на значимые части, каков порядок выделения в слове значимых частей, морфем.

Прежде чем разбирать слово по составу, необходимо определить (это самое первое и необходимое требование), с каким конкретно словом вы имеете дело, какое слово подвергается морфемному анализу, т. е. что оно значит и к какой части речи относится. Итак, сначала надо установить, „кто есть кто“.

Знание значения анализируемого слова является самым важным для правильного определения характера основы и значения служебных морфем (т. е. приставок, суффиксов, соединительных гласных *о, е* и окончаний).

Слово *просто* с точки зрения морфемного состава оправдывает свое название: оно действительно простое. Однако, чтобы правильно определить его морфемный состав, надо знать, с каким словом мы здесь имеем дело. Ведь одно слово *просто* — это краткое (именное) прилагательное, а другое — уже наречие. Так, в контексте *Все было просто* используется краткая форма прилагательного, в предложении же *Писал он очень просто и ясно* мы видим уже наречие. Разбор прилагательного *просто* надо будет начинать с выделения — по соотношению с формами *прост, проста, просты* — окончания, а затем уже переходить к определению характера (в данном случае нечленимой) основы.

В наречии *просто* морфемный анализ сразу же начинается с установления характера основы, так как наречие окончания не имеет (в этом случае основа членимая, здесь *-о* — суффикс, а не окончание).

Другой пример иного рода. Представим себе, что нужно установить морфемный состав прилагательного *розовый*. Первый вопрос, который должен возникнуть у всякого, кто анализирует это слово: а какое, собственно говоря, прилагательное *розовый* является предметом нашего рассмотрения? Прилагательное *розовый* в цветовом значении (*розовый закат, розовое платье*) или же прилагательное *розовый*, имеющее значение „из роз“ (*розовое варенье, розовый куст*)?

Окончание *-ый* выделяется одинаково свободно в обоих прилагательных. А вот характер основ у них разный, можно сказать — принципиально различный.

Относительное прилагательное *розовый* (*розовый куст, розовое варенье*), прямо и непосредственно соотносительное со словом *роза*, имеет основу, членимую на корень *роз-* и суффикс *-ов-*.

Что же касается качественного прилагательного цветовой семантики (*розовый закат, розовое платье*), то оно является уже словом с неделимой на значимые части основой. И понятно почему. Ведь *розовый* в данном случае не значит „цвета розы“ (последняя может быть и желтой, и белой, и красной, и даже черной) (см. с. 24 и след.)

Таким образом, прежде всего надо установить, какое слово мы разбираем по составу и к какой части речи оно относится (а значит, также и является ли анализируемое слово изменяемым или оно принадлежит к словам, форм словозменения не имеющим). Если перед нами изменяемое слово, имеющее парадигму склонения или спряжения (т. е. существительное, прилагательное, глагол, местоимение, числительное, причастие), то разбор его по составу начинается с установления в слове основы и окончания. Если морфемному анализу подвергается неизменяемое слово, которое форм словозменения не имеет и в связи с этим состоит из одной так называемой чистой основы (т. е. наречие, деепричастие, служебные слова, междометия), то разбор слова по составу сразу же будет выступать как установление характера основы.

Как при разборе по составу изменяемых слов, так и при морфемном анализе неизменяемых слов они должны обязательно рассматриваться, во-первых, на фоне родственных им в настоящее время слов, а во-вторых, в сравнении с идентичными или аналогичными по своему строению словами. Это является основным, исходным, важнейшим правилом словообразовательного анализа вообще и разбора по составу в частности.

Как было уже сказано, членение изменяемого слова на морфемы „открывается“ определением в нем основы и окончания. В большинстве случаев определение в слове окончания (а затем и его конкретного значения) является делом довольно легким.

Для того чтобы вычленил в том или ином слове окончание, вполне достаточно „поместить“ это слово рядом с его другими

грамматическими формами, т. е. поставить его в свойственную ему парадигму склонения или спряжения.

Так, падежный ряд *розовый, розового, розовому* и т. д. с необходимостью требует выделения окончаний *-ый, -ого, -ому* и пр. Парадигма *вода, воды, воде* и т. д. заставляет нас вычленил после основы *вод-* окончания *-а, -ы, -е* и др.

Соотношения форм *иду, идешь, идет* и пр. определяют в них и основу настоящего времени *ид-*, и окончания *-у, -ешь, -ет* и т. д.

Однако даже при определении окончания, как свидетельствует школьная практика, наблюдаются в ряде случаев затруднения и ошибки.

Чаще всего ошибки в определении окончания (и соответственно основы) связаны с тем, что при разборе слова по составу не учитываются того обстоятельство, что звуки современного русского языка изображаются буквами по-разному, что прямых и обязательных, так сказать, зеркальных соответствий между звуком и буквой у нас нет.

Между тем, чтобы правильно провести границу между основой и окончанием, надо хорошо знать звуковое значение букв, не забывая, что отдельные буквы нашего алфавита обозначают то один, то два звука.

На это обстоятельство акад. Ф. Ф. Фортунатов указывал еще в 1903 г., на первом съезде преподавателей русского языка военных учебных заведений: „Если учитель говорит, что в слове *удовольствие* основа имеет суффикс *-стви-* ... [он] не только расходится со свидетельством современного русского языка, но, вследствие смешения букв со звуками, неправильно определяет и самую основу в слове *удовольствие*, равно как и тот суффикс, который некогда выделялся из нее: в слове *удовольствие*, *удовольствия* и т. д. основа оканчивается не на *и*, но на неслоговой звук *ј* (*удовольстви-е*), для которого наша азбука не имеет особой буквы“ (Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды, т. 2. М., 1957, с. 444).

Так, для правильного выделения окончания в словах *мечтаю, змея* и т. п. (оно будет одновременно и верным определением основы) важно (собственно говоря — совершенно обязательно) учитывать, что буква *ю* после гласной (буквы *а*) обозначает два звука *й(ю)* и *у*, а буква *я* после буквы *е* — звуки *й(я)* и *а*. Слова *мечтаю, змея* соответственно делятся на основу и окончание таким образом: *мечтай-у, змей-а*, и окончания в них, следовательно, точно такие же, как в словах типа *иду, вода* и т. д.

Чтобы безошибочно провести границу между основой и окончанием в словах *свинья, соловьи, лью*, надо помнить, что мягкий знак перед гласной буквой является сигналом того, что следующая далее гласная буква обозначает не только соответствующий гласный звук (в данном случае *а* и *и*), но также и согласный звук *й(ј)*.

Если мы не будем учитывать только что отмеченного обстоя-

тельства, мы не сможем определить верно, где в слове *пыю* основа, а где в нем окончание.

Во всех перечисленных здесь словах основа будет заканчиваться согласным звуком „йот“, а далее будут идти окончания: (*свин-й*)-а, (*солов-й*)-и, (*пй*)-у.

Заметим попутно, что членимый характер основ двух первых слов становится ясен при сравнении с родственными словами *свиной*, *соловушка*.

Одной из распространенных ошибок в определении основы и окончания является также заблуждение того, что все формы любого изменяемого слова являются формами с окончанием. Если слово склоняется или спрягается, то у него не может быть формы без окончания. При этом надо учитывать, что окончания могут быть не только материально выраженными, но и нулевыми.

Так, выделенная нами основа *змей*- в слове *змея* и форма род. пад. мн. числа *змей* неравноценны не только с точки зрения самостоятельности функционирования (ведь первая, т. е. основа *змей*-, известна лишь внутри слова, тогда как вторая образует целое слово, ср. *много змей*, *змей не было* и т. д.).

Эти слова разнятся между собой и в морфемном отношении. Их совпадение (*змей*- и *змей*) носит чисто внешний, звуковой характер, поскольку род. пад. мн. числа *змей* по морфемному составу является, как и всякая другая форма склоняемого слова, соединением основы и окончания. Она распадается на основу *змей*- и нулевое окончание: *змей*(), так же как на основу и окончания распадаются соотносительные падежные формы: *змей*(а), *змей*(у), *змей*(ами) и т. д.

Соотношение *стол*, *стола*, *столу* и т. д. — наглядное свидетельство двумерности формы им. пад. ед. чела, состоящей из основы *стол* и нулевого окончания.

То же нулевое окончание, указывающее на муж. род и ед. число, находим мы в слове *писал*. Достаточно лишь сопоставить его с формами *писала*, *писало*, *писали*.

Наконец, затруднения при членении слова на основу и окончание могут быть обусловлены тем, что анализу подвергаются формы, имеющие нерегулярные и редкие окончания.

Не представляет, например, никаких трудностей выделение окончания в глаголах *несу*, *везу*, *пишу* и т. д., в местоимениях *всякий*, *каждый*, *любой* и пр., поскольку имеющиеся у них окончания (*-у*, *-ий*, *-ий*, *-ой*) известны нам во многих словах и совершенно четко ощущаются как окончания.

Совсем иное дело — окончания в словах типа *ем* или *кто*. Вопрос о том, где здесь окончание, ставит иногда спрашиваемого в тупик. Однако и здесь надо руководствоваться общим правилом определения окончания: чтобы отделить окончание от основы, нужно поставить данную форму в ряд других, ей соотносительных. И неважно, если в результате этого приходится выделять на первый взгляд очень странные окончания „единоличники“.

В слове *ем* по соотношению с формами *ешь*, *ест* (ср. *несу* *несешь*, *несет*) выделяется корень *е* и нерегулярное окончание *-м*, которое мы найдем еще лишь в словах *даю* и *создаю*.

В слове *кто* по соотношению с формами *кого*, *кому*, *о ком* и т. д. (ср. *такой*, *такого*, *такому*, *о таком* и т. д.) выделяется корень *к-* и нерегулярное окончание *-то*, известное, кроме этого местоимения, лишь в слове *что*.

В числительном *два* по соотношению с числительными *два* и формами *двух*, *двум*, *двумя* приходится за корнем *два-* выделить единственное в своем роде окончание *-е*, указывающее в им. пад. на женский род.

Имея в виду определение границ между основой и окончанием, надо учитывать также и то обстоятельство, что в отдельных (правда, не очень многочисленных) случаях, для того чтобы верно определить окончание, недостаточно сравнить данную форму с другими формами того же слова. Приходится прибегать к сравнению с соответствующими формами других (в той или иной степени однотипных) слов.

Хорошим примером, демонстрирующим важность учета не только соотносительных форм, но и постановки анализируемого слова в ряд аналогичных по структуре, является прилагательное *лисий* и ему подобные.

Определить окончание в этом слове невозможно без рассмотрения его на фоне притяжательных прилагательных вообще. В нем выделяется в качестве окончания не *-ий*, как может вначале показаться, а нулевое окончание; что же касается морфемы *-ий*, то она является суффиксом, выступающим то как *-ий*, то как *-й* (ср. *лисий* — *лисия* — *лисий* и *сестрин* — *сестрина* — *сестрины*, но *синий* — *синяя* — *синег* и т. д.).

На членение *лис-ий(-й)*, а не *лис(ий)* в определенной степени указывают уже формы жен. и ср. рода, а также мн. числа. В этом ряду, например, форма *лисия* распадается на *лис-й(а)*, с суффиксальной основой и окончанием *-а*. Наличие нулевого окончания в слове *лисий* подтверждается таким же и, кстати, еще более ясным соотношением *сестр-ин(-й)* — *сестр-ин(а)*.

Сравнение анализируемого слова с другими родственными и в известной степени однотипными словами необходимо иногда и для определения разницы, существующей между, казалось бы, одинаковыми окончаниями.

Так, в словосочетании *молодой портной* в обоих словах выделяется внешне одно и то же окончание *-ой*. Однако на самом деле морфема *-ой* в этих словах разная. В прилагательном *молодой* — это чистое окончание, указывающее только на синтаксические отношения этого слова к другим. В существительном *портной* — это не только окончание им. пад. ед. числа, но и суффикс, указывающий (по отношению к суффиксам *-их-* в парном существительном *портника*) на мужской пол обозначаемого лица.

Подобное окончание-суффикс *-а* наблюдается в имени *Александра*, где оно, помимо функции флексии им. пад. ед. числа, выполняет также роль суффикса, указывающего на женский пол (ср. *Александра*).

Заметим, что этого уже нет в соотносительном интимном имени *Саша*, одинаково приложимом как к мужчине, так и к женщине. Поэтому *-а* в слове *Саша* является таким же чистым окончанием, как и в словах типа *вода*.

Но вот основа и окончание в слове определены. Что делать дальше? Следующим и еще более сложным и важным этапом в разборе слова по составу будет определение членимого или нечленимого характера основы с выделением — в составе членимой основы — корня, суффикса, приставки и соединительной гласной (последней в составе сложных слов).

Разбирая слово по составу и привлекая в связи с этим родственные ему в настоящее время образования, нельзя это делать произвольно, путем простого его сопоставления с какими попало однокоренными словами. Правильное членение слова на значимые части невозможно без последовательного выделения в нем значимых частей в соответствии с тем, как в его строении отражен словообразовательный процесс, т. е. без учета связей и соотношений, существующих между членимой и производящей основами, иначе говоря — между анализируемым словом и его „родителем“ или ближайшим „родственником“.

Это является одним из наиболее важных правил разбора слова по составу. Только этот принцип дает возможность избежать в морфемном членении слова ошибок, выделить в нем реально существующие в данный момент значимые части слова и установить их связи и взаимоотношения, а тем самым также и современную структуру слова.

Так, правильное определение морфемного состава в словах *марочка*, *ленточка* и *жилочка*, содержащих, по первому впечатлению, как будто одинаковый суффикс *-очк-*, возможно лишь тогда, когда мы опираемся на непосредственные связи и соотношения этих существительных с их производящими *марка*, *лента*, *жилка* (в свою очередь образованными от *жила*). Показания ближайшего родства свидетельствуют, что в слове *марочка* выделяется суффикс *-к-* (при чередовании в корне *марк-*, *марок-*, *мароч-*), в слове *ленточка* — суффикс *-очк-*, а в слове *жилочка* — два суффикса *-к-* (в виде *-очк-* и *-к-*; ср. *жила* — *жилка* — *жилочка*).

Верное членение внешне идентичных по своим приставкам глаголов *обесценить* и *обеспокоить* оказывается возможным только при условии сравнения их с производящими словами *цена* и *беспокоить* (*обесценить* — „лишить цены“, *обеспокоить* — форма совершенного вида от *беспокоить*). В первом слове выделяется в соответствии с этим приставка *обес-*, во втором — две приставки, сначала *о-*, а затем *бес-* (ср. *покой*).

Правило обязательного учета связей и соотношений разбираемой и производящей основ требует отказаться от методики разбора слова по составу начиная с корня. Разбирая слово по составу, нельзя сразу „зреть в корень“. Слово надо членить „с конца“, в нем надо снимать один слой за другим, в порядке, обратном словообразовательному процессу. Это не только позволяет выделять в слове значимые части и определять их действительное значение, но и различать похожие, но различные значимые части и структурные типы слов, т. е. является гарантией правильного выделения значимых частей в слове. Это в то же время дает возможность определить взаимоотношения морфем в пределах слова, представить себе структурную формулу слова.

Принцип последовательного выделения морфем в слове с опорой на отношения ближайшего родства, когда эта процедура заканчивается, а не начинается выделением корня, должен быть определяющим. Ведь, как нельзя в матрешке сразу достать ту, последнюю и самую маленькую, которая далее не делится, не содержит в себе еще более крохотной, так же нельзя во всех случаях правильно уже „с первого захода“ извлечь из многоморфемного слова корень.

Слово *писательница* обозначает писателя женского пола, *писатель* — человек, который пишет художественные произведения, *писать* — неопределенная форма, рядом с которой наблюдаются формы *писал*, *пишу* и т. д. (без *-ть* и *-а*), употребляются родственные слова *писец*, *писарь* и др.

Так мы доходим до корня.

Процесс словообразования, результатом которого явилось слово *писательница*, шел следующим образом: *пис-(пиш-)* → *писать* (*пишу*, *писал* и т. д.) → *писатель* → *писательница*. При разборе слова по составу мы идем в обратном направлении: *писательница* → *писатель* → *писать* → *писал* → *пишу*.

С учетом последовательного присоединения морфем формулу структуры слова *писательница* можно представить в таком виде:

[(пис-а) -тель] -ниц(а).

Разбирая в соответствии с „принципом матрешки“ слово *увлекательность*, мы (после выделения в нем нулевого окончания, ср.: род. пад. ед. числа *увлекательности*) соотносим его с образующим прилагательным *увлекательный* и выделяем суффикс *-ость*. Затем прилагательное *увлекательный* соотносим с производящим глаголом *увлекать* и выделяем суффикс *-тельн-*, далее глагол *увлекать* соотносим с формой совершенного вида *увлечь* (*увлек*, *увлечет* и т. д.) и выделяем суффикс (несовершенного вида) *-а-*, потом соотносим глагол *увлечь* с производящим бесприставочным глаголом *влечь* (*влеку*, *влечешь* и др.) и выделяем приставку *у-*, а вместе с ней, наконец, и корень *влек-*.

В формуле порядок присоединения морфем в процессе слово-производства (мы шли опять «с конца») здесь выражается таким образом:

{[(у-влек)-а]-тельн}ость().

Было бы неправильным считать, что метод установления соотносительности членимой и производящей основ является единственным при установлении структуры слова. Уже говорилось о необходимости также учитывать грамматические формы слова и одноструктурные слова.

В том случае, если разбираются слова, имеющие в своем составе связанные нечленимые основы, сопоставление родственных слов поможет обнаружить их общий корень, который известен в настоящее время лишь в связанном виде.

Так, при членении слова *переобуваться* прием установления соотносительности членимой и производящей основ, после того как мы дойдем до *обуть* (*переобуваться* → *переобувать* (*переобуваю*, *переобуваа*) → *переобуть* → *обуть*), сменится прием сопоставления соотносительных между собой родственных слов: рядом с *обуть* употребляется антонимическое *разуть*, что позволяет выделить в первом, кроме инфинитивного *-ть* (ср. *обувь*), приставку *об-* и корень *-у-*.

Структурная формула слова *переобуваться* в соответствии с этим будет иметь такой вид:

{[(пере-(об-у))-ва-ть]ся.

Во избежание недоразумения заметим, что изложенная процедура последовательного членения слова не обязательно должна быть во всех absolutely случаях словесно выраженной или даже письменно зафиксированной, хотя несколько слов на установленном уроке таким образом разобрать обязательно надо. Эта процедура может быть проведена учеником и «в уме». Здесь все зависит от конкретно поставленной учителем методической задачи.

Следует иметь в виду, что все изложенные выше правила и приемы разбора слова по составу будут эффективны только тогда, когда мы будем помнить ту простую истину, что о членимой основе можно говорить лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотношенная с ней основа нечленимая. Осуществляя последнюю операцию в процедуре деления слова на морфемы, т. е. вычленивая в нем нечленимую основу, особенно важно не смешивать словообразовательный анализ с языковым чутьем, свойственным всякому носителю языка (и даже изучающему неродную для него языковую систему).

Основа не может быть членимой, если то, что мы хотим выделить в данном слове в качестве корня, не является корнем в каком-либо другом слове. Слово может быть охарактеризовано как слово с членимой основой только в том случае, если рядом

есть хоть одно родственное слово с той же точно нечленимой основой.

Именно поэтому, например, в относительноном прилагательном *розовый* основа будет членимой, а в качественном прилагательном *розовый* со значением цвета она уже будет выступать как нечленимая (см. выше). В слове *голубика* основа является членимой и членился на корень *голуб-* и суффикс *-ик-*, а в слове *брусника* она должна быть охарактеризована как нечленимая.

Именно в силу зависимого характера членимой основы (от обязательного наличия соответствующей ей нечленимой основы) в слове *смородина* нельзя выделить суффикс *-ин-*, а в слове *громадина* (ср. *громада*, *громадный*) можно, в слове *бодрый* мы не имеем никакого права сейчас выделять суффикс *-р-*, а в слове *мокрый* (ср. *мокнуть*) должны выделить и корень *мок-*, и суффикс *-р-*, и т. д.

Вместе с тем следует иметь в виду, что при членении слова на морфемы необходимо сопоставлять его с родственными ему словами, но вовсе не всегда обязательно сопоставлять со словами одноструктурными. Производных слов с изолированными, единичными, только в них выделяющимися и существующими корнями нет и быть не может, но есть производные слова, в которых выделяются аффиксы живые и существующие сейчас только в их составе.

Примеры таких нерегулярных служебных морфем среди окончаний выше уже приводились. В качестве единичных, экзотических суффиксов и приставок можно назвать суффикс *-ичок* в слове *новичок* (ср. *новенький*; в слове *старичок* — по соотношению со словами *старик* и *старый* — выделяются два суффикса — суффикс *-ик* и суффикс *-ок*), суффикс *-овизн-* в слове *дороговизна* (ср. *дорогой*), суффикс *-ёл* в слове *козёл* (ср. *коза*), приставку *ку-* в слове *кумекать* (ср. *смекаль*, *смекалка*), приставку *ба-* в слове *бахвалиться* (ср. *хвалиться*) и т. д.

Исторический характер морфемного состава слова заставляет при его разборе по составу особенно осторожно определять существующую в настоящее время у слова нечленимую основу. Современный корень (нечленимая основа) и этимологический корень в слове далеко не одно и то же. В задаче морфемного анализа входит лишь определение в слове того корня, который оно имеет сейчас с точки зрения современной языковой системы.

Разбор слова по составу устанавливает лишь то, что данное слово представляет собой в словообразовательном отношении в настоящее время. Ответ на то, как данное слово возникло в действительности, словообразовательный анализ дает только в том случае, если рассматриваемое слово и сейчас имеет ту же структуру, какую оно имело в момент своего рождения. Этим обуславливается еще одно правило разбора слова по составу: анализируя структуру слова, ни в коем случае нельзя факты прошлого и других языковых систем отождествлять или даже

смешивать с тем, что существует в русском литературном языке сейчас.

Так, нельзя выделять в слове *отец* корень *от-* и суффикс *-ец*, известные в древнерусском языке, так как рядом употреблялось и прилагательное *отъини* „отцовский“; неверно выделять в слове *митинг* корень *мит-* и суффикс *-инг*, хотя в английском языке они в этом существительном четко выделяются, так как там рядом с *meeting* „собрание“ существует и *meet* „собираться“, и т. д. Ср. слова *борец* (*бороться*, *борьба*), *кроссинг* (*кросс*, *кроссмен*), в которых суффиксы *-ец* и *-инг* выделяются и в современном русском языке. В заключение следует отметить еще одно очень важное обстоятельство. Для того чтобы правильно устанавливать морфемный состав слова, надо хорошо представлять себе специфические особенности русского слова. Особенно важно здесь учитывать разные способы соединения морфем внутри слова друг с другом.

В частности, члена слово на морфеме, следует иметь в виду, что значимые части слова могут располагаться в нем не только в порядке линейной последовательности, одна за другой, но и накладываясь (частично или полностью) одна на другую.

Поскольку соответствующие факты неоднократно уже разбирались (см., например, заметку „Какой суффикс участвует в образовании глагола *участвовать*?“), остановимся здесь лишь на двух глагольных примерах и разберем по составу слова *приду* и *пнуть*.

В слове *приду* прежде всего выделяется окончание *-у* (ср. *придешь* — *придет* и т. д.). Затем по соотношению с *иду* в нем следует выделить (ср. *принесу* — *несу*) приставку *при-*. Проведенное далее сравнение глагола *иду* с приставочным инфинитивом *прийти* устанавливает, с одной стороны, что *-д-* не является корнем, а представляет собой суффикс основы настоящего времени (этот суффикс содержится, например, и в глаголах *еду*, *ср. ехати*), а с другой стороны, оно свидетельствует о том, что корнем в *иду* и соответственно *приду* является *-и-*. В нашем *приду* это корневое *-и-* „спряталось“ под приставкой *при-*. Таким образом, глагол *приду* делится на *при-и-д-у*, но приставка *при-* в нем наложилась частично на корень *-и-*. Между прочим, ранее, в древнерусском языке, этого не было и говорили и писали *прииду*; потом произошло стяжение гласных *ии* в *и* и на месте линейного расположения морфем возникло аппликативное.

То же явление мы наблюдаем и в глаголе *пнуть*, в котором на корень *пн-* (ср. *пнати*) наложился суффикс *-н-* (ср. *пну*, *пнешь*, *пнет* и т. д.). Морфемный состав этого слова таков: корень *пн-*, суффикс однократности *-н-*, суффикс *-у-*, указывающий на класс глагола, и инфинитивное *-ть*.

Наконец, разбирая слово по составу, следует не упускать из виду и того очень важного обстоятельства, что морфемный анализ слова не ограничивается одним правильным его делением на

значимые части, не сводится к одному (хотя бы и правильному) членению лексической единицы на морфемы. В его задачи обязательно входит также и установление значения выделенных морфем, определение конкретной роли и функции каждой из них в разбираемом слове (ср. например, суффикс *-и-*, являющийся соответственно: суффиксом жены в слове *генеральша*, женского пола в слове *лифтерша* и действующего лица в слове *манюшница*; разные приставки *с-* в слове *слететь*, где *с-* указывает на движение сверху вниз, и в слове *сформировать*, где она лишь образует глагол совершенного вида, и т. д.).

Подводя итоги всему изложенному выше, хотелось бы порекомендовать при разборе слова по составу всегда обращаться с ним внимательно, бережно и „вежливо“, не спеша, шаг за шагом выделяя в нем значимые части. Ведь „смотреть в корень“ при разборе слова по составу — значит не только и не столько уметь извлечь его корень. Это значит уметь вскрыть внутреннее строение слова, правильно определить и охарактеризовать все составляющие его значимые части, показать, из чего и как оно „скроено“, в отличие от других слов.

Для этого не надо сразу же бросаться выделять корень. Надо установить прежде всего конкретное значение слова и его принадлежность к той или иной части речи, а затем уже начинать членить на морфемы, учитывая его ближайшие и, конечно, реально существующие сейчас родственные связи, а также все свойственные ему грамматические формы, привлекая в необходимых случаях для сравнения и проверки также подобные или аналогичные по структуре слова.

При этом членение слова на значимые части следует проводить с учетом последовательности словообразовательного процесса, результатом которого в современном плане выступает данное слово; разбирать его как матрешку, т. е. идя снаружи внутрь, заканчивая, а не начиная выделением корня. И главное — никогда не стоит спешить свое языковое чутье опрометчиво выдавать за научный разбор слова по составу. Здесь нужны только факты и факты.

Особенно осторожным следует быть на заключительном этапе разбора, т. е. при определении в слове нечленимой основы, иначе говоря — присущего ему в данный момент корня. Будет совершенно неправильным выделение чего-то в качестве производной основы, если выделяемое нами известно в настоящее время только в данном слове и ни в каком другом не встречается. Члена на морфеме слова, основа которых на первый взгляд, по подсказке нашего языкового чутья, является явно членимой, за этим нужно следить неукоисительно. Раз современное значение слова не складывается из значений предполагаемых в нем морфем, не ладит с семантикой предполагаемого исходного, значит, оно является уже корневым словом, словом с нечленимой основой и членимым только кажется.

Для того чтобы что-то можно было выделить в слове в качестве корня, надо, чтобы это „что-то“ было (с абсолютно таким же значением) хотя бы в одном родственном слове, причем в таком, родственность которого анализируемому несомненна и ясна, так сказать, лежит на поверхности и опирается на современные (а не бывшие ранее) словообразовательные и смысловые связи и соотношения данной (а не какой-либо другой) языковой системы.

В заключение несколько слов о значении морфемного анализа слова для научного изучения словообразовательной системы языка в целом. Морфемный анализ — это первая ступенька в познании структурных особенностей слова, это элементарное членение словесного целого на составляющие его морфемы. Морфемный анализ ограничен пределами данного слова. Словообразовательное „место“ этого слова среди других слов определяет уже словообразовательный анализ. Он выступает всегда как промежуточное, но ключевое звено, объединяя в себе морфемный анализ наличных слов и изучение реальных процессов образования новых, т. е. разбор слова по составу и словообразование. Что касается определения родословной, происхождения и генетических связей слов, фразеологических оборотов и морфем, то этим занимается уже анализ этимологический.

РОДОСЛОВНАЯ СЛОВ

ЗРИ В КОРЕНЬ

Что такое смотреть в корень

Выражение *зри в корень* возникло как наивный афоризм Козьмы Пруtkова, смешного и милого поэта, талантливо придуманного А. К. Толстым и братьями Жемчужниковыми.

Афоризм К. Пруtkова верен не только в своем общепринятом обобщенно-метафорическом, так сказать, сугубо фразеологическом значении — „вникай в самую суть какого-либо явления, обращай внимание на самое главное“, но и в другом, узколингвистическом значении — „смотри в корень слова“. В самом деле, ведь при анализе слова нельзя определить ни его „родственников“, ни его морфемного состава, ни способа словообразования, если мы не знаем, что в нем является самой главной, наиболее важной частью, т. е. если мы не опознали содержащегося в нем корня.

Слова, по образному и меткому определению французского этимолога А. Вайана, — это не только корни, но также и зеленые побеги. Поэтому неверно сводить этимологию только к определению корней, т. е. к установлению одних генетических связей слова. Важно установить, кроме этого, и реальную историю появления слова на свет. Однако так же несомненно все же и то, что корень в слове — его самая необходимая принадлежность. Слово без корня не бывает. Отыскивая корень, мы касаемся самых глубинных и существенных признаков слова. А „зрение в корень“ в широком значении этого оборота позволяет объяснить и превратности орфографии слова, и тайны его происхождения. Поэтому будем следовать призыву К. Пруtkова и тогда, когда мы вдруг окажемся внутри слова.

Где корень в слове *корень*?

Вряд ли когда-нибудь в вашей работе этот вопрос возникал как практический. И это понятно: существительное *корень* сейчас четко и определенно выступает как корневое, целиком в этом отношении присоединяясь к словам типа *дом, локоть, море* и т. д.

С точки зрения современного русского языка основа в этом слове явно непронизуемая. Слово делится в настоящее время лишь на корень и окончание (в именительном падеже — нулевое).

Однако в момент своего рождения слово *корень* не было корневым. Об этом свидетельствуют родственные ему слова в русских диалектах и родственных языках. В говорах еще сейчас встречается существительное *корь* „корень“, в польском языке до сих пор употребляется родственное нашему *корень* слово *kierz* „куст“. Есть у него „родственники“ (без конечного *-ень*) и в балтийских языках, ср. хотя бы литовск. *kėgas* „корень, куст, засохший пенек“. Эти языковые данные говорят, что в слове *корень* основа вначале была производной и состояла из корня *кор-* и суффикса *-ень*.

Заметим, что *е* в этом суффиксе было исконным, а не возникло из старого редуцированного гласного переднего ряда *ь*. На первый взгляд такое замечание может показаться неверным. Ведь при изменении слова *корень* звук *ь* в нем ведет сейчас себя как беглый: *корень — корня — корню* и т. д., а это самый яркий показатель происхождения *е* из *ь*. На поверку же выходит, что беглость гласного *е* в нашем существительном является вторичной и не только не объясняет современное *е* в слове *корень*, но сама требует объяснения.

Обратившись к древнерусскому языку, мы видим, что род. пад. от слова *корень* звучал тогда как *корене*, а затем — *кореня*, но не *корня*. Это нашло отражение и в пословице *От доброго корня добрая и отрасль*, т. е. „от хорошего корня хорошие и побеги“. Существительное *корень* получило форму род. пад. *корня* значительно позднее, под влиянием слов с „законным“ беглым *е* (из *ь*) типа *клубень — клубня* (< *клубня*), *студень — студня* (< *студня*) и т. д.

Кстати, такого же аналогического происхождения в форме *корня* < *кореня* и окончание *-я*: им „заразили“ слово *корень* те же существительные на *-ень*, которые упоминались выше. Исконно же слово *корень* имело окончание *-е* (ср. старые формы род. пад. *имене, камене, пламене* и т. д.).

Как видим, если посмотреть в корень, о слове можно узнать немало интересного и полезного.

Как была названа рука

Как известно, предметы и явления называются по какому-либо характерному для них признаку. Поэтому в момент своего рождения наименования не случайны, а мотивированы.

Есть слова, в которых эта мотивированность жива до сих пор (ср. *ухват* „то, чем ухватывают“; *ручонка* „маленькая рука“; *ежится* „сжиматься, как ёж“; *шиповник* „кустарник с шипами“ и т. д.). Но немало в языке и слов, уже не говорящих прямо, почему данный предмет или явление названы так, а не иначе. К та-

ким названиям относится и слово *рука*. „Говорящим“ это слово становится лишь тогда, когда мы сравниваем его с родственным существительным в литовском языке. Наше *рука*, которое восходит к общеславянскому **ronka*, точно соответствует литовскому названию этой же части тела — *ranka*. Что же касается последнего, то его происхождение совершенно ясно: оно образовано от глагола *rankti* „собираю, беру, хватаю“.

Значит, *рука* — это буквально „то, с помощью чего берут, хватают“. Тот же признак был положен в основу греч. *agrostos* „рука, горсть“ (из **agrostos*, от глагола *agere* „собираю“) и нем. *Griff* „ручка“ (от глагола *greifen* „хватать“). Заметим, что „однопризнаковые“ слова, свойственные и одному языку и разным, — не редкость. И их существование объясняется возможностью одинакового языкового „видения“ объективного мира.

В глаза иногда бросаются одни и те же (очевидно, особенно яркие и устойчивые) признаки.

Рожок назван по материалу, из которого этот музыкальный инструмент делали (из рога); тот же признак дал в немецком языке название для горна (нем. *Horn* „горн“ восходит к нем. *Horn* „рог“). Грудь названа так за возвышение (ср. того же корня, но с перегласовой *грядка*); такой же признак был взят и латышами (ср. в латышском языке *kruits* „грудь“ и *krūte* „холмик“).

То же явление наблюдается и среди собственных имен. Достаточно обратиться хотя бы к названиям рек (см. заметку „О Волге и впаде“).

Два слова о слове один

Слово *один* (если это действительно одно слово, а не несколько омонимов) многозначно. Оно выступает не только как количественное числительное, но и в роли других частей речи.

Одно из своеобразных употреблений слова *один* составляет использование его в качестве ограничительной частицы, синонимической словам *только* и *лишь* (ср. *Только Петров не сделал уроков* и *Один Петров не сделал уроков*; *Любовь и жажда наслаждений Одни преследуют мой ум* (Пушкин)).

Поэтому выражения *только один*, *лишь один* являются такими же тавтологичными, как *целиком и полностью*, *судить да ридить*, *вокруг да около* (ср. *круг* и древнерусск. *коло* „круг, колесо“) и т. д.

Возникает вопрос: чем объясняется появление у слова *один* функций ограничительной частицы?

Дело в том, что по своему происхождению слово *один* так же тавтологично, как и выражение *только один*. Ведь слово *один* возникло из общеславянского **edъnъ* (ср. старославянские по своему происхождению *едный, едница, единственный*). А последнее является сложением корней **ed-* и **in-*. Первый корень

мы наблюдаем в слове *едва* (ср. диал. *одва*) „лишь только, только что“, „чуть, еле-еле“ (ср. нем. *etwas*). Второй корень *ин-* содержится в словах *иноход* (животное с одним рогом), *иноходь* „бег лошади, при котором одновременно выносятся сначала обе правые ноги, а затем обе левые“, *инок* „монах“ (ср. нем. *ein*) и значит „один“. Следовательно, буквально слово *один* обозначает „лишь только один“.

Для ради предлогов для и ради

Не сомневаюсь, что вы сразу же угадали в заглавии этой заметки переделку фразеологического оборота *для ради важности*, по своему происхождению представляющего собой ставшее крылатым выражение из романа „Отцы и дети“ И. С. Тургенева. В романе оно родилось в виде полной иронии реплики Базарова по адресу старой книжки, которую в доме Одинцовой „для ради важности держат, потому что княжеское отродье“.

Но эта заметка написана не для одного лишь объяснения родословной оборота *для ради важности*. И не только ради важности обращения специального внимания на литературное происхождение многих разговорных оборотов.

Предлогом к ее написанию послужили предлоги *для* и *ради*, которые не только причудливо повторяют в обороте *для ради важности* одно и то же причинно-целевое значение при одном и том же существительном *важность*, но и очень похожи друг на друга по своей судьбе.

Синонимические предлоги *для* и *ради* сближает не только одинаковое значение, но и сходное происхождение. Ведь — хотя это на первый взгляд может показаться невероятным — оба предлога (и *для*, и *ради*) в конечном счете восходят к существительным со значением „работа, дело, труд“.

Посмотрим, как это произошло и на базе каких существительных выросли наши предлоги.

Начнем с предлога *для*. Он появился в результате сокращения (в быстрой, небрежной разговорной речи) общеславянского предлога *дѣля*, который в свою очередь сформировался на основе существительного *дѣло* „дело, работа, труд“. Последнее в качестве самостоятельного слова сейчас утрачено, но сохраняется в виде основной части производного от него существительного *неделя* (первоначально имевшего значение „безделье“, потом — „нерабочий день, праздник, воскресенье“ и затем лишь получившего современную семантику „неделя“, ср. болг. *делник* „будний, рабочий день“ и *неделя* „воскресенье“).

По своей словообразовательной форме существительное *дѣля* является параллельным и родственным словам *дѣло*, *дѣя* „то, что сделалось, совершилось; событие, факт“ и т. д.

Превращение существительного со значением „работа, дело, труд“ в предлог со значением „для, ради“ наблюдается не толь-

ко в славянских языках. Достаточно указать хотя бы на латинское *causa* „ради, по причине“ (из твор. пад. существительного *causa* „дело“), финск. *tähden* „из-за, ради“, родственное глаголу *tehdä* „делать“, и т. п.

То же мы видим и знакомясь с биографией предлога *ради*. Этот предлог также восходит к существительному со значением „труд, дело, работа“, на этот раз — к исчезнувшему сейчас существительному *радъ* (в форме одного из косвенных падежей: либо родительного, либо дательного, либо местного, ср. *радъ* — *ради* и древнерусск. *задъ* „за“, *зади* „позади“ и т. д.). Слово *радъ*, давшее жизнь предлогу *ради*, является лингвистической реконструкцией, однако вполне обоснованной. Его существование в прошлом (именно в значении „труд, работа, дело“) подтверждается наличием целого ряда слов той же семьи: сербскохорватскими *рад* „труд“ и *радити* „работать, делать, трудиться“, старославянскими *ради* „заботиться“, русскими *радеть*, *нерадивый* „ленивый, бесхозяйственный“ и т. д.

Соединение И. С. Тургеневым в одном словосочетании и *для* и *ради* не является его прихотью, а отражает особенности старой речевой практики. Так, в памятниках XVII в. можно прочитать: *Ты, светъ мой, для ради доброты и пригнѣства Василья жалеи; Для ради ихъ (стрельцов) скудости напередъ выдано жалованья...* и т. д.

Про дорожу и улицы

Слова *улица* и *дорога* — не „родственники“, но тем не менее имеют немало общего. Конечно, *улица* — не дорога и *дорога* — не улица, однако значения этих слов в современном русском языке являются смежными: *улица* — это пространство между двумя рядами домов в каком-либо населенном пункте, *дорога* — это пространство для проезда или прохода. В городах *улицы* широкие, и дороги „исчезают“ в мостовых (для транспорта) и тротуарах (для пешеходов). А в небольших деревнях (есть ведь и такие, где имеется всего лишь одна улица!) *улицы*, особенно если она узкая, практически может совпадать с дорогой. В момент зарождения *улиц* и *дорог* последнее, естественно, наблюдалось постоянно. Именно поэтому наши слова (а они возникли еще в праславянскую эпоху) выступают нередко как синонимы. Такое их употребление мы видим и в диалектах русского языка, и в отдельных славянских языках. Так, слово *улица* обозначает в некоторых диалектах *дорогу*, а слово *дорога* *улицу*. В верхне-лужицком языке *dróha* значит и „дорога“, и „улица“, в чешском языке *ulice* — это не только „улочка, переулок“, но и „проход, коридор“ и т. д. Подобная связь значений наблюдается в названиях *улицы* и *дороги* также в других языках. Достаточно вспомнить франц. *rue* „улица“ (которое восходит по своему происхождению к лат. *ruga* „дорога“), итальянск. *strada* „дорога,

улицы", польск. *aleja*, представляющее собой переформлирование франц. *allée* "проход, дорога" и имеющее сейчас значение и аллеи, и улицы, проспекта, и т. п.

Аналогичную связь значений можно отметить и в других славянских обозначениях улицы и дороги. Так, церковнославянское *стога* значит "улица, площадь", а родственные ему слова *стежа* и *стѣжка* соответственно называют дорогу и тропку (ср. также кашубск. *stęga* "тропа, дорога").

Дороги появились раньше улиц (в том виде, в каком они существуют сейчас), поэтому "уличное значение" у слов, обозначающих и обозначавших дорогу, является, несомненно, вторичным.

Как же будут выглядеть "метрики" наших слов? Слово *улица* (ср. диалектные *ула*, *улок*) было создано с помощью суффикса *-иц-* на базе существительного *ула*, родственного, между прочим, слову *улей*. Слово *ула* ныне славянскими языками утрачено, но его "мужской вариант" *и* (ср. отношения *глиста* — *глист*, *забор* — *забора*, *жар* — *жара*, *укор* — *укора* и пр.) со значением "улей" в чешском и польском языках существует.

Исчезнувшее в русском языке *ула* отмечается в древнегреческом, где *aulé* (дорийское *aúla*) имело значение "двор, пространство, примыкающее к дому". Это архаическое значение сохранилось и у слова *улица* в отдельных севернорусских диалектах (архангельских, костромских, пермских). Но указанное значение — не исходное. Первоначальным значением было здесь, конечно, более конкретное — "пустое пространство" (в данном случае — очищенное от леса).

В словах *улей*, чешск. и польск. *и* первоначальным значением было "покое пространство, дупло дерева", что подтверждается древнегреческим родственником *aúlos* "полая трубка, свирель".

Значение "очищенное в лесу, пустое пространство" было первичным и для праславянского слова **dōga*, давшего наше *дорога*. Оно было образовано посредством суффикса *-z-* от той же основы (*дор-*), что и диалектное *дор* "росчисть, корчевье, новь", а в литературном языке — *дергать* "рвать, тащить, расчищать" и *драть* "раздирать на части, рвать, дергать" (в диалектах также "пахать лесную новину, росчисть, дор").

На диалектное *дор* очень похоже диалектное же слово *тор* "дорога" (от глагола *тереть*), отождествляемое в тавтологическом обороте *торная дорога*. Если допустить, что корни *дер-* — *тер-* представляют собой вариацию звонкого и глухого вида типа *плевать* — *блевать*, совр. *свить* — древнерусск. *звьздъ* и т. д. (а это некоторыми учеными делается), то слова *дорога* и *тор* родственны между собой, так же как *дергать* и *тереть* "дергать, рвать, драить; очищать" (ср. *тереб* "росчисть из-под кустарника"), *драть* и *тереть* и др.

Как видим, слова *улица* и *дорога* хотя и не из одной семьи, но тем не менее близкие лексические товарищи, товарищи по исходному значению и дальнейшей языковой судьбе.

За что говядина называется говядиной

Говядина — мясо коровы или быка как пища. Рядом со словом *говядина* существует однокоренное ему прилагательное *говяжий* "из говядины". Это дает нам возможность выделить в существительном *говядина* — помимо окончания *-а* — непроизводную основу *говяд-* и суффикс *-ин-* (соответственно в прилагательном *говяжий* — корень *говяж-*, суффикс *-ий* и нулевое окончание). Суффикс *-ин-* в слове *говядина* тот же, что в существительных *свинина*, *баранина*, *конина*, *осетрина*, *лососина* и пр. (образованных от слов *свиное* (мясо), *баран*, *конь*, *осетр*, *лосось* и т. д.). Отличие заключается в том, что исходное слово *говядо*, от которого было образовано с помощью суффикса *-ин-* существительное *говядина*, с течением времени в русском языке было утрачено. Это общеславянское слово имело значение "крупный рогатый скот". В праславянском языке оно появилось как суффиксальное производное от корня **gōw-*, родственного латышск. *gūovs* "крупный рогатый скот", армянск. *kov* "корова", нем. *Kuh* "корова", лат. *bos, bovis* "бык" и т. п. Таким образом, то современное определение говядины, которое мы находим в словарях ("мясо коровы или быка как пища") счастливо совпадает с его этимологией.

Где корень в слове где?

Пожалуй, где-где, а в наречии *где* вряд ли кто-либо из нас выделит сейчас что-нибудь, кроме корня. В настоящее время слово *где* имеет непроизводную основу и корень в нем равен ему самому. Однако корневые наречия *где* являются только с точки зрения современной системы русского языка.

Совсем другую картину мы будем наблюдать, если заглянем в прошлое этого слова, попытаемся "откопать" в нем старый, исходный корень, ту непроизводную основу, на базе которой оно было когда-то образовано. Этимологическое "досье" наречия *где* неопровержимо свидетельствует, что по своему происхождению оно является суффиксальным и возникло на базе местоименного корня **kъ-* с помощью наречного суффикса *-де*.

Тот же корень содержится в местоимении *кто* (< *къто*), а с исторической точки зрения и в словах *куда* и *кой* "какой, который" (из *къи*). Последнее известно сейчас лишь в составе фразеологических оборотов *в кои веки*, *на кой черт*, *ни в коем случае* и некоторых других.

Тот же суффикс в этимологическом плане выделяется, кроме слова *где*, в наречиях *везде* и *здесь*. *Везде* образовано посредством суффикса *-де* от общеславянского *въсь* (древнерусск.

овсюде > везде) после падения редуцированного *ъ* и последующего озвончения звука [с] в [з] перед *д*. *Здесь* — производное с помощью суффикса *-сь* (< *сѣ*, *сей*“, см. об этом в заметке „Вчера и нынче“) от общеславянского *сиде* „здесь“, образованного в свою очередь посредством суффикса *-де* от местоимения *сѣ*, *сей*“ (ср. того же корня *сей* < *си*, *сегодня*, *сейчас* и пр.) и также пережившего после падения редуцированного *ъ* озвончение звука [с] в [з] перед *д*.

Общеславянская форма *къде* также изменилась у нас после падения редуцированных: в результате утраты *ъ* звук [к] оказался перед *д* и озвончился в [г].

Таким образом, старый, исходный корень в слове *где* „прячется“ в одном и в общем-то „чужом“ для него звуке *г*.

В некоторых славянских языках (ср., например, чешск. *kde* „где“) согласный вид корня сохранился. Между прочим, там мы находим интересное изменение родственного по первому корню слова *кто*, которое по влиянию *где* вместо корневого *т* (ср. местоимение *то*) звук *д* — *кто* „кто“.

Заметим, что по своей структуре в одном ряду с *где*, *везде*, древнерусским *сиде* стоят также и архаичное и диалектное *инде* „в другом месте“, представляющее собой общеславянское производное с суффиксом *-де* от местоимения *инь* „иной“, и болгарское *доде* „пока“, образованное путем прибавления суффикса *-де* уже не к местоименной основе, а к предлогу *до*.

Этимологический разбор слова *забор*

Касаясь этимологизации существительного *забор* в „Кратком этимологическом словаре“ (авторы Н. М. Шанский и др.), О. Н. Трубачев пишет: „*Забор*. Единственно приемлемое толкование — из *забрать*. Предлагаемое Н. М. Шанским сближение с **zabortŭ* и далее — *бороться* — неправдоподобно“¹. Как же обстоит дело в действительности? Нам известна одна „конечная“ точка словообразовательного процесса — слово *забор*. Исковыми являются как непосредственное производящее слово, так и „исходный пункт“.

Естественное всего, начиная этимологический анализ этого слова, вычленив в нем приставку, непроемчивую основу и окончание. В таком случае оно может быть включено лишь в ряд имен существительных, образованных так называемым безаффиксным способом (ср. *раскол*, *заям*, *запор*, *отдел* и т. д.). Поскольку в современном русском языке существуют слова типа *подбор*, *разбор*, *прибор*, *отбор*, *забор* и др., приходит первое и, кажется, самое простое (и даже единственно возможное, по мнению О. Н. Трубачева) решение (так слово толкуется уже у В. Дала): слово *забор* с переогласовкой корня обра-

зовано от *забрать*, *забирать*. В таком случае *забор* — „то, что забирает“. Однако это совершенно не согласуется с функцией забора как предмета, служащего для охраны, ограждения. Именно несоответствие в значении существительного *забор*, с одной стороны, и глагола *забирать*, *забрать* — с другой, и явилось в свое время основанием для поисков в другом направлении. Наличие древнерусского *забороло* и старославянского *забрало* „деревянная городская стена, деревянный забор на валу“, польск. *brodło* и чешск. *bradlo* „забор“, чешск. *zabradlí* „барьер“, „парапет“ и т. д., явно производных с помощью суффикса *-dlo* от **zaborŭ* (i), *bortŭ*, позволяет считать и слово *забор* родственным данным словам. В таком случае это безаффиксное производное от **zabortŭ* „охранять, защищать“, обозначающее „то, что защищает, ограждает“.

Это объяснение не только правдоподобное, но и очень верное, тем более что такое же или близкие значения имеют и некоторые другие однокорневые с *бороться* слова как в славянских языках (ср. болг. *обор* „огороженный загон для скота“, *оборище* „огороженное место“, сербскохорватск. *брана* „плотина, насыпь“, *браник* „заслон“, чешск. *zabrána* „преграда, препятствие“ и т. д.), так и в других индоевропейских языках (ср. англ. *bar* „барьер, ограда“, древневерхненем. *bara* „огороженное место“ и др.). Нельзя не принимать во внимание также и сходное значение в словах, производных от синонимических глаголов *биться* и *колоть*. Ср. хотя бы древнерусск. *забои* и диал. *закол* „забор, загородка“ (Д а л ь В. Толковый словарь..., т. I. М., 1955, с. 553) и т. д. Как видим, забор, действительно, не „забирает“, а „защищает“.

Почему дом называют *домом*?

Основное и первичное значение слова *дом* — „здание, строение“. По своему происхождению это слово такое же отглагольное, как и указанные синонимы (*строение* — от *строить*, *здание* — от *зидати* „строить, создавать“). Правда, образовано оно от исчезнувшего глагола и без помощи суффикса.

Имея в виду модель *везу — воз, теку — ток, стелю — стол* (первоначально „подстлать“), *деру* — диал. *дор* „расчищенное место“, *беру* — древнерусск. *бор* „даль“ и т. д., можно восстановить утраченный славянскими языками глагол *дему*. Подобное соответствие мы находим в греческом языке (ср. *deinō* „строю“ и *domos* „постройка, строение, дом“), в готском (ср. *timjan* „воздвигать, строить“, откуда нем. *zimmer* „комната“) и т. д. На звук *о* в слове *дом* как на ступень чередования с *е* указывают все специалисты по этимологии русского языка, в том числе и М. Фасмер (см. его „Этимологический словарь русского языка“, т. I. М., 1964, с. 526—527). Это и понятно. Ведь идентичность русск. *дом* и греч. *domos* несомненна. А слово *domos* является явным производным от *deinō* „строю“.

¹ Трубачев О. Н. Об одном опыте популяризации этимологии. — Вопросы языкознания, 1961, № 5, с. 133.

Происходит ли существительное *врач* от слова *врасть*?

Для подавляющего большинства говорящих на русском языке сочетание *врач от слова врасть* представляется сейчас, несомненно, таким же ложноэтимологическим каламбуром, целиком построенным на сближении слов по созвучию, как и выражение *художник от слова худо*. Кажется, что объединяет слова *врач* и *врасть* (так же как и пару *художник — худо*) лишь наша словесная шутка. Между тем дело здесь значительно сложнее и тоньше.

Если слова *художник* и *худо* содержат совершенно разные корни и по происхождению ничего общего друг с другом действительно не имеют, то существительное *врач* и глагол *врасть* связаны между собой не только известной «общностью звучания» (*врач, врасть*). Они являются (бывают же причуды языка!) кровными родственниками и ярко демонстрируют отношения «ребенка и родителя». Правда, существительное *врач* образовано не от современного слова *врасть* «лгать, говорить неправду», старые родственные узлы между ними давно порвались и почти никак уже не ощущаются. Ведь тех отношений, которые характерны для слов типа *ткач — ткасть* (*ткач* — «тот, кто ткет»), в паре *врач — врасть* не существует. *Врач* — это не тот, кто врет. И все же, с этимологической точки зрения, слово *врач* < *врачь* оказывается (таково мнение подавляющего большинства языковедов-славистов) производным с помощью суффикса *-ч* (< *чѣ*) от *врасть* (< *врати*), но в его старом, исконном значении «говорить». Заметим, что такое значение было известно еще в XIX в., ср. у А. С. Пушкина в повести «Капитанская дочка»: *Полно врасть пустяки*, т. е. «Хватит говорить ерунду».

Выходит, что врачи все же были названы по свойственному для них ранее действию говорения: они сопровождали лечение какого-либо недуга словом, заклинаниями, заговаривали боль.

Подобным по своей образной природе является также и старославянское название врача — *балич*, родственное глаголу *баять* «говорить, рассказывать».

Можно ли доказать, что в слове *топор* надо писать *о*, а не *а*?

Существительное *топор*, как и слова типа *корова*, *башлык*, *полюнь* и пр., относится к словам с так называемыми непроверяемыми безударными гласными. Поэтому, чтобы доказать, что в этом слове *о*, а не *а*, надо сделать «невозможное»: проверить непроверяемый безударный гласный.

Это действительно невозможно, пока для проверки привлекаются лишь родственные в настоящее время слова, один, так сказать, современные «родственники», но тем не менее вполне

возможно, когда мы призовем на помощь этимологию, вспомним языковые факты прошлого. Именно тогда многое из того, что усваивается лишь по формуле «писать нужно так», будет восприниматься осознанно.

Выходы в языковое прошлое при этом могут носить различный характер. Так, для того чтобы не писать *корова* «через ить», вполне достаточно вспомнить соответствующее старославянское название. Старославянское *крава* (с неполногласием *ра*) сразу указывает (ср. *град — город, врата — ворота* и т. д.) на *оро* в русском *корова*. Определить же, какой звук (*о* или *а*) идет после начального согласного в словах *башлык* и *полюнь*, можно, только проследив их родословную. Сделав это, мы проверим *а* в слове *башлык* (оно образовано в тюркских языках, откуда и пришло к нам, от слова *баш* «голова», ср. выражение *баш на баш*) и *о* в слове *полюнь* (оно является родственным старому слову *полѣти* «гореть», растение было названо по характерной для него горечи, как и горчица).

То же «дознание» необходимо провести и для определения безударного гласного в слове *топор*. Только здесь оно должно быть еще более дотошным. Прежде всего следует вспомнить, что раньше слово *топор* обозначало не только орудие для рубки, но и определенный вид боевого оружия, т. е. то, чем бьются, бьют врагов (ср. в «Задонщине»: *Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топоры легкия*). После этого можно попытаться найти уже и ближайшего родственника. Им является для слова *топор* ныне исчезнувший, но в древнерусском языке еще известный глагол *тѣти* (1-е лицо наст. вр. — *тѣну*) «бить, колотить, сечь»: *Жилами сухими, нечадьно ты тѣпомъ и каменем побиваемъ* («Новгородские миней» 1096 г.), т. е. «Сухими лозами нечадно ты «бит» и камнями побиваем».

От этого глагола с помощью суффикса *-ор-* (ср. с тем же суффиксом *будор* «шум» в *будоражить*, *мусор* < *бусор* и т. п.) и перелазовки *е/о* наше слово и было образовано. Таким образом, соотношение *тѣну* «бью, колочу, секу» — *топор* аналогично тем, которые наблюдаются в *везу* — *воз*, *несу* — *ноша*, *теку* — *поток*, *секу* — *осока* и т. д. Непроверяемое *о* в слове *топор* этимологически, следовательно, оказывается и проверяемым, и совершенно законным.

Заметим, что глагол *тѣти*, *тѣну* (откуда — диалектное *тѣпать* «тыпать, рубить»), кроме слова *топор*, дал и еще одно производное. Это слово *недомета*.

В заключение нашего разговора о слове *топор* сделаем два уточнения.

Первое касается еще одного возможного способа проверки написания. Ведь доказать, что в этом существительном надо писать *о*, а не *а*, можно и иначе и даже проще (правда, для тех, кто знает другие славянские языки). Достаточно привлечь данные украинского языка, где есть слово *топір* и нет

аканья. Но этот путь менее интересен и не ведет к этимологии нашего слова.

Второе замечание касается этимологии слова *топор*. Выше излагалась лишь та точка зрения, которая кажется автору предпочтительной. Ее придерживаются многие ученые. Однако существует и другое объяснение. Некоторые лингвисты толкуют слово *топор* как общеславянское заимствование древнерусского *topora* „топор, секира“. Но это, по ряду причин, менее вероятно. Скорее всего общеславянское и древнерусское слова просто родственники: как у славян, так и у иранцев это свои, исконные слова — или доставшиеся им по наследству из слов древнего языка-источника, или самостоятельно образованные на основе одного и того же корневого глагола.

Почему прачку называли прачкой?

На этот сугубо этимологический вопрос, который нередко появляется у говорящих на русском языке, ответить трудно. Достаточно вспомнить старый глагол *прасть*, и сейчас еще употребительный в некоторых русских диалектах и славянских языках. Его основное значение — „стирать, мыть, колотить“. Это значит, что прачку называли так по ее действию, занятию, так же как, скажем, *доярку* (за то, что она доит коров), *ткачицу* (за то, что она тклет полотно), *учительницу* (за то, что она учит детей) и т. д. Буквально *прачка* — это „женщина, которая занимается стиркой“.

Однако было бы неправильно думать (как это, между прочим, делает даже такой опытный и известный этимолог, каким является М. Фасмер), что слово *прачка* родилось прямо и непосредственно от глагола *прасть*. Ведь в таком случае придется считать (ср. *прачка* — *прасть*), что оно образовано с помощью суффикса *-чк-*. А такого, как известно, не существует. Ставя рядом *прачка* и *прасть*, мы допускаем ошибку, пропуская промежуточное звено, разделяющее в процессе словопроизводства эти родственные слова.

Таким „посредником“ является существительное *прач* (из древнерусского *пърачъ*), в отдельных диалектах русского языка живущее и поныне. *Прач* в них обозначает валец для стирки белья.

Как видим, слово *прачка* было создано посредством самого обычного суффикса *-к-*. Так же, кстати, как и слово *прач*. Ведь это „инструментальное имя“ было образовано с помощью регулярного и ранее значительно более „творческого“, чем сейчас, суффикса *-ч-*. Вспомните хотя бы подобные по своей „анатомии“ и способу образования существительные *бич* (от *бить*), *секач* (от старого *секати* „рубить“, ср. *рассекать*, *высекать* и т. д.), древнерусское *бричь* (от *брити* „брить“), вытесненное затем словом *бритва*, сравнительно недавнее *тлгач*, возникшее

в советское время в качестве словообразовательной кальки английского *tractor*, и т. д.

В заключение заметим, что по своей номинативной вторичности слово *прачка* аналогично слову *бритва*. Как слово *бритва* вытеснило прежнее *бричь*, так и существительное *прачка* пришло на смену более древним наименованиям: *портюгой* и образованному от него с помощью суффикса *-к-* *портюгойка*, в качестве архаизмов иногда еще встречающимся. Но о них следует прочесть заметку „Что моят судомойка?“.

О слове сказка

Корнем в слове *сказка* (если это слово разбирается с этимологической точки зрения) будет *-каз-* (ср. диал. *казать* „говорить“, древнерусск. *казати* — т.ж., укр. *казати* — т.ж., сербскохорватск. *казати* „сказать, говорить“ и т. д.). Тот же корень содержится и в словах *указ*, *приказ*, *отказ*, *рассказ*.

Однако при морфемном анализе слова *сказка*, как он предстает перед нами в современном русском литературном языке, в этом слове неприводимой основой сейчас выступает уже морфема *сказ-*, выделяемая в нем по соотношению со словами *сказ*, *вид произведения устного народного творчества*, *сказитель* „создатель или рассказчик былин и сказок“, *сказание* „повествовательное признание исторического или легендарного содержания“. Таким образом, при разборе слова *сказка* по составу его следует делить на следующие морфемы: *сказ-к-а*. Объясняя же происхождение этого существительного, можно указать на прежнюю членность корня *сказ-*, в свою очередь на приставку *с-* и корень *-каз-*.

Образование и морфемика существительного металлургия

По своему происхождению слово *металлургия* является иноязычным. В русский язык оно пришло во второй половине XVIII в. из ученой латыни. В последней существительное *metallurgia* представляет собой искусственное новообразование (с помощью суффикса *-ја*, ср.: *химия* и т. п.) на базе греч. *metallourgein* „обрабатывать металлы“, сложения слов *metallon* „металл“ и *ourgein* „обрабатывать“.

Морфемный состав разбираемого слова следующий: неприводная основа *металл-*, суффикс действующего лица *-ург-*, суффикс *-иј-* (образующий названия наук) и окончание *-а*. Окончание *-а* выделяется в нем по соотношению с формами косвенных падежей (*металлургии*, *металлургию*, *металлургией*), суффикс *-иј-* — по соотношению со словом *металлург*, суффикс *-ург-* — по соотношению со словом *металл*.

Суффикс *-иј-* является регулярным и выделяется с тем же или близким значением во многих словах (ср.: *магия*, *педология*,

минералогия, геология, филология, химия, анатомия, дипломатия, стенография, география и т. п.).

Суффикс *-ург-*, восходящий по своему происхождению к корню *ourg-*, является нерегулярным и выделяется в настоящее время, кроме слова *металлург*, лишь в существительном *драматург* (ср.: *драматизм, драматический, драма*).

Сырок и сырик

Есть самые заурядные по своему значению и совершенно обыденные по употреблению слова, которые оказываются в то же время очень своеобразными и интересными по своему происхождению. И рассказ об их истории позволяет легко и свободно ввести читателя в сложный и запутанный мир лингвистических законов и правил. К таким принадлежат и «кулинарные» слова *сырок* и *сырик*. Первому повеселилось попасть и в «Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского и др., и в русский перевод «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера (М., 1971, т. III, с. 819). Второе этимологические справочники пока обошли. Почему? Вероятно, потому, что оно по своему анатомическому сложению очень уж простое и его основа в сознании говорящего при свойственной нам этимологической рефлексии четко членится на части *сыр-* и *-ник*. И тем не менее ученые здесь не правы: простота этого слова, как и существительного *сырок*, весьма обманчива. Но перейдем к нашим лексическим героям. О. Н. Трубачев толкует слово *сырок* очень кратко и неточно: «*сырок* I, род. п. -*р-ка*. Уменьш. производное от *сыр*». Неполным является объяснение существительного *сырок* и в «Кратком этимологическом словаре», хотя из него читатель получает более конкретную информацию. В этом словаре указывается: 1) на сравнительную молодость этого существительного в русском языке («недавнее») и 2) суффикс *-ок* () не квалифицируется как уменьшительный. И действительно, ведь с его помощью делаются либо уменьшительно-ласкательные существительные (ср.: *листок, ветерок, лесок* и т. д.), либо так называемые формы субъективной оценки (*творожок, квасок, сахарок* и пр.). Что касается же слова *сырок* «кондитерское изделие из творога (обычно сладкое)», ср. сочетания: *творожный сырок, вафельный сырок, детский сырок, чайный сырок* (оно в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, даже в последних изданиях, не отмечается), то его семантика не складывается из значения *сыр* и суффикса *-ок* (). А это значит, что слово *сырок* по своему происхождению иное. Оно, как и слово *сырик*, пришло в русский язык из украинского языка, в котором *сыр* по своему происхождению иное. Только существительное *сырик* появилось в нашем языке еще в XIX в., а слово *сырок* — в советскую эпоху.

Кстати, еще в «Книге о вкусной и здоровой пище» (М., 1953, с. 256) то, что сейчас мы обычно называем сырниками, именовалось творожниками. Суффикс *-ок* () в исходном украинском *сырок* является суффиксом не ласкательно-уменьшительным, а предметным, образующим названия предметов, сделанных из того или похожих на то, что обозначено производящим словом (ср.: *дубок, рожок* «род музыкального инструмента», *глазок* (в дверях), *дубок* «род лодки», «*Холодок*» «род ментоловых конфет», *мелок*, «*Снежок*» «название конфет» и т. д.).

В заключение хочу обратить внимание на этимологическое тавтологическое, но уже нормативное сочетание *творожный сырок*. Такие случаи «масла масленого» в языке возникают в процессе его развития довольно часто, ср. хотя бы *черные чернила, белое белые* и т. п.

«Война и мир»

Л. Н. Толстого и В. Маяковского

Висенные в название заметки «заглавные слова» рождают вопросы не столько литературоведческого характера, сколько лингвистического, причем очень конкретные.

В книжке Э. А. Вартаньяна «Путешествие в слово» (М., 1975, с. 159) в главе «Великое противостояние» автором упоминается хорошо известный факт, что нередко заглавия художественных произведений строятся на антонимах. Тут же приводятся примеры: «Война и мир», «Отцы и дети», «Толстый и тонкий», «Живые и мертвые». Разберемся, являются ли все приведенные названия таковыми. Нет ли здесь неточностей? Не допустил ли автор в своем тексте писательской вольности?

В приводимых Э. А. Вартаньяном примерах не указываются авторы названных произведений. Это обстоятельство сразу останавливает наше внимание прежде всего на первом названии — «Война и мир». Ведь такое заглавие имеет и историческая эпопея Л. Н. Толстого, и лиро-эпическая поэма В. Маяковского. И в одном случае перед нами — заглавие, действительно, сделанное на антонимах по модели фразеологизмов с сочинительным союзом и типа: *взад и вперед, туда и сюда, день и ночь, вдоль и поперек, рожки да ножки* и т. д. Таким является заглавие Л. Н. Толстого, где слово *мир* (с так называемым широким и) означает «отсутствие войны, вражды, ссоры», ср. пословицу *Рать стоит до мира, ложь до правды*. Ведь в романе описываются как мирная жизнь, так и войны в России начала XIX в.

Что касается заглавия поэмы у В. Маяковского, то оно аналогично толстовскому лишь структурно (сущ. + союз и + сущ.). Сейчас оба названия пишутся одинаково, до Октябрьской же революции они выглядели по-разному. У В. Маяковского было (ввиду наличия в дореволюционной русской графике

буквы *и*) — „Война и мир“. В названии его произведения слово *мир* значит „вселенная, земной шар“. Называя свою антивоенную поэму таким образом, поэт, сознательно отталкиваясь от толстовского заглавия, самым названием говорит, что речь пойдет о мировой войне, ее бессмысленности и бесчеловечности.

Отмечу, что и следующее далее антитезное название романа И. С. Тургенева „Отцы и дети“ строится тоже не на настоящих языковых антонимах, хотя писатель в своем произведении и противопоставляет одно поколение другому. Здесь наблюдается иное явление — ситуативно-контекстное противопоставление слов, относящихся к одной тематической группе — обозначения родства.

Антонимическая конструкция с союзом *и* в сфере заглавий являлась и является регулярной и продуктивной. Достаточно привести несколько примеров: стихотворения „Прозанк и поэт“ А. С. Пушкина, „Земля и небо“ М. Ю. Лермонтова, „Да или нет“ В. Маяковского, романы „Небо и земля“ В. Саянова, „Дни и ночи“ К. Симонова и т. д.

О трех воинских званиях

По своему происхождению слова *лейтенант*, *майор* и *сержант* являются заимствованными и появились в русском языке соответственно из немецкого (два первых) и французского языков (слово *сержант*) уже в XVII в.

Существительное *лейтенант* передает нем. *Leutnant*, в свою очередь представляющее собой переобразование франц. *lieutenant*, восходящего к лат. *locum tenens* „заместник, заместитель“ (между прочим, значение „заместник, заместитель“ было характерно для слова *лейтенант* в начале XIX в. и в русском языке; ср.: *Ne Geste li был его лютенантом в Германии* в письме Тургенева Вяземскому). Правда, в этом случае оно непосредственно передавало французское слово.

Существительное *майор* передает немецкое *Major*, заимствованное в свою очередь из латинского языка, где *maior* (буквально „большой“) является сравнительной степенью слова *magnus* „большой“.

Существительное *сержант* заимствовано из французского языка, в котором *sergent* восходит к лат. *serviens*, вин. пад. *servientem* „служащий“ (корень *serv-*, ср.: *servus* „раб“, *servio* „служу, являюсь рабом, подчиняюсь“).

В русском языке в советскую эпоху все эти слова первоначально были в пассивном словарном запасе. Словами активной и актуальной лексики современного русского литературного языка они стали после введения в Советской Армии соответствующих воинских званий (в 1935 г. званий лейтенанта и майора и в 1940 г. звания сержанта).

Являются ли родственными слова *победа* и *убедить*

Слова *победа* и *убедить* являются родственными. В обоих словах корень один и тот же — *-bed-*, тот же, что и в слове *беда*, которое в древнерусском языке, кроме современного значения, имело, между прочим, также и значение „принуждение“ (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I с. 214).

Существительное *победа* представляет собой заимствованное из старославянского языка безаффиксное производное от глагола *бѣдѣти* „преодолеть, разорить, потребовать“, образованного с помощью приставки *по-* от *бѣдѣти* „убеждать“, в свою очередь являющегося производным от существительного *бѣда* (в значении „принуждение“).

Глагол *убедить* образован с помощью приставки *у-* от указанного выше глагола *бѣдѣти*.

Таким образом, настоящая победа всегда связана с убеждением.

Чем отличаются числительные *тысяча*, *миллион* и *миллиард* от счетных существительных

Слова *тысяча*, *миллион* и *миллиард* (ср. сочетания типа *тысяча книг*, *миллион человек*, *миллиард рублей* и т. п.) являются несомненными числительными и несколько не менее „числительны“, нежели, скажем, *два* или *сто* (ср.: *две книги*, *сто рублей* и пр.). От существительных они отличаются и специфическим абстрактно-количественным значением, и особыми грамматическими свойствами. А ведь именно по своей семантике, морфологическим особенностям и характеру синтаксического употребления слова „разносятся“ по определенным и разным лексико-грамматическим разделам, называемым частями речи.

Конкретно о принадлежности слов *тысяча*, *миллион* и *миллиард* к числительным и их отличия от счетных существительных вроде *дождя*, *платок*, *стол* и т. д. (и тем более от существительных иной семантики) свидетельствуют следующие факты.

1. Взятые отдельно, слова *тысяча*, *миллион* и *миллиард* имеют сугубо числовое значение, представляя собой чистые наименования количества, обозначают, так сказать, только абстрактные счетно-числовые понятия. Вне сочетания с именами существительными и в форме единственного числа они всегда предстают перед нами как простые названия чисел.

Что же касается счетных существительных, то у них, если они употребляются вне сочетания с названиями считаемых предметов, наблюдается уже не числовое значение, а предметное. Так, например, слово *тройка* в абсолютном употреблении (т. е. без относящегося к нему существительного в родительном падеже) обозначает предмет, содержащий какие-либо три единицы (ср.:

По дороге зимней, скучной тройка борзая бежит — тройка упряжка из трех лошадей. Тройка, семерка, туз (А. С. Пушкин) — тройка, карта в три очка. На банкете он надел новую тройку — тройка, костюм из пиджака, брюк и жилета (т. п.). Слово сотня — предмет, содержащий сто каких-либо единиц (ср.: Вчера я истратил последнюю сотню — сотня «денежная сумма в сто рублей»). На пригорке показалась казачья сотня — сотня войсковое подразделение, состоявшее первоначально из ста человек (и др.) и т. д.

2. Слова тысяча, миллион и миллиард, будучи числовыми именами, графически идентичны цифрам, которые обозначают то же самое количество, и поэтому на письме свободно могут ими заменяться: тысяча книг — 1000 книг, миллион человек — 1 000 000 человек, миллиард рублей — 1 000 000 000 рублей и т. д. Что касается сочетаний с предметными существительными счетных существительных, то в последние ввести цифровые обозначения невозможно. Сочетания дюжина стульев, десяток лиц, сотня гравюр, будучи переданы в виде 12 стульев, 10 лиц, 100 гравюр, будут прочтены как двенадцать стульев, десять лиц, сто гравюр. Сочетания типа целый десяток яиц с помощью цифр не поддаются передаче вовсе.

3. Слова тысяча, миллион и миллиард представляют собой такие же неотъемлемые звенья словесной системы обозначения количества предметов и счетно-числовых понятий, какими являются все остальные, даже наиболее классические числительные типа три, пять, двадцать и др. Без них составные числительные для обозначения больших количеств были бы совершенно невозможны (ср.: десять миллиардов триста пятьдесят миллионов семьсот пять тысяч сорок три километра и т. п.).

В отличие от числительных тысяча, миллион и миллиард, счетные существительные (пятко, четверка, сотня и т. д.) частями составных числительных не являются и быть ими не могут (ср.: пятьсот сорок три рубля, но не пять сотен сорок три рубля и др.).

4. Слова тысяча, миллион и миллиард могут определять с количественной точки зрения любые имена существительные, которые являются наименованиями предметов, обладающих способностью подвергаться счету. В этом отношении сочетания существительных с ними образуют открытые, незамкнутые ряды, постоянно пополняемые новыми образованиями (ср.: тысяча ракетносцев, теледатель, транзисторов и т. д.). Что касается счетных существительных, то они в качестве количественного определителя могут сочетаться лишь с немногими, вполне определенными словами и в настоящее время непродуктивны. По своему существу словесные связи у счетных существительных являются фразеологически связанными. Достаточно вспомнить о наличии сочетаний дюжина тарелок, тройка лошадей, десяток яиц

при невозможности в то же время сочетаний «дюжина универсамов», «тройка метров», «десяток бомбежек» и т. д.

5. Слова тысяча, миллион и миллиард в качестве числительных выступают в языке как основные и единственные наименования соответствующих узловых чисел. Что касается немногочисленных счетных существительных, то они всегда являются дополнительными и неосновными, существующими рядом с синонимическими числительными (ср.: дюжина — двенадцать, сотня — сто, десяток — десять, пяток — пять и т. д.), и имеют яркую стилистическую окраску непригнуженной разговорности.

6. Слова тысяча, миллион и миллиард, как и все остальные числительные, имеют при себе соответствующие порядковые прилагательные тысячный, миллионный и миллиардный (по традиции их называют порядковыми числительными). Подобные образования для счетных существительных совершенно не характерны.

7. В отличие от счетных существительных слова тысяча, миллион и миллиард, выступая в качестве числовых названий, никогда не сцепляются с качественными прилагательными.

8. Сочетаясь с существительными, слова тысяча, миллион и миллиард образуют такое же синтаксически слитное количественно-именное сочетание, как и остальные числительные (ср.: пять человек и тысяча человек, тридцать рублей и миллиард рублей и т. д.).

Как видим, слова тысяча, миллион и миллиард в силу своей абстрактно-количественной семантики «ведут себя» совсем не так, как это делают существительные, хотя, подобно последним, и имеют род и число (изменение по падежам свойственно всем именам и о «существительности» разбираемых слов говорить никак не может). Но категорией рода обладать также и «начальные» числительные один, одна, одно и два, две. А числительное сто может выступать и в форме множественного числа (ср.: сот шесть солдат, с двумястами работами и т. д.). Тем не менее вряд ли верно на этом основании выводить слова один, два и сто из разряда числительных. Так же нецелесообразно поступать и с нашими словами.

Заметим в заключение, что от числительных тысяча, миллион и миллиард необходимо четко отличать возникшие на их базе омонимические существительные предметно-количественного значения, обозначающие соответствующие денежные суммы. Ср.: Вчера я истратил последнюю тысячу — тысяча «денежная сумма в тысячу рублей» и Вчера я истратил последнюю сотню — сотня «денежная сумма в сто рублей». Здесь мы наблюдаем ту же по своему существу субстантивацию, что и в случаях типа: За ответ он получил впервые по математике пять, где пять значит «пятерка, отлично». Он открыл тетрадь, на него смотрело жирное три, где три значит «тройка, удовлетворительно», и т. п.

В каких родственных отношениях находятся между собой слова *больной*, *болеть* и *боль*?

Эта на первый взгляд очень простая и совершенно незамысловатая задача привлекает тем, что ею поднимаются очень важные проблемы русского современного и исторического словообразования. Ведь нас вряд ли может удовлетворить один элементарный разбор соответствующих слов по составу, в данном случае очень прозрачный: *боль-н-ой*, *бол-е-ть*, *боль* (). Сразу справедливо интересует то, в каких словообразовательных и этимологических отношениях названные лексические единицы находятся. А отсюда и известный вопрос: что от чего образовано?

Разберемся по порядку в затронутых проблемах. В современном русском литературном языке *больной* значит "испытывающий боль, пораженный какой-нибудь болезнью", *болеть* "быть больным, переносить какую-либо болезнь" (*болеть гриппом*) и "испытывать боль" (*рука болит*), *боль* "ощущение страдания". И прилагательное, и глагол (пусть в разной степени) мотивируются существительным *боль*. Последнее же выступает как совершенно условное обозначение. Следовательно, в словообразовательном отношении с точки зрения современного языкового сознания слова *больной* и *болеть* выступают сейчас как производные от слова *боль*. Правда, глагол *болеть* может мотивироваться прилагательным *больной* и соответственно толковаться "быть больным". Однако считать его производным от этого прилагательного нельзя: в слове *болеть* нет *-н-*, между тем образованные с помощью суффикса *-е(ть)* от прилагательных с суффиксом *-н-* глаголы всегда этот суффикс у себя "удерживают" (ср.: *темнеть*, *умнеть*, *мрачнеть*, *жаднеть* и т. д.). Таковы современные словообразовательные отношения в разобранном родственном ряду слов. *Боль* выступает как корневое и непроемное, *больной* и *болеть* — как его производные посредством суффиксов *-н(ый)* и *-е(ть)*.

Если же говорить об этимологии этих слов, т. е. об их действительном происхождении, то придется сказать уже несколько иное. Это объясняется тем, что в современных словообразовательных связях далеко не всегда прямо и непосредственно отражаются те, которые были исходными. С течением времени они нередко очень серьезно изменяются.

Как показывает изучение истории соответствующих слов в русском языке, дело было так. Всему началом были ныне исчезнувшие прилагательные *боль* (полная форма *болыи*), "больной", родственные древнерусскому *balō* "зло, пагуба, вред", готск. *balwjan* "мучить", древнекорнуэльск. *bal* "болезнь".

На его базе появилось прилагательное *больный* (> *больной*), образованное посредством суффикса *-н-* (> *н*) так же, как от прилагательных *блѣдъ*, *скудъ* (полные формы *блѣдыи*, *скудыи*) — слова *блѣдный* и *скудный*. От него же был образован и глагол

болеть (ср.: *слабеть* от *слабый*, *худеть* от *худой*, *грубеть* от *грубый*, *толстеть* от *толстый* и т. д.)

И уже потом появилось на свет, казалось бы, самое древнее и как будто явно "непроизводное" существительное *боль*. Как возникло оно, ответить сейчас определено трудно. Возможны, однако, два пути: или оно появилось как производное от глагола *болеть* по модели *резь*, *зыбь*, *дрожь*, древнерусск. *боль* и т. п., или оно было образовано от того же прилагательного *боль* (по модели *новъ*, *благъ*, *голъ*, *гнѣль*, *лень*, *ширь* и др.), что и слова *болоной* и *болать*. Как бы то ни было, но оно словам *больной* и *болеть* не родителем. Случай, лишний раз показывающий, какая пропашь лежит иногда между словообразовательным и этимологическим углом зрения на слово.

Метрики прилагательного *пышный*

По своему происхождению это слово исконно русское и было унаследовано нашим языком, как и другими славянскими языками, из праславянского. В подавляющем большинстве славянских языков (отмечается это значение и у нас) оно значит "гордый, надменный". Продолжением и дальнейшим развитием данной семантики будет современное — наиболее частотное и актуальное — значение этого слова — "роскошный, обильный".

Образовано было слово *пышный* посредством суф. *-н-* (> *н*) от существительного *пыха* "гордость, надменность, спесь", родственного диалектным словам типа *пыхатъ* "чваниться", литературным *пыхтеть*, *пыхатъ* "дышать", *пахнуть* "надуваться", *пышка* "мягкая и рыхлая лепешка" и т. д.

Исходным значением прилагательного *пышный* должно быть значение *надутый*, *толстый*. Такой же признак был положен в основу и некоторых его синонимов. К ним прежде всего следует отнести однокоренное слово *напыщенный*, которое возникло как страдательное причастие прошедшего времени от *напыщити* "сделать гордым, кичливым, спесивым", префиксально производного на базе *пыщити* (от *пыск*, связанного с *пыхатъ* и пр.).

Аналогичны по своей образной структуре синонимические прилагательные *надутый* и *надменный*, оба восходящие к страдательному причастию от глагола *надуть* (первое — с суффиксом *-т-*, а второе — с суффиксом *-енн-*).

Мнимые полногласия в словах *серебро* и *железо*

Как известно, полногласными сочетаниями называются сочетания *оро*, *оло*, *ере*, *еле* между согласными, возникшие из общеславянских групп **tort*, **toit*, **tert*, **telt* (т — знак любого согласного) в результате действия закона открытых слогов. Восточнославянским полногласным сочетаниям (так их и можно опознать) всегда соответствуют те или иные неполногласные

сочетания в других славянских языках из плавного и гласного. В старославянском языке им соответствуют неподголосные сочетания *ра, ла, рѣ, лѣ* (ср.: *градъ — город, власы — волосы, бръвъ — брег, мѣко — молоко* и др.).

Поскольку рядом с исконно русскими словами в современном русском литературном языке бытует немало однокорневых старославянских форм, определение подголосия в целом ряде случаев никаких затруднений не вызывает (ср.: *золото — злато, порох — прах, болото — блато, мороз — мраз, полон — плен, дерево — древо* и т. д.).

Однако иногда соответствующей старославянской подголосной формы в нашей речи нет. Тогда и возникают вопросы.

Слово *дорога* имеет подголосное сочетание *оро*, о чем свидетельствуют сербскохорватск. *драга*, польск. *droga* и др. Правильнее **dogra* является суффиксальным производным (суффикс -g-) от того же корня (dog-), что и диалектное *дор* „расчищенное, продрванное в лесу пространство“.

Что касается слов *серебро* и *железо*, то, несмотря на их внешне „подголосный“ вид, в них сочетания *ере* и *еле* подголосными не являются.

Мнимое подголосие слов *серебро* и *железо* станет ясным сразу же, как только мы узнаем, как эти слова звучали и писались в старославянском языке. В нем нас встречают не ожидаемые формы *сѣрѣбро* и *жѣлѣзо* (ср.: *берег — бръвъ, железа — жѣлѣза* и т. п.), а формы *сѣребро* и *жѣлѣзо*. Последние были и в древнерусском языке. Судьба их затем была разной. Слово *жѣлѣзо* после совпадения звука *ѣ* со звуком *е* дало единное *железо*. Слово *сѣребро* изменилось в разговорной речи, с одной стороны, и в книжном языке — с другой, различно. В живой речи оно стало звучать „по-русски“ (*серебро*). Это, как полагают, произошло в результате межслоговой ассимиляции звука *ѣ* звуку *е*. В книжном (церковнославянском) произношении звук *ѣ* после звука *с* утратился, что дало форму, внешне совпадающую с подголосием (ср.: *сѣребролюбец*). В результате этих изменений у нас из одной и той же исходной формы *сѣребро* появилась ложная пара подголосия-неподголосия *серебро* и *сѣребро*. Вторая сейчас встречается лишь в качестве корня производных слов (вроде приведенного выше *сѣребролюбец*), но еще в XIX в. в стихотворных произведениях была употреблена и как самостоятельное слово.

По поводу слова *железо* заметим также то, что в некоторых этимологических словарях (см. хотя бы: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., т. 2, 1967, с. 43, дополнение О. Н. Трубачева) оно возводится к праславянск. **želzo*, как если бы было самым обычным „telt-образованным“, без учета его „подголосного“ характера во всех славянских языках (ср. болг. *железо*, чешск. *železo*, польск. *żelazo* и др.) на месте единственно правильного в таком случае подголосия.

Современные и древние славянские языки определенно говорят, что праформой слова *железо* было не *желзо*, а *жѣлѣзо*.

Последнее (тем не менее) не мешает считать слово *железо* суффиксальным производным от того же корня (*жел-*, с общим исходным значением „камень“), что и старослав. *желы* „черепаха“, „каменная“, русск. *голова* (исходно — „черепа“), польск. *glaz* „камень“, греч. *chalkos* „медь, бронза“ < „камень“ и др.

Житомир

Среди топонимов довольно многочисленную группу составляют так называемые патронимические имена, наименования населенных пунктов по их основателю или владельцу. Немало в этой группе и городских названий.

По своему этимологическому характеру они являются существительными, возникшими морфолого-синтаксическим способом на базе притяжательных прилагательных в результате эллипсиса слов *городъ: Борисов < Борисовъ городъ, Ярославъ < Ярославъ городъ* (т. е. „город Бориса“, „город Ярослава“) и т. д. В результате сокращения оборота *Владимиръ городъ* „город Владимира“ (с последующим отверждением конечного *р*) возник и топоним *Владимир*, см. подробнее об этом в заметке „Владимир и Познань“.

Аналогично возникло и городское имя *Житомир*. Ранее (до отверждения конечного *р*) оно звучало как *Житомиръ*. Название же *Житомиръ* является аббревиатурой фразеологического оборота *Житомиръ городъ*, в котором *Житомиръ* представлял собой притяжательное прилагательное от личного имени *Житомиръ*, образованное с помощью суффикса *j* (*ѣ*) еще в общеславянскую эпоху. Таким образом, *Житомир* буквально значит „город Житомира“.

Откуда в слове *ишь* мягкий знак?

Эта лингвистическая загадка не принадлежит к числу трудных, хотя на первый взгляд перед нами вопрос, который может поставить в тупик. По крайней мере, современный орфографический разбор слова *ишь* законности *ѣ* не доказывает: ведь звук *ш* сейчас твердый, и после буквы *ш* *ѣ* употребляется лишь в различительно-грамматических целях (последовательно в им. пад. существительных жен. рода и глаголах 2-го лица ед. числа настоящего времени и повелительного наклонения: *черная тушь, но сыграли туш; думаешь, ишь* и т. д.). Ответ на вопрос о происхождении мягкого знака в слове *ишь* заключается в разгадке происхождения самого этого слова. И вот здесь-то мы видим, что *ѣ* достался междометно *ишь* по наследству от производящего слова, в котором он писался „по общему правилу“.

Но обратимся к истории слова *ишь*. Междометие изумления и укоризны *ишь* (ср.: *Ишь, как хорошо читает!*; *Ишь, какой быстряй!* и т. д.) родилось в нашей речи как „скороговорочная“ форма слова *вишь*, выражающего сейчас удивление или недоверие, но имевшего ранее — как и слово *ишь* — также значение „вон, посмотри“. В этом последнем значении слово *вишь* возникло в свою очередь скорее всего как фонетическое сокращение глагола *видишь*. Другое объяснение слова *вишь* — из формы 2-го лица ед. числа повелительного наклонения глагола *видѣти* (*вижь* „смотри“) > *вишь* после падения редуцированного *ѣ* и оглушения конечного *ж* в *ш*) — менее вероятно.

В таком случае *ѣ* в междометии *ишь* (< *вишь* < *видишь*) носит по своему происхождению такой же характер, что и в словах *бишь* (из *багш* „говоришь“), *слишь* (из *слышш*), *хощь* (из *хочешь*).

Остается несколько слов сказать о фонетической трансформации в разговорной речи *вишь* > *ишь*.

Такое исчезновение начальных звуков (как гласных, так и согласных) уникальным не является и изредка в языке наблюдается.

В качестве примеров можно привести хотя бы междометия *лафа* и *ушь*. Первое возникло на базе тюркского *алафа* „польза, выгода“. Второе — „скороговорочный“ вариант слова *кусь*, первоначально формы повелительного наклонения от глагола *кусити* „укусить“ (см. раздел „По следам междометий“).

Таким образом, *ѣ* в междометии *ишь* (как и в других грамматически и орфографически подобных ему словах) — „глагольного происхождения“.

Иным было появление *ѣ* в частице *лишь*. Как и почему он в этом слове появился, можно узнать, прочитав заметку „*Лишь только*“.

Чудесные превращения слова *каждый*

Многие, вероятно, даже не подозревают, какую удивительную метаморфозу пережило слово *каждый* в течение своей долгой жизни в русском языке. Слишком уж оно заурядное и привычное. И тем не менее простое местоимение *каждый* имеет очень сложную биографию. Достаточно сказать, что из суффиксального образования оно превратилось в производное, а из склоняемого в своей первой (основной) части — в слово с окончанием на конце.

В самом деле, сейчас местоимение *каждый* делится лишь на корень *кажд-* и окончание *-ый* и нормально склоняется как обычное прилагательное: *каждого, каждому, каждым, о каждом* и т. д. А рядом с формой *каждый* употребляются соотносительные ей родовые формы женского и среднего рода — *каждая* и *каждое*.

В древнерусском же языке троица *каждый — каждая — каждое* не существовало. В XII в. вместо них была цепочка форм *къждо — къждо — къждо*. По морфемному составу эти формы можно сравнить с современными словами вроде *какой-либо*. Они делятся на корень, окончание (флексия) и следующий далее „пофлексийный“ суффикс (*как-ой-либо*). И старое *къждо* делилось так же: *къ-* — корень, *-ѣ-* — окончание и *-ждо* — суффикс. Отличие лишь в конкретных морфемах и орфографии (*какой-либо* пишется через дефис, а *къждо* писалось слитно).

Косвенные падежи от *какой-либо* — это *какого-либо, какому-либо* и т. д. Так же склонялось и *къждо*: *козъждо, комуъждо* и пр., например: *И въѣа работъ своимъ власть и комуъждо ѣло свое* („Остромирово евангелие“), *Повель... комуъждо своему полку* („Ипатьевская летопись“).

Как видим, слово *каждый* из местоимения, которое склонялось, так сказать, своим началом, превратилось в местоимение с флексией на конце. Окончание в этом слове было как бы отгеснено суффиксом *-ждо* на свое законное „конечное“ место. Несомненно, такая удивительная метаморфоза произошла в слове *къждо* под влиянием большинства местоимений, близких ему по значению, типа *любой* и *всякий*.

В заключение несколько слов о происхождении местоимения *къждо*. Оно представляет собой форму, сменившую более древнюю *къжде* (как полагают, конечное *ѣ* появилось под влиянием местоимения *къто* „кто“). Больше забот причиняет лингвистам исходное *къжде*. Хотя это слово уже в древнерусскую эпоху воспринималось как суффиксальное, возникло-то оно с помощью сложения слов, а именно путем объединения местоимения *къ* (именной формы слова *кой* (< *кии*) и, очевидно, отглагольного наречия *жде*. О родстве в этом местоимении части *-жде* глаголу *ждати* писал уже И. И. Срезневский. Кажется менее вероятным объяснение второй части древнерусского *къжде* как сочетания усиленной частицы *же* и относительного наречия *де* (об этом *де* см. заметку „Где корень в слове *где?*“).

Если *-жде* считать родственным глаголу *ждати*, то его значение в местоимении *къжде* можно определить как „угодно, желательно“ (ср. то же значение у явно однокорневого со словами *погодить* и *ждать* древнерусского *годе* „угодно“). Тогда старым значением слова *къжде* было „тот, которого ждут, тот, кто угоден, тот, кого желают“.

Значение „который угодно, всякий, любой“ развилось у нашего слова позже. И. И. Срезневский не случайно сравнивает местоимение *къжде* с болгарским *жденый* „желанный, дорогой“ и латинским *libet* „угодно, желательно“. Ведь такую же смысловую эволюцию от „того, кто угоден, кого желают и, значит, любят“ к „всякому, каждому“ пережило и синонимическое местоимение *каждый* слово *любой* (< *любий* „любимый, желанный, дорогой“).

Что есть кто

В заглавии этой заметки мы, конечно, прежде всего видим забавную игру слов. Ведь оно сразу напоминает нам газету с биографическими очерками под названием „Кто есть кто“. И недаром, потому что сейчас мы обратимся к биографии слова *кто*. Но заглавие является одновременно и этимологическим сообщением, говорящим о том, что *кто* и что по происхождению тождественны. Как ни странно может показаться, но *кто* есть *кто*, так же как и квадрат гипотенузы есть сумма квадратов катетов. Впрочем, обратимся к самим местоимениям.

Отметим только, что в некоторых родственных языках однокорневые формы могут быть тождественными даже с точки зрения смысла, а не одного лишь родства. Примером может служить латышское *kas*, обозначающее и „кто“, и „что“.

Итак — *кто*. Как оно возникло, с какими словами находится в родственных отношениях? Литературное *кто* (из общеславянского *къто*) появилось после падения редуцированных, как и диалектно-просторечное *кто*, последнее — в результате распада оказавшихся рядом взрывных *к* и *т*, в силу которого взрывной *к* заменил фриктивный *х*.

До этого — в праславянском (а потом и в древнерусском) языке — оно звучало как *къто*. Это слово появилось на свет как сложное. Его сложили из двух местоимений: относительно-вопросительного местоимения *къ* и указательного *то*. Последнее употребляется в нашем языке и сейчас.

А вот *къ* в качестве самостоятельного слова давно исчезло, хотя в виде составной части кое-где еще и известно. В частности, старое *къ* наблюдается в только что употребленном слове *кое-где*, в обеих составляющих это слово морфемах.

Приставка неопределенности *кое-* (ср. *кое-кто*, *кое-как*, *кое-какие* и др.) восходит к слову *кое* — форме среднего рода местоимения *къ*. Форма мужского рода этого местоимения (*кой*) в составе фразеологических оборотов употребляется до сих пор: *кой черт*, *в кои веки*, *ни в коем случае* и т. п. Она является не чем иным, как полной формой нашего *кто*: первоначальное *къ* (*къ* + указательное местоимение *то*) изменилось в *кой*, а затем — после падения редуцированных (редуцированное *ы* в сильном положении проявилось в гласный полного образования *о*) — в *кой*.

Наречие *где* появилось после падения редуцированного *ѣ* и озвончения *к* перед *д* из общеславянского *къде*. Последнее же образовано с помощью наречного суффикса *-де* (ср. *везде* < *вьсѣ* и т. д.) от того же *къ*, что и *кое-*.

Заметим, что в *кто* старые *къ* и *то* полностью растворились и сейчас никак уже не ощущаются, так же как и части, составляющие слово *что*.

Что — *alter ego*, второе „я“ местоимения *кто*. Оно тоже возникло как сложное, и его составные части были по своей сущности теми же, которые когда-то были в слове *кто*. В качестве второй части сложения выступало то же указательное местоимение *то*. В качестве первой части — „передний“ вариант местоимения *къ* — слово **къ*, изменившееся в результате палатализации заднеязычного *к* перед гласным переднего ряда *ѣ* в *ч* (ср. *река*, но *речка* < *ръчка* и т. п.). Древнерусское *что* (так и в общеславянском) с падением редуцированных изменилось в современное *что*.

Как и древнее *къ*, старое *чь* < **къ* известно лишь в виде составной части. Причем содержащему его сейчас слову повезло больше, чем местоимению *кой*, имеющему фразеологически связанное употребление. Местоимение *чей* является сейчас самым обычным и свободным в своих словесных связях. А возникло оно, как и *кой*, в качестве полной формы от *чь* (+ *и*): *чьи* > *чии* > *чей* (ср. *чья*, *чье*, *чьи*), в результате пояснения редуцированного *и* в *е*, точно таким же образом, как *казначи* — в *казначеи*.

Теперь вам хорошо известно, что *что* есть *кто*. Но не будем ставить на этом точку. Еще несколько слов о слове *то* в разобранных только что местоимениях. Его там (мы уже упоминали) как отдельной лексической единицы давно нет. Но как составная часть оно в них существует и живет внутри них... как окончание. Действительно, по соотношению с падежными формами *к-ого*, *к-ому*, *к-ем*, *о к-ом*, *ч-его*, *ч-ему*, *ч-ем*, *о ч-ём* и т. д. в им. пад. в словах *к-то* и *ч-то* выделяется окончание *-то*. Так что в словах *кто* и *что* *то* сейчас совсем не то, каким оно было в них в момент их рождения и каким является сейчас в качестве самостоятельного указательного местоимения.

Что было раньше: *фляжа* или *фляжка*?

„Позвольте,— могут сказать в ответ,— это вопрос, по своему существу, лишний. Строение этих слов совершенно определено говорит, что сначала появилось слово *фляга*. Ведь оно имеет неприводимую основу. Что же касается существительного *фляжка*, то в его составе, помимо корня *фляж-*, выделяется суффикс *-к-*“. Рассуждение как будто совершенно правильное. И все же на самом деле ошибочное, так как в действительности процесс словопроизводства здесь был обратным: первоначально появилось слово *фляжка* и лишь затем — *фляга*. Но и это еще не все: не является исходной и форма *фляжка*.

Не позже XVI в. в русском языке появилось из польского слово *фляшка* (польск. *flaszka*, нем. *Flasche*). Это было заимствование изустное, с голоса. Поэтому оно „пристрелось“ по конечному звукосоочетанию к словам типа *ножка*, *дорожка*, *дужка*, *лачужка* и т. д. А когда его стали изображать на письме, то начали так же, как эти слова, и писать — с *ж*, вместо этимоло-

гически правильного *ш*. Сработало „правило“: „*Фля* [шк] а прои-
ношу, как *но* [шк] а, слово *но* [шк] а пишу с *ж* — ножка, значит,
и существительное *фля* [шк] а надо писать с *ж* — фляжка“.

Затем аналогичное воздействие слов типа *ножка*, *дорожка*,
дужка, *лачужка* и пр. на существительное *фляжка* пошло еще
далее: оно было осознано уже как слово, входящее в не-
структурную „семью“, т. е. как образование с суффиксом *-ж*.
Это закономерно привело к возникновению непроизводного слова
фляга: *ножка* — нога, *дорожка* — дорога, *дужка* — дуга, *лачуж-
ка* — лачуга и пр., значит „должно быть“ *фляжка* — *фляга*.

Такой способ словообразования, когда в построенном на анало-
гии словообразовательном „квадрате“ появляется не четвертый
член (ср.: *нога* > *ножка*; *конфета* > *конфетка*), а третий (ср.:
нога > *ножка*; *фляга* < *фляжка*), называется обратным слово-
образованием. С его помощью были в русском языке, кроме
существительного *фляга*, образованы слова *зонт* (от *зонтик*),
вдохновить (от *вдохновение*), *дояр* (от *доярка*), *пугать* (от
пужать) и т. д.

В качестве недавнего индивидуально-авторского неологизма,
образованного этим способом, можно указать слово *русал* (от
русалка, по модели *фискал* — *фискалка*): *И мы увидели его,
старого русала, барахтающегося в воде близ гранитных ступе-
nek* (Нагибин).

Родословная дворянжки

Слово *дворянжка* принадлежит к числу таких, которые
обычно не привлекают к себе внимания и воспринимаются как
самые заурядные и обычные слова. Прозрачный морфемный состав
создает впечатление ясности происхождения и этого существитель-
ного. Тем не менее далеко не все правильно представляют себе,
как оно появилось и было образовано. На поверку оказы-
вается, что это простое „собачье“ имя возникло в результате
многоступенчатого процесса словопроизводства.

Любопытно, что слово *дворянжка* в этимологических слова-
рях русского языка не толкуется, очевидно, потому что,
являясь формой субъективной оценки существительного *дворяне*,
свободно ассоциируется как родственное слову *двор* (*дворяне* —
„собака, охраняющая двор“).

И все-таки слово *дворянжка* требует специального анализа.
Это объясняется тем, что между словами *двор* и *дворянжка*
наблюдается не одно ясно осознаваемое звено (*дворяне*), а
(кроме него) еще два. Как свидетельствуют факты недавнего
прошлого, слово *дворяне* представляет собой суффиксальное
производное пренебрежительного характера (ср. *портняжка* и т. п.)
от существительного *дворян* „дворовая собака“ (см.: Д а л ь В. И.
Толковый словарь..., т. I, с. 423), возникшего на базе фразеоло-
гического оборота *дворная собака* (ср. *левая собака* и др.).

Слово *дворянжа* появилось сравнительно недавно, и скорее все-
го в дворянской среде, так как только здесь дворяная собака могла
быть так пренебрежительно противопоставлена комнатным и
охотничьим. В словарях слово *дворянжа* отмечается лишь с
XIX в., впервые в „Общем церковно-славяно-русском словаре“
Соколова (1834 г.). Оно такое же сравнительно новое, как
и *болонка*, название комнатной собаки, заимствованное в начале
XIX в. из французского языка. Франц. *bolonais* („собака“) из Бо-
лоньи было переоформлено у нас с помощью привычного для
слов данного смыслового поля суффикса *-жа* (ср.: *лайка*, *овчар-
ка*, *шавка* и т. п.).

По времени появления в русском языке названия двух совер-
шенно различных собак (ср. хотя бы басно И. А. Крылова
„Две собаки“), как видим, почти сверстники.

Все цвета радуги

Прилагательные *белый*, *черный*, *красный*, *желтый*, *зе-
леный*, *синий*... Все они представляют собой в настоящее время
совершенно условные немотивированные наименования и являю-
тся корневыми. Но с этимологической точки зрения эти на-
звания цвета предстают перед нами в ином свете. В момент
своего возникновения это были мотивированные слова, все они
были образованы суффиксальным способом. Почти все указанные
прилагательные являются также и сверстниками. Исключение
составляет лишь слово *красный*, в цветовом значении сравни-
тельно недавнее. Остальные возникли давно и известны во
всех славянских языках.

Все разбираемые слова принадлежат к исконному лексичес-
кому фонду русского языка. Это следует отметить потому, что
среди цветových прилагательных в нашей речи немало иноязыч-
ных (ср. хотя бы заимствованные из французского языка слова
бежевый, *палевый*, *оранжевый*, *лиловый*, *фиолетовый*, *пунцовый*,
бордовый).

Разберем наши „цветные“ слова по порядку. Прилагательное
белый едва ли не самое старое. Это общеславянское слово
индоевропейского характера, образованное от индоевропейского
*bhā „светить, блеснуть, сиять“ с помощью суффикса *-l-* (ср.
латышск. *bāls* „бледный“, греч. *phalos* „белый“ и т. п.).

Выделить в этом слове суффикс *-l-* (только в этимологи-
ческом плане, конечно) позволяют такие однокорневые образова-
ния других индоевропейских языков, которые содержат иные
суффиксы, вроде греч. *phanos* „светлый, яркий“, древнеирландск.
bāl „белый“, или являющиеся корневыми (в качестве примера
можно привести древнеинд. *bhās* „сияние, блеск“, где *-s* пред-
ставляет собой окончание).

Таким образом, первоначально слово *белый* имело значение
„блестящий, сияющий“.

Из его далеких родственников, пришедших к нам из греческого языка, следует отметить слова *фонарь* (из среднегреч. *phanaion*, являющегося суффиксальным производным от древнегреч. *phanos* „свет, блеск“) и *фантазия* (из древнегреч. *phantasia* „видение, призрак“).

По образному характеру к слову *белый* примыкает прилагательное *синий*, которое в момент своего рождения тоже значило „блестящий, сияющий“. Это общеславянское слово образовано было с помощью суффикса *-н-* от той же основы (*si-*), что и глагол *сиять*. Родство слов *синий* и *сиять* несомненно. Весьма возможно, что однокорневыми по отношению к прилагательному *синий* (а значит, и глаголу *сиять*) являются также и слова *сивый* и *сизый*, представляющие собой в таком случае производные посредством суффиксов *-в-* и *-з-*.

Прилагательные *зеленый* и *желтый* тесно связаны между собой не только тем, что они обозначают смежные цвета спектра. Их объединяют также и кровные узлы родства. Ведь эти общеславянские слова являются однокорневыми и отличаются друг от друга лишь суффиксами, посредством которых они были образованы.

Слово *зеленый* (из *зеленый*) — производное с помощью суффикса *-ен-* от той же основы (*zel-*), что и диалектное *зель* „трава, зелень“, греч. *chloë* „трава“, нем. *gelb* „желтый“ и т. д. Ту же основу, но с переглаской *е/о* (ср. *везу* — *воз*, *несу* — *ноша* и т. д.) мы наблюдаем в словах *злак* (из **zolkъ*) и *золото* (из **zolto*) с этимологическими суффиксами *-к-* и *-т-* (ср. содержащие те же суффиксы родственные слова: диалектное *жолкнутъ* и *желтый*).

Слово *желтый* (из *жълтый*) образовано с помощью суффикса *-т-* от той же основы (*жъл-* < **gil-*), что и диалектные *желуница* „желтуха“, *жолкнутъ* „становиться желтым“.

Древние формы **zel-* и **gil-* образуют одну и ту же непроизводную основу и отличаются между собой лишь фонетически: качеством начального гортанного согласного (ср. подобное явление в лит. *город* и диал. *зород* „ограда“) и переглаской *е/и*. Значение этих форм первоначально не было дифференцировано, что ярко проявилось в словах *зеленый* и *золото* (буквально „желтое“).

Так весьма своеобразно (в обозначении их словами одного корня) отразилась в языке близость зеленого и желтого цвета.

Особняком по отношению ко всем разобраным цветовым обозначениям стоит слово *красный*. И не только потому, что, как уже отмечалось, оно довольно молодое. Дело в том, что оно свойственно в данном значении только русскому языку. В других славянских языках для обозначения красного цвета до сих пор пользуются старыми названиями, образованными от основы *чѣра-* (ср. укр. *червоний*, болг. *червен*, польск. *szereg* и т. д.). Последнее объясняется тем, что в общеславянскую

эпоху из червей (особого вида) готовили красную краску.

В качестве цветového имени собственно русское прилагательное *красный* возникло на основе общеславянского *красный* (< *красны*) „красивый, хороший“, производного с помощью суффикса *-н-* от слова *краса* „украшение“. В первоначальном значении слово *красный* свободно употребляется и сейчас во всех других славянских языках, кроме русского. В нашем языке оно в своем исходном значении встречается лишь во фразеологических оборотах типа *долг платежом красен*, *ради красного словца*, *красная цена*, *красная рыба*, *красная девица*, *ка миру и смерть красна* и т. д.

Своеобразно и слово *черный*. Оно отличается от других общеславянских цветových обозначений прежде всего тем, что (несмотря на его былую производность) признаков, положенных в его основу, не удастся установить даже с помощью глубокого этимологического анализа. Да и древний суффикс *-н-* в его основе виден, кажется, лишь на фоне балтийских соответствий, вроде литовск. *Kirsnà* „черная“ (название реки), древнепрussk. *kirsnap* „черный“.

Два ключа

Ключ, которым мы отпираем замок или заводим игрушку, и ключ, бьющий из земли, друг на друга совершенно не похожи и не имеют между собой ничего общего. И слова, их обозначающие, тоже являются чужими, хотя звучат и пишутся одинаково. Встречаются они друг с другом очень редко, но в языке тем не менее образуют омонимическую пару. Среди фразеологических оборотов есть выражение, где эти слова-омонимы даже слились воедино, создав выразительный каламбур. Это оборот *Жизнь бьет ключом*, и *все по голове*, родившийся в результате „распространения“ более короткого *Жизнь бьет ключом* (по аналогии с оборотами типа *Не все равно: есть и горки*, построенными на двузначности одного из слов). В нем *ключ* одновременно значит и „таечный ключ“, и „родник“.

Наши омонимы обычно считаются словами, совпавшими случайно. Слово *ключ*, обозначающее техническое приспособление, толкуется как родственное существительному *ключ* „палка с загнутым концом, крюк“, однокорневое, в частности, лат. *clavis* „ключ“, *clusa* „запор“. Что же касается слова *ключ* „родник“, то его относят к глаголу *ключать* „шуметь, бурлить, хлопать“ (о воде).

Думается, что такое исконное различие слов *ключ* „техническое приспособление“ и *ключ* „родник“ неверно. Было время, когда они входили в одну семью слов, причем сначала в ней появилось слово *ключ* как название технического приспособления, а затем на его основе слово *ключ* со значением „источник, родник“.

О возможности такого этимологического решения пишет, между прочим, М. Фасмер: „Обычно сближается с *кля́кать* „шуметь...“, но имеет смысл поставить вопрос об одинаковом происхождении с *ключ* 1. Ср. нем. выражение *eine Quelle erschliessen* „открыть источник“ (Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, с. 258). Однако разяснить его не разясняет. А этот ключ к разгадке слова *ключ* „родник, источник“ предлагал уже В. Даль: „*Ключ*, отмычка, перешло... на *родник*, как на отомкнутое недро земли“ (Толковый словарь..., т. II. М., 1955, с. 122).

Таким образом, в конечном счете два *ключа* появились из одного и того же источника. Вначале было слово *ключ* „ключа, засов, запор, замок“, с течением времени получившее значение „отмычка, ключ“.

Как ни удивительно, но это исконно русское существительное общеславянского характера родственно инноязычному слову *слесарь*, обозначавшему при его заимствовании из немецкого языка мастера, изготовлявшего именно замки и ключи. Но об этом см. заметку „*Слесарь, ключ и замок*“.

Слесарь, ключ и замок

По всей вероятности, у многих из вас сразу возникает если не уверенность, то предположение, что в заглавии опечатка, что ударение в слове *замок* поставлено не там, где надо. Ведь *слесарь* — это мастер, делающий замки и ключи, но не тот, кто строит замки. Поэтому как будто, если уже объединять в названии заметки связанные друг с другом предметы, то объединять надо *слесаря, ключ и замок*. И тем не менее речь далее пойдет именно о словах *слесарь, ключ и замок*. Эти существительные (из которых только слово *ключ* исконно русское) оказываются пусть десятой вода на киселе, но все же родственниками.

Слово *слесарь* пришло к нам из средневерхненемецкого языка в XVII в. В последнем оно (в виде *slösser* > *Schlösser*) является суффиксальным производным — посредством суффикса *-er-* от слова *slöss* > *Schloss* „замок, запор“. Это современное слово ведет свое происхождение от древневерхненем. *sliozan* „запирать“, точно так же как и наши *замок и запор* — от глаголов *замыкати* и *запирати*. Древневерхненем. *sliozan* восходит к **skliozan*, в котором мы наблюдаем приставку *s-* (так называемое подвижное *s*: ср. *кора* — *скора*, **skera* > *щена* и **kepa* > *чепуха*, см. заметку „*Ерунда и чепуха*“) и производную основу *klio-*, однокорневую той, которая содержится в русском слове *ключ* и латинских *clavis* „ключ“, *clusa* „запор“.

Как видим, родство слов *слесарь* и *ключ* налицо. Можно догадаться о близости этих слов к слову *шлюз*, восходящему тоже к средневерхненем. *slöss* (ср. устарелое *шлюз*). К нему

же (правда, опосредованно) восходит и слово *замок* „крепость, форт, укрепление“. И вот как именно. В результате буквального перевода (калькирования) латинского слова *clusa*, означавшего и „крепость, форт“, и „запор, замок“, средневерхненем. *slöss* „замок, запор“ тоже приобрело значение „крепость, форт“. Его скалькировали чехи. Они также стали называть крепость словом, обозначавшим „замок, запор“. Чешское *zámek* „замок“ было в свою очередь „снято“ поляками. А получившее новое значение польское существительное (в переоформленном виде *ek* > *ok*, но с сохранением начального ударения) пришло к нам. Так рядом с исконным и общеславянским *замок* (от *замкнуть* „закрыть“) появилось в русском языке польское слово *замок*, связанное словообразовательными узлами и со словом *слесарь*, и со словом *ключ*, и даже со словом *шлюз*.

Откуда есть пошло слово *отверстие* и какой в нем корень

Существительное *отверстие* пришло в русский литературный язык из старославянского. В последнем оно образовано с помощью суффикса *-иѣ* от страдательного причастия прошедшего времени глагола *отъврьсти* (> *отверсти*) „открыть, развязать“ — *отъврьсть* (> *отверст*) „открытый, развязанный“. Таким образом, по своему структурному характеру слово *отверстие* подобно существительному *открыти*. Различной оказалась у них семантическая судьба: слово *открыти* получило абстрактное значение, слово же *отверстие* — конкретное. Глагол *отверсти* (ср. устаревшее *отвръзати*) возник на базе глагола *верзти* < *връзти* „связывать“, родственного литовск. *veržti* „связывать“, авест. *verēz-* „запирать“ и т. д. В диалектах до сих пор живет еще (ранее бывшее очень ходячим) слово *верзти* „лапти“, прямой и непосредственный потомок этого глагола: *верзти* буквально значит „сплетенные, связанные“.

Следовательно, с этимологической точки зрения в слове *отверстие* на древнерусском уровне можно выделить приставку *от-* (< *отъ-*), производную основу *-верс-* (< *верз-* < *връз-*), суффикс *-иѣ* и окончание *-е*. На более древнем языковом „срезе“ производную основу *-връз-* можно делить на корень *-връ-* (тот же, что в словах *веревка* < *ворвь*, *вериги*, диал. *вор* „забор, ограда“, *ворота*, литовск. *verti* „закрывать, открывать“ и т. д.) и суффиксальное *-з-*.

Тем самым, в частности, наше *отверстие* оказывается в отдаленном, но все же родстве не только с такими словами, как *отворять* и *ворота*, но также и с такими, как *веревка* и *вериги*.

Кровными узлами связано, между прочим, слово *отверстие* с глаголом *разверзаться*, которое нам известно сейчас лишь в шутовском выражении *разверзлись хляби небесные* (см. заметку „Что значит слово *хлябь*“).

Что значит слово *хлябь*

В качестве самостоятельной лексической единицы слово *хлябь* практически в нашей речи отсутствует. Оно живет лишь как часть целой «словесной семьи» и только в ней. Вспомним шутливое выражение *разверзлись хляби небесные* «пошел сильный, проливной дождь». Мы видим, что в названном фразеологическом сращении архаично не только существительное *хлябь*, но и глагол *разверзлись*. Хорошо знакомо лишь прилагательное *небесный*. С чем же небесным и что же сделалось? Начнем с последнего. О глаголе *разверзлись* уже упоминалось, когда говорилось об этимологии существительного *отверстие* (см. замечку «Откуда есть пошло слово *отверстие* и какой в нем корень»). *Разверзлись* может значить «раскрылись, развязались, расшатались, ослабли».

Чтобы понять, какое значение было первоначально у оборота *разверзлись хляби небесные*, нам осталось узнать, что значит слово *хлябь*. Это существительное имеет значение «простор, пуста, глубь; бездна, пропасть». Таким образом, буквальный перевод выражения *разверзлись хляби небесные* дает нам «открылись небесные просторы» (или «бездны» и т. д.). Тем самым становится яснее и оправданнее современное значение оборота, которое является как бы следствием исходной семантики. И все же история нынешнего значения «пошел сильный, проливной дождь» «разверзается» перед нами полностью лишь тогда, когда мы привлекаем тот контекст, из которого выражение *разверзлись хляби небесные* вышло на свет.

А извлечено оно было из библейского рассказа о «всемирном потопе»: *Разверзюся вси источники бездны, и хляби небесные отверзюся. И бысть дождь на землю чотыредесять дней и чотыредесять ночей*. Н. С. и М. Г. Ашукины (Крылатые слова. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1966, с. 570) по традиции передают этот отрывок таким образом: «Разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились, и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей». Однако, как можно заключить, имея в виду уже изложенное, такой перевод неточен. Ни *великой бездны*, ни *небесных окон* здесь нет, а слово *разверзюся* требует перевода «раскрылись».

Заметим попутно, что наши *небесные хляби*, после того как они «разверзлись», отложились не только в разобранном выражении. Слова *разверзлись хляби небесные* оставили после себя и других потомков. Среди них в первую очередь следует назвать глагол *расхлябаться* «расшататься, разойтись, ослабеть» (ср. *гайки расхлябались*, т. е. расшатались, *сапог расхлябался*, т. е. стал свободным, и т. д.) и существительное *расхлябанность*, «недисциплинированность» (от *расхлябанный*, страдательного причастия глагола *расхлябать*, приставочного производного от *хлябать* «качаться, шататься»).

Глагол *расхлябаться* среди только что названных слов особенно интересен. Он возник в результате своеобразной конденсации словосочетания *разверзлись хляби*, на базе слова *хлябь*, но по модели *разверзлись*: в структурную схему *раз-(рас-)* — *лись* вместо *-верз-* было «засунуто» *-хляб-*. Еще более оригинальным сжатием оборота *разверзлись хляби небесные* в слово предстает перед нами диалектное существительное *хляба* «дождь, слякоть».

Два глагола *обуть*

В настоящее время свободно и часто употребляется лишь одно *обуть* — то, которое имеет значение «охватить, объять, овладеть»: *И такая меня по тебе тоска обуяла, такая грусть, что, кажется, все бы на свете отдала, лишь бы с тобой хоть минуточку еще побыть* (К у п р и н).

Однако в художественных произведениях XIX в. можно встретить и другое *обуть*, обладающее совсем иным значением. И это надо обязательно учитывать, чтобы правильно понимать, что хотел сказать писатель. Так, во фразе *Виновен я; гордый объянный, обманывал я бога и царей* Пушкин использовал слово *объянный* в современном значении «охаиваемый, объятый». А вот, например, в его же стихотворении «Наполеон» мы встречаемся уже с таким *обуть*, которое в эту семантику не укладывается: *Надменный! Кто тебя подвинул? Кто обуял твой дивный ум?* Здесь *обуть* значит «лишить рассудка, сделать безумным».

Между прочим, разным является не только значение этих омонимов, но и их происхождение.

Глагол *обуть* «охватить, объять, овладеть» является древнерусским производным с помощью префикса *об-* от *уяти* (ср. современное *унять*), в свою очередь образованного посредством приставки *у-* от *яти* «брать, хватать» (ср. *взять, снять, отнять* и др.). От слова *объять* его отличает лишь наличие как бы лишней приставки *у-*.

Что касается глагола *обуть* «лишить рассудка, сделать безумным», то он образован в старославянском языке посредством приставки *о-* и суффикса *-ати* от прилагательного *буи* «глупый, безумный».

Далеко не всегда опознать в тексте разные *обуть* так просто и легко, как в приведенных примерах. В отрывке из поэмы Пушкина «Медный всадник» перед нами такой случай, когда слово *обуянный* как бы совмещает оба указанных значения, т. е. когда омонимы вдруг сливаются в одно слово: *И, зубы стиснув, пальцы сжав, Как обуянный силой черной, Добро, строитель чудотворный! — Шепнул он, злобно задрожав. — Ужо тебе!*.. Здесь *обуянный* может быть понято и как «лишенный рассудка, сведенный с ума (черной силой)», и как «такой, которым овладела (черная сила)».

Что моет судомойка?

Каждому известно, что судомойка моет. Конечно, посуду. Почему же ее называют в русском языке не „посудомойкой“, а *судомойкой*?

В самом деле, *судомойка* — это женщина, которая по своей должности занимается мытьем посуды. Но это вовсе не женщина, моющая суда. Почему же в существительном *судомойка* корень *суд-* соотносится не со словом *судно*, *суда* в значениях „корабль, корабли“, а со словом *посуда*? В этом корне сохраняется старое значение слова *судно*, *суда* „посуда“. Кроме существительного *судомойка*, это значение сохранилось только в корнях слов — *посуда*, *судок* и *судно*, *судна*.

Заметим, что наше *судно*, *суда* является яркой иллюстрацией очень интересного и регулярного развития значения „посуда“ в значении „судно, корабль, лодка“, проявляющегося в целом ряде слов.

Возьмем в качестве примера существительное *лодка*. Его современная семантика как уменьшительно-ласкательного образования от утраченного слова *лода* тоже восходит к „посудному“ значению, о чем говорит родственное ему норвежское *olda* „корыто“ (начальное *o* перед согласным *d* изменилось в восточнославянских языках в *lo*, ср. старославянск. *ладья*). Как свидетельствует современное употребление посудных названий в качестве обозначения судов (ср. *посудина*, *корыто*), первоначальное использование слов со значением „посуда“ по отношению к судам было уничижительным, ироническим.

Между прочим, превращение оценочных названий в нейтральные (и наоборот) наблюдается часто и образует один из наиболее важных внутренних законов, обогащающих выразительные и изобразительные возможности любого языка.

Но вернемся к слову *судомойка*. В наполнину родственному ему существительному *портмояка* мы наблюдаем такое же сохранение старого значения первой частью сложного слова. Здесь производная основа *порт-* также не равняется по смыслу корню *порт-*, который мы сразу же вспоминаем как основную принадлежность одного из названий брюк (сейчас просторечного и грубоваго) — *портки*.

Ведь *портмояка* — это та же самая прачка, т. е. женщина, которая стирает одежду, верхнее и нижнее белье, а не только брюки. И в слове *портмояка* часть *порт-* по вещественному значению равна слову *одежда*. Таким и было, кстати, прежнее значение слова *порт*, в древнерусском языке „заглавного“ и наиболее употребительного общего наименования одежды. Не случайно, что именно оно легло в основу слова *портной*, обозначающего мастера, шьющего одежду.

Как видим, основа *порт-* „сузила“ свое значение, превратившись из родового названия одежды вообще в обозначение

одного из ее видов — брюк. Та же участь постигла и слово *платье*, которое сейчас в основном специализируется на обозначении одной из частей женского гардероба, хотя исконно было также лишь общим наименованием одежды.

Опять и обратно

К. И. Чуковский в книге „Живой как жизнь“ пишет: „Вот уже лет двадцать в просторечии утвердилось словечко *обратно* с безумным значением *опять*“. Но такое ли уж „безумное“ значение „снова, опять“ у просторечного *обратно*? Анализ слова *опять* с исторической точки зрения показывает, что такая характеристика этой семантики у слова *обратно* является неверной. Ведь тогда и у наречия *опять* его современное значение следует признать „безумным“, поскольку в древнерусском языке слово *опять*, как и слово *обратно*, имело значение „вспять, назад, обратно“. Это же значение известно и в диалектах: *Луканька, поиграй, да опять (=назад) отдай*.

Таким образом, в словах *опять* (ср. родственные *пятиться*, *вспять* и пр.) и *обратно* (ср. родственные *возвращаться*, *поворот* и пр.) наблюдается одинаковое развитие — от значения „назад“ к значению „снова“. Только в слове *опять* оно в настоящее время завершилось, а в слове *обратно* лишь началось. Последним и объясняется тот факт, что употребление наречия *обратно* в новом значении квалифицируется как неправильное.

О чем рассказывает слово *окно*

Что такое *окно*? Если обратиться к словарю, то мы в нем найдем такое определение этого предмета: „отверстие для света и воздуха в стене здания или стенке какого-либо транспортного устройства“ (поезда, парохода, самолета и т. д.). Но всегда ли *окно* служило таким целям? Оказывается, не всегда. И об этом свидетельствует уже название этого предмета.

Окно — один из многочисленных примеров того, как из слов можно извлечь исторические данные. Ведь слова иногда говорят о называемом ими предмете не меньше, нежели археологические находки.

Зачем же делали *окно* раньше, в эпоху общеславянского языкового единства, т. е. тогда, когда это слово возникло как значимая единица? Об этом четко и определенно говорит его этимологический состав. Сейчас это слово имеет производную основу (*окн-о*). Однако образовалось оно с помощью суффикса *-и (< -ыи)* от существительного *око*, обозначающего глаз, орган зрения, то, с помощью чего мы видим.

Следовательно, исходная структура слова говорит нам, что *окно* первоначально было не отверстием для света и воздуха, а служило другим целям: оно делалось (кстати, как свидетельствуют археологи, вначале из щели между бревнами сруба)

для того, чтобы можно было наблюдать, видеть то, что происходит вне дома. Поэтому оно и уподоблялось око, т. е. глазу.

Между прочим, позже для обозначения отверстия, посредством которого можно видеть, наблюдать за происходящим, русские использовали также и новое название органа зрения — слово *глаз* (ср. *глазок* «отверстие в дверях для наблюдения за кем-ли чем-либо»).

Нечто подобное мы наблюдаем и в некоторых русских диалектах, где слово *зенко* «зрачок» (родственное поэтическому *зенца*, просторечному *зенки* «глаза») известно и в значении «окно, рама, оконный переплет»; у болгар, которые окно сейчас называют словом *прозорец* (от *прозирам* «вижу»); у поляков, которые обозначают иногда окно словом *wyziernik* (от *wyziierać* «высматривать, выглядывать»), и т. д.

Чем существительные *порт*, *гавань* и *пристань* отличаются друг от друга

Слова *порт* и *гавань* по отношению друг к другу являются синонимами как в прямом, первичном значении «место у берега, специально оборудованное для стоянки судов», так и в переносном, производном значении «приморский портовый город». Не отличаются они между собой и сферой употребления, стилистической окраской и словесными связями. Синонимия этих слов выступает в настоящее время почти как абсолютная. Однако определенная разница между словами *порт* и *гавань* существует. Она проявляется и в большей частотности слова *порт* в значении «приморский портовый город», и в наличии у существительного *гавань* совершенно несвойственного для слова *порт* значения «бухта». Кроме того, дифференцируются в известном отношении эти слова и с точки зрения словообразовательной (ср. наличие прилагательного *портовый* (город) при невозможности образования *гаванный*). Наконец, различными оказываются эти существительные и по своему происхождению: слово *порт* заимствовано русским языком из французского, *гавань* же из голландского языка.

Что касается исконно русского существительного *пристань* (от глагола *пристать*), то оно синонимично словам *порт* и *гавань* лишь в первом из указанных выше значений («место у берега, специально оборудованное для стоянки судов»), причём для него не очень частотном и актуальном.

Чаще слово *пристань* употребляется сейчас в ином и более конкретном значении — «мол». Именно этим объясняется, в частности, тот факт, что оно свободно и охотно сцепляется с предлогом *на* (на *пристань*, ср. *на молу*), а не с предлогом *в* (как *порт* и *гавань*, ср. *в порту*, *в гавани*).

Таким образом, являясь в части своей семантики синонимичными, слова *порт*, *гавань* и *пристань* тем не менее отличаются

друг от друга и входят в силу этого в разные синонимические ряды. Один ряд составляют слова *порт*, *гавань* и *пристань*. Другой образуют существительные *гавань*, *бухта* (от нем. *Bucht*, от *biegen* «сгибать»), *залив* и *губа* (от *(с)гибать*). В третий входят лишь два слова — *пристань* и *мол*. Как видим, одинаково «водные» слова *порт*, *гавань* и *пристань* имеют каждое свой семантический «шесток» в общей системе лексики русского языка.

Как родилось слово *драндулет*

Разговорное слово *драндулет* в качестве шутильного названия старого, разбитого экипажа, повозки знают все, хотя в словарях оно начало фиксироваться недавно (см. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова. Изд. 9-е. М., 1972).

Однако вряд ли многим известно его происхождение: в существующих этимологических словарях оно еще не объяснялось.

Как же оно появилось в русском языке? Существительное *драндулет* возникло (очевидно, в интеллигентском просторечии) на базе заимствованного из польского языка *dryndula* «старый, разбитый экипаж, повозка» по аналогии с галлицизмом *кабриолет*.

В польском языке слово *dryndula* (откуда *dryndulka*) — суффиксальное производное от *drynda* того же значения, образованного от глагола *dryndać* «тащиться, медленно ехать», возникшего в свою очередь на базе звукоподражания *dryn*, передающего возникающие при движении звуки (см.: *Słownik Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. 2. Kraków, 1953, s. 172), ср. глагол *тренькать*. Этимологически правильным написанием русского слова является «дрындулет».

Правильно ли мы пишем слово *гуталин*?

Вопрос является риторическим. Конечно, правильно, поскольку написание *гуталин* — единственное, указываемое словарями. Другое дело: соответствует ли это — принятое сейчас — написание действительной этимологии слова. И вот, когда мы начинаем заниматься происхождением существительного *гуталин*, становится ясным, что современное его написание не первоначально.

В этимологических словарях русского языка слово *гуталин* не объясняется. Единственным словарем, который дает справку о происхождении этого слова, является «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. I. М., 1935). Однако предлагаемое им объяснение (от нем. *gut* «хороший») более чем сомнительно. Во-первых, слова на *-алин* образуются от основ существительных (ср. *нафталин* — от греч. *parphtha* «нефть», *формалин* — от *формальдегид*), а во-вторых, все они обозначают

химические соединения. О неправильности объяснения этимологии слова *гуталин* в словаре Ушакова говорит и написание этого слова в 20-е годы — *гуттолин*. Следовательно, надо искать новое объяснение.

Думается, что наиболее правильным будет такое толкование: существительное *гуталин* (*гуттолин*) образовалось в результате сложения лат. *gutta* „гуттаперча, твердый кожеподобный продукт, представляющий отвердевший сок гуттоносных растений; камедь“ и лат. *oleum* „масло“ с одновременным присоединением суффикса *-ин* (< *-ine*) по модели *лаолиин* (от лат. *laeta* „шерсть“ и *oleum*), *газолин* (от *gas* и *oleum*) и т. д.

В современном написании впервые слово *гуталин*, очевидно, отмечается в „Малой советской энциклопедии“ (т. 2. М., 1929, с. 712).

Голышом, нагишом и телешом

В редакцию „Русского языка в школе“ пришло письмо, которое не только меня очень обрадовало, но и подсказало тему новой новеллы. (Вы не чувствуете тавтологии в двух последних словах? Ведь слово *новелла*, пришедшее к нам из итальянского языка, восходит к лат. *novella*, что значит „новая“, от *pova* — тоже „новая“.) Вот выдержка из письма: „Меня заинтересовала заметка, в которой вы говорите о словах, открытых „на кончике пера“, а именно о слове *драчун*. Вы пишете, что слово *драч* после его реконструкции Вами на основе фактов языка было прочтено как самое настоящее и обычное слово в одном рукописном словаре XVIII в. А я хочу Вас порадовать. Это слово существует в наших южнорусских говорах и сейчас. Значит, Ваше мнение о происхождении существительного *драчун*, действительно, является верным...“ И далее: „Р. С. А еще я где-то читала, что слово *голышом* произошло от *голыш*. Не такого ли образования и наречие *телешом*? В литературном языке существительного *телеш* нет, но в нашем говоре оно употребляется совершенно свободно“.

Читательница права. Наречие *телешом* образовано так же, как синонимические ему наречия *голышом* и *нагишом*: от существительного в форме творительного падежа.

На такое происхождение слова *телешом* указывает и однородность его в смысловом и грамматическом плане с названными синонимами, и наличие в нашем языке большой семьи наречий с суффиксом *-ом* на конце (ср. *бегом*, *кругом*, *броском*, *порожняком*, *верхом*, *передом* и т. д.), и очевидность происхождения суффикса *-ом* из окончания *-ом*.

Все это, несомненно, „уличает“ слово *телешом* в том, что родилось оно как наречие, покинув родную ему часть речи — существительное. Более того, позволяет восстановить, реконструировать, обнаружить и его „родителя“ — *телеш*.

Реальность этого существительного документально подтверж-

дается диалектным *телеш*, но стала бы меньшей, если бы этого диалектизма не было. Ни от чего другого, по законам и правилам нашего словопроизводства, наречие *телешом* возникнуть не могло! Такова уж логика системы языка.

А вот исходные для наречных синонимов слова *голыш*, *нагиш* (подтверждается фамилиями *Нагишев*, *Нагишкин*), с одной стороны, и слово *телеш* — с другой, и по структуре, и по образованию являются совершенно разными.

Два первых слова — как производные от прилагательных *голый* и *нагой* с помощью суффикса *-ыш* (> *-ыш*, *-иш*) — принадлежат к обширному сообществу существительных, составляющих регулярную модель: *малыш*, *глупыш*, *крепныш*, *слепныш*, *коротыш*, *мякыш* и т. д., ср. также *Черныш(ов)*, *худышка* и т. п.

Что же касается слова *телеш*, то оно определенно сделано иначе. А вот как именно — вопрос. На первый взгляд может показаться, что оно подобно древнерусскому слову *лемеш* „лемех“ (ср. фамилию *Лемешев*). Однако это вряд ли так. Слово *лемеш* — очень древнее (ср. родственное латышское *lemesis*) и образовано от глагольной основы *лем-* с гласным *e*, в переласланном виде выступающей в глаголе *ломить*, *ломать* (ср. болг. *лом* „мотыга, кирка“). Существительное *телеш* > *телеш* можно толковать как производное той же структуры, очень старое отглагольное (!) образование орудийного значения. Причем в таком случае — только как слово со значением „одежда, то, чем прикрываются, закрывают, постилают“ от глагольной основы *тел-* (< **toil-*), родственной диал. *тулить* „закрывать, прятать“, древнерусск. *тулится* „прикрываться, скрываться“, белорусск. *тулиць* „укрывать“, болг. *тулял* „прятать“ и т. д. (где *тул* < **toil-*) и, значит, слову *туловище* (> *тулово* < *туло* со значением „то, чем закрывают, защищают“ — ср. древнерусск. *туль* „колчан“ — и далее — „то, что закрывают, одевают“, а затем — „туловище“). Предполагаемое значение слова *телеш* (при такой его трактовке) как будто свидетельствуется глаголом *растелешиваться* „раздеваться, разоблачаться“.

Объяснять слово *телеш* как суффиксальное производное от *тело* (< *тело*, *телесе*) нельзя, так как в ту эпоху, когда суффикс *-ыш* был жив как словообразовательный элемент, существительное *тело* имело еще основу на согласный (т. е. *тѣлес-*, ср. хотя бы производное *телесный*).

Именно глубокая древность морфемы *-ыш* в *лемеш* и заставляет нас усомниться в том, что *телеш* — того же образа и подобия. Ведь если слово *лемеш*, как уже отмечалось, очень древнее (вероятно, даже балто-славянское) и известно всем славянским языкам, то слово *телеш* не фиксируется ни в древнерусских памятниках, ни в других славянских языках и, очевидно, „по паспорту“ недавнее. Взгляд на это слово как на сравнительно новое позволяет объяснить его по-другому, проще и, возможно, вернее.

От слова *телеса* был вначале образован (по аналогии с *разнежиться, разрядиться, раскраситься, распоясаться, расхрипаться* и т. д.) глагол *растелеситься*. От него потом „по существующему обычаю“ (ср. *окраситься — окрашиваться, раскраситься — расквашиваться, свеситься — свешиваться* и т. п.) была создана соотносительная форма несовершенного вида — *растелесиваться*. Именно от нее и могло родиться существительное *телеш* в результате так называемого обратного словообразования. В ряду *пояс — распоясываться, супун — рассупониваться* из глагола *растелесиваться* было извлечено существительное *телеш*. Этимологически оно было неправильным, но имеющим не меньше прав на существование, нежели *фляга* (см. заметку „Что было раньше: *фляга* или *фляжка*?“), *зонт* (из *зонтик*, голландск. *zondek* „покрышка от солнца“, по модели *лист — листик, мост — мостик*), *дояр* (от *доярка*, аналогично *санитар — санитарка*) и др.

Но вернемся к нашим наречиям. *Голышом, нагишом, телешом* — все это сейчас стилистически окрашенные синонимы просторечно-диалектного употребления. Нейтральным словом данного синонимического ряда является прилагательное *голый*, рядом с которым активно употребляются смысловые „тезки“ иного характера. Это шуточные фразеологизмы в чем *мать родила*, в *натуральном* (т. е. в природном, естественном. — Н. Ш.) *виде* и, наконец, в *костюме Адама* (или *Евы*).

Одеколон и жавель

На первый взгляд ничем эти слова не близки, а их соседство выглядит неожиданным. Слишком разные вещи они обозначают: *одеколон* — „парфюмерно-косметическое средство типа духов“, а *жавель* — „хлористый раствор для стирки белья“, вытесненный сейчас из повседневного употребления различными стиральными порошками. Да и звучат эти слова совершенно по-разному.

И тем не менее они в известном отношении родственники. И не только потому, что в конечном счете оба пришли в нашу речь из французского языка. Оказывается, прототипами наших слов во французском языке являются не слова, а два словосочетания, содержащие некоторые общие компоненты. Такими компонентами выступают слова *eau* „вода“ (произносится [o] и *de* „из“.

Существительное *одеколон* появилось у нас в результате слияния французского оборота *eau de Cologne* в одно слово (*eau de Cologne* буквально значит „вода из Кельна“). *Одеколон* был назван так по месту своего первоначального изготовления. Заметим, что для его названия в XIX в. у нас бытовал и перевод французского оборота — *кельнская вода*.

Все это так, но при чем тут *жавель*? Где в нем эти общие

слова? В современном слове их действительно нет, но посмотрим, как оно появилось. А появилось оно в результате сокращения оборота *жавелева(я) вода* (так же как *самоцвет* из *самоцветный камень*, *противогаз* из *противогазовая маска*, *деми-сезон* из *демисезонное пальто*, *стационар* из *стационарное отделение* и т. д.). Видите, и здесь есть слово *вода*. Выражение *жавелева(я) вода* также является переводом французского фразеологизма: оно передает франц. *eau de Javelle* (буквально — „вода из Жавеля“).

Жавель, как и одеколон, был назван по месту изготовления (Жавель — сейчас квартал Парижа — был деревней, где в конце XVIII в. находилась соответствующая фабрика). Между прочим, в XIX в. были известны и формы, отражающие прямое заимствование — *оджавель, одживель*, аналогичные слову *одеколон*.

Истории слов *одеколон* и *жавель* позволяют показать некоторые пути образования в нашем языке слов на базе фразеологических оборотов:

1) в результате сжатия их в одно слово путем чистой аббревиации. Аналогичные слову *жавель* новообразования XX в. выше уже приводились;

2) в результате сращения их в одно слово. Кроме существительных *одеколон* и устар. *оджавель, одживель*, таким образом возникли слова *иерек* < франц. *i грес* „греческое и“, *общение* < старослав. *общег житие*, калькирующее греч. *koinobios*, *анфас* < франц. *en face*, *времяпровождение* < *времяпровождение*, *кровапролитие* < *крови пролитие*, *землетрясение* < *земли трясение*, *противостояние* из *противу стояние* и т. д.

Партийность

Существительное *партийность*, одно из наиболее часто и широко употребляемых слов на *-ость*, появилось в лексике русского языка в конце XIX в. И своим рождением, и получением прав гражданства, и своей частой и широкой употребительностью оно обязано В. И. Ленину.

Первое по времени употребление слова *партийность* встречается у В. И. Ленина в работе „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве“, написанной им в конце 1894 — начале 1895 г. и вышедшей за подписью „К. Тулин“ в 1895 г. О его индивидуально-авторском характере в этой работе совершенно определенно свидетельствует вводное слово *так сказать*, которым здесь оно сопровождается.

Используя только что созданное слово, В. И. Ленин тут же делает оговорку, учитывая, несомненно, его непривычность и отсутствие в языке (прежде всего — в языке своих читателей): „С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и

открыто становится на точку зрения определенной общественной группы".

Как видим, при своем появлении на свет слово *партийность* представляло собой отвлеченное сущностное к прилагательному *партийный* в смысле "выражающий интересы, воззрения, стремления какой-либо общественной группы".

Именно в качестве антонима к этому первоначальному семантическому варианту слова *партийность* возникает затем сущностное *беспартийность*: "Кто же не знает, что ссылка на беспартийность тех или иных учреждений является обыкновением не более, как лицемерной фразой в устах правящих классов, желающих затуманить то, что существующие учреждения пропитаны уже в 99-ти случаях из ста самым определенным политическим духом? А ведь наши гг. социалисты-революционеры, в сущности, именно и поют дифирамбы в честь "беспартийности" (Ленин В. И. Задачи революционной молодежи, 1903); "Под видом беспартийности ЦК РСДРП дает рабочим буржуазные фразы, вливает в них буржуазные идеи, развращает их социалистическое сознание буржуазным туманом" (Ленин В. И. Новый революционный рабочий союз, июнь 1905 г.) и т. д.

Позднее слово *партийность* получает у В. И. Ленина и иное значение, начиная выступать как антоним к сущностному *кружковщина*. Ср.: "Русской социал-демократии приходится пережить последний трудный переход к *партийности* от *кружковщины*, к *сознанию революционного долга* от обывательщины, к *дисциплине* от действия путем сплетен и кружковых давлений" ("Рассказ о II съезде РСДРП", сентябрь 1903 г.); "Основу кризиса мы видим в переходе от кружковой формы жизни социал-демократии к формам партийным; сущность ее внутренней борьбы — в конфликте *кружковщины* и *партийности*" ("К партии", август 1904 г.) и т. д. А поскольку понятия *партийности* и *кружковщины* были неразрывно связаны прежде всего с принципиально различными организационными формами деятельности РСДРП, дальнейшее семантическое развитие слова *партийность* логически привело к появлению у этого сущностного значения "принадлежность к Российской социал-демократической партии": "Вся нелегальная печать была партийная, издавалась организациями, велась группами, связанными так или иначе с группами практических работников партии. Вся легальная печать была не партийная, — потому что *партийность* была под запретом, — но "тиготе́ла" к той или другой партии" (Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература, ноябрь 1905 г.). Позднее на базе указанных значений формируются у слова *партийность* и другие: значение отвлеченного сущностного к прилагательному *партийный* в смысле "соответствующий духу Коммунистической партии, ее программе и идеологии" и значение "принадлежность к ВКП(б), а затем — к КПСС".

Хвостизм

В своей речевой практике В. И. Ленин довольно часто и всегда очень оригинально и удачно прибегал к своим собственным неологизмам, индивидуально авторским — только ему присущим — новообразованиям. Последние наблюдаются у него и в области фразеологии, и среди слов. Лексические и фразеологические неологизмы В. И. Ленина играют в его произведениях самую различную роль. Они используются и для более выразительной и яркой характеристики уже названного, и для наименования новых, только что появившихся общественных явлений и понятий.

Многие из таких ленинских неологизмов стали общеупотребительными словами и оборотами, прочно вошли в русский литературный язык. К их числу относится и слово *хвостизм*, давно уже ставшее принадлежностью общезыкового стандарта. Слово очень меткое и точное, останавливающее внимание и присущей ему экспрессией, и характерной для него структурой.

В качестве лексического неологизма В. И. Ленина слово *хвостизм* "опportunистическая идеология и тактика в революционной борьбе рабочего класса, следование в хвосте событий" справедливо толкуется целым рядом ученых, в частности А. М. Вирковской (Общественно-политическая лексика книги В. И. Ленина "Что делать?". Минск, 1961, с. 37). Впервые это сущностное мы встречаем у В. И. Ленина в работе "Что делать?". Вот то словесное окружение, в котором оно родилось: "В чем же состоит роль социал-демократии, как не в том, чтобы быть "духом", не только витающим над стихийным движением, но и *поднимающим* это последнее до "своей программы"? Не в том же ведь, чтобы тащиться в хвосте движения: в лучшем случае это бесполое для движения, в худшем — очень и очень вредно. "Рабочее" же "Дело" не только следует этой "тактике-процессу", но и возводит ее в принцип, так что и направление его вернее было бы назвать не *опportunизм*, а (от слова: *хвост*) *хвостизм*ом. И нельзя не признать, что люди, твердо решившие всегда идти за движением в качестве его хвоста, навсегда и абсолютно гарантированы от "преуменьшения стихийного элемента развития".

Приведенный контекст позволяет не только убедиться в том, что это ленинское новообразование (ср. оговорочные слова *вернее было бы назвать*, курсивное обозначение слова *хвостизм*, разъяснение его структуры), но и увидеть тот фразеологический оборот (*тащиться, идти в хвосте*), который был исходным для этого сущностного и определил как его морфемный состав, так и удивительную выразительность (ср. *подобные собаку съел — насобачился, надоесть как сто чертей — осточертел* и т. д.).

Слово *хвостизм*, таким образом, было образовано В. И. Лениным в конце 1901 г. — начале 1902 г. Однако оно не сразу стало лексической единицей активного словарного запаса русского литературного языка. Свежим и авторским это слово выступает (хотя уже и очень часто) еще в работе „Шаг вперед, два шага назад“, написанной в 1904 г. (ср.: „...было бы маниловщиной и „хвостизмом“ думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии“).

Заметим, что в данной работе мы встречаемся уже и с соответствующим слову *хвостизм* аггенивным существительным *хвост-ист* — *хвостист*. („Но мы будем хвостистами, если допустим отождествление такой первоначальной, ipso facto не более, как тред-юнионистской формы борьбы с всесторонней и сознательной социал-демократической борьбой“).

ЦК

Слово *ЦК* представляет собой одно из первых инициальных сложносокращенных слов буквенного характера в русском языке. Оно возникло в результате универбации, т. е. стяжения в слово, словосочетания *Центральный Комитет*, причем универбации такого типа, при которой новая лексическая единица составляется из начальных букв слов. Такими же по способу образования являются существительные *МГУ, СССР, ОТК, ВСЭ* и т. п., появившиеся позднее, уже после Октябрьской революции.

Существительное *ЦК* появилось в самом начале XX в. и укрепились (сначала в партийных кругах и марксистской публицистике), несомненно, благодаря работам В. И. Ленина.

Впервые оно отмечается в напечатанном в 1902 г. на гектографе „Письме к товарищу о наших организационных задачах“ (брошюрой было издано в 1904 г.). Вот контекст, показывающий первые шаги этого ленинского неологизма: „Я бы заметил только, что газета может и должна быть *идейным* руководителем партии, развивать теоретические истины, тактические положения, общие организационные идеи, общие задачи всей партии в тот или другой момент. Непосредственным же *практическим* руководителем движения может быть только особая центральная группа (назовем ее хоть *Центральным Комитетом*)... При необходимости строжайшей конспирации и охраны ответственности движения — у нашей партии могут и должны быть *два* руководящих центра: *ЦО* (Центральный Орган) и *ЦК* (Центральный Комитет). Первый должен руководить идейно, второй — непосредственно и практически“. Помимо отмеченного (первого) случая употребления, слово *ЦК* в этой работе В. И. Ленина встречается 17 раз. Это было началом жизни существительного *ЦК* в русском литературном языке.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Слова, открытые «на кончике пера»

Помните, как была открыта планета Нептун? Наблюдая за движением Урана, французский астроном Леверье обнаружил, что его орбита не совсем совпадает с той расчетной орбитой, которая у него должна была быть „по правилу“, и содержит хотя и незначительные, но несомненные отклонения. Это было на первый взгляд странным и загадочным, и все же тем не менее фактом. Фактом, который требовал объяснения. И Леверье это объяснение нашел. Он предположил, что отклонения в орбите Урана объясняются воздействием на него еще более далекой от Солнца планеты, ученым пока неизвестной, которая и заставляет Уран „вести себя“ не совсем так, как мы ожидали бы. По отклонениям в его орбите Леверье установил, где на небе надо искать виновника этого — планету, известную сейчас под именем Нептун. Пользуясь его расчетами, астрономы с помощью телескопов нашли Нептун точно в указанном месте звездного полога. Так планета сначала была открыта ученым „на кончике пера“, а потом уже „поймана“ путем визуального наблюдения в телескоп.

Точно так же были вначале предсказаны Менделеевым в его периодической таблице и затем лишь реально открыты некоторые химические элементы.

Возможны ли подобные случаи в лингвистике? Практика свидетельствует, что открытия „на кончике пера“ различных фактов языка, очень точные реконструкции и прогнозирование существуют также и в нашей лингвистической сфере.

Конечно, и реконструкция исчезнувших из языкового стандарта фактов, и прогнозирование будущих требуют хорошего и всестороннего знания языка в его статике и динамике, глубокого и scrupulous анализа фактов как элементов языковой системы, бережного и непредвзятого отношения к каждому конкретному языковому явлению.

Приведем две иллюстрации из области этимологических исследований.

Ярким и в то же время очень наглядным примером слова, действительно открытого „на кончике пера“, является существительное *беллич* в значении „белка“. Оно было реконструировано нами, а впоследствии обнаружено в качестве реальной лексической единицы. Вот как это было. Даже самое поверхностное знакомство с прилагательным *беличий* (в сравнении, с одной стороны, с его ближайшим современным „родственником“ *белка*, а с другой стороны, с одноклассными относительно-притяжательными прилагательными) показывало, что оно является уникальным и в общую и регулярную модель не укладывается. В самом деле, слово *беличий* осознается сейчас как производное от существительного *белка*. Но все же оно образовано явно

не от слова *белка*, так как в таком случае (как свидетельствуют соотносительные по структуре образования с суффиксом *-j/-ий* вроде *галька — галочий*) имело бы форму *белочий*. Вот это-то чисто "уранье" отклонение слова *белчий* от закономерной при существительных с суффиксом *-к(а) < -вк(а)* формы на *-очий* и заставило нас реконструировать — в соответствии с существующими законами русского словопроизводства — в качестве производящего для этого прилагательного слово *белица*. Ведь если предположить, что прилагательное *белчий* образовано не от формы (первоначально уменьшительно-ласкательной) *бѣлка (> белка)*, а от параллельной формы *бѣлица (> белица)* (ср. литер. *галька* — диал. *галица*, *девка* — *девица*, *трипка* — *трилица*, *корка* — *коршица*, *водка* — *водица*, совр. *ложка* (< *лѣжка*) — древнерусск. *лѣжица* и т. д.), то все встанет на свои места. Слово *белчий* тем самым будет выступать как самое заурядное и рядовое образование посредством суффикса *-j/-ий* типа *девичий* (от *девица*), *птичий* (от *птица*) и т. п.

А "двоверение" неясного по своему происхождению и структуре слова в его словообразовательную семью — это обязательное и очень важное звено в этимологическом поиске, ибо слов, от рождения по своему строению изолированных и особых, в языке не существует. Только потом отдельные слова отрываются от себе подобных и оказываются на словообразовательном отшибе.

Как видим, конкретное рассмотрение прилагательного *белчий* в широком лексико-словообразовательном контексте и с учетом существующих правил словообразования привело нас к реконструкции его непосредственного родителя — слова *белица*.

В свете этого этимологического решения слово *белчий* объясняется как производное (с помощью суффикса *-j/-ий*) от ныне утраченного существительного *белица*. Эта этимология и была дана в "Кратком этимологическом словаре русского языка" Н. М. Шанского и др., с тем большим основанием, что — значительно позднее реконструкции, но все же до выхода первого издания словаря в свет — слово *белица*, этот лексический "Нептун", было обнаружено нами в качестве названия белки. Один из наших рецензентов не поверил в правильность предложенной нами этимологии: "По поводу прилагательного *белчий* составители КЭС делают новое открытие в области словообразования, утверждая, что это слово происходит от утраченного *белица* "белка". Однако никто и нигде такого слова не слышал, и в памятниках оно не зарегистрировано. Правда, встречается *белица* в значении "монахия, не прошедшая чина пострижения" (в том же смысле у В. Даля). Но в КЭС имеется в виду нечто иное". Критикуя наше решение, проф. П. Я. Черных не знал, что свою реконструкцию мы давно уже успели обнаружить "визуально" (о чем — в силу краткости словаря — говорить в словарной статье, естественно, не могли).

Вот относящееся сюда место из памятников письменности: *Прислали къ Владимиру послов своихъ... обещаючи платити, якъ схочеть, хотяи воскомъ, бобрами, чорными кунницами, бѣлицами, албо и серебромъ* (т. е. "Прислали къ Владимиру послов своих... обещая платить (дань), как он захочет, либо воском, бобрами, черными кунницами, белками, либо серебром").

Слово *белица* зафиксировано в словаре И. Тимченко (Исторический словарь украинского языка, т. 1. Киев, 1930, с. 170).

Другим примером слова, открытого "на кончике пера", может быть слово *драч* в значении "драчун", которое мною при этимологизации существительного *драчун* сначала было реконструировано, а затем — как-то, совершенно случайно, но с большой радостью — прочитано вдруг как "самое настоящее" и обычное слово в одном рукописном словаре XVIII в.

При поверхностном знакомстве слово *драчун* не вызывает у нас ни впечатления необычности, ни интереса. Действительно, рядом с ним есть и соотносительное слово *драка*, и однородные слова с суффиксом *-ун* (вроде *крикун*, *летун*, *бегун* и пр.).

Поэтому оно воспринимается как совершенно нормальное и ясное образование с суффиксом *-ун*, даже и не заслуживающее этимологического анализа. Однако это только попервоначалу. Оригинальность слова *драчун* (по сравнению с другими образованиями на *-ун*) начинает вырисовываться сразу же, как только мы сравним его с другими словами этой модели, также выступающими как производные от основы с конечным согласным *к* (ср. *пачкать — пачкун* и т. п.).

Тогда становится ясным, что присоединение суффикса *-ун* к основам с конечным *к* не сопровождается чередованием согласных, звук *к* остается как он есть (ср. *плакать — плакун* и др.). В нашем же слове (если считать его производным от *драка*) наблюдается непонятная мена *к* на *ч*.

Именно это отклонение слова *драчун* от словообразовательной "орбиты" слов на *-ун* и заставляет относиться к нему по особому и, в частности, вынуждает искать причину исключительности, пусть не очень заметной и существенной.

В результате поисков этой причины и было "на кончике пера" открыто слово *драч*. В самом деле, от слова *драка* существительное *драчун* по правилу (*крик — крикун* и т. п.) не могло быть образовано. Тогда появилось бы не *драчун*, а *дракун*.

Не могло быть образовано слово *драчун* и непосредственно от глагола *драться* в суффиксальном "инвентаре" русского языка суффикса *-чун* нет.

С другой стороны, нет никаких оснований выводить слово *драчун* из круга образований на *-ун*.

А раз так, то оно могло появиться только на базе слова, основа которого оканчивается на звук *ч*.

Если учитывать существующие модели, то в качестве такого слова теоретически возможно либо существительное *драча*, либо

существительное *драч*. Первое слово, представляющее собой гипотетическую реконструкцию отглагольного существительного типа *удача* (от *удаться*), в роли производящего для слова *драчун* маловероятно. Почему? Да потому, что слова на *-ун* со значением лица от глагольных и суффиксальных по своему характеру существительных не образуются. Среди слов на *-ун* нет ни одного, образованного от существительного абстрактного действия, которое в свою очередь являлось бы производным от глагола.

Поэтому слово *драча* (если даже оно является реальной лексической единицей) вряд ли было положено в основу нашего *драчун*. Последнее, скорее всего, было образовано от слова *драч*, подобного существительным с суффиксом *-ч* типа *трепач*, *врач*, *врач* (о нем см. заметку „Происходит ли существительное *врач* от слова *врагъ?*“) и т. д.

„Позвольте, — можете сказать вы, — но ведь, коль скоро слово *драч* аналогично отглагольным названиям лица с суффиксом *-ч*, оно и само означает лицо по действию образующего глагола, т. е. драчуна. Выходит, суффикс лица (*-ун*) был присоединен к основе слова, которое уже было названием лица и содержало в себе „личный“ суффикс *-ч*“. Совершенно справедливо. Так оно и есть. И — самое интересное — в этом отношении слово *драчун* ничего особого и исключительного среди других имен со значением лица не представляет. Целый ряд обозначающих лицо существительных являются производными от существительных, уже имевших значение лица. Таким является, например, слово *лазутчик* (от существительного *лазута* „лазутчик“, образованного в свою очередь от *лаза*, что значит опять-таки „лазутчик“; и *лазута* и *лаза* в диалектах еще известны).

Заметим, что такое „повторение“ в слове одних и тех же по значению суффиксов — для более наглядного и формального выражения категориального значения — выступает в развивающейся языковой системе как одна из его специфических закономерностей, проявляющихся во многих словах самого различного характера. Укажем в качестве примеров хотя бы существительные *кустарник* (от древнерусск. *кустарь* „кустарник“), *логовище* (от *логово*, производного в свою очередь от *лог*), *дороговизна* (от древнерусск. *дороговъ* „дороговизна“, ср. *любовь*) и т. д.

Смазливый и нелепый

Имеет ли какое-нибудь отношение к красоте лица косметика? Для женщин этот вопрос давно решен практически. Ведь косметика — это „средства ухода за лицом и телом, применяемые с целью гигиены или для придания красоты“.

Эта связь косметики с понятием красоты лица проявляется и в языке, в прилагательных, обозначающих красивое.

Возьмите, к примеру, слово *смазливый*. Сейчас это прилагательное обозначает миловидного, красивого, приятного человека, его лицо безотчетливо к косметическим ухищрениям. Ср.: *Maman, Maman! — вскричала, вбежав в комнату, смазливая девочка лет одиннадцати, к нам Владимир Николаевич верхом едет* (Тургенев). Однако первоначально это слово — как свидетельствует его этимологический состав — обозначало напомаженного, нарумяненного человека. Ведь оно образовано с помощью суффикса *-лив* от существительного *смазь* со значением „мазь, белила, румяна“ (ср. диал. *мазка*, *мазила* „белила, румяна“, *смазень* „щеголь, смазавшийся мазями, нарумяненный, напомаженный“ и др.)

Так что, как видите, значение „миловидный, красивый, приятный“ у прилагательного *смазливый* развилось из значения „нарумяненный, напомаженный“, значения, так сказать, чисто косметического. И надо сказать, это не единственный пример того, как слово „косметического плана“ получает с течением времени значение „красивый“.

Укажем хотя бы на диалектные слова *писаный* „красивый“ (ср. *писаная дура* „красавица, но глупа“ — Даль В. Толковый словарь... т. III, М., 1955, с. 113), *писанка* „красавица“ (*Писанка ты моя!* — там же), восходящие к слову *писать* в его исходном, первичном значении „раскрашивать, рисовать“. В том же значении это слово мы находим и в болгарском языке.

Этимологически выражение *писаная красавица* представляет собой поэтому такую же тавтологию, как, например, *черные чернила*, *торная дорога* (устаревшее *тор* значит „дорога“), *старый ветеран* (ср. лат. *veteranus* — от *vetus* „старый“) и т. п.

То же развитие значения можно отметить и для синонимического прилагательного в чешском языке, в котором *malovaný* „писаный красавец“ (ср. *býti jako malovaný* „быть писаным красавцем“) восходит к *malovaný* „раскрашенный“ (от *malovati* „красить, рисовать“).

Кстати, и *красивый* тоже ведь является словом, близким по превращению его значения к только что разобранным. Правда, оно вначале было не косметическим термином, а „ювелирным“. Буквально *красивый* в момент своего появления в языке значило „тот, кто украшен, надел на себя какие-либо украшения“.

Однако вернемся к заглавию. Какое отношение имеет слово *нелепый* к прилагательному *смазливый*? Оно же значит „бессмысленный, неразумный“. Слово *нелепый* только в современном русском языке не соотносится по значению со словом *смазливый*. В древнерусском языке это были антонимы, так как *нелепый* означало „некрасивый“. Образовано же оно было посредством приставки *не-* от слова *лѣпый* „красивый“, еще известного в некоторых диалектах в виде *лѣпый* (ср. также *великолепный*). И только? Лишь потому были названы вместе эти слова, что они были когда-то антонимами? Нет. Дело в том, что прилага-

тельное *лепый* проделало тот же путь семантического развития, из слова косметического плана (оно родственно глаголу *лепить* „мазать“), став названием красивого вообще.

Похож ли кран на журавля?

Вы никогда не сравнивали их? Механизм для подъема и перемещения грузов и большую болотную птицу с длинными ногами и шеей? А ведь в их внешнем облике есть нечто общее: и у крана стрела большая и длинная.

Какое же значение имеет это сходство технического приспособления с журавлем для языка? Очень большое, если иметь в виду, что одни предметы называются нередко по сходству с другими теми же словами.

В частности, это позволяет определенно ответить на вопрос, почему кран называется *краном*. Но вначале немного о журавле. Слово *журавль* существует в русском языке не только как название птицы. Есть еще одно существительное *журавль* „длинный шест у колодца, используемый как рычаг для поднятия воды“ (очень похожий, между прочим, на журавля!). Эти слова родственники: второе возникло на основе первого. Название птицы было по сходству перенесено на приспособление для поднятия воды. Данный признак при назывании механизма был использован не только русскими. Так, древние греки словом *geranos* „журавль“ называли и „кран для подъема тяжестей“. „Журавлиное“ имя получило это приспособление и у немцев, у которых для журавля используется слово *Kranich* (> *Kran*), являющееся, кстати, родственником и греческому и нашему названию журавля. Из немецкого языка и пришло к нам слово *кран*.

„Животное“ название крана и колодезного приспособления — не исключение. Достаточно вспомнить русские слова *лебедка* (от *лебедь*) „рукоять ворота, изогнутая в виде лебяжьей шеи“, *кошка* „багор“, „якорь“, *баран* „древнерусское стенобитное оружие“, *быки* „опоры моста“ и т. п.

Такие же „звериные“ названия различных технических приспособлений широко представлены и в других языках.

Так, в немецком языке слово *Bärg* обозначает не только медведя, но и таран, слово *Bosch* — и барана, и кронштейн, слово *Katze* — как кошку, так и крановую тележку, слово *Hund* — и собаку, и собачку наборного храловника, слово *Nahn* называется как петуха, так и курок винтовки, и т. д.; в латинском слово *grus* является наименованием и журавля, и стенобитной машины, слово *agies* служит для обозначения как барана, так и осадного орудия, слово *cisopia* употребляется и как название аиста, и как название наугольника (в форме буквы „Т“) для измерения ширины и глубины рвов и др. Примеры можно было бы без труда умножить.

Ерунда и чепуха

Эти синонимы по своему употреблению друг от друга не отличаются совершенно. Даже в пределах фразеологических оборотов они выступают как братья-близнецы (ср. вполне возможные правильные обороты *городить чепуху* и *городить ерунду*, *пороть ерунду* и *пороть чепуху*, *нести чепуху* и *нести ерунду* и т. д.).

Свойственным обоим словам значение „вздор, чушь, пустяки“ крепко связывает их в один синонимический „узел“ и позволяет нам заменять одно слово другим совершенно свободно. Разнятся они между собой не настоящим, а прошлым — своим различным происхождением. Причем это различие идет сразу по несложным направлениям.

Одно из них касается „национальности“ слова-прародителя, остальные — способа образования и путей проникновения в русский литературный язык.

По первому вопросу можно привести цитату из романа „Соборыне“ Н. С. Лескова, в которой, кстати, отмечается также и промежуточная между современным словом и его прародителем форма (*герунда*). Вот она: *Ну, им (литераторам.— Н. Ш.) и книги в руки: пусть их сидят с своей „герундой“, а нам с тобой на что эту герунду заимствовать, когда с нас и своей русской чепухи довольно.*

Субъективно-экспрессивная оценка слова *герунда* как заимствованного, чужого (в отличие от своей, исконно русской *чепухи*) верна и этимологически. Действительно, слово *ерунда* (в современной форме сменившее более старое *герунда*, так же как *январь* сменил *генарь*, *история* — *гисторию* и т. д.) представляет собой хотя и собственно русское образование, однако на основе иноязычного слова, а именно латинского *герундий* (*gerundium*). Появилось оно в бурсацком аргю. Именно бурсаками, семинаристами название одной из грамматических форм латинского языка было преобразовано в синоним существительного *ерунда*.

В этом „благородном деле“ они действовали по принципу „чужое, непонятное — значит пустяки, вздор“. Между прочим, по таким же основаниям стало обозначением бессмыслицы и слово *чушь*, которое еще во времена В. Даля писалось этимологически правильно как *чужь* (ведь образовано оно от прилагательного *чужой*).

Несомненно, что вначале у слова *герунда* > *ерунда* возникло значение „пустяки“, а затем уже значение „чушь, ахинея, вздор“. Что касается фонетико-грамматического оформления слова на *-да*, то в этом также, определенно, решающую роль сыграло влияние на него существительных типа *белиберда* и *бурда*.

Совершенно иная родословная у существительного *чепуха*.

Этимология этого слова до последнего времени считалась

неустановленной. М. Фасмер по поводу происхождения этого существительного пишет лишь следующее: "*Чепуха*, 'вздор'. Неясно. Едва ли из **че-пуха* от *пѣхнѣти*, также не из *щепе*, вопреки Горяеву..." (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV, М., 1973). Справедливо сомневаясь в правильности объяснения Горяева, Фасмер, как видим, сам ограничивается одной констатацией неясности слова.

Между тем анализ слова *чепуха* как определенного звена словообразовательной цепи в ряду родственных и однокоренных по структуре и значению слов позволяет дать, как нам кажется, весьма вероятное объяснение родословной этого слова. Вполне возможно, что существительное *чепуха* было образовано при помощи суффикса *-уха* (ср. с тем же суффиксом слово *шелуха*, родственное словам *шелудивый*, *выхолостить* и т. д.) от не сохранившегося в языке слова *чеп*, "щеп" (из **кера*), родственного слову *щеп*а (из **skera*, ср. *щепить* — *оскомина*, *щель* — *скала*, *щадить* — *скудный* и т. д.). Однокорневые **кера* (> *чеп*) и **skera* (> *щеп*а) отличаются друг от друга так же, как *кора* и *скора* и т. п.

Старое значение слова *чепуха*, соотносительное с семантикой слова *щеп*а, наблюдалось еще в XVIII в. (ср. пример, приводимый Б. М. Ляпуновым из "Краткого описания путешествия по северным морям" 1754 г.: *Льды от ветру в чепуху разбиваются*, т. е. "льды от ветра разбиваются в щепки"). Кстати, подобное развитие значения наблюдается и у синонимического слова *вздор*, в современном общелитературном значении продолжающего существительное *вздор* в значении "мусор, стружка" < "то, что остается, вздорно после рубанка".

Кувалда и наковальня

В русской этимологии еще немало загадок, белых пятен и нерешенных вопросов. Одной из таких загадок до самого последнего времени являлось слово *кувалда*, обозначающее в современном русском литературном языке, как известно, молот для ручнойковки металла. Откуда оно появилось в нашей речи? Каким словом родственно? С помощью какого способа словопроизводства создано? На все эти вопросы сейчас, думается, можно дать уже исчерпывающие ответы. Нельзя сказать, что это существительное не привлекало к себе внимания. Оно есть и в "Этимологическом словаре русского языка" А. Преображенского. Однако А. Преображенский говорит о нем читателю только следующее: "Вероятно, к *ковать*, *кую*; образование не совсем ясно". А это, конечно, исчерпывающим объяснением слова *кувалда* считать нельзя. Ведь здесь не указывается самое главное: как оно от *ковать* было образовано (если наше слово действительно создано на базе этого глагола). Если *кува-* в *кувалда* родственно *ков-*(*ку-*) в *ковать* (*кую*), то чем является

в этом слове отрезок *-алд(а)*? Известно, что суффикса *-алд(а)* в нашем языке нет.

М. Фасмер в своем "Этимологическом словаре русского языка" (т. I, с. 678) этимологизирует лишь диалектное *кувалда* в значении "неуклюжая, толстая баба", члена его на приставку *ку-*, корень *-вал-* (ср. *валить*) и суффикс *-д(а)*, и считает его, таким образом, приставочным производным от несохранившегося *валда*.

Как же возникло слово *кувалда*? В основном правильное решение этого вопроса (правда, без деталей и фактов) предложил О. Н. Трубачев в книге "Ремесленная терминология в славянских языках" (М., 1966, с. 352), заключая обзор терминов кузнечного ремесла. Вот что можем мы прочитать у него о слове *кувалда*: "Ср. еще русск. *кувалда* 'тяжеловесный молот', 'наковальня', которое едва ли является древним словом и, возможно, заимствовано (через украинское посредство? — ср. *-у-*) из польск. *kowadlo*. Фасмер вряд ли правильно видит здесь сложение *ку-валда*".

Заметим, что подобное заключение (в еще более сжатой — чисто словарной форме) мы находим уже в "Словаре русского языка" Второго отделения Академии наук (т. 4, М., 1909, с. 1237), в котором диалектное существительное *ковада* "молот" сравнивается как со словом *кувалда*, так и с украинск. и белорусск. *ковадло*, *ковадла* "наковальня".

Биография слова *кувалда* сейчас рисуется следующим образом. В общеславянском языке от глагола *kovati* (> *ковать*) с помощью инструментального суффикса *-dlo* было образовано существительное *kovadlo*, обозначавшее "наковальню", т. е. "то, с помощью чего куют". Это слово в своей исходной форме (с *dl*) сохранилось лишь в западнославянских языках (ср. польск. *kowadlo*, чешск. *kovadlo* и т. д.). В южнославянских и восточнославянских языках — в связи с изменением сочетания *dl* в *l* — оно превратилось в *ковало* (ср. *мыло*, *шило*, *жал*, *горнило*, *светило* и т. п.). Причем в русском языке (см.: Даль В. Толковый словарь..., т. II, с. 128) слово *ковало* получило (коль скоро оно значит "то, с помощью чего куют") значение "молот".

Польское *kowadlo* "наковальня" проникло в XIV — XV вв. в соседние говоры украинского и белорусского языков, где употребляется в этом значении до сих пор.

В белорусском языке в силу сильного аканья оно начинает звучать как *кавадла*, а затем — под влиянием глагола *куваць* "ковать" — как *кувалда* и наконец (после метатезы, фонетического изменения *дл > лд*) — как *кувалда*.

Форма *кувалда* приобретает в белорусском языке "противоположное" первоначальному ("наковальня") значение "молот" и с этим значением заимствуется русским языком, вначале, естественно, пограничными русскими говорами.

В украинском языке форма *кувалда* с *у* после *к* и с *а* после *д* (ср. диал. *ковалда*) является, очевидно, также белорусизмом.

Когда появилось слово *кувалда* в русском языке? По данным картотеки древнерусского словаря Института русского языка АН СССР, оно впервые отмечается в памятниках XVI в. Такова история слова *кувалда* в его литературном значении (как свидетельствует В. Даль, рядом со значением „молот“ существовало и исконное значение „наковальня“).

Ну, а слово *наковальня*? Каково его происхождение? Оно, пожалуй, проще.

Это существительное представляет собой суффиксальное производное (ср. *жаровня* и т. п.) от общеславянского **nakovadlo* (ср. старослав. *наковало*, чешск. *pákovadlo* и т. д.) того же значения, возникшего, как полагают, в результате взаимодействия более древних названий *наковальня* — *kovadlo* (о нем уже говорилось) и *паконь* или *пакона* (ср. чешск. *pákova*, верхнелужицк. *pakow* и пр.), калькирующих древнегерманское слово *anaþaia* (ср. нем. *haue* „ковать“), которое в свою очередь является поморфемным переводом лат. *incūs* (корень *sūdō* „быть, ковать“).

Таким образом, слова *кувалда* и *наковальня* связаны друг с другом неразрывными словообразовательными узлами. То слово, из которого вышло в конце концов неуклюжее *кувалда*, было также основой и для гладкого *наковальня*.

Почему назвался *грузем*?

Всем известно выражение *Назвался груздем — полезай в кузов* — „если взялся за что-нибудь, делай все, что надо, до конца“. Оно выступает как синоним посылочки *Взялся за гуж — не говори, что не дюж*. Прозрачно и не требует объяснения также и его (образно-метафорическое по своему характеру) происхождение. Совершенно иным — сложным и запутанным — представляется вопрос: почему *груздь* назвался „грузем“? Названия многих грибов являются говорящими. В их структуре, как в зеркале, отражены характерные для обозначаемых грибов признаки: *подберезовик* — „гриб, чаще всего растущий под березами“, *рыжик* — „гриб рыжего цвета“, *сыроежка* — гриб, который можно есть сырым“, и т. д.

Не такое имя у *грузда*. Оно хотя и выразительно, но без специального, причем глубокого и всестороннего, этимологического анализа кажется непонятным. Именно поэтому о происхождении слова *груздь* учеными высказывались различные мнения. А. А. Потебня считал, что это слово родственно литовск. *gruzdėn*, *gruzdėnti* „тлеть, куриться, дымить“, следовательно, гриб назван по имеющемуся у него горьковатому привкусу (Потебня А. А. Заметки этимологические и о народной поэзии. — „Русский филологический вестник“, 1880, № 3,

с. 92). В свете его этимологии *груздь* первоначально значило „горьковатый“ (гриб).

Такое объяснение неаргументированно: ни в одном славянском языке нет ничего похожего на указанный литовский глагол, с этим глаголом существительное *груздь* сравнивается совершенно произвольно. В самом деле, если бы слово *груздь* < *грузд* (ср. диал. *грузд*, *груздо*; *гвоздь* < *гвозд* и т. д.) было производным от глагола с основой *грузд-*, то в нем имелся бы суффикс (ср. *горький*, образованное от той же основы, что и *гореть*, *ковкий*, *варкий*, *ломкий* и т. д.); если бы, напротив, соответствующий глагол был образован от имени, то он обладал бы иным значением. В силу этого толкование А. А. Потебни и не было принято лингвистами.

Несколько позднее И. М. Эндзелин предложил иную этимологию нашего слова: существительное *груздь* является словом того же корня, что и *груда*, и отношения между ними такие же, как между *громоздкий* и *громада*. Его объяснение поддерживается М. Фасмером, а вслед за ним и В. А. Меркуловым, причем первый определяет исходное значение слова *груздь* как „растущий на груде, куче“, а по мнению второй, „следует говорить о связи *груда* — *груздь* по линии значений „ком“ — „гриб“. (См.: Эндзелин И. М. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911, с. 108; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 463—464; Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, с. 175—176.)

Ф. П. Филин и Ю. В. Откупщиков, напротив, считают, что сопоставление слов *груздь* и *груда* как родственных сомнительно (Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М., 1962, с. 280; Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л. 1967, с. 146). Откупщиков не только дает критическую оценку приведенных этимологий, но и предлагает новое толкование названия *грузда*, объясняя его как субстантивированное прилагательное, имеющее точное соответствие в литовск. *gruzdūs* „ломкий, хрупкий“: „Как известно, *грузда* относятся к семейству пластинчатых грибов, характерным признаком которых обычно является хрупкость шляпки“. Как думает В. А. Меркулова, это объяснение „менее правдоподобно, так как, по-видимому, *груздь* — самостоятельное образование на почве древнерусского языка“.

Что можно сказать по поводу этих противопоставляемых друг другу точек зрения?

Совершенно несомненно, что неверно наивное толкование первоначального значения слова *груздь* — „гриб, растущий на груде, куче“ или „гриб, похожий на ком“, оно не учитывает ни место произрастания *груздей*, ни их внешний вид. Неаргументированно также утверждение В. А. Меркуловой о меньшей правдоподобности выдвинутого Ю. В. Откупщиковым объяснения. Из того, что слово *груздь* как название гриба первоначально

образовано на древнерусской почве (и не „по-видимому“, а определенно), вовсе не следует, что оно не может быть родственно указанному литовскому прилагательному. Одно другого не исключает.

Что же касается слова *груздь* в ином, не „грибном“ значении, то оно очень древнее, явно не древнерусское, так как суффикс *-zd-* как словообразующая морфема в письменную эпоху был уже мертвым.

В то же время немотивированным и сомнения Ф. П. Филина и Ю. В. Откупщикова в родстве существительных *груда* и *груздь*. Каково же происхождение слова *груздь*?

Думается, что этимологии И. М. Эндзелина и Ю. В. Откупщикова в основном не противоречат друг другу, а как бы дополняют одна другую. Кратко историю появления на свет восточнославянского названия *грузда* (ср. укр. *груздь*, белорусск. *груздзь*) можно представить себе следующим образом.

Слово *груздь* (изменившееся впоследствии в *груздь*) возникло в результате сокращения словосочетания *груздь грибу* „хрупкий, ломкий гриб“ (ср. *портной < портный швабь* „портной швец“, *мостовая < мостовая улица* и т. д.). Прилагательное *груздь* идентично литовск. *gruzdūs* „хрупкий, ломкий“ (ср. литовск. *gruzdėlis* „вид ломкого, хрупкого печенья“; „крупный песок, щебень, мусор“) и является словом того же корня и происхождения, что и *груда* „куча, ворох“. Словообразовательные отношения между *груздь* и *груда* такие же, как между литовскими словами *gruzdūs* и *graudūs* „хрупкий, ломкий“, русскими *громада* и *громождать*, диалектными *гладкий* и *гладузить*, „гладкий, скользкий“ и т. д., и отражают чередование имеющих одно и то же значение суффиксов *-zd-* и *-d-*.

Слова *груда* (первоначально „обломки“, ср. древнерусск. *грудзе* „комки“, диал. *груда* „насыпной курган“) и *груздь* (буквально „ломкий, хрупкий гриб“) выступают не как производящее и производное, а как равноправные образования от одной и той же основы *гру-*, той же самой, что и лат. *gudus* „обломки, щебень“, латышск. *grūt* „разрушаться“, древненландск. *graut* „крупна“, нем. *Gries* „крупный песок“, а также — в „глухом“ варианте — греч. *γκροῦ* „толку“, слова *кropa*, *група*, диал. *круп* „щепка, осколок“ (откуда *крупить* „ломать“), диал. *кропкий*, *скропкий* „хрупкий, ломкий“ (с так называемыми подвижными *с*; ср. *кора* — *скора* и т. п.) и, наконец, *хруст* „сушняк, хворост“ (ср. диал. *хрустеть* „ломаться“).

Последнее в словообразовательном и семантическом отношении является точным повтором (только в „глухом“ варианте, ср. *свист* — древнерусск. *звиздъ* и т. д.) нашего *груздь < груздь* и первоначально также, вероятно, было прилагательным со значением „ломкий, хрупкий“. Именно ему и было обязано своим рождением не отмеченное еще ни в одной специальной этимологической работе название *грузда* — *хрущ* (< **churstjъ*, ср.

хоиц — от *хвостъ*, *хряц* — от *хрясть* и т. д.), тоже указывающее на ломкость, хрупкость этого гриба. По тому же признаку — по хрупкости древесины — названа *крушина* (см.: Д а л ь В. Толковый словарь..., т. II, с. 204).

Исконная смежность действий „разрушаться“ (ломаться, дробиться, разбиваться и т. д.) и „издавать при этом те или иные звуки“, широко отраженная в языке (ср., в частности, *хрустеть* „хрустеть“ и диал. *хрустеть* „ломаться“, *грохать* „стучать“ и *грохнуть* „разбиться“, диал. *хряпать* „хрустеть“ и диал. *хряпнуть* „треснуть, сломаться“, *хрупкий* и *хрупать* и т. д.), проявилась, возможно, и в еще одном грибном имени, на этот раз уже подгрузда — *скрипун*. (Если это слово не возникло под влиянием глагола *скрипеть* из *скропун* как производного от той же основы (*скроп-*), что и диал. *скропкий* „хрупкий, ломкий“.)

Сладкий и соленый

Разница между сладким и соленым общеизвестна. Различно и отношение к ним: одни любят сладости, другие — соленья. Поэтому кажется вполне естественным и оправданным, что прилагательные *сладкий* и *соленый*, как и все их родственники, образуют два совершенно особых гнезда слов.

Ведь *соленый* — это „содержащий в себе соль или приготовленный в растворе соли“ (*соленая вода*, *соленый огурец*), а *сладкий* — „имеющий в себе сахар“ (*сладкий чай*, *сладкий арбуз*). Разве может быть между ними какая-нибудь связь? И все же эти слова тесно связаны между собой как однокорневые. Это отразилось даже в пословице *Без соли не сладко, а без хлеба не сытно*, в которой слово *сладкий* имеет одно из промежуточных (между „сладкий“ и „соленый“) значений — значение „вкусный“.

Попробуем в нескольких словах изложить родословную этих прилагательных. Слово *соленый* — старое страдательное причастие прошедшего времени от глагола *солить*, в свою очередь образованного от существительного *соль* (ср. родственные литовск. *sālti* „становиться сладким“, лат. *saligē* „солить“ и т. д.).

Слово *сладкий* — заимствование из старославянского языка (исконно русская форма — *солодкий*). Уже с точки зрения современного русского языка в слове *сладкий* — по соотношению со словом *слабость* — можно выделить суффикс *-ж-* (ср. соотношение *крепкий* — *крепость*).

Исчезнувшая ныне форма без суффикса *-к-* подтверждается и словами *солод*, болг. *слад*, сербскохорватск. *слад* „солод“ и литовск. *saldūs* „сладкий“. Что же касается праславянского **solǫdъ* (именно отсюда возникла полногласная форма *солод* и соответствующее неполногласие *слад*), то оно образовано посредством суффикса *-d-* от той же основы (*сол < *sal-*), что и *соль*,

солон — в *солонина*, *солонка*, не *солон* хлебавши (<*solp-), готск. salt и т. д. Суффикс -d- выделяется этимологически также в словах *молодой* (того же корня, что и *молот*), *твердый* (того же корня, что и *творить*), *редкий* (родственное лат. *rete* „сеть“), *скудный* (того же корня, что и *щадить*), *злой* (родственное старослав. *гнѣсти* „зажигать, жечь“) и т. д.

Слово *saldъ > *сладкий* первоначально значило „с солью, соленый“ (ср. *солон*, готск. salt с суффиксами -n- и -t-), затем „приправленный“, а значит, „вкусный“, а потом уже приобрело более узкое значение — „вкуса сахара, содержащий в себе сахар“. В результате „единокровные“ слова *соленый* и *сладкий* выступают сейчас как чужие.

О «сотворении» слова *тварь*

Слово *тварь* в современном русском литературном языке имеет три значения. Два из них являются ныне уже устаревшими и проявляют себя только в пределах фразеологических оборотов, связанных по своему происхождению с библейскими мифами (о сотворении мира и всемирном потопе). Такими выражениями являются *божья тварь* и *всякой твари по паре*.

В первом обороте реализуется значение „произведение, создание, творение“. Это значение является исходным, первоначальным, прямо и непосредственно связанным с глаголом *творить*, на базе которого было образовано слово *тварь* (по всей вероятности, еще в общеславянском языке). Отношения по смыслу между *творить* и *тварь* „произведение, создание, творение“ такие же, как между *создать* — *создание*, *производить* — *произведение*, *творить* — *творение*. От синонимических слов типа *творение* (ср. *творения поэта*, *гениальные произведения* и т. д.) существительное *тварь* отличается лишь способом образования. Будучи таким же отглагольным именем, оно образовано не с помощью суффикса *-ни(е)* (*-ени(е)*), как его синонимы, а посредством перегласовки и темы -i- > -ъ — точно так же, как слова вроде *гарь* (от *гореть*), и т. п.

На базе значения „произведение, создание, творение“ у слова *тварь* в старославянском языке, откуда оно было заимствовано нами, возникло значение „живое существо, животное“. Сейчас оно реализуется четко и свободно лишь в рифмованном обороте *всякой твари по паре* — шутовским названием пестрой группы чего-либо, восходящем к преданию о всемирном потопе, во время которого Ной, спасшийся со своей семьей в ковчеге, для сохранения жизни на земле взял с собой по паре зверей, птиц и пресмыкающихся всех пород.

Именно эта „животная“ семантика слова *тварь* и дала его современное бранное значение. Между прочим, вполне закономерное: достаточно лишь вспомнить бранную семантику синоними-

ческих слов типа *скотина*, *животное*, *зверюга*, а также видовых обозначений животных вроде *медуза*, *крокодил*, *змея*, *медведь*, *осел*, *собака*, *корова* и многих других.

В результате смысловых метаморфоз, как видим, современное и первичное значения нашего слова друг друга совершенно не напоминают. А вообще-то оказывается, что *небесное* (т. е. божье) *создание* и *тварь* — одно и то же. Недаром слово *создание* того же корня, что и древнерусское существительное *здь* „глина“, а слово *тварь* — того же корня, что и прилагательное *твердый* (по библии, бог создавал животный мир из глины, делая ее твердой, т. е. — в отличие от жидкой — имеющей определенную форму, ср. родственные древнерусск. *творъ* „вид“, литовск. *tvėrti* „придавать форму“ и др.).

Жужу и *жучка*

Два этих слова связаны друг с другом (и это несомненно) принадлежностью к одному и тому же смысловому кругу „собачьих“ названий. Некоторые ученые считают, что связь данных существительных является еще более тесной и „кровной“, поскольку толкуют их как родственные, однокорневые слова.

М. Фасмер в „Этимологическом словаре русского языка“, в частности, говорит следующие: „*Жучка*, „маленькая собачка“. Вероятно, от *жужу*. Едва ли прав Горьев., принимающий родство с *жук*“ (т. II, с. 68); „*Жужу* — собачья кличка (Лесков и др.)... Вероятно, отсюда уменьш. *жучка*“ (т. II, с. 64). Как видим, сомневаясь в объяснении существительного *жучка* Н. Горевым, который трактует его как производное от слова *жук*, М. Фасмер в предположительной форме, правда, однако довольно настойчиво интерпретирует это название собаки как форму субъективной оценки от собачьей клички *Жужу*, представляющей собой переобразование франц. *joujou* „игрушка“.

Между тем все факты, имеющиеся сейчас в нашем распоряжении, совершенно неопровержимо свидетельствуют о том, что выдвигаемое М. Фасмером толкование происхождения существительного *жучка* является неверным. Как, между прочим, и о том, что по своему происхождению это слово, несомненно, является родственным существительному *жук*. Что же это за факты?

Во-первых, наблюдается смысловое и стилистическое несоответствие слов *жучка*, с одной стороны, и *жужу* — с другой. Слово *жучка* обозначает дворовую непористую собаку, по большей части черную, ср.: *Вот бегают дворовый мальчик, В салазки жучку посадив...* (Пушкин); *Возьми-ка у меня щенка лютого От Жучки: я бы рад соседа дорогого От сердица наделить, чем их топить* (Крылов); *И тогда как одна часть бури ревет вокруг дома, другая... напала на беззащитную жучку, свернувшуюся клубком под рогожей* (Григоревич).

Что же касается существительного *жужу*, то оно является наименованием комнатной собаки, ср.: *Дворовой верный пес... Увидела старую свою знакомку, Жузу, кудрявую болонку* (Крылов).

По своему употреблению слово *жужу* — элемент «смешения французского с нижегородским» — в народной речи неизвестное, в то время как существительное *жучка*, напротив, носит явно просторечный характер.

Во-вторых, *жука* (ср. *черный жук*) и *жучку* (ср. у В. Дала: «Жучка — кличка черной собаки» — Толковый словарь..., т. 1, с. 54) объединяет общий для них обоих признак — черный цвет (ср. замечания В. Дала: «Вообще *жук* и производные его дают понятие о жужжании, о жизни и о черноте» — там же). Тот же признак был положен в основу костромского *жукола* «черная корова» и вологодского *жучка* «чернорабочий».

В-третьих, в отдельных диалектах для обозначения черной собаки используется само слово *жук* (см.: Добровольский В. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914; Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук, т. 2, вып. 2. М., с. 628).

Как же возникло в русском языке слово *жучка*, отмечаемое уже в «Словаре Академии Российской» (1790)?

По нашему мнению, не прямо на основе существительного *жук*, как можно подумать. Нам кажется, что слово *жучка* представляет собой видоизменение под влиянием слов типа *лайка*, *шавка*, *моська* и т. д. слова *жушко*, входящего в ту же словообразовательную модель, что и *гнездо*, *сиако*, *серко*, укр. *Ляшко* и т. п. (ср. *сивка* < *сивко*, не без воздействия родового *лошадка*). Слово *жушко* употреблялось уже Ломоносовым и В. Маяковским: *Жушко с ним бросился в бой* (Ломоносов); *Оцы здоровы и Жушко со мной* (Маяков).

Таким образом, между словами *жузу* и *жучка* никаких родственных связей нет, «родственников» названию черной собаки *жушка* является *жук*.

Когда и как появились грамматические термины *склонение* и *наклонение*

Термины *склонение* и *наклонение* становятся самыми привычными и известными для нас уже в школе. Без них представить себе существование глаголов и существительных просто невозможно.

Между тем далеко не все знают их биографию. А она любопытна и интересна. Обратите внимание: эти термины обозначают совершенно разные морфологические явления, относящиеся к различным частям речи, но очень похожи друг на друга. Собственно говоря, в этимологическом разрезе морфемный состав этих слов отличается лишь одними приставками *с-* и *на-*,

за ними в обоих терминах мы находим одно и то же *клонение*, соотносительное с глаголом *клониться* «склоняться, сгибаться, опускаться, падать». Это поразительное сходство наших терминов — удивительно далеких как будто по своему смыслу — не случайно. Ведь, по существу, они имеют одних и тех же, причем не русских, родителей. Это греческие слова *klisis* и *enklisis*. Ведь слово *склонение* родилось как буквальный перевод, морфемный слепок греч. *klisis*, а слово *наклонение* появилось как точная копия греч. *enklisis*. Греческие оригиналы наших копий были первоначально еще ближе друг к другу, так как общими у них вначале были не только корни, но и значение.

В качестве грамматических терминов эти слова искони означали одно и то же, а именно морфологическое изменение слова (как *склонение*, так и *спряжение*). Специализация первого (*klisis*) на имени, а второго (*enklisis*) на глаголе произошла позже.

Заметим, что терминологическое значение у греческих слов возникло на основе соответствующей семантики исходных для них многозначных глаголов *klinō* и *enklīnō* (приставочного производного от первого) «склоню, наклоню, клонюся, опускаюсь, падаю, кладу, лежу, поворачиваю, изменяю, изменяю по формам (т. е. склоняю и спрягаю)» и т. д.

При калькировании греческих терминов нашими грамматиками был, между прочим, использован глагол *клонить*, того же корня и словесной семьи, что и греч. *klinō* (а также латышск. *klāns* «наклон», древнескандинавск. *hleinan* «прислонять» и т. п.).

Таким образом, слова *склонение* и *наклонение* предстают перед нами как весьма своеобразные кальки, поскольку передача чужого корневого материала на нашей языковой почве была осуществлена с помощью генетически тождественного корня (*klin* было передано родным ему *клон*).

Слова *склонение* и *наклонение* обосновались в русской грамматической терминологии не одновременно и по-разному. Первое слово появилось несколько раньше, чем второе, оно встречается уже в «Адельфотисе» (Adelphotes. Грамматика доброглаголивого еллино-славянского языка... Львов, 1691). Термин *наклонение* впервые отмечается в грамматике М. Смотрицкого (Эвю, 1619). В грамматике Л. Зизания (Вильно, 1596) *наклонение* обозначается еще словом *образ*. Заметим, что еще раньше понятие *наклонения* выражалось словами *чин* и *залог*, а в самой древней статье «О осмех частех слова», переведенной с греческого языка на старославянский Иоанном, ексархом болгарским, передавалось словом *изложение*.

Термин *склонение*, по существу, предшественников не имел и укрепился сразу же, как только было введено соответствующее лингвистическое понятие. До него в «Донате» (русский перевод латинской грамматики Доната Элия был сделан Д. Герасимовым в 1522 г.) отмечается лишь *клонение* и *уклонение*.

Другой была судьба слова *наклонение*. Понятие о различных наклонениях глагола отражено, как было отмечено, уже в статье "О осмех частех слова". Однако хороший термин для него искали долго. И лишь у М. Смотрицкого наклонение наконец стало *наклонением*.

Характерно, что даже намного позже, у М. В. Ломоносова, рядом с новым термином (правда, значительно реже) употреблялся и старый, зизаниевский — *образ*. Правда, именно у него — в то же время — это понятие впервые приобретает характер настоящего лингвистического понятия.

Вместе с общим понятием наклонения входили в научное обращение и порожденные им частные (вроде понятия изъяснительного наклонения). Их фразеологическое выражение также варьировалось, пока не была найдена подходящая формула.

Так, для обозначения изъяснительного наклонения в статье "О осмех частех слова" употребляется выражение *повестное изложение* (буквальный перевод греческого *oristikḗ eḗklisis*).

В "Донате" для этого используются словосочетания *указательный залог* и *указательный чин*, калькирующие лат. *modus indicativus*. В "Адельфотисе" мы находим уже *изъяснительное изложение*, которое передает греч. *oristikḗ eḗklisis*. У Л. Зизания оно начинает называться уже *указательным образом* или *изъяснительным образом*. Он слово соединяет прилагательные "Доната" и "Адельфотиса" со своим собственным переводом (вообще-то более точным) латинского слова *modus* "образ".

М. Смотрицкий ставит здесь последнюю точку, с одной стороны, выбирая в качестве основы термина фразеологическую кальку с греческого "Адельфотиса" (*изъяснительное изложение*), но одновременно заменяя в ней существительное *изложение* более точной (и близкой даже по корню, как вы уже знаете, см. выше) словообразовательной калькой греч. *eḗklisis* — словом *наклонение*. Авторитет М. В. Ломоносова делает это новообразование М. Смотрицкого всеобщим.

Несколько слов о повелительном и условном (или сослагательном) наклонениях.

Термин *повелительное наклонение* пережил приблизительно те же метаморфозы, что и название изъяснительного наклонения. В статье "О осмех частех слова" мы находим кальку с греч. *prostaktikḗ eḗklisis* — *повеленное изложение*, в "Донате", естественно, встречаем в виде *повелительный залог* или *повелительный чин* кальку латинского выражения *modus imperativus*. В "Адельфотисе" модернизируется прилагательное и вместо *повеленного изложения* появляется *повелительное изложение*. Л. Зизаний (по образцу изъяснительный образ) вводит *повелительный образ*.

И наконец, у М. Смотрицкого повелительное наклонение получает свое современное имя. Что касается сослагательного наклонения, то биография его названия значительно проще

и короче. Этот термин ввел тот же М. Смотрицкий, "сфотографировав" по словам латинский фразеологизм *modus conjunctivus*. Параллельное обозначение этого наклонения (*условное наклонение*) родилось в русских грамматиках в конце XVIII в. в качестве пословного перевода французского термина *mode conditionnel*.

О «вине» винительного падежа

Вы никогда не задумывались, почему винительный падеж называется именно винительным, а не как-либо иначе? А над этим стоит подумать! Ведь достаточно сравнить значение слова *вина* и "амплуа" винительного падежа в парадигме склонения, чтобы сразу же увидеть, что к вине он никакого отношения не имеет.

Совсем иное — названия подавляющего большинства других падежей. Они абсолютно прозрачны по своему морфемному составу и очень "идут" называемым падежам, особенно если иметь в виду их конкретный падежный характер.

В самом деле, открывающий парад падежей именительный падеж — это падеж, который просто что-либо или кого-либо называет, именует. Поэтому он и прозывается *именительным*. А вот последний падеж парадигмы — *предложный* — получил такое имя по своей несамостоятельности: слова в форме предложного падежа употребляются сейчас в русском языке только в сочетании с тем или иным предлогом (ср. *на столе*, *в саду*, *о слове*, *при жизни* и т. д.). Так он был, между прочим, "окрещен" М. В. Ломоносовым.

Такого же типа и "говорящие" названия дательного и творительного падежа (ср. *брату*, *руке*, *братом*, *рукой* и т. д.), соотносительные в своих значениях с глаголами *дать* (кому-ли чему-либо) и *творить* "делать" (чем-ли кем-либо).

Ясным и простым является также название звательного падежа, морфологически оформлявшего раньше обращения, т. е. слова "звущие", обозначающие, называющие лица и предметы, к которым обращена речь (ср. *отче*, *боже*, *врачу* в обороте *врачу*, *исцелися сам* и т. д.). Правда, ясность и простота этимологического состава перечисленных названий не мешает большей части из них иметь довольно сложную и запутанную биографию в нашей речи. Но это уже особая статья.

Ведь признак, положенный в их основу, мы и сейчас все же ощущаем четко и определенно. А вот связь термина *винительный падеж* и слова *вина* кажется если не отсутствующей вовсе, то по крайней мере странной и случайной. Действительно, разве есть что-нибудь общее между *виной* и *винительным падежом*? Уж не ошибка ли связала эти два слова? Такое предположение может, не без оснований, показаться сомнительным (ведь нет же этого в названиях других падежей). И тем не менее подобное объяснение мы находим даже в таком солидном словаре, каким

является „Этимологический словарь русского языка“ М. Фасмера (т. I, с. 316): „Винительный падеж — калька лат. casus accusativus, последнее из греч. aitiatikḗ (ptōsis), первоначально от aitiatos „вызванный, причиненный“, т. е. „падеж, обозначающий результат действия“. В русском языке отражен неверный перевод с латинского: „винительный, т. е. падеж обвинения“.

Как видим, виной появления термина *винительный падеж* М. Фасмер считает ошибочный перевод латинского словосочетания accusativus casus.

Так ли это на самом деле?

Изучение истории грамматических терминов в русском литературном языке показывает, что оборот *винительный падеж* появился в нем иначе. Никакой ошибки не было, все было правильно и не так. Сочетание *винительный падеж* появляется впервые в грамматике Л. Зизания на базе более раннего оборота *виновный падеж* в результате аналогического подравнивания по модели на *-тельный*. У Л. Зизания эти два термина (*виновный падеж* и *винительный падеж*) употребляются еще рядом. Не является первичным и термин *виновный падеж*: он возник в результате замены слова *падение* словом *падеж* на основе оборота *виновное падение*. Последний встречается уже в статье „О осмных частех слова“ (в переводе Иоанна, ескаرخа болгарского) и представляет собой непосредственную фразеологическую кальку греческого aitiatikḗ ptōsis. Да, но греческое выражение буквально означает „причинный падеж“, ведь aitia — это „причина“. Значит (могут сказать), ошибка в переводе — пусть не с латинского, а с греческого — все же налицо? Нет, никакой вины Иоанна, ескаرخа болгарского, здесь нет.

Не надо только забывать старых, ныне уже устаревших значений слов.

А слово *вина* имело в старославянском и древнерусском языках, кроме современного значения, также и значение „причина“, aitia, causa (ср., например, в послании митрополита Никифора Владимиру Мономаху: *Врачеве первую вину недуга питають*, т. е. „Врачи узнают основную причину болезни“). Так что никакой языковой ошибки в возникновении термина *винительный падеж* не существует. И виной (т. е. причиной, употребим это слово в старом, сейчас архаическом значении) рождения *винительного падежа* была не ошибка переводчика, а выбор им при переводе такого слова, которое свойственного ему прежде значения уже не имеет.

О спряжении и падежах

Большинство грамматических терминов русского языка так или иначе отражает соответствующие обозначения греческих грамматик древности. Указанные в заглавии названия в этом отношении исключения также не представляют.

Слово *спряжение* появляется для обозначения соответствующих изменений по лицам довольно поздно. Оно является неологизмом М. Смотрицкого (см. ниже) и родилось, несомненно, на базе более раннего термина *супружество* (того же корня), имевшего в XVII в. довольно длительную и прочную традицию употребления. Он, кстати, употребляется уже в статье „О осмных частех слова“, в „Адельфотисе“ и у Л. Зизания (см. заметку „Когда и как появились грамматические термины *склонение* и *наклонение*“). Чем объяснить эту замену? Скорее всего, она объясняется двумя причинами: 1) стремлением М. Смотрицкого устранить из сферы грамматической терминологии слово, имеющее очень употребительный бытовой омоним *супружество* „брак“, 2) стремлением односторонне назвать изменение по лицам глагола и изменение по падежам имени, а в связи с этим ориентацией на образцы в виде *склонение* и *наклонение*.

Ответ на вопрос о том, как, в частности, возникло слово *склонение*, содержится в заметке „Когда и как появились грамматические термины *склонение* и *наклонение*“.

Первоначальное *супружество* „спряжение“ — старославянизм, совершенно точно калькирующий греческий термин syzygia, исходя от обозначавший, между прочим, словосочетание в целом (как *спряжение*, так и *склонение*). Так что объединение *спряжения* с падежами в заглавии не столь уж странное. В греческом языке этот термин возник на базе слова syzygia в значении „связь, соединение; парная упряжка; пара, брак“.

Как видим, и там понятие *спряжения* сопрягалось с понятием *соединения*, *связи*, *супружества*.

Термин *падеж* впервые отмечается в „Адельфотисе“ конца XVI в. Он сменил употреблявшееся до этого слово *падение*, появившееся в русском языке как старославянизм (*падение* — словообразовательная калька греч. ptōsis).

Книжный характер слова *падеж* определил его своеобразную огласовку с *е*, а не о под ударением. В омонимическом существительном устной бытовой речи *падеж* (ср. *падеж скота*) отклонения не наблюдается и произносятся ‘о’.

О названиях конкретных падежей попутно уже говорилось в заметке „О «вине» винительного падежа“. Несколько добавлений.

Название *именительный падеж* появляется у М. Смотрицкого. До этого исходный падеж именной парадигмы именовали то *правым падением*, то *именовательным падением*, то *именовным падежом* (греч. onomastikḗ ptōsis).

Тот же „родитель“ и у *родительного падежа*. Этот термин также идет от М. Смотрицкого и сменил прежние терминологические сочетания *родный падеж*, *родственное падение*, *родное падение* (< греч. genikḗ ptōsis).

А вот название *дательного падежа* было знакомо грамотным людям и до М. Смотрицкого. Между прочим, именно оно (вместе

с именем звательного падежа) послужило образцом, по аналогии с которым создавались остальные падежные «фамилии».

Фразеологическое сочетание *дательных падеж* появляется одновременно со словом падеж в «Адельфотисе». Оно сменило более старый термин *дательное падение*, который является дословным переводом соответствующего греческого грамматического термина *dotiké ptōsis*.

Творцом современного имени творительного падежа, как и винительного, был, вероятно, Л. Зизаний. Во всяком случае, первый раз этот термин мы видим в его книге «Грамматика словеска совершенного искусства осми частей слова и иных нужных» (Вильно, 1596).

О предложном падеже говорилось уже в заметке о винительном. Его название — изобретение М. В. Ломоносова, до этого он носил имя, данное ему М. Смотрицким, — *сказательный* (говорить — сказать о чем-нибудь).

Осталось сказать два слова о последнем — звательном — падеже. Его название родилось, вероятно, вместе с наименованием дательного в «Адельфотисе» в результате замены в старом обороте *звательное падение*, встречающемся еще в статье «О осмих частех слова», слова *падение* существительным *падеж*. Исходный оборот *звательное падение* — калька греческого синонима *kletiké ptōsis*.

Как можно видеть, названия падежей создавались у нас с оглядкой на греческие прототипы при переводе грамматик, если, конечно, не были заимствованы из старославянского.

Греческие грамматики заимствовали, очевидно, понятие *ptōsis* (откуда идет наш *падеж*) из игры в кости. Буквально *ptōsis* значит «падение брошенной кости той или иной стороной вверх». Та или иная падежная форма сравнивается с той или иной стороной игровой кости.

Электрификация

Общепринятым по своему употреблению это слово, несомненно, стало только после того, как превратилась в крылатую фразу «Коммунизм — это есть Советская власть плюс *электрификация всей страны*», произнесенная В. И. Лениным в «Докладе Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома о внешней и внутренней политике» 22 декабря 1920 г. Однако у В. И. Ленина оно встречается и ранее. Уже в «Наброске плана научно-технических работ», написанном в апреле 1918 г., спустя всего полгода после Октябрьской революции, он указывал, что в план реорганизации промышленности и экономического подъема России должно входить среди многих других важных мероприятий также и «обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию».

По своему происхождению существительное *электрификация*, как и многие другие слова с суффиксом *-ификация* (ср. *кодификация*, *классификация*, *спецификация*, *фортификация* и т. п.), является новым заимствованием из французского языка, где оно появилось в конце XIX в. Французское слово *électricité*, на русской почве как обычно латинизированное (*-tion > -ция*), было образовано (по аналогии со словами типа *fortification* «фортификация») на базе слова *électrique* «электрический» с помощью суффикса *-ification*.

Любопытна история словообразовательного элемента *-ification*, возникшего в результате слияния *-i-* первой основы (имени существительного), глагольного корня *-fic-* (ср. народнолатинское *figare* «делать») и суффикса *-ation* (< лат. *-atio*). Одно из самых старых слов этой структуры *fortification* (во французском языке оно из народной латыни) в языке-источнике делилось еще так: *fort-*, *-i-* (ср. *fortis* «форт», где *-s* — окончание), *-fic-*, *-ation*.

Во французском и русском языках основа этого слова состоит лишь из корня (*форт-*, *fort-*) и одного суффикса.

Небезынтересно, что в русском языке у элемента *-ификация* в исконных словах появился «усеченный» вариант *-фикация*: это произошло тогда, когда стали образовывать подобные слова от несклоняемых существительных на гласный *о* (ср. *кинофикация*, *радиофикация*). Последнее повлекло за собой и неверные в словообразовательном отношении (ср. правильные *газификация*, *русификация*) слова типа *теплофикация*, *звукофикация*, в которых как бы оживляется (с помощью соединительного гласного *о*) корневое прошлое морфемы *-фикация*.

Заметим, что в отдельных словах с суффиксом *-ификация* можно наблюдать и еще одну особенность — уже в характере объединения морфем в словесное целое. Это случаи аппликации, наложения морфем, что наблюдается, в частности, в слове *тарификация* (*тар/иф + ификация*).

Теперь (поскольку электрификация представляет собой внедрение в народное хозяйство и быт электричества) несколько слов о существительном *электричество*. Состав этого слова прозрачен, сравнение со словами того же корня *электрический*, *электровоз*, *электрик* и т. п. позволяет установить его очень легко: *электр-ич-ств-о*.

Но характер и значение выделяющихся в нем суффиксов становятся понятными лишь тогда, когда мы узнаем его этимологию. Ясно одно: они в слове *электричество* совершенно иные, нежели в существительных типа *соперничество*, где *-ич-* (< *-ик-*) — суффикс лица, а *-ств-* — суффикс отвлеченного действия или состояния. Ведь существительное *электричество* не осознается как производное от *электрик* (ср. *католик* — *католичество*) и не обозначает ни действия, ни состояния. Такое своеобразие этого слова объясняется тем, что по своему

происхождению оно является словообразовательной полукалькой новолатинского *electricitas* (откуда франц. *électricité*, нем. *Electricität*, англ. *electricity*): часть *electric* была заимствована, а суффикс *-itas* переведен суффиксом *-ество* (ср. *гуманн-ость* < нем. *Human-ität*). В результате этого в слове *электричество* суффикс *-ич-* после связанной основы *электр-* передает латинский суффикс *-ic* (us) (ср. *электрический*), а суффикс *-ество* выступает как суффикс абстрактного качества.

В заключение две этимологические справки. Слово *electricus* "электрический" (а отсюда — *electricitas* "электричество") было образовано английским физиком Гильбертом в 1600 г. на базе лат. *electrum* "янтарь", передающего греч. *electron* того же значения.

Янтарь не случайно дал название электричеству. Ведь электрическая энергия впервые предстала перед человеком как крошечный заряд, возникающий в янтаре, когда его трут о суколку. Электротехника, электроприборы, электромоторы, электровазы и электрики (а со всем этим и соответствующие слова) появились совсем недавно, уже в советскую эпоху.

Что такое писатель

Ну кто же не знает, что такое писатель? Писатель — это человек, который занимается литературным трудом, сочиняет художественные произведения. А вот могут быть другие писатели? Слово *писатель* самой своей структурой свидетельствует, что могут.

Заглянем вместе с вами внутрь этого слова. В языковом сознании любого говорящего на современном русском языке существительное *писатель* прямо и неразрывно связано с глаголом *писать*. В соответствии с этим его основа делится на корень *пис-*, тематический суффикс глагола *-а-* и суффикс действующего лица *-тель*, и наше слово входит в ряд слов типа *читатель*, *пожражатель*, *наблюдатель*, *мечтатель*, *мучитель*, *исполнитель*, *грабитель*. Однако среди слов этого рода *писатель* все-таки выглядит в известной степени чужаком. Правда, особый характер существительного *писатель* проявляет лишь в результате специального, хотя и очень элементарного анализа.

В самом деле, значение слов типа *мечтатель* целиком составляется из значений образующих их морфем: *мечтатель* — "тот, кто мечтает", *читатель* — "тот, кто читает", *мучитель* — "тот, кто мучит", *исполнитель* — "тот, кто исполняет", *грабитель* — "тот, кто грабит", и т. д. Что же касается слова *писатель*, то оно обозначает не всякого, кто пишет, а только того, кто не столько пишет, сколько сочиняет художественные произведения. Наше слово имеет более узкое значение, чем то, которое можно "сложить" из составляющих его

значущих частей. Заметим, что такое явление наблюдается у слов, пожалуй, даже чаще, нежели простое суммирование в семантике целого слова значений образующих его морфем. Нередко признак, положенный в основу названия, и его структура выступают лишь как самые первые наметки его действительного значения и ясного представления о последнем не дают. Например, чувство признака, положенного в основу болгарского слова *писец* (мы сразу же и верно связываем его с нашим глаголом *писать* и суффиксом *-ец*), не дает нам в то же время знания о его действительном значении. А в болгарском языке оно обозначает не "писец", а "перо" (т. е. не того, кто пишет, а то, чем пишут).

Смысловая оригинальность слова *писатель* по сравнению с названными образованиями на *-тель* не является исконной. В древнерусском языке это слово имело буквальное значение "тот, кто пишет". Так что, действительно, *писатель* *писателю* рознь. Обратившись к древнерусским письменным памятникам, мы можем прочитать: *Радуется кунец, в дом свои пришеде, а корабль в тихо пристанище пришеде, какоже отрешится воля отъ ярма, так писатель книг кончаеся*. Эта приписка в рукописи принадлежит не автору, а писцу, который закончил переписывание книги. Это ведь было трудным делом, длившимся, как правило, целыми месяцами (так, известное "Остромирово евангелие" дьякон Григорий переписывал для посадника Остромира около семи месяцев).

Ну, а как и когда появилось в таком случае современное слово *писатель*? Это частое в нашей речи и всем известное существительное родилось в XVIII в. как семантический перевод (семантическая калька) французского *écrivain* (< лат. *scriba* "писец").

Исконно русское слово пионер

В нашем языке сейчас существует три слова *пионер*: *пионер* "солдат инженерных войск", *пионер* "разведчик, первооткрыватель" (ср. *пионеры естествознания*, *пионеры космонавтики* и т. д.) и *пионер* "член детской коммунистической организации". Последнее слово является не только наиболее употребительным. Оно нам также и особенно близко и дорого: им мы называем нашу смену, юных ленинцев, будущих строителей коммунизма. Однако это слово родное для нас не только потому, что прямо и непосредственно связано с нашей советской действительностью, но и потому, что в качестве определенной лексической единицы возникло в русском языке.

Два первых слова пришли к нам соответственно из французского и английского языков в XIX в.

Существительное *пионер* "член детской коммунистической организации" представляет собой исконно русское слово, созданное после Октября.

Как же оно было образовано и когда появилось в общем употреблении?

Наше пионер сменяло слово юк (<юный коммунист>), известное с 1919 г. Оно родилось сразу же после создания пионерской организации 19 мая 1922 г., на базе появившегося несколько ранее оборота юный пионер.

Таким образом, оно было образовано с помощью лексикосемантического способа словообразования, путем концентрации общего значения исходного выражения на грамматически опорном существительном пионер в значении „первооткрыватель, разведчик“ (ср. песок < сахарный песок, столпотворение < вавилонское столпотворение и т. д.).

Что касается слова пионер „первооткрыватель, разведчик“, заимствованного из английского языка, то оно стало особенно популярным в XIX в. после появления романа Ф. Купера „The pioneers“ („Пионеры“; чаще это заглавие на русский язык переводилось как „Переселенцы“).

Вообще же это слово было усвоено английским языком из французского и передает франц. pionnier „солдат инженерных войск“ (идуший впереди и пролагающий путь остальным). Последнее имело вначале значение „пехотинцев“ и было образовано от слова pion „пеший“, восходящего к лат. pedo (вин. пад. pedopem) того же значения, в свою очередь являющегося суффиксальным производным от pes (род. пад. pedis) „нога“.

Поскольку лат. pes, pedis родственны нашему пеший, слова пионер и пехотинец связаны между собой кровными узами. Что касается фразеологического оборота юный пионер, ставшего базой для возникновения нашего слова, то оно сменяло выражение юный разведчик, существовавшее еще до революции и передававшее англ. бойскаут.

От мимохода до лунохода

Слово луноход — один из недавних неологизмов среди имен существительных русского языка. Оно родилось в середине ноября 1970 г. Самой первой его печатной фиксацией является первая заголовочная строчка газеты „Вечерняя Москва“ от 17 ноября 1970 г., в которой было помещено соответствующее сообщение ТАСС о мягкой посадке на поверхность Луны в районе Моря Дождей автоматической станции „Луна-17“. Вот та фраза, в которой появилось на свет наше слово: *Первый советский луноход — на Луне. Слово луноход сразу же, зашагало* по страницам газет, причем не только в прозе, но и в стихах: Сквозь закат и сквозь восход В кипень белопенную Мчитесь, мчитесь луноход Через всю вселенную (Островой С. Лунопроходец. „Правда“, 19 ноября 1970 г.); Увидев нынче на экране пейзаж Луны и луноход, предугадать хочу заранее: Какого чуда завтра ждет? (Каныкин А. Рубежи чудес, там же). Более*

того, оно послужило отправным пунктом других одноклассных ему новых слов. По его образцу и подобию возникли (правда, пока еще не привившиеся) слова *венеороход, марсоход и даже планетоход*. Газета „Известия“ от 23 декабря 1970 г. поместила статью Б. Коновалова под названием „Будущее планетоходов“, в которой, в частности, можно прочитать такие предложения: *Как, на ваш взгляд, появятся ли когда-нибудь венеороходы? Марсоходы — вещь в будущем вполне реальная.*

Появившись на наших глазах, слово луноход выступает в качестве очень ясного и простого производного. Никаких этимологических тайн оно не содержит: понятно и то, на базе чего оно образовано, и то, как, по какой словопроизводной модели и по какому именно конкретному лексическому образцу оно сделано.

Как пишет В. Орлов в своей „Оде луноходу“ („Правда“, 18 ноября 1970 г.), единым вздохом миллионов уст родилось крылатое русское слово, которого нет у Даяля, — *луноход*. Но изобретено оно было, как и сама машина, не на голом месте. Оно имело своих предшественников и в материальной, и в „духовной“ части. И совершенно очевидным, о чем свидетельствуют своеобразные словообразовательные экскурсы, встречающиеся в газетных статьях о луноходе: *На посадочной ступени станции установлен лунный самоходный аппарат „Луноход-1“* („Вечерняя Москва“, 17 ноября 1970 г.); *Надо внимательно посмотреть сегодня на Луну: где-то там есть Море Дождей, где-то там ходит наш луноход. Не паровоз, не самолет, не пароход — луноход!* („Московский комсомолец“, 18 ноября 1970 г.); *Вслед за лунным геологом — первый лунный вездеход* („Правда“, 19 ноября 1970 г.). *Итак, „Летучий голландец“ на Луне. Им стал посланник Земли, советский луноход, впервые бороздящий безбрежные просторы Моря Дождей* („Комсомольская правда“, 18 ноября 1970 г.); *Впервые в истории астронавтики, подчеркивает научный обозреватель агентства, вездеход, доставленный с Земли, начал передвигаться по поверхности Луны (там же).*

Совершенно ясными являются и морфемный состав нового „лунного слова“ (*лун-о-ход* ()), и его образование. Его создали наши ученые по модели сложных слов на *-ход*, обозначающих „самоходные аппараты“ (*пароход, теплоход, электроход, самоход, атомоход* и т. д.), однако „с оглядкой“ конкретно на существительные *снегоход и вездеход*. Таким образом, *луноход* — это „лунный самоходный аппарат, машина, которая ходит по Луне, лунный вездеход“. Именно эти словосочетания „сжалсились“ в процессе словопроизводства в существительное *луноход*, подобно тому как словосочетание *автомобиль, предназначенный для передвижения по глубокому снегу, снежной целине* дало слово *снегоход*. Ведь в словах подтипа *пароход* и т. д. первая часть сложения говорит не о месте действия самодвижущегося аппара-

та, а о характере его двигателя, о том, чем машина ходит. И они поэтому дальше от слова *дуноход*, чем слова *снегоход* и *вездеход*, и образуют близкую, но особую структурную группу, самым старым среди которых является слово первой половины XIX в. *пароход*, обозначающее вначале и "паровоз", и родившееся в качестве своеобразной кальки англ. *steam-boat* "парохода". Заметим, что слово *электроход* отмечается в качестве окказионального уже у Ф. Одоевского. Несколько особо от рассмотренных стоят слова *дымоход* "труба для отвода дыма из печи" и *плотоход* "устройство, позволяющее пропускать плоты через гидротехнические сооружения", оба сравнительно недавние (в частности, эти слова в словаре В. Даля еще отсутствуют). Они обозначают уже не самодвижущуюся машину, а более простое техническое устройство.

Всем названным существительным противостоит группа слов на *-ход*, обозначающих лицо: *пешеход*, *сороход*, *тихоход*, устаревшие *судоход* и *мореход*. Они значительно старше, и именно им были обязаны своим появлением первые слова типа *пароход*, *электроход* и др.

Ближе всего по структуре к нашему *дуноходу* здесь *мореход* (дуноход ходит по Луне, мореход — по морю), возникшее, несомненно, в качестве словообразовательной кальки др.-греч. *ροπτοναυτης* "мореплаватель", когда для передачи др.-греч. *nautes* было использовано ныне исчезнувшее в значении действующего лица слово *ход* (об агентивном значении этого слова и ему подобных см.: П о т е б и н А. А. Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968, с. 81 и сл.).

Однако исходный тип образования представлен другими словами, среди которых на первое место должно быть поставлено существительное *пешеход* (*пешеход*, *судоход*, *сороход*, *тихоход*). Из ныне существующих слов на *-ход* оно самое древнее. Но и самое странное! Ведь в нем его корневые части как бы тавтологично повторяют одно и то же: *пеший* тоже ведь "пешком идущий", утраченное в настоящее время *ход* "пеший, пешеход" (ср. диал. *ходок*, *ходец* то же семантики). Такая оригинальность слова *пешеход* объясняется тем, что в древнерусском языке (как и в современном) глагол *ходить* имеет значение не только "идти, ступая ногами", но и "двигаться, передвигаться". По словарю И. И. Срезневского, в памятниках письменности слово *пешеход* встречается уже в XIV в.

"Все это очень хорошо, — скажете вы, — но почему замечка называется "От *мимохода* до *дунохода*?" Мимоходом, в двух словах о слове *мимоход*. Слова *мимоход* как существительного сейчас в языке нет. От него осталась одна только форма творительного падежа единственного числа *мимоходом*, относящаяся уже к категории наречия (в значении "проходя мимо, по пути; между прочим"). Но раньше — в древнерусском письменном языке — оно было и значило "прохожий". По времени фиксации

в памятниках письменности это самое древнее слово на *-ход*. Оно известно уже в рукописях XI в. По своему происхождению в древнерусском книжном языке это существительное является заимствованием из старославянского языка. В последнем же оно родилось как калька причастия др.-греч. глагола *παράγομαι* "проходить мимо, миновать".

Луна и Селена

Совсем недавно слово *Селена* как синоним существительного Луна можно было встретить разве только в поэтической речи первой половины XIX в. Например, у В. А. Жуковского в стихотворении "К Батюшкову" мы находим такие строки: *Среди прозрачной пены Летучих облаков Мелькает рог Селены*. В наши "космические" дни слово *Селена* в значении "Луна" начинает проникать и свободно употребляться в газетном языке и научно-популярных статьях.

Так, в "Правде" от 19 ноября 1970 г. была опубликована статья акад. С. Вернова и Н. Контора, которая называлась "Служба Солнца на Селене, в газете "Вечерняя Москва" от 9 января 1971 г. в статье "Лунными тропами" А. Санфировского можно было прочитать: *Как не прекращают люди изучать планету, на которой они живут, так неустанно будут и их стремления досконально узнать Селену*.

В качестве синонимических слова *Луна* и *Селена* выступают сейчас и как корневые части производных слов *лунография* и *селенология*: *Урок лунографии с картой в руках* ("Комсомольская правда" от 18 ноября 1970 г.); *На счету у советской селенологии — большие достижения* ("Правда" от 19 ноября 1970 г.). Заметим, что первое слово нами впервые было отмечено в "Комсомольской правде" от 27 октября 1959 г. (см. нашу "Лексикологию современного русского языка". М., 1964, с. 160).

Как видим, смысловое родство слов *Луна* и *Селена* налицо. Однако они близки не только своей синонимичностью. Эти слова объединяет также и одинаковость их "признаковой модели". Несмотря на различную этимологию и историю, оба именуют естественный спутник Земли по одному признаку — его блеску, сиянию, свету.

Если буквально "перевести" на современный русский язык производные ныне слова *Луна* и *Селена*, то и то, и другое значит "блестящая, сияющая, светящая". Но расскажем о каждом по порядку.

Слово *Луна* у нас исконное. Оно очень древнее, известно во всех славянских языках и даже за его пределами. Это общеславянское слово, имеющие точные соответствия в некоторых других индоевропейских языках (ср. др.-прусс. *launhos* мн. число "звезды", авест. *gaoxšna* "блеск, свет", др.-греч. *lychnos* "светильник"). Последние позволяют восстановить его праславянскую

исходную форму *louksnā и ясно представить его дальнейшие родственные связи и способ образования.

Слово *луна* < *louksnā образовано с помощью суффикса -snā от той же основы (*louk-), что и *луч* (буквально „свет“), *лоск*, *лысий*, лат. lux „свет“, греч. leukos „светлый, блестящий“ и т. д. Такой же суффикс имеют слова *борода*, *стена*, *струна* и др. В русских диалектах и некоторых славянских языках слово *луна* и сейчас имеет значения, близкие к исходному (диал. *луна* „зарев, зарница, отблеск“, укр. *луна* — тж., чешск. luna „зарев“ и др.).

Иная биография у слова *Селена*. Оно пришло в русскую стихотворную речь в конце XVIII в. из древнегреческой мифологии, где *Селена* — богиня луны. В древнегреческом языке Selenē „богиня луны“ < selenē „луна“ представляет собой суффиксальное производное от той же основы, что и selas „свет, сияние; блеск, сверкание; молния“ и др.

Почему луну называли месяцем

Из заметки „Луна и Селена“ вам теперь известно, почему луна называется луной. Но у слова *луна*, как все знают, есть и еще один синоним (значительно более народный). Это существительное *месяц*, по своему употреблению разговорное и нетерминологическое. Вспомните, как прекрасно использовал эти свойства слова *месяц* в сравнении со словом *луна* И. А. Гончаров в романе „Обломов“: „Бог знает, удовольствовался ли бы поэт или мечтатель природой мирного уголка. Эти господа, как известно, любят засматриваться на луну да слушать шелканье соловьев. Любят они луну-кокетку, которая бы наряжалась в пальные облака да сквозила таинственно через ветви деревьев или сыпала снопы серебряных лучей в глаза своим поклонникам. А в этом краю никто и не знал, что за луна такая, все называли ее месяцем. Она как-то добродушно, во все глаза смотрела на деревни и поле и очень походила на медный вычищенный таз“.

Почему же луну называют еще и месяцем? Ответить на этот вопрос совершенно точно пока нельзя, но наиболее правдоподобное объяснение дать можно. Среди многих ученых-этимологов существует мнение, что слово, из которого получилось современное *месяц*, обязано своим появлением регулярному времени обращения Луны вокруг Земли, позволившему сделать последнее определенной мерой времени (1/12 года). Отсюда и родилось слово, которое дало наше *месяц*. Оно также сначала имело только значение „промежуток времени в 1/12 года“, а затем получило и значение „предмет, который на это время указывает“, как, скажем, слово *часы*, имевшее вначале лишь временное значение (*счастливые часы не наблюдают*), потом приобрело и предметное значение (*золотые часы*).

Но разберем слово *месяц* по порядку и начнем „с конца“.

Сознательно (чтобы не усложнять изложение) избежим подробностей. Не выходя за пределы современного русского языка, невооруженным глазом можно установить, что *-яц* в слове *месяц* является бывшим суффиксом. Достаточно вспомнить диал. *месик* „месяц“ (уже с суффиксом *-ик*) и подобной структуры слово *заяц* (с родственными *зайчик*, *зайка*, *зайчонок*, позволяющими выделять суффикс *-яц* в существительном *заяц* даже в пределах литературного языка).

Скорее всего суффикс *-яц* (< *inko) в нашем слове был уменьшительно-ласкательным, таким же, как суффиксы *-ец*, *-ица*, *-це* в словах *морозец*, *дельце*, *землища* и т. д.

Тогда слово *месяц* изначально представляет собой „форму“ субъективной оценки исчезнувшего в славянских языках слова с основой *мес-* (< *mьs- < *mēs- < *mēns-). Так смело о существовании этого утраченного слова позволяют говорить его родичи в других индоевропейских языках: латыш. mēnēsis „месяц, луна“, др.-инд. māś- „месяц, луна“ — тж., лат. mensis „месяц“, др.-инд. māś- „месяц, луна“, арм. amis „месяц“, готск. mēna „луна“ и др.

А все эти слова возводят к индоевроп. корню *mē „мерить“, тому же, который наблюдается в слове *мера* (исходно с суффиксом *-р-*, ср. существительное *вера* с тем же — сейчас уже „незримым“ — суффиксом).

Мзда, возмездие и безвозмездный

В нашей лексике есть немало слов с общим корнем, которые тем не менее имеют самое различное происхождение. К ним необходимо отнести и слова *мзда*, *возмездие* и *безвозмездный*. Корень *мзд-* (*мезд-*) в словах *мзда*, *возмездие* и *безвозмездный* один и тот же, но появились они в русском языке в разное время, пришли в литературную речь различными путями и были образованы каждое по-своему. Да и в семантическом плане эти слова разнились далеко не одинаково.

Самым древним из них является существительное *мзда*. Оно было унаследовано древнерусским языком из общеславянского языка. Более того, есть все основания предполагать, что в качестве определенной лексической единицы оно родилось даже не в праславянский период, а еще раньше: в целом ряде индоевропейских языков издревле выступают его точные соответствия. Ср. хотя бы осетинск. mīzd „плата, награда“, греч. misthos — тж., готск. mīzdō — тж., англ. meed „плата, награда“ и др. Когда после возникновения письменности слово *мзда* (> *мзда*) попало из устной речи в литературный язык, оно давно уже было производным. Но эта производность слова *мзда* была не исконной. Как не без оснований считают многие этимологи (см.: Откуп и ко в Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с. 148—155), слово *мзда* было образовано с помощью суффикса *-зд-* от того же глагольного корня

мь- (< mī-), что и слова *мьсть* "мсть" и — с другой огласовкой (*мѣ* < mōi-) — *мѣна* "мена", и родственно греч. (сицилийск.) *moitos* "вознаграждение, благодарности", лит. *maipa* "мена", др.-инд. *mauātē* "меняет", готск. *gatains* "общий" и т. д.

По своему суффиксальному характеру слово *мзда* (звукосочетание *мзда* появилось после падения слабого редуцированного *в* перед гласным полного образования *а*) идентично таким существительным, как *борозда*, *звезда*, *езда* и т. п. Древний суффикс *-з-* из всех одноструктурных слов сейчас вычленяется по соотношению с глаголом *ехать*, *еду* только в существительном *езда*.

Родство слов *мзда* и *мсть* ясно "просвечивает" и в их семантике. И здесь народная поговорка *Мста не мзда*, переводимая В. Далем как "Мсть не возмездие за добро" (см.: Даль В. Толковый словарь..., т. II, с. 321), оказывается справедливой не абсолютно, а лишь в определенных временных пределах, и именно в новую эпоху. Семантика рассматриваемых слов, равно как и их синонимов, в динамике языка перекрещивается и тесно связывает их вместе. Сейчас, действительно, *мста* — не "мзда". По С. И. Ожегову (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 9-е. М., 1972, с. 319, 322), в современном русском литературном языке *мсть* — "действие в оплату за причиненное зло, возмездие", а *мзда* — "награда, плата".

Сейчас, конечно, и слово *возмездие* семантически не равно слову *мзда*. В словаре С. И. Ожегова (с. 85) существительное *возмездие* совершенно правильно определяется как "оплата, кара за преступление, за зло". Однако так было далеко не всегда. Слово *возмездие* еще для Дала было обозначением и кары, и платы, награды, воздаяния (см.: Даль В. Толковый словарь..., т. I, с. 228). Такое же синкретическое значение может быть отмечено и у основы *мзд-* как составного элемента ныне устаревшего глагола *мздовоздасть* "карать и жаловать по заслугам", и у др.-греч. *misthos*, имеющего, помимо уже указанных выше значений "плата, награда", также и значение "кара, возмездие" (см.: Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь, т. 2. М., 1958, с. 1101).

Ср. аналогичные семантические отношения в словах *плата* и *расплата* "кара, возмездие", *расчет* и *рассчитаться* (с кем-нибудь) в значении "отомстить кому-либо" и т. д. Ср. также родственные *цена* (в древнерусском языке "плата") и авест. *каена* "мсть".

Производное от *мсть* — общеславянский глагол *мстити* обозначает не только "мстить, наказывать", но также "защищать" и даже "наградить, жаловать" (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, с. 234).

Последнее значение этого глагола позволяет реконструировать также бывшую когда-то у слова *мсть* семантику "плата,

награда". Таким образом, в очень давние времена слова *мзда* и *мсть* были синонимами и оба имели значение "плата, награда" (по заслугам). Лишь потом слово *мсть*, как и значительно позже *возмездие* и *расплата*, приобрело новое, современное значение "мсть, кара". Заметим, что подобное развитие семантики мы наблюдаем и у неславянских родственников другого однокорневого со словом *мзда* существительного — слова *мена* "обмен, изменение" (ср. глагол *менять* "отдавать и брать одно за другое", раньше также и "покупать" и, следовательно, "платить"). Так, точное смысловое соответствие нашему слову *мена* мы находим в соответствующем слове авестийского языка.

Поэтому вполне возможно, что исходным (этимологическим) значением слов *мзда* и *мсть* было то, которое и ныне свойственно однокорневному *мена* "обмен" (сначала натурой).

Как видим, слово *мзда* в русском языке исконное, досталось ему по наследству из праславянского языка еще в дописьменную эпоху. Образовано оно было — еще в индоевропейский период — суффиксальным способом словообразования и по корню кровным родством связано со словами *мсть* и *мена*.

Совершенно иная биография у существительного *возмездие*. Оно сразу появилось в письменной речи и до сих пор носит ярко выраженный книжный оттенок. В русском литературном языке оно не исконное, а пришло к нам из старославянского языка. Впервые отмечается в старославянских памятниках письменности русского извода с XI в. со значением "вознаграждение, воздаяние, возмездие". Эта семантика затем сузилась, и слово *возмездие* стало употребляться лишь для обозначения кары, наказания. Последнее было обусловлено, помимо семантических возможностей, заложенных в самом слове (см. выше), также влиянием контекстов, где речь идет о расплате за дурные поступки и причиненное зло. Таких контекстов в церковнокишней литературе, где прежде всего употреблялось слово *возмездие*, встречается предостаточно. Старославянизм *възмѣздіе* не был образован с помощью приставки *въз-* и суффикса *-и-*, как может показаться с первого взгляда, а представляет собой слово, возникшее путем словообразовательного калькирования др.-греч. *antimisthia* "плата, воздаяние, вознаграждение, возмездие", т. е. посредством его последовательной поморфемной "съемки": приставки *anti-* — приставкой *въз-*, основы *misth-* — основой *мзд-* и суффикса *-ia-* суффиксом *-ик* (указываем их здесь для удобства вместе с окончаниями).

Таким образом, если иметь в виду этимологический состав, то слово *возмездие* можно перевести как "ответная кара".

В биографическом аспекте, следовательно, слово *возмездие* резко отличается от слова *мзда* и своим неисконным для русской речи происхождением, и появлением лишь после принятия христианства, и способом деривации.

В настоящее время в актуальном языковом сознании рядо-

вого носителя современного русского языка слово *возмездие* со словом *мзда* уже не связывается: они стали совершенно чужими в силу резкого семантического сдвига, происшедшего в первом слове.

А теперь о прилагательном *безвозмездный*. По сравнению со словами *мзда* и *возмездие* оно "подросток", так как родилось на свет совсем недавно. По данным "Словаря современного русского литературного языка", оно впервые фиксируется в "Словаре церковнославянского и русского языка" 1847 г. По своему образованию оно довольно оригинальное, ибо получилось в результате переделки более раннего и "более правильного" прилагательного *безмездный*, известного еще в древнерусском языке. *Безвозмездный* возникло на базе *безмездный* точно так же, по той же "модели", что и *бесталанный* — из *бесталантный*, *свидетель* — из *свьѣдѣтель*, *соленька* — из *селенька*, в результате процесса замещения¹ основы *-мзд-* под влиянием слова *возмездие* в старом значении "плата, вознаграждение" была заменена основой *возмезд-*.

Следовательно, слово *безвозмездный*, будучи исконным, является собственно русским образованием, весьма поздним по степени своего появления и очень своеобразным с точки зрения деривации. В семантическом плане оно полностью повторяет своего предшественника иной основы (слово *безмездный*) и своего значения "бесплатный" пока не меняло.

Что касается исходного *безмездный* "бесплатный" (ср. *Безмздна врачба* "бесплатное лечение" в Стихираре праздничного Софийской библиотеки до 1163 г.), то оно, вероятно, представляет собой известную с XI в. словообразовательную кальку др.-греч. *amisthos* "неоплачиваемый, безвозмездный, даровой".

Впрочем, этимология старого *безмездный* для прилагательного *безвозмездный* — это связи и отношения "второго колена".

Казначей, барабанщик и басмач

В языке немало слов-родственников, генетические связи которых совершенно не чувствуются. Превратности языковой судьбы резко меняют и их фонетическое "лицо", и их морфемный характер. Встречаясь с ними, мы не подозреваем прежней близости этих слов. К таким лексическим единицам можно отнести и те слова, которые вынесены в заглавие, хотя на первый взгляд кажется, что между ними ничего общего нет и не могло быть. В самом деле, что роднит эти слова сейчас? Пожалуй, только одно категориальное значение лица: все они обозначают пусть и разное, но действующее лицо и, в соответствии с этим, относятся к разряду агентивных имен существительных. Ничего другого, что

бы их сближало, современное языковое сознание нам не подсказывает. Особенно разными они кажутся по своей словообразовательной структуре и морфемному составу. Слово *барабанщик* в своей основе членится на непронизывную основу *барабан-* и агентивный суффикс *-щик (-чик)*, свободно выделяющийся в других словах, более того — активно их образующий (ср.: *атомщик, трамвайщик, бетонщик* и др.). Что касается слова *казначей*, то в нем рядом с непронизывной основой *казн-* (ср. *казна*) мы находим уже нерегулярный суффикс *-ачей*, суффикс в известной степени уникальный. Существительное же *басмач* вообще представляет перед нами как корневое. И несмотря на все это, названные существительные оказываются генетически принадлежащими к одной и той же словообразовательной модели. А отрезки *-щик, -ачей* и *-ч* восходят к одному и тому же суффиксу лица. Какому? Агентивному суффиксу *-чи* тюркских языков. Вряд ли вы думали (мне приходилось это проверять на многих аудиториях), что слово *барабанщик* нерусское по своему происхождению: ведь это "тот, кто играет на барабане", так же как, скажем, *стельщик* — это "тот, кто вставляет стекла". И тем не менее это так. Слово *барабанщик* такой же тюркизм, как *казначей* и *басмач*. Только заимствовались эти слова в разное время, поэтому их русификация и происходила по-разному. Данный пример — яркое доказательство глубокой разницы (иногда даже пропасти), которая существует между современной словообразовательной структурой слова и его реальным происхождением в языке.

Но обо всем по порядку. Ранее всего в нашей речи появилось слово *казначей*. Древнетюркские *казначи* было переоформлено в древнерусском языке в *казначици* (конечное и равно *ю*), а затем, после падения редуцированных, изменилось в *казначей*, так же как *Сергий* > *Сергей*. Так, сохранив соотносительность со словом *казна*, оно получило современную структуру: *казн-ачей* (). В этом отношении его судьба напоминает устаревшие слова *домрач* (< *домрачи*), *арбач* (< *арбаши*) и др. (по происхождению тоже тюркизмы).

Иная судьба ждала тюркское *барабанчи*. Оно пришло к нам уже тогда, когда в русском языке суффикс *-чик (-щик)* стал активным словообразовательным элементом, с помощью которого оформлялись новые слова со значением действующего лица. По картотеке древнерусского словаря Института русского языка АН СССР, оно впервые фиксируется в памятниках начала XVI в. Тюркск. *барабанчи* при заимствовании было подогнано под слова на *-щик* типа *данщик*, точно так же как ранее *ямчи* > *ямщик* и позднее *духанчи* > *духанщик*. Языковое чутье подводит нас здесь особенно сильно: казалось бы, самое русское слово, образованное продуктивным суффиксом со значением лица, на поверку оказывается иноязычным.

Заимствованный характер слова *басмач* чувствуется сразу. Это объясняется и тем понятием, которое оно выражает, и новы-

¹ Подробно о замещении основы см. наши «Очерки по русскому словообразованию» (М., 1968, с. 244—249).

ми условиями его усвоения. Борьба с басмачеством в Средней Азии хотя и является прошлым, но все еще свежа в памяти многих. Узбекское происхождение этого слова ясно. Слово *басмач* примечательно не столько своим сторонним характером, сколько способом своего переоформления на русской почве. Тюркск. *басмачи* (буквально «налетчик»), являющееся в языке-источнике суффиксальным производным от *басма* «налет», было осознано, по аналогии со словами *трубачи*, *лихачи*, *богачи* и т. д., как форма им. пад. мн. числа. Кусочек тюркского суффикса *-чи* и стал окончанием в русском языке. Произошло «межязыковое» переразложение на стыке корня и суффикса, которое привело к рождению слова, состоящего из корня и окончания. Так появилось совершенно немислелюбое для тюркских языков слово *басмач* с нулевым окончанием после непроизводной основы.

Как видим, совершенно непохожие друг на друга по своей структуре слова генетически все являются тюркизмами и принадлежат к одной и той же словообразовательной модели. Однако в языке бывает и обратное. Слова, структурно идентичные, в действительности по своему происхождению могут быть самыми разными. Но об этом рассказ особый.

Чужие близнецы

Существительные *вольность*, *дородность*, *плотность* кажутся самыми простыми, словообразовательными и генетически прозрачными словами. С точки зрения современного языкового сознания все они прямо и непосредственно связаны с соответствующими прилагательными и поэтому, несомненно, воспринимаются как производные, образованные в русском языке с помощью суффикса *-ость*. Пары *вольность* — *вольный*, *дородность* — *дородный*, *плотность* — *плотный* и принадлежность существительных к обширной, с каждым днем растущей категории слов на *-ость* не позволяют подозревать здесь ничего этимологически особенного. Но осторожнее с такими «одинаковыми» фактами! Именно эти словообразовательные «близнецы», выделяющие все один и тот же суффикс *-ость*, очень ярко и наглядно свидетельствуют о том, что нередко как будто совершенно очевидное и единственно правильное решение оказывается абсолютно неверным. Если мы скажем, что слова *вольность*, *дородность* и *плотность* в русском языке были образованы посредством суффикса *-ость*, то совершим грубую этимологическую ошибку, приняв настоящее за прошлое, современные словообразовательные связи этих слов за их реальное происхождение в нашей речи.

Как повествует лексическая история, только слово *дородность* было создано в русском языке с помощью суффикса *-ость*. Что касается двух других приведенных слов, то у них родословная совсем иная.

Слово *плотность* появилось на свет у А. Д. Кантемира в его переводе книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров». Свой неологизм Кантемир (о чем говорит он сам в примечаниях, см.: Соч., т. 2. СПб., 1868, с. 428) создал не с помощью суффикса *-ость* на базе прилагательного *плотный*, а как словообразовательную кальку франц. *solidité*. Таким образом, слово *плотность* образовано калькированием, путем поморфемной съемки чужого слова (*solid* — *плоти-*, *-ité* — *-ость*). Оно представляет собой не суффиксальное производное, каким сейчас выглядит, а словообразовательную кальку. И хотя сделано из русского языкового материала, но по структурной «мерке» своего французского «родителя».

Еще больше может удивить биография существительного *вольность*. Ведь это, на первый взгляд, самое исконно русское слово в нашем языке по происхождению является пришлым, заимствованным из близкородственной, но иной языковой системы.

Откуда пришло к нам слово *вольность*? Оно принадлежит к довольно большой группе полонизмов и появилось в лексике нашего языка в XVI в. через посредство так называемого литературного языка Юго-Западной Руси, т. е. украинско-белорусского книжного языка.

Как видим, в мире слов мы должны быть готовы к самым удивительным неожиданностям. Слова, непохожие друг на друга (*барабанищик*, *басмач* и *казначей*), по определенной линии оказываются родственными, слова суффиксально одинаковые — совершенно различными.

Что общего между словами *капитан* и *капуста*?

Если не считать их принадлежности к категории имен существительных, то между этими словами как будто нет ничего общего. Впрочем, подождите. Оба слова начинаются с одного и того же звукосочетания и буквосочетания *кап*. Но так ли это существенно? Разве мало слов, имеющих в своем составе одинаковые звуковые и буквенные отрезки и тем не менее абсолютно никакого отношения друг к другу не имеющих? Сколько угодно. Есть ведь даже омонимы, которые фонетически и орфографически целиком повторяют один другого, но являются друг другу совершенно чужими.

Данные русской этимологии говорят, что совпадение «кусочка» *кап* в словах *капитан* и *капуста* не случайно и они состоят между собой в известном родстве, правда, очень далеком, опосредованном и сложном.

Последнее сказывается, в частности, в том, что слово *капуста* в такой же степени оказывается родственным не только слову *капитан*, но также и словам... *композиция* и *компот* (!). Дело в том, что существительное *капуста* в славянских языках — своеобразный лексический гибрид, возникший путем скрещивания

слова, родственного существительному *капитан*, со словом, родным и близким существительным *композиция* и *компот*.

Заметим сразу же, что первоначально это скрещение отразилось не только во внешней форме слова *капуст*, но и в его семантике. Но судите сами.

Существительное *капитан* пришло к нам в древнерусскую эпоху. В памятниках письменности оно отмечается по крайней мере с 1419 г. Не совсем ясно, из какого языка непосредственно оно у нас появилось (из итал. *capitano* или польск. *kapitan*), но первоисточник известен очень хорошо. Им является среднелат. *capitaneus* „главный; начальник“, представляющее собой суффиксальное производное от лат. *caput* „голова“. По своему „образному“ строению слово *капитан*, таким образом, однократно нашему слову *голова* в значении „начальник, предводитель; глава, вождь“.

Как видим, в слове *капитан* корень *кап-* идентичен *сар-* в лат. *caput* „голова“. Это же слово своим корнем представлено и в существительном *капуста*, но оно в нем причудливо совмещено с другим, в «чистом виде» давшим слова *композиция* и *компот*.

Когда же и как это произошло? Какие конкретно лексические единицы были виновниками появления слова *капуст*? Слово *капуст* по времени своего появления в нашем языке значительно более древнее, нежели существительное *капитан*. Оно достало древнерусскому языку по наследству от праславянского. Там это слово, по мнению большинства этимологов, родилось в результате скрещения двух различных слов, пришедших из разных языковых источников.

Одним словом было существительное того же корня, что и слово *капитан*. Это древнеруконоем. *шариз* (> *капус*), восходящее к лат. *capitium* „кочан (головка) капусты“, суффиксальным образованием от *caput* „голова“. Другим словом было существительное с тем же корнем, который в историческом плане можно выделить в словах *композиция* и *компот*. Это среднелат. *composita* < *composita* (буквально „сложенная; зеленая“, пришедшее к славянам через немецкое посредство (ср. средневерхне-нем. *kumpost* „кислая, квашеная капуста“, „блюдо, кушанье из квашеной, кислой (а потом и сладкой) зелени, капусты“). *Капус* и *компост* дали *капусту*. В значениях обоих исходных слов слово *капуст* известно еще в древнерусском языке (ср. в „Уставе“ XII в.: *капуст* *солана без масла*, где *капуст* означает „кушанье из квашеной, соленой капусты“, и в „Псковской летописи“ под 1477 г.: *Повеze псковитин см огорода капусту*, где *капуст* означает „кочанная капуста“) и в диалектах (ср. *Налей мне капусту*, где *капусты* означает „шей“; *Внешний пир капустой* дают, где *капустой* означает „квашеной капустой“ и т. д.).

Родственники среднелат. *composita* < *composita* *композиция* и *компот* пришли к нам: первое — из латинского языка, а второе — из французского.

Откуда получают имена реки

С севера на юг и с юга на север, сквозь леса и степи, торопливо и медленно текут большие реки и маленькие речушки — голубые дороги земли. Все они имеют свое имя, которое или сразу (ср. *Донец*, *Сосновка*, *Ржавец*, *Невка* и т. д.), или после соответствующего анализа, иногда очень глубокого и тщательного (ср.: *Волга*, *Десна*, *Яуза*, *Луза* и пр.), говорит нам о том, чем когда-то обратила на себя внимание народа та или иная река. Тем самым, так сказать, имя говорит само за себя. Что же кладется говорящими в основу „речных“ наименований и какую структуру они имеют?

Название реки представляет собой, как правило, слово, указывающее на какой-нибудь ее признак: в одном случае характер течения, в другом случае цвет или вкус воды, в третьем — размер, в четвертом — особенность дна, в пятом — местность, где она течет, или береговая растительность и т. д.

Реку Омь, на которой стоит большой промышленный город Омск, называли так за ее плавное и медленное течение (на языке барабинских татар слово *омь* значит „тихая“).

По тому же признаку дали имя и Амуру. Амур окрестили *Амуром*, также имея в виду его спокойное течение (по-монгольски *амур* — „спокойный“). Быстрицу и Топону (правый приток Западной Двины) называли так за их „торопливое“ течение.

За тот же самый беспокойный нрав были названы *Проней*, правые притоки Оки и Сожи (ср. чешск. *ropný* „стремительный, буйный“) и правый приток Днестра *Стрый* (с тем же корнем, что и *стреля* „быстрое течение“ и *стремительный*). Реки *Белая* и *Аксу* в Советском Союзе получили свое имя по цвету воды (по-тюркски *ак* значит „белая“, *а су* — „вода“).

Таких „цветных“ имен у рек очень много. Вспомните хотя бы реки Красную (в Китае и на севере Вьетнама) и Колорадо. Последнее название происходит из испанского языка, где *Rio Colorado* значит „река Красная“. Колорадо была названа так за красноватую от глины размываемых течением каньонов воду.

„Похожее“ наименование имеют частые в европейской части СССР Рудны, получившие имя за красноватый и бурый оттенок воды (от глины или болотных руд), ср. диал. *рудой* „рыжий“.

Характеристику черной реки получила за соответствующий цвет воды река Мста в Новгородской области, впадающая в озеро Ильмень (в западных финно-угорских языках *musta* значит „темная, черная“).

Считают, что молочные реки текут (обязательно в кисельных берегах) только в сказках. Но это неверно. С речкой Молочной мы встречаемся и в Приазовье и в бассейне Днепра. Эти реки получили такое имя за „молочный“, мутноватый цвет воды.

За извилистый характер русла, вероятно, была словом *уж* названа река Уж, на которой стоит город Ужгород.

Как и река Уж, за изогнутость и повороты названы Случью притоки Припяти и Горыни: слово *случь* образовано от прилагательного *случь* "кривой, изогнутый" (того же корня слова *лук* "орудие стрельбы", *излучина*, *лукавый*, *лукоморье* и т. д.).

Река Вязьма получила свое название по другому признаку: ее называли так за вязкое, илестое дно.

С этой точки зрения ее "однопризнаковой" тезкой является также такое название реки, как Миссури (на языке индейцев Северной Америки *миссури* значит "илистая"). Напротив, по каменному дну названы многочисленные Каменики в европейской части СССР. А вот река Кума на Северном Кавказе "позаимствовала" свое название у песчаного дна (по-тюркски *кум* значит "песок"), ср. *Каракумы* "черные пески").

Горьковатый вкус воды (от солончаков) был виновником имени левого притока Дона — Маныч (по-тюркски *манач* означает "горький").

Что же касается Дона (его называют Северским или Северным) и реки Великой, впадающей в Псковское озеро, то они названы так по размеру. Слово *Донец* образовано от имени *Дон* с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-ец*: *Донец* — это маленький *Дон*. Великая — значит большая. Конечно, размер в данном случае определяется не абсолютно, а относительно: *Донец* сравнивался с рекой, в которую он впадает, Великая — с реками, текущими поблизости.

А вот реки Липовка, Ольшанка, Вязовка были так названы по береговой растительности, за липы, ольхи и вязы по их берегам.

Более общее наименование получили маленькая Дрезна, впадающая около Москвы в Клязьму (ср. диал. *дрезда* и *дрезна* "лес"), и одна из самых больших рек мира Конго (в языке банту это слово значит "горы").

Разнообразны, как видим, не только речные истоки, но и языковые источники "речных" имен.

Иногда собственным именем реки становится нарицательное существительное со значением "река" (см. об этом в заметке "О Волге и влаге").

Строение и история речевых названий могут быть самыми различными. Ответ на вопрос, откуда получают имена реки, может, так сказать, лежать на поверхности и быть видным невооруженным глазом. Но иногда, как уже сообщалось, говорящим имя реки становится лишь в результате его этимологического разбора. Так, река Багва получила название по своей "болотистости": *Багва* родственно диал. *базно* "болото" и возникло из старого *Багы* (как *Москва* из *Москы* и т. д.). Топоним *Угра* этимологически может быть истолкован либо как "угристая река", либо как "извилистая, с многими изгибами". Река с именем *Яуза*, содержащим старую уменьшительно-ласкательную приставку *я-* и *уза* "связь" (*Яуза* — буквально "связка"), названы так потому, что связывают одну речку с другой. И т. д.

Всем хорошо известна великая русская река Волга. Если самим не приходилось бывать на ней, то во всяком случае "лично" знакомы с ней по школьному курсу географии и нашим песням. А вот название этой реки для многих, вероятно, загадка. Почему у красавицы Волги такое странное имя, напоминающее по своему звучанию существительное *влага*?

Даже для видных специалистов по гидронимии (т. е. по названиям всевозможных водных бассейнов: морей, рек, озер и т. д.) долгое время название *Волга* было "книгой за семью печатями".

Впрочем, такая участь не у одной Волги. Подавляющее большинство больших рек, названных давно и очень часто еще не русскими, носит точно такие же — с первого взгляда загадочные и непонятные — имена. Ведь, в отличие от больших городов, большие реки своих имен не изменили с древнерусской эпохи. Достоверно известен лишь случай переименования реки Янп, по "высочайшему повелению" Екатерины II после подавления Пугачевского восстания, получившей (по горам, в которых река берет свое начало) название *Урал*.

В настоящее время — несмотря на несколько гипотез, в которых слово *Волга* толкуется по-другому, — можно считать установленным, что название Волги является не заимствованным, а исконно русским, более того — свойственным также и некоторым другим славянским языкам. Об этом свидетельствует и география этого слова, и его фонетическая структура, и, наконец, его "нарицательный первоисточник". Поэтому совершенно напрасно В. А. Никонов (см. его "Краткий топонимический словарь", М., 1966, с. 87) считает, что с толкованием слова *Волга* как исконно русского может и сейчас соперничать объяснение его как заимствования из финских языков (ср. финск. *valkea*, эстонск. *valge* "белый, светлый"); как правильно указывает М. Фасмер, объяснение названия *Волга* из соответствующих финских прилагательных "невозможно фонетически" (Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 337).

Кстати, о невозможности объяснения слова *Волга* как заимствования из финских языков говорит и география этого имени: *Волги* есть не только в России, но и в Польше и Чехословакии, где финские гидронимы такого типа исключены абсолютно. В Чехословакии течет река *Влта* (*Vlha*), относящаяся к бассейну Лабы, в Польше такое название — *Вильга* (*Wilga*) — носит река бассейна Вислы.

Как раз эти тезки нашей Волги и позволяют восстановить древнейшую фонетическую структуру разбираемого гидронима. В праславянскую эпоху это слово звучало как **Vylga*, принадлежа к образованиям с сочетанием "редуцированный плюс плавный" между согласными типа *волна* (ср. чешск. *vlna*, польск.

welna), *волак* (ср. чешск. vlk, польск. wilk), *доле* „обязанность“ (ср. чешск. dluh), *болтать* (ср. польск. beltać) и т. д.

Форма **Volga* изменилась в форму *Волга* в связи с тем, что перед отвердевшим *л* *ь* изменился сначала в *ъ*, а затем после падения редуцированных выясился (перед плавным между согласными *в* и *г*) в гласный полного образования *о*. Какой же признак был положен славянами в основу названия *Волга*? Почему *Волга* была названа именно так, а не как-либо иначе? Об этом без утайки говорит „нарицательный первоисточник“ слова *Волга* — исчезнувшее прилагательное **volga* „влажная, мокрая“ (ср. польск. wilgósć „влажность“), с одной стороны, отложившееся в глаголе *волгнуть* „становиться влажным“, прилагательное *волгий*, а с другой — близкородственное (поскольку имеет ту же основу, но с перегласовкой *о/ь*) существительному *влага*, или — слово *влага* заимствовано из старославянского языка — древнерусскому *волога* „жидкость, вода“.

Как видим, звуковое сходство слов *Волга* и *влага* не является случайным: это слова одного и того же корня. *Волга* названа (кстати, „несомненно, в верхнем течении“ — Николнов В. А. Краткий топонимический словарь, с. 87, где вода ее не отличается „близкой и светлостью“, что также противоречит финской гипотезе) так потому, что она река, т. е. поток, текущая вода, влага.

Заметим, что процесс превращения нарицательного существительного со значением „влага, вода; текущая вода, река“ в собственное имя представляет собой широко распространенное явление, для гидронимии очень характерное. В качестве примеров можно привести хотя бы слова *Москва* (из старого *Москы*, род. пад. *Москве*, родственного словам *промогзлый*, диалектному *изга* „мокрый снег с дождем“ и т. д.; сложное наименование *Москва-река* закрепилось за рекой после того, как исходное стало именем города), *Дон* (ср. древнеинд. *дану* „сочающаяся жидкость“, осетинск. *дон* „вода, река“), *Охота* (по которой названо *Охотское море*; из тунгусо-маньчжурск. *Оката*, буквально „вода, река“), *Обь* (из иранск. аб. „вода, река“), *Парана* (от индийск. *пара* „вода, река“), *Нигер* (из туарегск. *н'гизрен* „текущая вода, река“), *Юг* (из финск. *йоки* „река, вода“), правый приток днепровской Десны *Снов* (из **snov* = „текущая вода“, ср. древнеинд. *снаутти* „течь“) и др. Отмеченные факты — еще один (правда, косвенный) аргумент, свидетельствующий о „кровном“ родстве слов *Волга* и *влага*.

Как называются города

В заметке „Откуда получают имена реки“ было сказано о том, как возникают наименования рек, почему и когда их окрестили именно так, а не иначе. А как называются города? Что принимается во внимание, когда дается наименование тому или иному городу?

Многие города называются у нас по имени той реки, на которой они находятся.

Так, город Москва, стоящий, как известно, на реке Москве, „присвоил“ себе ее имя. Имя *Москва* настолько тесно связалось с городом, что одноименную реку сейчас называют не иначе, как употребляя рядом с собственным именем *Москва* нарицательное существительное *река*. *Москва-река* сейчас является единым словом, подобно словам *плащ-палатка* или *платье-костюм*. Это новое имя для реки Москвы возникло в связи с тем, что старое слово восприниматься только как имя города.

Как город, получивший свое имя по реке, на которой он расположен, может быть указан Тирасполь. Правда, река, на которой он расположен, называется *Днестр*, но дело в том, что при наименовании этого города (он был основан в 1792 г.) было использовано не современное исконно русское название реки *Днестр*, а имя, которым в свое время называли его древние греки, — *Тирас* (Tyras). Давая имя новому городу, наши предки к слову *Тирас* прибавили по образцу названия *Севастополь* корень *-поль* (polis), что по-древнегречески значит „город“. Таким образом появился Тирасполь, буквально — „город на Днестре“.

От реки Витьбы, притока Западной Двины, получил свое имя город Витебск. Определенно говорит своим именем о местоположении на реке Сестре город Сестрорецк.

Ну, а Великий Устюг? Этот город назван так потому, что он стоит на реке Сухоне неподалеку от устья реки Юг, впадающей в Сухону.

Почему так часто использовались для обозначения городов имена рек? Это вполне понятно, ведь многие города возникали и, как правило, возникают на реках.

Конечно, местоположение города в момент его основания может быть и иным. Города могли возникать по берегам озер и морей, в таких случаях они получали имена, соответственно, по названию озера или моря: *Белозерск*, *Балтийск*, *Каспийск* и т. д.

Города появлялись в лесных дебрях (отсюда, например, название *Брянск* из более старого *Дьбрянск*), в долинах (например, город в Станиславской области Украинской ССР *Долина*), по соседству с минеральными источниками (например, *Серноводск*, *Железноводск*) и т. д.

Но чаще всего города появлялись все же на реках. Вот поэтому-то многие названия городов переключаются (если не совпадают полностью) с именами рек.

„Речные“ в своей основе имена городов по строению и образованию могут быть различными. Однако можно наметить здесь две большие и продуктивные однотипные группы.

Одну группу составляют такие названия городов, которые являются как бы эхом имени реки. Слова типа *Нарва*, *Вологда*, *Пярну*, *Луга*, *Ишим*, *Онега*, *Дрисса*, *Жиздра*, *Хатанга*, *Печора* и т. д. — это названия городов, но они в точности повторяют имена рек.

Значительно интенсивнее растет и обогащается новыми образованиями другая группа, в которую входят слова с суффиксом *-ск*.

Корень в таких словах указывает на реку, около которой стоит город. Что касается суффикса, то он как бы сигнализирует нам, что слово является названием города. Действительно, ни в каких других существительных, кроме имен городов, этот суффикс не встречается. В эту группу входят названия городов Иркутск, Тобольск, Томск, Омск, Пинск, Орск, Ейск, Виллюйс, Енисейск, Задонск, Приволжск и многие другие.

С «речными» названиями городов по количеству и продуктивности можно сравнить лишь такие названия, которые появились на основе фамилий. По своей структуре они, как и «речные» названия городов, различны.

Если спросить о Пушкине, Горьком, Кирове, Фрунзе, Бабушкине, то будет неясно, о чем идет речь. Ведь слово *Пушкин* — это и фамилия нашего великого поэта, и название города в Ленинградской области; слово *Горький* — это и фамилия основоположника социалистического реализма, и название областного центра на Волге; слово *Киров* — это и фамилия выдающегося деятеля нашей партии, и название областного города, ранее носившего «речное» имя — *Вятка*, и т. д.

«Одно и то же» слово обозначает и лицо, и город. Однако слова «одно и то же» в предыдущей фразе взяты нами в кавычки. Это сделано не случайно. Несмотря на родство (город назван в честь лица) и одинаковое написание и звучание, это два разных слова, два омонима, вроде слов *мир* «вселенная» и *мир* «противоположное войне». О том, что это разные слова (если они склоняются) говорит, в частности, и их склонение. В творительном падеже будет, например: с юным *Пушкиным*, но под городом *Пушкином*.

Как фамилии стали использоваться для названий городов? Почему они свободно употребляются как имена городов? Для того чтобы понять это, вспомним, как появилось название *Ярославль* и что представляют собой по происхождению русские фамилии.

Слово *Ярославль* является перешедшим в существительное притяжательным прилагательным, образованным от имени *Ярослав* с помощью суффикса *-л* (*-л* дало *-аль*, ср. *ловить* — *ловаль*).

Название города *Ярославль* возникло из словосочетания *Ярославль городъ* «город Ярослава». Этот населенный пункт был основан киевским великим князем Ярославом.

Притяжательными прилагательными первоначально были также и такие слова, как *Киев* (первоначально *Киевъ городъ*, т. е. «город Кия»), *Алексин*¹ (первоначально *Алексинъ городъ*,

т. е. «город Алексы», *Алекса* — сокращение имени *Александр*) и т. п.

Слов, подобных словам *Киев*, *Алексин*, значительно больше, чем названий типа *Ярославль* (ср. *Лихославль*, *Переяславль*, *Путыль*¹ и некоторые другие). И это понятно.

Притяжательные прилагательные чаще всего образовывались при помощи суффиксов *-ин* и *-ов*. Такими же притяжательными прилагательными являются по происхождению и русские фамилии типа *Петров*, *Гаврилин* и др. Только они возникли не из сочетания притяжательного прилагательного со словом *город*, как названия городов, а из сочетания притяжательного прилагательного со словом *сын*. Ведь современные фамилии — это прежние отчества: *Петров* появилось из *Петров сын*, *Гаврилин* — из *Гаврилин сын* и т. д. Это общее происхождение и структура фамилий и городских названий типа *Киев*, *Алексин* и явились предпосылкой для употребления фамилий как названий городов.

Среди них в новое время появились и такие, которые в своем составе суффиксов *-ов*, *-ин* не содержат (например, *Фрунзе*, *Жуковский* и др.). Однако подавляющее большинство «фамильных» имен городов оканчивается на *-ов* и *-ин*. Именно поэтому в народной речи некоторые имена городов, звучавшие ранее по-другому, начинают звучать как слова на *-ов* и *-ин*. В этом сказывается влияние внешней формы основного типа. Мы, например, напрасно будем искать в названии *Саратов* слово, от которого было образовано это на первый взгляд «притяжательное прилагательное». Почему? Да потому, что такого прилагательного никогда не было. Конечное *-ов* в слове *Саратов* появилось по аналогии с *Дмитров*, *Киев* и т. п. На самом деле слово *Саратов* является заимствованным из тюркских языков и звучало раньше как *Сарытау* (*сары* «желтый», *тау* «гора»).

С названиями городов, точно соответствующими фамилиям, конкурируют другие. Это такие слова, в строении которых есть указание на их значение, именно на то, что они являются именем города.

Одну группу составляют слова с суффиксом *-ск*: *Ульяновск*, *Дзержинск*, *Кировск*, *Хабаровск*, *Пржевальск*, *Мищиринск*, *Ворошиловск* и т. д. Как и в «речных» названиях городов, этот суффикс указывает здесь на город.

Другую группу образуют слова, отличающиеся от фамилий наличием в их составе конечного *-о* (по происхождению окончания им. пад. ед. числа притяжательного прилагательного ср. рода). Правда, среди названий городов их меньше, нежели среди названий мелких населенных пунктов (сел, деревень, поселков

¹ Форма *Путыль* передает более старую *Путимль* (ср. диал. *мнук* вместо *анек*), возникшую из словосочетания *Путимль городъ* «город Путима». Имя *Путим* является не полным, а инициальным, уменьшительно-ласкательным, производным из *Путимир* < *Путимъ*.

¹ Город в Тульской области на реке Оке.

и т. д.). Такого рода модель возникла на базе сочетания притяжательного прилагательного со словом *село*. Например, название *Борисово* возникло на основе словосочетания *Борисово село*, т. е. «село Бориса».

Села впоследствии вырастали в города, но названия оставались прежними: *Сасово*, *Ртищево*, *Синельниково* и т. д. Сейчас имена городов такого рода образуются от соответствующей фамилии сразу, с помощью прибавления к ней *-о*. Такого происхождения имена городов *Кирово*, *Пушкино* (Московской обл.), *Решно* (Ленинградской обл.) и т. д.

Третью группу образуют сложные слова, второй частью которых является *град* «город». Это *Ленинград*, *Калининград*, *Ворошиловград* и др. Примыкают сюда также старое название Ленинграда *Петроград* и древнерусское название Константинополя (ныне Стамбула) *Царьград*.

Первой частью таких имен является существительное, которое соединяется со словом *град* непосредственно, без помощи соединительной гласной. Однако есть и исключения. Так, на Украине существует областной город, который называется Кировоградом, в Харьковской обл. УССР находится Красноград. Наблюдаются и еще более интересные явления. После Великой Отечественной войны в Калининградской области появился Зеленоградск. Так был назван город, ранее имевший имя *Кранц*. В названии *Зеленоградск* значение города выражено дважды: во-первых, корнем *-град*, во-вторых, суффиксом *-ск*. Ср. город-спутник Москвы — *Зеленоград*.

Рядом с именами, имеющими старославянский корень *-град*, стоят имена, вторая часть которых является исконно русской и звучит, как *-город*. Это *Новгород*, *Миргород*, *Ужгород*, *Белгород*, *Ивангород* (в Ленинградской обл.), *Славгород* (в Могилевской обл. БССР).

Сложные имена, вторая часть которых является корнем со значением «город», наблюдаются не только в географических названиях славянского происхождения, какими являются, например, *Асеновград* в Болгарии, *Белград* в Югославии и т. д. Они имеются и в таких топонимических названиях, которые по происхождению являются неславянскими. Город по-немецки *-бург* и *-штадт*. В качестве составных частей эти слова мы встречаем в именах *Карл-Маркс-Штадт*, *Гамбург*, *Марбург*, *Зальцбург* и т. д. В английском языке средни нашему слову *город* по значению корни *таун*, *сити*, *полис* и *вилл*. Отсюда названия *Джоржтаун* (Малайя), *Атлантический-Сити* (США), *Канзас-Сити* (США), *Индианаполис* (США), *Флорианополис* (Бразилия), *Джэксонвилл* (США) и т. д.

В среднеазиатских республиках СССР имеется ряд городов, оканчивающихся на *-абад*. Например, *Ашхабад*, *Ленинабад*. Корень *-абад*, выступающий в этих словах в качестве второй части сложения, имеет тоже значение «город».

Таковыми же по своей «анатомии» являются и названия городов *Даугавпилс* (по-латышски *пилс* «город», буквально — «город на Даугаве», т. е. на Западной Двине, ср. старое *Двинск*), *Дунайварош* (по-венгерски *варош* «город», буквально «город на Дунае»), *Ташкент* (по-ирански *кент* «город, селение», буквально — «каменный город», от тюркск. *таш* «камень»), *Тимишоара* (по-румынски *оара* «город», буквально — «город на реке Тимш») и т. д.

Наконец, родственными указанным сложным именам являются слова с *-поль* (греч. *polis* значит «город»). На территории СССР к ним, например, относятся *Севастополь*, *Симферополь*, *Никополь*, *Ставрополь*, *Кастрополь*, *Мариуполь* (ныне *Жданов*), а также *Тирасполь*¹.

Но близость русских и иноязычных сложных названий городов может быть еще большей. Семантически одними и теми же оказываются не только вторые части, но и первые.

Вот, например, *Неаполь* в Италии. Перевод частей, из которых состоит это название, показывает, что его называли так по той же причине, что и наш Новгород. Это, так сказать, итальянский «Новгород»: по-гречески *polis* — «город», а *neos*, *nea* — «новый, новая». Слово *polis* в греческом языке женского рода, поэтому в названии города ему предшествует «определение» в форме женского рода *nea*. Напомним, что интересующий нас город был основан древними греками.

Точным переводом слова *Петербург*, его двойниками (но не с немецкой, а с греческой и старославянской второй частью) являются слова *Петрополь* и *Петроград*.

Но вернемся к обзору продуктивных моделей, по которым образуются названия городов в нашем языке.

Очень многие «городские» имена представляют собой сложные слова со второй частью, звучащей как *-горск*: *Нефтегорск*, *Пятигорск*, *Зеленогорск*, *Магнитогорск*, *Ленингорск*, *Угледгорск*, *Белогорск* и др. Большинство этих названий также связано с разнообразными группами сложных имен городов (на *-град* и *-город*) и выступают сейчас как слова, возникшие на базе словосочетаний, включающих *гор* и *град*. Так, *Ленингорск* — это город Ленина, *-горск* равнозначно в нем части *-град*, *-поль*, *-бург* и т. п. в именах *Ленинград*, *Мелитополь*, *Питтсбург* и др.

Однако среди этих названий есть и такие, в которых часть *-горск* обозначает иное. *Пятигорск* — город около Бештау, состоящего из пяти гор; *Магнитогорск* — город около горы Магнитной. Часть *-горск* в этих словах складывается из основы *-гор(а)* и суффикса *-ск*.

¹ С ними нельзя смешивать слова с *-поль*, в которых основа *-поль* является исконно русской и связана со словом *поле*. Таковы, например, названия *Чистое поле* (город в Татарской АССР) и *Златополь* (город в Кировоградской обл. Украинской ССР), возникшие на основе словосочетаний *чистое поле* и *златое поле*.

Именно такого рода слова послужили образцом для возникновения слов типа *Лениногорск*. Опорная основа *-горск* перестала связываться с породившим его словом *гора* и отождествлялась с частью *гор-* в слове *город*. Следовательно, при определении образного характера и структуры слов на *-горск* надо быть осторожным.

Одни слова на *-горск* представляют собой «горные» названия городов (ср. *Дивногорск*, *Змеиногорск*, *Медногорск*, *Медвежье-Горск*, *Железногорск* — старое название Кировска, *Хибиногорск*, *Бокситогорск*, *Белогорск*, *Высокогорск* и т. д.). В других морфема *-горск* равна морфеме *-град* или *-город* (это мы видим, например, в топонимах *Светогорск*, *Электрогорск*, *Углегорск*, *Нефтегорск*, *Зеленогорск*, *Красногорск*, *Мончегорск* — буквально «город на Мончагубе» и др.).

В последнее время продуктивной моделью городских названий стали «прилагательные» имена городов. Это слова типа *Грозный*, *Верный*, в XIX в. бывшие единичными. Сейчас такие топонимы (исходно в виде качественных и относительных прилагательных мужского рода) появляются очень часто: *Мирный*, *Изобильный*, *Волжский*, *Октябрьский*, *Отрадный*, *Заозерный*, *Долгопрудный*, *Железнодорожный*, *Горячевоодский*, *Звездный* и т. д.

Таковы наиболее яркие и многочисленные группы городских имен. Кроме них, есть и такие, которые регулярными не являются и состоят из отдельных изолированных слов. Таковы, например, *Краснодар*, *Владивосток*, *Владикавказ* (ныне *Орджоникидзе*), *Усть-Кут*, *Усть-Урень*, *Орехово-Зуево*, *Кирово-Чепецк* и некоторые другие.

Более того, многие города, подобно большинству крупных рек, имеют весьма своеобразные имена, не похожие на другие ни происхождением, ни строением. В отличие от рассмотренных выше имен, в своей массе сравнительно новых, это названия, возникшие очень давно. Приведем два примера.

В Калининской области есть город Бологое, недалеко от Москвы находится город Бронницы. Почему они так названы? Какие имена образованы так же?

Бологое — это древнерусское прилагательное того же значения, что и слово *хорошее*. Сейчас как прилагательное в русском литературном языке оно не употребляется, вместо него бытует старославянская форма *благое* (ср. *благая мысль*, *благый совет* и т. д.). *Бологое* (первоначально это было село) названо по качеству и значит «хорошее». Так же названы, например, города Золотое (Воросилевградской обл. УССР), Болотное (Новосибирской обл.), Раменское (Московской обл.; *раменское* — буквально «лесное»).

Совершенно другой признак был положен в основу названия *Бронницы*. Это село, ставшее с течением времени городом, было названо так по основному занятию его жителей. Здесь раньше жили бронники, изготавливавшие броню. Такого же типа

имена *Вязники* (Владимирской обл.) и *Чашники* (в Белорусской ССР). Слово *Бронницы* отличается от них лишь тем, что оно сохранило старую форму им. пад. мн. числа со звуком *ч* на месте звука *к*.

Такие городские имена требуют особого, индивидуального подхода, и рассказать их биографию можно только тогда, когда мы призовем на помощь этимологию, историю и географию. О некоторых интересных и забавных названиях городов будет далее рассказано отдельно.

О городке *Городке*

В Витебской области БССР один из небольших городов носит название *Городок*. Не правда ли, забавное и интересное имя, сразу говорящее нам и о городском характере населенного пункта, и о его небольшом размере? Как видим, и здесь, подобно наименованиям рек (ср. *Эбро* в Испании — из баскск. *эрб* «река», правый приток Енисея *Кан* — из тунгусо-маньчжурск. *кан* «река» и т. д.), нарицательное существительное могло прямо и непосредственно переходить в собственное, и название города вообще становится именем какого-либо одного города. Только в наименование города здесь превращается не современное существительное *город* со значением «крупный населенный пункт, являющийся административным, торговым и промышленным центром», а слово *город* в своем старом, исходном значении «укрепление, крепость < огороженное место > забор», близкородственное словам *городить* и *ограживать*, *ограда* и т. д.

Таким образом, выражение *городок Городок* только с точки зрения нашего языкового сознания выступает как полный повтор. По своему происхождению нарицательное *городок*, давшее топоним *Городок*, значит не «маленький город», а «небольшое огороженное поселение, укрепление».

Действительно, в Городке на правом берегу реки Горюжанка и поныне сохранились остатки земляного вала.

Сходное с тем, что мы отметили по поводу названия *Городок*, наблюдается в биографии имени небольшого города Горьковской обл. РСФСР — *Городец*.

Хотя В. А. Никонов в «Кратком топонимическом словаре» (с. 108) пишет, что нарицательное *городец* буквально значит «маленький город», это не так. И здесь собственное «городское» имя восходит к существительному *городец* в значении «маленькая крепость, укрепление». Об этом правильно писал еще В. Даль: «*Городец* м. городок, крепостца, укрепленное тыном местечко, селение; в Ниж. губ. (т. е. в Нижегородской губернии. — Н. Ш.) есть большое село Городец, с остатками земляных укреплений» (Даль В. Толковый словарь..., т. 1, с. 381).

Топонимами *Городок*, *Городец* и *Городище* (*Городищи*) городские имена «крепостного» характера не ограничиваются. В это

же ряд входит и название города *Острог* (в Ровенской обл. УССР). Оно также родилось из нарицательного *острог*, имевшего в древнерусском языке значение „огороженное место, укрепление, крепость“, а также и еще более древнее „часть окола, ограда из заостренных сверху кольев“.

Разница между городком (или городищем) и острогом заключалась, таким образом, в том, что последний делался наскоро и обносился оградой из бревен, а первый требовал времени и рубился стенами, с углами, башнями и бойницами.

В новое время слово *острог* сузило свою семантику и стало обозначать „тюрьма“.

Естественно, что подобные городские названия наблюдаются и в других языках. Достаточно указать хотя бы на испанский город Бургос, имя которого восходит к вестготскому слову *burg* „замок, крепость“.

Болград и Гранвиль — маленькие большие города

Эти разные по географической семантике и происхождению городские названия являются, вероятно, не только однородными членами предложения в заглавии заметки. Они скорее всего однородны и по своей образной структуре. А это с полным правом позволяет охарактеризовать их как особые топонимические тески, в своем морфемном составе (правда, средствами разных языков) повторяющих друг друга.

Нам уже приходилось говорить об этом явлении в заметке „Как называются города“, касаясь *Новгорода* и *Неаполя*. К их числу относятся и указанные там *Славгород* (бывший Пропойск Могилевской обл. БССР, названный городом Славы в знак победы над гитлеровской Германией), и киргизский *Джала-Абад* (сложение арабск. *джала* „слава“ и *абад* „город“).

Таковыми же по имени зеркально похожими друг на друга являются и маленькие „большие города“, вынесенные в заголовок данной заметки.

Несмотря на свой небольшой размер, города Болград в Одесской обл. УССР и Гранвиль во Франции оба по своим названиям большие.

Болград был основан и назван болгарями, бежавшими на Украину от турецкого гнета. Название сложили (по образцу топонимов типа *Царьград*) из болгарских слов *бол* „большой“ (ср. русск. *более*) и *град* „город“. Франц. *Гранвиль* также является двухсоставным и образовано сложением слов *grand* „большой“ и *ville* „город“.

„Большие“ уже при рождении города не оправдали своих имен и остались маленькими, но в этом они, правда, не были виноваты: так решила история.

Впрочем, только что рассказанное отражает лишь одну из существующих этимологических точек зрения на городское имя

Болград. Так оно толкуется в „Кратком топонимическом словаре“ В. А. Никонова со ссылкой на Б. Г. Унбегуна (Revue des études slaves. Paris, t. 16, p. 74) и авторов работы „Български етимологичен речник“ (св. I, с. 68). Существует и иная точка зрения на происхождение слова *Болград*, по которой это — не „большой город“, а „болгарский город“. В таком случае считают, что слово *Болград* возникло в результате гаплогонии из *Болгарград* (т. е. „град болгар“). Если принимать эту точку зрения (а она в словообразовательном отношении очень уязвима), то *Болград* и *Гранвиль* тезками уже являться не будут.

Почему в слове *Солигорск* пишется буква и

Городские имена на *-горск* в настоящее время возникают постоянно. Это одна из продуктивных моделей, по которым сейчас образуются названия городов. Недавним топонимом является и слово *Солигорск*, которым был назван в 1963 г. город в Белоруссии. Это имя город получил вполне заслуженно, так как он возник около разработок калийных солей, бывших первым горнодобывающим предприятием в БССР. Поэтому вполне закономерно появление в его имени в качестве первой основы корня *соля-*. *Солигорск* — это „город соли“, „соляной город“. Странным кажется в этом названии только *-и-* между первой и второй основами. Ведь все слова на *-горск* являются сложными словами с соединительной гласной *о* или *е*. Если первая основа сложения оканчивается на твердый согласный, появляется соединительный *о* (ср. *Ленингогорск*, *Светогорск*, *Зеленогорск* и др.). Если же первая основа сложения оканчивается на мягкий согласный, то ее с морфемой *-горск* соединит уже *е* (ср. *Нефтьегорск*, *Мончегорск* и т. д.). Это железный словообразовательный закон, который действует так же неотвратимо и в нарицательных существительных. Почему же в слове *Солигорск* не *е*, как мы ожидали бы по правилу, а *и*? Может быть, это словообразовательная или орфографическая ошибка? Не то и не другое. *Солигорск* вместо, как нам кажется, единственно правильного *Солегорск* появилось потому, что здесь скрестились два разных словообразовательных разряда. С одной стороны, слова на *-горск*, а с другой стороны, старые „соляные“ имена городов типа *Солигалич* и *Соликамск*. Вот в результате этой словообразовательной „прививки“ и появился такой топонимический гибрид, как наше *Солигорск*.

Что же касается слов *Солигалич* и *Соликамск*, то и там является исконным, так как они возникли в результате аббревиации (сокращения) более старых имен фразеологического характера *Соли Галичские* и *Соли Камские*. Таким образом, на первый взгляд совершенно неверное *Солигорск* оказывается в какой-то мере оправданным словообразовательной аналогией, хотя и противоречит ведущей модели на *-горск*.

В заключение одно популярное замечание. В образном отношении славянское *Солигорск* не одиноко. Вспомните хотя бы австрийский город *Зальцбург* (Salz „соль“, Burg „город“), тоже „город соли“.

Владимир и Познань

Объединение этих двух городских имен на первый взгляд может показаться совершенно неосновательным. Ведь если название русского города точно переключается с личным мужским именем, то в польском *Познань* ничего подобного нет. Да и в фонетическом отношении они совершенно непохожи даже характером конечного согласного основы. В первом конечный согласный твердый, во втором — мягкий. И тем не менее в этих словах есть нечто общее. Что именно? Одинаковым являются для названий этих городов их происхождение из притяжательных прилагательных. Топоним *Владимир* звучал ранее иначе и не совпадал с соответствующим мужским именем. Он произносился с мягким *p* на конце: *Владимирь*. Как название города *Владимир* возникло из оборота *Владимирь город* „город Владимира“ в результате выпадения грамматически опорного слова (так же возникло слово *Ярославль* и прочие городские имена этого типа). Притяжательное *Владимирь* является производным от *Владими-р* с помощью старого суффикса *-j-*; *pj* дало мягкое *p'*, так же как *-vj-* дало *-аль*. Город был назван по имени основавшего его киевского князя Владимира Мономаха.

Таким же старым притяжательным прилагательным от исчезнувшего славянского личного имени *Познань* является слово *Познань* < *Rozpnaŋ gród* „город Познана“. Кстати, именно тем, что *Познань* было первоначально определением к существительному *gród* „город“, и объясняется принадлежность его в польском языке к словам мужского рода. Женский род этого топонима в русском языке объясняется тем, что он был воспринят как слово, аналогичное многочисленному разряду топонимических наименований на *-ань* типа *Рязань*, *Тамань*, *Казань*, *Умань* и др.

ПО СЛЕДАМ МЕЖДОМЕТИЙ

Что такое междометие

Без междометий наш разговорный язык просто нельзя себе представить.

Разные по своему значению и стилистическим свойствам, междометия, пожалуй, являются самыми оригинальными словами языка. Обращает внимание уже их синтаксическая особенность. Ведь это слова, которые в качестве рядовых членов предложения не выступают. В составе предложения они оказываются

изолированными словами-одиночками, островками непосредственного чувства и воли, как бы брошенными между словами, передающими мысли и образующими определенные словосочетания и фразы. Кстати, именно этим объясняется и их общее наименование — *междометие*, которое точно калькирует латинское interjectio (inter = *между*, ср. интернациональный; ject = *мет-*, *брос-*, *кид-*; -io = *-ие*, ср. инъекция с in „в“).

Но еще более примечательны и своеобразны междометия по своему происхождению. Многие из них являются первообразными и представляют собой вербализованные (т. е. превращенные в слова) рефлекторные звуки и инстинктивные выкрики. Таковы *Ай*, *Ой*, *Ух!*, *Фуй*, *Ба!* и др. Некоторые появились позже, уже на основе междометий (к ним, например, относятся слова типа *Ого!* < *О!* < *О!* с интервокальным *g*; *Ау!* < *А!* < *У!* и т. д.). Однако занятней всего по своей родословной третья группа междометий, куда входят такие образования, которые вначале междометиями не были и попали в большую и пеструю междометную семью из других частей речи. Происхождение некоторых таких междометных „прислещев“, наиболее известных и употребительных, далее в краткой форме и сообщается. Из междометий двух первых групп взяты лишь наиболее интересные.

Адю, прощай и до свиданья

По прихоти языка наш этимологический обзор междометий приходится начинать словами, которые „по правилу“ должны бы его заканчивать. *Адю* — это грубовато-фамильярный синоним нейтральных *прощай* и *до свиданья*. Его иноязычное (а именно — французское) происхождение ясно чувствуется уже в звуковом облике. К нам оно пришло в XIX в. В языке-источнике *adieu* появилось на два столетия раньше — в результате слияния в одно слово предлога *à* и существительного *dieu* „бог“. Так что по своему образу французское *adieu* подобно русскому междометию с *богом* „прощай, до свиданья“, сейчас уже устаревшему, но пожилым еще хорошо известному.

Совершенно иными по своему происхождению являются нейтральные синонимы *адю* — *до свиданья* и *прощай*.

Междометие *до свиданья* — сочетание предлога *до* с родительным падежом существительного *свиданье* — имеет точные однообразные параллели в других языках (например, польск. *Do widzenia!* — ср. *widzieć* „видеть“, нем. *Aufwiedersehen!* — ср. *wieder* „вновь“, *sehen* „видеть“, румынск. *la revedere* — ср. *re* „снова“, *vedere* „видеть“ и т. п.). В нем, как и в его иноязычных „двойниках“, в основу положено пожелание увидиться, свидеться вновь.

Совсем иное по своему внутреннему стержню и исходной структуре слово *прощай*: это ставшая междометием повелительная форма глагола *прощать*, имеющая „извинительное“ зна-

чение. Первоначально *прощай* значило „прости (если что не так)“. Эта семантика ярко чувствуется еще у слова *прощай* в фразеологическом обороте *Прощай, не поминай лихом*. Кстати, в русском языке XIX в., кроме *прощай*, в этом же значении употреблялось и междометие *прости*, являющееся императивом от глагола — уже совершенного вида — *простить* (последний, между прочим, образован от прилагательного *простой* в значении „свободный“, ср. *опростать*).

Так, у А. С. Пушкина в романе „Евгений Онегин“ читаем: *Кто б ни был ты, о мой читатель, Друг, недруг, я хочу с тобой Рассстаться нынче как приятель. Прости (прости = прощай)*. Синонимичные в обыденной речи, *до свиданья* и *прощай* поэтами используются иногда как антонимы (ср. у П. Антокольского в стихотворении, посвященном памяти А. Фадеева: *Никогда не прощай, навсегда до свиданья, Милый друг, дорогой человек*).

Заметим, что антонимическими по своему значению могут быть (даже в общем употреблении) и слова, имеющие один и тот же образный стержень. Так, *Будь здоров!* значит „прощай, до свиданья“, а *Здорово! Здравствуй!* является междометием приветствия, хотя этимологически оба выражают одно и то же — пожелание быть здоровым.

Между прочим, это наблюдается не только в русском языке. Латинское *vale* (от *valere* „здравствовать, быть здоровым“) значит „до свиданья, всего хорошего“: вспомните Евгения Онегина, который *знал довольно по-латыни*; вспомните Евгения Онегина, который *знал довольно по-латыни*, *Чтоб эпиграфы разбирать, Потолковать об Ювенале, В конце письма поставит vale, Да помни, хоть не без греха, Из Энеиды два стиха*. Что же касается лат. *salve*, то оно уже равнозначно словам *Здравствуй! Привет!*, хотя и оно является производным от глагола, имеющего семантику „быть здоровым“, — *salvere*.

Такое развитие противоположных значений у слов одного и того же корня или имеющих одинаковый образный стержень — явление нередкое (ср. диал. *погода* „ведро“, откуда — *распогодилось, погожий денек*, и диалектное же *погода* в значении „непогода“, *бесценный* „очень дорогой“, „неоценимый“ и *бесценный* „малоценный“, откуда — *за бесценюк*; *урод* и польск. *ugoda* „красота“ и т. д.).

Айда и гайдамаки

Вас не удивляет, что эти слова стоят рядом? Ведь выражают они совершенно разное. И все же их созвучие (фонетический комплекс *айда* целиком повторяется в существительном *гайдамак*) не случайно: это слова одного и того же корня.

Слово *айда* пришло к нам из татарского языка, где оно является формой повелительного наклонения („иди, ну“) от глагола *айдамак* „погонять, гонять скотину на пастбище“. Как можно

видеть, первоначально это междометие применялось при „обращении“ к скоту (ср. аналогичное по исходной сфере употребления — сначала лишь к лошадям — слово *ну*).

Что касается слова *гайдамак*, то оно попало в нашу речь из украинского языка, в котором появилось из родственного татарскому языку турецкого (чем и объясняется начальное *г*). В последнем у слова *гайдамак* значение „разбойник, грабитель“ развилось из значения „погонщик скота“. Так что слово *айда* чаще всего вначале было в ходу у гайдамаков.

Алло, слушаю, у телефона

Это междометие является одним из недавних и появилось в языке вместе с телефоном. А. И. Германович в книге „Междометия русского языка“ (Киев, 1966, с. 39) отождествляет его с морским *алло*, заимствованным из английского языка, однако это неверно. *Алло*, которое представляет собой морской призыв к переговорам (с одного судна на другое), восходит к англ. *hallo* „здравствуй“, иногда употребляющемуся в виде *хэлло* и у нас. Совсем иного рода „телефонное“ *алло*. Во-первых, оно пришло в русский язык в конце XIX в. из французского. Во-вторых, оно является одним из немногих в речи искусственных новообразований. Подобно тому как слово *аз* было создано Я. Б. ван Гельмонта на основе греческого *хаос*, французское *allob* (с 1878—1880 гг.) было образовано Ш. Бивором от слова *allons* „пу“.

Так как *allons* „пу“ восходит к *allons* „Идем! Пошли!“ (это форма 1-го лица мн. числа от *aller* „идти“), то по своей исходной образной структуре *алло*, как видим, оказывается похожим на своего алфавитного предшественника — *айда*.

Амба и баста

Эти междометия объединены не только одним и тем же значением как синонимами слов *хватит, довольно, достаточно, полно* и т. д. Они пришли к нам из одного источника — из итальянского языка, и, более того, оба являются по своему происхождению игровыми терминами, укрепившимися в литературной речи в XIX в.

Слово *амба* — это лотерейный термин, которым обозначался выход в лотерее двух номеров сразу. Наше *амба* передает итал. *ambo* — т.ж., восходящее к лат. *ambo* „оба“ (которое, заметим, является родственным своему русскому эквиваленту — *оба*).

Что касается междометия *баста*, то оно является термином карточной игры. Итал. *basta* „хватит, довольно“ аналогично нашему *полно* (от *полный*): оно является производным от глагола *bastare* „быть достаточным, хватать“, в свою очередь образованном от прилагательного *basto* „полный“.

Обратите внимание на тот же признак (достаточность), кото-

рый был положен в основу также и других русских синонимов слова *баста* — достаточно, хватит и довольно (от *довольно*), которое является производным от *дово́л < дова́ль* „достаток, обилие, имущество“, отсюда же и *довлеть*).

От междометия *баста* в русском языке было образовано *бастовать* (первоначально „кончать, переставать играть“), от префиксального производного которого — *забастовать* — во второй половине XIX в. появилось существительное *забастовка*.

Ась

Коротенькое, в один слог, междометие отклика (оно равнозначно слову *что? как?*) на самом деле составное и образовалось из двух слов. Оно родилось в результате сращения в одно слово союза *а* и указательного местоимения *се* „это, вот“. Первоначально (*а* в памятниках оно отмечается с XVII в.) это междометие имело значение „а вот я, здесь я“ и звучало как *асе*. Потом конечное безударное *е* отпало, так же как *о* в *тамо* (ср. *камо* „куда“, *се́мо и ова́мо* „сюда и туда“), *у* в *нету* (см. ниже), и в *буди* (сейчас *будь*) и т. д.

Раньше ученые объясняли происхождение этого слова по-другому, считая его то видоизменением старославянского *азъ* „я“, то сокращением *а с(удар)*ъ? Однако эти толкования принадлежат к области лингвистической фантастики, которой, между прочим, в этимологии немало и сейчас. Кстати, последнее слово предыдущей фразы (*сейчас*) своей первой частью роднится со второй частью нашего *ась*. Разница здесь лишь в роде и форме: *се* „это“ в *ась* является краткой формой среднего рода, а *сей* „этот“ в *сейчас* — полной формой мужского.

Ату и его антоним тубо

Эти охотничьи междометия различаются между собой прежде всего значением. *Ату* является термином натравливания и синонимично словам *ушь, бери, хаатай*. *Тубо* — команда лежать на месте, равнозначная словам *смирно, не тронь, будь на месте*.

Но разница между этими словами четко просвечивает и в другом: в степени прозрачности и ясности их происхождения. Этимология *тубо* проста и несомненна: это одно из слов, заимствованных в XVIII в. русским дворянством из французского языка (ср. отсюда же *пиль, иси, куш, аппорт* и др.). Наше *тубо* передает французский фразеологический оборот *tout beau*, буквально значащий „все хорошо“.

Что касается происхождения *ату*, то оно вызывает споры. Одни (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 96; Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка, т. I, А. М., 1963, с. 174) склоняются к тому, что оно также заимствовано из французского языка и,

как и его антоним *тубо*, содержит то же *tout* „все“ (*ату < франц. à tout*, где *à* является предлогом). Другие считают его исконно русским сложением междометия *а* и наречия *ту* „тут“ (см.: Германович А. И. Междометия русского языка. Киев, 1966, с. 53); в таком случае оно аналогично галлицизму *иси* (буквально франц. *ici* значит „здесь, тут“).

Предпочтительнее, несомненно, первое объяснение. Возможно, что франц. *à tout* восходит к выражению *à toutes jambes* „со всех ног“, в котором был опущен именной компонент. В таком случае следует предполагать также отпадение в *ату* конечного *т*, что само по себе — без влияния слов типа *тубо* — маловероятно.

Баю-бай

Родное, знакомое всем с детства междометие усыпления ребенка употребляется обычно не в одиночку (*баю* или *бай*), а целой цепочкой, иногда даже в уменьшительно-ласкательной форме (*баюшки* или *баиньки*).

По своему происхождению *баю* (*бай < баю* после отпадения конечного безударного *у*, ср. *нет < нету*) является формой 1-го лица ед. числа глагола *баю́ть* „говорить; рассказывать сказки“. Таким образом, слово *баю-бай* оказывается того же корня, что и *басня, краснобай* и *обаятельный*.

Бис и браво

Эти слова сразу переносят нас в театр. Оба они являются междометиями одобрения зрителей, но *бис* значит не только „превосходно, замечательно“, но и содержит в себе просьбу повторить номер еще раз. У нас *бис* и *браво* „иностранцы“, они пришли из разных языков: первое — из французского, второе — из итальянского.

Франц. *bis* восходит к лат. *bis* „дважды, два раза“ (ср. содержащее это же слово существительное *биссектриса*).

Итальянское *bravo* возникло в качестве междометия одобрения (между прочим, в театре итальянской оперы) на базе *bravo* „смелый, храбрый; молодец!“. Так что по своему происхождению оно напоминает наше хоккейное *Молодцы!*.

Брр! Мороз

Соседство этих слов в речи всем понятно, а связь их вполне оправдана. Слово *брр!* является междометием, выражающим чувство сильного — до дрожи — холода, который бывает в первую очередь при морозе (ср. у Короленко в рассказе „Мороз“): *Брр!... — сказал он. — Мороз, братцы*).

По своему происхождению *брр!* принадлежит к звукоподражаниям, средствами языка передавая рефлекторные звуки, со-

провожающие дрожь от холода (ср. *тыфу!*, передающее звук плевка).

Кроме отмеченного (прямого) значения, слово *бры!* в нашем языке имеет и переносное, выступая в этом случае для выражения чувства крайнего отвращения. И вот что особенно любопытно: нечто подобное в семантическом развитии мы наблюдаем и у полнозначных слов, уже не выражающих чувство холода, а этот холод называющих. Так что и в этом аспекте существительное *мороз* находится рядом с междометием *бры!*. В самом деле, слово *мороз* (старослав. *мраз*) называет холод, а однокорневое — по происхождению старославянское — существительное *мразъ* обозначает гадость, нечто отвратительное и противное; те же отношения наблюдаются в родственных им словах *мерзнуть* и *мерзкий*.

Аналогичное явление можно отметить и для слов *стынуть* „становиться холодным“ и *постыдный*, сербскохорватск. *zebetи* „заябнуть“ и „испытывать отвращение, бояться“, греч. *heimai* „зима, холод“ и *dishimos* „страшный, отвратительный“ и т. д.

Брысь и прочь

По своему значению эти однородные члены далеко не однородны. Вместо *брысь*, отгоняя кошку, сказать *прочь* можно всегда. Употреблять же междометие *брысь* вместо слова *прочь* можно только шутливо и в определенных речевых ситуациях.

Различны эти междометия и по своей этимологии. Слово *брысь* (см. *айда, прощай, пли, стоп, усь* и др.) является, очевидно, отглагольным. Его можно объяснить как образование, родственное словам *брыснуть* „отогнать, выгнать“ (обычно кошку), *бросать, брызгать* и даже *прискакать*, ср. *Хотелось брыснуть, а пришлось свистнуть*, т. е. „Хотелось выгнать, а пришлось звать“; *Кошка так и брызнула от собак на дерево* (Даль В. Толковый словарь..., т. I, с. 132—133); *Ребята сразу же приснули в разные стороны* и т. д.

Совершенно „иного рода и племени“ междометие *прочь*. Оно пришло в междометия из наречий. И сейчас рядом с междометием *прочь* не менее часто и охотно употребляется омонимичное наречие. Междометное *прочь* возникло из наречия *прочь* в результате выпадения глагола в оборотах типа *пошел прочь*. Само же наречие *прочь* является производным от общеславянского прилагательного *прокъ*, *прочь* „остальной, прочий“ (ср. то же корня *прокийный, прочите, впрок* и др.).

Вишь

Происхождение этого междометия (из *видишь*) правильно объяснял еще В. Даль (см. „Толковый словарь...“, т. I, с. 209). *Вишь* является, таким образом, одним из многочислен-

ных в междометной семье примеров отглагольных и аллегрных („слоговорочных“) образований одновременно. Подробнее об этимологии данного слова можно прочитать в заметке „Откуда в слове *вишь* мягкий знак?“.

Два ли вон?

Если вы заглянете, скажем, в „Словарь русского языка“ С. И. Ожегова, то найдете в нем только два слова *вон*: указательная частица (*Вон он идет*) и наречие (*выйти вон*). О междометии ничего не говорится. А ведь в контекстах типа *Вон отсюда!* слово *вон* имеет значение „прочь, уходи“ и уже не является ни указательной частицей, ни наречием. Значит, в русском языке сейчас три слова *вон*, а одно из них — последнее — представляет собой междометие, синонимичное слову *прочь*. Кстати, сходство между *вон* „прочь, уходи“ и *прочь* „вон, уходи“ не только в значении. Они подобны и по своей этимологии. Междометие *вон*, как и *прочь* (см. выше), родилось из наречия *вон* после выпадения глагола в оборотах типа *Пошел вон!*. Следовательно, из трех существующих ныне *вон* два являются близкими родственниками.

Между прочим, было время, когда в нашей речи употреблялось только одно *вон* — „наружу“, и то оно звучало как *вънъ* (ср. *вне* „снаружи“).

Указательная частица *вон* „там, вот“ появилась лишь в древнерусскую эпоху из указательного местоимения *он* „тот“ (ср. *оний*) после возникновения протетического *в* (ср. *восемь* — из *осмь*, *вобла* — из *обла* „круглая“, *вотчина* — из *отчина*, производного от *отчий*, и т. д.).

О третьем *есть* и единственном *нет*

В русском языке сейчас есть три слова *есть*. Одно *есть* < *ѣсти* является неопределенной формой глагола и значит „кушать“. Другое *есть* представляет собой форму 3-го лица ед. числа глагола *быть* и имеет значение „имеется“. Они каламбурно объединены, например, в старой поговорке *И зубы есть, да нелегко есть*.

Сейчас нас интересует третье *есть* — междометие, выступающее как ответ или отзыв на оклик или команду и имеющее семантику „слушаю, готово, согласен, хорошо, ладно“. Находится ли оно в каком-нибудь родстве с предыдущими *есть*? И каково его происхождение?

В качестве морского термина это слово, как предполагают, пришло из английского языка. Однако тот факт, что английское *уес* „да“ было в таком случае у нас переформировано именно в *есть*, не случаен. Он определенно связан с тем, что раньше в русском языке с таким же значением употреблялось выражение *есть будет*. Ср. употребление этого оборота в документах по-

соцства стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 гг.: И Алексей ...говори: Только изволит ц-ое в-во отписать о том к Александру царю ... и царь Александр и католиков повеление е. ц-го в-ва совершат ли, и из Дидьян ег возмуть ли, и к Москве ... пришлют ли. И митрополит сказал: Есть будет ц-ое в-во. К Александру царю и к католикоу отпишет, и то е ц-го в-ва повеление исполнит.

Таким образом, междометие *есть* выступает как скрещение английского *уес*, „да“ и русского *есть* из старого сочетания *есть будет*, „хорошо, согласен, слушаю“.

С этим же *есть*, „имеется“ (от *быть*) связано кровными узами — как ни странно — и *нет*, возникшее (что уже отмечалось) после отпадения конечного безударного *у* из *нету*. *Есть*, „имеется“ и *нету* связаны между собой как исходное и производное, так как *нету* возникло из *есть*.

Нету представляет собой скороговорочный вариант (аллегрформу) сочетания *нв(ст) ту* „нет тут, нет здесь“ из первоначального не *есть ту*. Старое *нестъ* < *нвстъ*, „нет“ еще сохраняется в фразеологизме *нестъ числа* „нет числа“.

Здравстуй

Сколько раз за свою жизнь мы произносили это слово, самое распространенное и обычное русское междометие приветствия при встрече! Но вряд ли кто-нибудь из нас задумывался при этом о его исконном и исходном смысле. Сейчас оно для нас простой знак вежливости. А между тем первоначальное значение этого слова было глубоко благожелательным.

Ведь *здравстуй* буквально значит „будь здоров“, возводить ли его непосредственно к форме повелительного наклонения глагола *здравствовать* „быть здоровым; жить“ (*здравствуй > здравствуй* после отпадения конечного безударного *и*, ср. *будь < буди*, *но несй, возй и т. д.*) или же объяснять как форму 1-го лица ед. числа глагола *здравствовать* „приветствовать; желать здоровья“ (*здравствуй > здравстуй* после отпадения конечного безударного *у*).

Заметим, что правильное — второе. А это значит — наше *Здравстуй!* аналогично по первоначальному строению современному *Приветствуй!*

Между прочим, такое же „приветственное“ значение имело когда-то и слово *целовать*. Обычная для нас семантика этого слова (= *лобзать*) возникла в нем позднее, в связи с обычаем при встрече не только приветствовать, но и целоваться. Буквально же *целовать* „желать быть целым, невредимым, здоровым“. Именно поэтому „Здравстуй!“ у полябских славян — *c'oi!* „цел!“. Ср. также немецкое *хайль* (< *древневерхненем.* *heil* „целый, здоровый“), также родственное общеславянскому *цѣль* „целый“ (< **kailos*).

Ишь

Об этом слове, возникшем из *вишь* (ср. *ушь < куши „кусай“*), писалось специально в заметке „Откуда в слове *ишь* мягкий знак?“.

Что такое кричать караул

Сейчас выражение *кричать караул* значит „звать о помощи“. Слово *караул* в этом обороте — такое же междометие, каким оно является, будучи употребленным отдельно, например: „*Караул! Бежим!*“ — *закричал он* (Чехов).

Совершенно иным в грамматическом отношении было оно в сочетании с глаголом *кричать* еще в XVII в. Один, но яркий пример: *Тогожь мѣсяца апрѣля въ 30 день закричашь мужикъ караулъ, и сказалъ за собою государево слово, и приведенъ въ стрѣльцоу приказъ, и расспрашиванъ, а въ роспрѣска сказалъ, что онъ сдѣлалъ крыль, станеть ѣхать как журавль*. Сочетание *закричал караул* здесь значит „позвал стражу, караул“. И слово *караул* выступает как существительное *караул* и даю омонимическое ему междометие. Само же существительное в русском языке является пришлым, заимствованным из тюркских языков (ср. чагатайск. *караул*, татарск. *кароул* „стража“).

Французское *марш* и английский *stop*

Междометия *марш* и *stop* — антонимы, пришли к нам из разных (французского и английского) языков, однако есть у них и нечто общее — оба они представляют собой междометия, возникшие из повелительной формы глаголов.

Междометие *Марш!* восходит не к существительному *марш* (ср. *караул*), а к франц. *marche* „иди“ от глагола *marcher* „идти“ (в русском языке он известен в виде *маршировать*). Так что по своей исходной образной структуре *Марш! = Айда!*

Антонимическое *Смон!* передает *stop* „задержи, остановись“, производное от англ. *to stop* „задерживать, останавливать“ (< лат. *stippare* „затыкать, задерживать“, образованного в свою очередь от *stippra* „пакля“).

Отметим, кстати, что слово *Смон!* являются родственными такие слова, как *штопать*, передающее нем. *stopfen* „затыкать, задерживать“, восходящее к указанному латинскому глаголу, и даже — как это ни странно — *штопор*.

Последнее слово пришло к нам не из английского языка, где оно (*stopper*, *st* читается как *см*) имеет „законное“ значение „затычка, пробка“, а из голландского, в котором оно (*stopper*, *st* читается как *шт*) получило как бы противоположное значение и стало обозначать приспособление для откупоривания.

Английское *stopper* в виде *стопор* „затычка, пробка“ сохранилось сейчас лишь как непронизывающая основа глагола *стопорить*.

Пли!

Об этом коротеньком слове скажем кратко. Оно тоже отглагольное. И также является бывшей формой повелительного наклонения, но уже русского глагола *палить* «стрелять» (ср. того же корня *самопал, паллаба*).

Исходное *пали* «стреляй» изменилось в *пли* в разговорном стиле (ср. *барин* — из *боярин*, *бишь* — из *башь*, *товсь* — из *готовься* и т. д.).

Пока

Об этикетных междометиях прощания уже говорились (см. выше, с. 181—182). Но их много, и самых разнообразных. Своей яркой экспрессией и выразительностью особо выделяется группа интимно-фамильярных «прощальных» слов вроде *Всего!* (как сокращение *всего доброго, всего хорошего*), *Будь!*, *Бывай!* (как сокращения *будь, бывай здоров*), *Привет!*, *Салют!* и т. д. К ним примыкает и энергичное *пока*. Кстати, в толковых словарях оно или неправильно квалифицируется как частица, или не отражается вовсе. Законное место среди междометий русского речевого этикета наше *пока* нашло, наконец, в академической «Русской грамматике» (т. I, М., 1980, с. 734).

Свою родословную слово *пока* ведет от наречия *пока*, представляющего собой сокращение старого *покаместа* «пока, покамест», которое появилось в результате сращения словосочетания *по ка места*, где *по* — предлог *по*, *ка* — вин. пад. мн. числа краткого местоимения *ка* «кое, какое» (ср. полную форму *кое*, см. заметки «Что есть кто», «Чудесные превращения слова *каждый*»), а *места* — существительное *место* в вин. пад. мн. числа.

Спасибо и пожалуйста

Эти два междометия вежливости являются совершенно различными с точки зрения своего происхождения. И все же они содержат в себе нечто одинаковое — глагольный в своей основе компонент, которым оба «начинаются».

Междометие *спасибо* возникло в результате сращения в одно слово устойчивого словосочетания *спаси бог < спасибо богу* (конечное *г* отпало после утраты редуцированного *в*).

Слово *пожалуйста* было образовано от *пожалуй* с помощью частицы (а точнее — суффикса, восходящего к частице) *-ста*; ср. устаревшие *спасибоста, здоровоста* и т. д.

Исходное *пожалуй* появилось, очевидно, из *пожалую* «отблагодарю», формы 1-го лица ед. числа от *пожаловать* (ср. *благодарствуй < благодарствую*), с отпадением конечного безударного *у*.

Что касается частицы *-ста*, то ее происхождение точно не установлено. Скорее всего, она является такой же бывшей формой 2—3-го лица ед. числа аориста (от глагола *стать*), как частицы *бы* и *чу* (см. ниже).

О словах *ура* и *виivat*

По данным картотеки древнерусского словаря Института русского языка АН СССР, слово *ура* впервые отмечается в «Юрнале» 1716 г.: *В пятом часу король и все прочтчие... кричали ура трижды* (ср. в «Походном журнале» 1721 г.: *Палили ура тринадцати пушек, кричали ура по отъезде пять раз*). Эта первая фиксация слова *ура*, относящаяся к Петровской эпохе, причем в контексте, характеризующем действия иноземцев («короля» и если не всех, то также и некоторых «прочих»), позволяет согласиться с М. Фасмером, который считает (см. его «Этимологический словарь русского языка»), что это слово «из-за значения скорее является заимствованным из нововеерхненем. *hurgā* от средне-веерхненем. *hurgā*, которое восходит к *hurgan* «быстро двигаться», чем из тюрко-татарск. *uga* «сбивай» от *ugmak* «бить».

Таким образом, первоначальное значение междометия *ура* было «быстро вперед».

Время появления в русском языке, сфера первоначального употребления и значение слова *ура* совершенно исключают виденную А. И. Германовичем точку зрения о том, что «ура» пришло к нам от народов нашего Востока («Междометия русского языка». Киев, 1966, с. 32). Указываемое им якутское *уруй* (шаманский возглас) «даруй, ниспошли» никакого отношения к нашему *ура* не имеет.

Слово *ура* известно не только русскому языку, но и употребляется во многих других (во всех языках народов СССР оно из русского). Ср. франц. *hurrah*, шведск. *hurra*, итал. *hurra*, датск. *hurra*, испанск. *hurra*, англ. *hurrah* и т. д.

Слово *ура* выступает перед нами как образование, аналогичное междометиям *айда, алле* «вперед, марш» (франц. *allez < allez* «идите» от *aller* «идти»), *марш* и т. п.

Слово *виivat* «да здравствует» является междометием той же образной структуры, что и *здравствуй, салют, будь здоров* (см. выше), а также устаревшее *гой* «будь здоров» (бывшая форма повелительного наклонения глагола *гойть* «жить, здравствовать», родственного слову *жить*; чередование *г* — *ж*, как в *горло* — *жерло*, *город* — *жердь*, *гореть* — *жар* и т. д.).

Два исчезнувших звука в слове *усь*

Междометие натравливания собак (а *усь* служит именно для этого) появилось в разговорном стиле как аллегро-форма (т. е. скороговорочная форма) слова *кусь*. Последнее возникло после отпадения конечного безударного *и* из *куси* «кусай!» (формы повелительного наклонения глагола *кусить* «укусить») (*кусь < куси* после отпадения конечного безударного *и*, как *встань < встанй*, *брось < бросй*; ср. *несй, гонй* с ударным *и*); глагол *кусити*, известный сейчас лишь в диалектах,

относится к литературному *кушать*, так же как *бросить* и *бросать*.

Загадочная история этого междометия была раскрыта А. А. Булаховским (см. его статью „Дестимологизация в русском языке“, — „Труды института русского языка АН СССР“, т. I. М.—Л., 1949, с. 187).

Таким образом, по первоначальному характеру *усть* аналогично своему французскому собрату *пиль* (франц. *pille* „хватать“ < *piller* „хватать“). А по фонетической судьбе *кусь* > *усть* напоминает *шшь* (см. выше). Междометие *усть* лежит в основе глагола *наускивать* „натравливать, подстрекать“, его не следует смешивать с близким по значению глаголом *наустить*, *наущать* „подговорить, подстрекать“, этимологическим корнем которого является существительное *уста* „рот“.

Галлицизм ли *фюить*?

Образное и эмоциональное выражение исчезновения чего-нибудь, каким является междометие *фюить*, обычно считается иноязычным, пришедшим в нашу речь из французского языка. В таком случае оно возводится к французскому существительному *fuite* „бегство“.

Сфера употребления и характер слова *фюить* заставляют, однако, сильно сомневаться в этой этимологии.

Думается, что здесь мы имеем дело с передачей звуковыми средствами языка короткого и энергичного свиста. Возможно, что присущее междометию *фюить* значение закрепилося за ним в связи с тем, что глагол *проставить* переносно обозначал „промотать состояние, деньги“.

Чуть-чуть о *чу*

Народно-поэтическое междометие *чу* призывает к вниманию и значит „слушай!“, „слышишь?“.

Вслед за А. И. Соболевским, его принято объяснять как бывшую форму 2—3-го лица ед. числа аориста от глагола *чуть* (< *чүти*) „слушать, ощущать“, до сих пор еще известного в русских диалектах. Вероятно, это так и есть. Как бы то ни было, его родство с указанным глаголом (в литературной речи он известен лишь в „осложненном“ виде *чутья* „чувствовать“, ср. отношения *бати* — в *басню* — и *батьи*, *сети* — в *семя* — и *сеять* и т. д.) несомненно. Как старая форма 2—3-го лица ед. числа аориста слово *чу* в таком случае аналогично частице *бы*. По своему внутреннему образному стержню оно похоже на слова *вниманье!* (от *внимать* „слушать“), *слышь* (из *слышущий*).

Между прочим, первое слово заглавия этой заметки, каламбурно приближенное с *чу*, является и на самом деле ему очень близким. Ведь *чуть* (чуть-чуть образовано удвоением, ср. *эле-*

эле, только-только и др.) произошло от того же глагола (ср. *знать* „должно быть, вероятно“ — от глагола *знать*), что и междометие *чу*.

Первоначальное значение слова *чуть*, таким образом, — „ощущаемое, самая малая часть чего-либо, которую можно ощущать, чувствовать“. Думаю, что если бы не знали, то теперь догадываемся, что и два последних слова в предыдущем предложении того же корня, что и наше *чу*.

От *чи!* до *цыц!*

Думаю, что вряд ли кто-нибудь из читателей чувствует родство этих междометий. Вот смысловую близость этих слов ощущает каждый говорящий: ведь и то и другое обозначает прежде всего требование молчать. Что же касается общности в их происхождении, то, вероятно, она кажется вам сомнительной и сейчас. И тем не менее эти два слова связаны между собой и сейчас. И очень тесными этимологическими узами. И не только они. Известно, что приказ соблюдать тишину выражается также и словами *и-ш! mcl! ccl! mcl!*. Они тоже близкие родственники наших *чи!* и *цыц!*. Однако степень родства отмеченных междометных синонимов, требующих тишины, разная. И дальше всего, в самом конце этого синонимического ряда стоит *цыц!*. Начинает же этот ряд слово, которое еще не называлось, но назвать которое совершенно необходимо потому, что оно является родоначальником всех остальных. Это слово *тише!*. Однако не все междометия, выражающие приказ молчать, непосредственно восходят „к слову *тише*“, у которого опущены гласные и иногда изменяются согласные“ (1?), как считает А. И. Германович („Междометия русского языка“, Киев, 1966, с. 39). От слова *тише* образовалось — как „скороговорочная“ форма разговорного стиля — только междометие *чи!* (ср. *вишь из вишю*): *тиш!* > *чи!* с долгим аффрикатом. Уже на базе *чи!* возникло (с устранением аффрикатного затвора) *и-ш!* и (с заменой шипящего согласного свистящим) *mcl!*. Это последнее, с одной стороны, дало с устранением аффрикатного затвора — *ccl!*, а с другой стороны, после устранения длительности свистящего — *mcl!* (=4), произносили нередко также и в вокализованном виде с гласным *и* — *чи*. Именно от него с помощью суффикса *-ка-* (ср. *мяукать*, *тыкать*, *обка-ка-ка* и т. д.) и был образован (Преходящий „говорить ты“, *ака-ка* и т. д.) и был образован (Преходящий, т. II, с. 50) глагол *цыкать*, междометным производным от которого — по аналогии со словами типа *бац* — является вульгарно-грубоватое *цыц*.

Как видим, от исходного *тише* до *цыц* — несколько промежуточных звеньев, но и эти слова находятся между собой, действительно, в родственных отношениях.

Шабаши

Междометие это имеет значение „довольно, хватит“ и в этом отношении аналогично слову *баста*. Однако его происхождение иное — не глагольное. Оно возникло в русском языке на базе существительного *шабаши*, имевшего семантику „отдых, конец работы“, „день отдыха“, а еще раньше — „суббота“.

С последним значением существительное *шабаши* было заимствовано нашим языком из польского, в котором *szabes* передает еврейск. *schabbes*. Кстати, существительное *суббота* является по существу тем же словом, что и *шабаши*. Только пришло оно к нам значительно раньше, еще в древнерусскую эпоху и из старославянского языка. А туда это существительное попало из греческого, где *sabaton* передает древнееврейск. *šabbāth*. Пара *шабаши* и *суббота* — один из примеров, иллюстрирующих большое значение, которое имеют в процессе заимствования различные языковые посредники и переоформление иноязычных слов по внутренним законам русского языка.

Чтобы не считать этот случай исключительным, достаточно вспомнить такие слова, как *сарай* и *сериал*, *мастер* и *маэстро*, *известь* и *асбест*, *гитара* и *цифра*, *рынок* и *ринг*, *талер* и *доллар*, *фунт* и *пуд* и другие им подобные.

В СТРАНЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

Лучше меньше, да лучше

Это прекрасное афористическое выражение, представляющее собой в настоящее время общепотребительный фразеологизм, по своему происхождению является заглавием одной из самых последних и знаменательных статей В. И. Ленина. Содержание и форма его высказывания поразительно гармоничны. Особый, если так можно выразиться, поэтический характер оборота *лучше меньше, да лучше* создается тем мастерским использованием тавтологии и полисемии, которое для В. И. Ленина было характерно. Слово *лучше*, обрамляющее разбираемое фразеологическое выражение, выступает здесь и в роли структурных вех (*лучше меньше, да лучше*), и в роли „каталлизаторов“ афористичности этого оборота (появляющееся в конце оборота *лучше* совсем не то, которое его начинает). Именно поэтому так динамично и остроумно, в самом лучшем смысле этого слова, крылатое выражение В. И. Ленина. Игра слов (*лучше* „пусть“ и *лучше* — форма сравнительной степени от *хорошо*) в этом обороте лишний раз обращает внимание на глубину заключенного в нем смысла. Особая выразительность афоризма В. И. Ленина становится ясной при его сравнении с тем образом, от которого оно, несомненно, „оттапливалось“. Таким фразеологизмом является *лучше поздно, чем никогда*, возникший у нас

как калька франц. *Mieux vaut tard que jamais*. Владимир Ильич употреблял его неоднократно (ср. „Конечно, лучше поздно, чем никогда, и даже робкий шаг Совета, готовность послать двоих его „представителей“, мы от души приветствуем“ — статья „Первый шаг“, март 1905 г.).

Крылатые слова *лучше меньше, да лучше* появились у В. И. Ленина не сразу. Им предшествовали иные — описательные и развернутые — формы выражения той же очень важной, постоянно волновавшей его мысли. Так, в статье „К вопросу о задачах Рабрина...“ (написанной 27 сентября 1921 г.) мы находим: „Лучше взять немного, но довести до конца“. Как свидетельствует текст статьи „Лучше меньше, да лучше“, при создании своего афоризма В. И. Ленин опирался не только на оборот *лучше поздно, чем никогда*, но и utilizовал также (переводя его в антонимическое) грибоедовское выражение *числом поболее, ценою подешевле*. Вот отрывок, являющийся доказательством этого: „Надо взять за правило: лучше числом поменьше, да качеством повыше. Надо взять за правило: лучше через два года или даже через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал“.

Всерьез и надолго

Выражение *всерьез и надолго* относится к числу фразеологических неологизмов В. И. Ленина, очень различных по содержанию и форме, но всегда выразительных и ярких. Оно появилось на свет (естественно, еще в виде переменного словосочетания) в докладе на IX Всероссийском съезде Советов (23 декабря 1921 г.). В. И. Ленин говорил тогда о нем: „Вот почему мы сказали единодушно, что эту политику мы проводим *всерьез и надолго*, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда“.

По своей структуре фразеологизм *всерьез и надолго* принадлежит к конструкциям с сочинительным союзом *и*, объединяющим однородные члены предложения (в данном случае — однородные обстоятельства), ср. *сплошь и рядом*, *вдоль и поперек*, *взад и вперед* и т. п. Вполне понятно, почему афоризм *всерьез и надолго* получил у В. И. Ленина данную форму. Дело в том, что отмеченная модель построения переменных словосочетаний является у него одной из излюбленных. В его трудах объединение в одно смысловое целое различных обстоятельств (в том числе обстоятельств образа действия и обстоятельств времени) встречается очень часто. Такие переменные, но семантически слитные сочетания у него не только частотны, но и постоянны (некоторые из них даже неоднократно повторяются), что делает их одной из отличительных черт его индивидуально-авторского стиля. Вот несколько примеров: „А когда дошло до серьезного, решающего момента, князь Львов сразу и целиком признал эту истину, про-

возгласил открыто, что «победа» над классовым врагом внутри страны важнее, чем положение на фронте борьбы с внешним врагом» (статья «Благодарность князю Г. Е. Львову», август 1917 г.); «В войне против немцев именно теперь нужно *дело: тотчас и безусловно предложить мир на точных условиях*» («В Центральный Комитет РСДРП», август 1917 г.); «За исправление этого недостатка надо взяться спешно и изо всех сил» (Наказ от СТО (Совета труда и обороны) местным советским учреждениям, май 1921 г.); «Не страшен был бы небольшой синдикалистский или полуанархистский уклон: партия быстро и решительно его осознала бы и взялась бы его исправлять» (Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) на X съезде РКП(б), 8 марта 1921 г.); «Все это азбука. Все это просто и ясно» (книга «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», апрель — май 1920 г.); «Мы, коммунисты, говорили, что мы войну оцениваем глубже и правильнее, чем противоречия и бедствия ее действуют неизмеримо шире, чем предполагают капиталистические государства» (речь «О международном и внутреннем положении Советской республики», 6 марта 1922 г.); «Вские общие нормы числа служащих, по-моему, следует изгнать сразу и бесповоротно» (статья «Лучше меньше, да лучше», март 1923 г.) и т. д.

Порядок дня

Фразеологический оборот *порядок дня* употребляется со значением «круг вопросов, предназначенных для обсуждения в определенной последовательности на заседании, собрании, конференции, совещании, съезде и т. д.». По своей структуре он принадлежит к той же модели (существительное + существительное в род. пад.), что и выражения *точка зрения, полнота власти, болезнь роста* и т. п. Сейчас он представляется таким же обычным и давним, как и родственный ему по лексическому составу оборот *распорядок дня*.

А между тем на самом деле возник он сравнительно недавно. В 1903 г. В. И. Ленин, как правило, употреблял еще его прототип — немецкое сложное слово *Tagesordnung*, давшее затем кальку *порядок дня*. Так, в «Расказе о II съезде РСДРП» (сентябрь 1903 г.) находим: «Другой эпизод — борьба из-за § 1 «устава партии». Это был уже п. 5-й *Tagesordnung'a*, близко к концу съезда»; «В *Tagesordnung'e* стояло, как уже было указано выше, по п. 24: *выбор центральных учреждений партии*».

Первое употребление оборота *порядок дня* у В. И. Ленина наблюдается в «Неподанном заявлении» от 29 октября 1903 г.: «Сопоставьте „дополнение“, расширение состава центров по теперешнему уставу партии, принятому на съезде, и по тому первоначальному проекту, который мы вместе с Мартовым запечатлели в вышеприведенном комментари к п. 23 *порядка дня*».

Учиться, учиться и учиться

Это выражение давно уже стало крылатым и любимым. Общеизвестно, что оно является одним из фразеологических неологизмов В. И. Ленина. Но далеко не все знают его историю. Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина в своей книге «Крылатые слова» (Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1966, с. 688) безоговорочно объясняют его как оборот, возникший в результате «конденсации» лозунга В. И. Ленина из статьи «Лучше меньше, да лучше», написанной им в 1923 г.: «Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверить то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом». Думается, что это не совсем так, особенно если иметь в виду непосредственный источник распространения этого фразеологизма в общезысловной форме.

Ведь различные афористические «повороты» глагола *учиться* нередко встречается у В. И. Ленина и раньше. Вспомним хотя бы троекратное повторение этого слова в речи на III Всероссийском съезде комсомола 2 октября 1920 г. в которой В. И. Ленин, определив задачу молодежи вообще и комсомола в частности (...«задача состоит в том, чтобы учиться»), далее разъясняет, «чему учиться и как учиться».

Не приводя других примеров, следует указать наиболее ранние и близкие к современной форме. Так, в материалах совещания расширенной редакции «Пролетария», состоявшегося в июне 1909 г., читаем: «Использованию легальных возможностей надо *учиться* и учиться так же настойчиво, как учились и учимся мы приемам нелегальной деятельности». В статье «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.) находим: «Открыто объяснить, как и почему мы сделали шаг назад, затем обсудить гласно, какие имеются средства навестить упущенное, — это значит воспитывать массы и на опыте учиться, вместе с ними учиться строительству социализма». А в статье «Попытное направление в русской социал-демократии», написанной В. И. Лениным еще в конце 1899 г., мы вообще встречаемся с тем троекратным повтором глагола *учиться*, который является «точной копией» современного выражения: «В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию»».

По всей вероятности, именно отсюда и было взято выражение *учиться, учиться и учиться* в его современном лексическом составе и структуре. А почва для этого приготовили, несомненно, статья "Очередные задачи Советской власти", речь на III съезде комсомола и статья "Лучше меньше, да лучше".

Следует иметь в виду, что, несмотря на то что статья "Попытное направление в русской социал-демократии" написана в конце 1899 г., она впервые была напечатана в журнале "Пролетарская революция" (№ 8—9) в 1924 г.

Что же касается статьи "Лучше меньше, да лучше", то она дала фразеологии современного русского языка свое афористическое заглавие.

Лишь только

Вряд ли вас когда-нибудь специально интересовало это устойчивое словосочетание. Таких немало среди частиц и союзов русского языка, очень привычных и совершенно безобразных. Между тем выражение *лишь только* не такое уж обычное и заурядное, как мы привыкли считать. И это становится очевидным, лишь только мы обратимся к его конкретному значению как выделительно-ограничительной частицы (*Лишь только слышно: кто идет?* — Лермонтов) или временного союза (пример можно не приводить: им является только что прочитанное вами предложение). В самом деле, оборот *лишь только* синонимичен, равен по значению отдельным словам, его составляющим (*лишь* и *только*). *Лишь только* можно заменить и одним первым его компонентом (*лишь*), и одним вторым (*только*). Понятно, почему: *лишь* и *только* сейчас употребляются как синонимы, обозначают одно и то же.

Таким образом, оказывается, что выражение *лишь только* принадлежит к числу фразеологических оборотов, построенных на синонимии, составленных из однозначных слов, тавтологически повторяющих в "усилительных" целях одно и то же (ср. *целиком и полностью, судить да ридить, ум за разум заходит, переливать из пустого в порожнее, маг и волшебник* и т. д.).

Однако — и это еще один любопытный факт, касающийся данного оборота, — слова, его составляющие, не всегда были синонимами.

В устойчивом словосочетании *вокруг да около* бывшие синонимами (*вокруг* — от *круг*, *около* — от *коло* "круг", ср. *около* "около") превратились в слова с разным значением: *вокруг* — не *около*. В нашем же выражении несинонимы превратились в синонимы.

Об истонной несинонимичности *лишь* и *только* ярко свидетельствует старая поговорка *только стало, а лишку нет*. *Только* восходит к *только* (ср. *малая толика*), обозначавшему пер-

воначально "столько" ("сколько есть"), т. е. определенное любое количество.

Лишь возникло из *лише* "больше, сверх, свыше" (после отпадения конечного безударного *е*, ср. *авось* из *авосе* < *а осе* "вот"), сравнительной формы от прилагательного *лихъ* "большой, лишний" (давшего также и *лишек* "излишек"). Мягкий знак в слове *лишь* стали писать по аналогии со словами типа *авось*, с одной стороны, и *бишь* — с другой.

Где же были смысловые точки соприкосновения в таких разных по своему значению словах, как *лишь* и *только*? Они обнаружались, очевидно, в обозначении словом *только* > *только* малого количества (недаром в "Толковом словаре..." В. Даля *лишь* и *только* объясняются через посредство слов *чуть, едва, еле*) в контекстах типа *малая толика, только-только хаятило* и т. д.; излишек же всегда был по отношению к общему количеству небольшим.

Люблю молодца за обычай

Этой поговоркой мы одобряем чье-либо поведение или поступок.

Превращению фразы в устойчивое словосочетание способствовала потеря словом *обычай* того значения, которое было ему свойственно в исходном переменном словосочетании: "умение, сноровка" (между прочим, первоначально слово *обычай* к своим родственникам *навык, учеба* стояло значительно ближе). Таким образом, буквально *люблю молодца за обычный* значит "люблю молодца за умение, сноровку".

Кануть в вечность

Этот оборот, на первый взгляд самый заурядный и неинтересный, позволит нам познакомиться с тем, как создаются новые устойчивые сочетания слов по модели.

Как известно, *кануть в вечность* значит "исчезнуть навсегда и бесследно, подвергнуться совершенному и полному забвению". Сравнение этого целостного значения со значениями составляющих оборот слов, несомненно, указывает на моделированный характер нашего фразеологизма.

В самом деле, глагол *кануть* вначале обозначал "упасть каплей, капнуть". Так, еще у А. С. Пушкина читаем: *Слеза повисла на реснице И канула в бокал*.

Современная форма *кануть* возникла значительно позже, чем *кануть*. Образование *кануть* общеславянское, а *кануть* собственно русское, оно отмечается в словарях лишь с XVIII в. Кстати, образовалось оно на базе *кануть* в результате переноса *п* из *капать*.

Отмеченное начальное значение *кануть* „упасть каплей, капнуть“ исключает существование в прошлом свободного сочетания слов *кануть в вечность*, имевшего прямое значение. Ведь *кануть* „упасть каплей, капнуть“ в *вечность* „в бесконечное существование во времени“ невозможно. Это значит, что наше выражение не могло возникнуть из переменного словосочетания (именно так появился оборот *перемывать кости*; см. заметку „О слове *костить* и обороте *перемывать косточки*“), а образовалось по модели на базе уже существовавшего в языке фразеологического образа.

Как же появился на свет оборот *кануть в вечность*? Рассказом об этом в хронологическом порядке. Вначале было слово... да, было слово *кануть*. Затем с его участием возник сравнительный оборот *исчез (или пропал), как в воду канул*. В этом обороте слова *как в воду канул* обозначали „бесследно, не оставив следа“ (действительно, разве найдешь упавшую в воду каплю?).

В процессе употребления выражение *исчез (пропал), как в воду канул* сокращается. Глаголы *исчез* и *пропал* становятся необязательными. Появляется самостоятельный фразеологический оборот *как в воду канул* (а далее и — без союза! — *в воду канул*), причем уже не с наречным значением „бесследно“, а с современным глагольным значением „исчез, пропал бесследно“.

На основе этого разговорного выражения в начале XIX в. в книжной речи (в первую очередь — в поэзии) был образован оборот *кануть в Лету* (в древнегреческой мифологии *Лета* — „река забвенья в подземном царстве“), ср. у Н. В. Гоголя: *Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвенья, в какую-нибудь такую Лету, как называют поэты*. Этот оборот получил не только значение „бесследно исчезнуть“, но также значения „исчезнуть навсегда“ (ведь из подземного царства, т. е. с того света, не возвращаются) и „стать совершенно забытым, подвергнуться полному забвению“ (ведь *Лета* — это „река забвенья, из которой души умерших пили воду, чтобы забыть свою прошлую жизнь“). Все эти значения по наследству от своего родителя *кануть в Лету* получило и наше выражение *кануть в вечность*. Оно возникло в результате замещения слова *Лета* словом *вечность*, извлечением из оборотов *отойти в вечность, переселиться в вечность* в значении „умереть“.

Таким образом, фразеологизм *кануть в вечность* представляет собой скрещение, контаминацию оборотов *кануть в Лету* и *отойти, переселиться в вечность*. В этих оборотах слово *вечность* имеет значение „загробная жизнь“ (вечная по религиозным представлениям, в отличие от жизни на этом свете), ср. синонимичное выражение *отправиться на тот свет*.

Очень интересно индивидуально-авторское преобразование фразеологизма *кануть в вечность* — связанное с оживлением „этимологических представлений“ — у В. Г. Белинского: *Тихо и незаметно еще канул год в вечность, канул, как капля в море*.

Так мы называем не имеющую никакого значения пустую бумажку, липовый, не обладающий какой-либо реальной ценностью документ. Как показывает лексический состав этого выражения и сравнение с оборотами, имеющими то же опорное слово (*жалованная грамота, духовная грамота, купчая грамота* и т. п.), наш фразеологизм возник по модели с „оглядкой“ на выражения типа *духовная грамота*. Притяжательное прилагательное от интимно-пренебрежительного имени *Филька*, появившаяся на месте относительных прилагательных типа *духовная*, придало нашему обороту яркую экспрессию.

Значение фразеологизма первоначально было несколько иным, чем сейчас. Об этом недвусмысленно говорит нарицательное употребление существительного *филька* в значении „глупый, недалекий человек, дурак“ (ср. *простофиля*). *Филька* образовано от *Фила*, которое в свою очередь является производным от *Филлимон*. Вспомните аналогичные *фофан < Феофан, фефёла < Феофила* и т. п.

Таким образом, *филькина грамота* буквально значило „глупо составленный, плохо написанный документ“.

Во весь опор

Этим фразеологическим оборотом выражается понятие чрезвычайной быстроты движения. В силу этого он сплетается только с такими глаголами, которые обозначают соответствующее действие (*бежать, скакать, мчаться, нестись* и т. д.), причем глаголы с приставками обозначают начало движения. Поэтому, например, *во весь опор*, т. е. „очень быстро“, можно только *бежать* и *побежать*. Употребить это выражение при глаголе *прибежать* уже нельзя. Если мы захотим понятие „очень быстро“ при глаголе *прибежать* выразить фразеологически, то придется прибегнуть к каким-нибудь другим оборотам, вроде *в мгновение ока* (ср.: *Прибежал он в мгновение ока*).

Отмеченная разница в употреблении синонимических оборотов *во весь опор* и *в мгновение ока* с глаголами движения определяется различием той образной структуры, которая для этих выражений была характерна в начале их фразеологической жизни.

Фразеологический оборот *в мгновение ока* в значении „очень быстро“ (*мгновение* от *мигнуть*, ср. *дуновение* — от *дунуть*; *око* — „глаз“) восходит к выражению идеи маленького отрезка времени, буквально такого, в который можно лишь один раз моргнуть. Фраза *Прибежал он в мгновение ока*, собственно, значит „прибежал он, затратив столько времени, сколько нужно, чтобы моргнуть“.

Совершенно иная биография у выражения *во весь опор*. И идет оно в своем современном значении „очень быстро“ уже не от ха-

рактистики времени, затраченного на движение, а от наименования образа действия, способа, посредством которого осуществляется движение.

Первоначально оборот *во весь опор* употреблялся лишь для обозначения особого бега лошади — галопа, когда она скачет «во весь опор», опираясь почти одновременно то на обе передние, то на обе задние ноги.

Между прочим, «лошадное» происхождение имеют и синонимические нашему выражению фразеологизмы *во весь дух* и *во все лапки*. Второй оборот чуть ли не полностью повторяет образную структуру выражения *во весь опор*: *во все лапки* буквально значит «во все передние ноги, скоком» (ср. оборот *со всех ног*), ведь лапки у лошади — это «плоские широкие треугольные кости в верхней части спины, к которым прикреплены передние ноги». Что касается выражения *во весь дух*, то оно (*дух* здесь имеет значение «дыхание», ср. *перевести дух*, «отдышаться», *дух захватило* «стало трудно дышать») аналогично выражению *что есть духу* и значит «так быстро, насколько хватает дыхания».

Заметим, что первоначально словами-спутниками всех трех разобранных выражений были глаголы *скакать* и *бежать*, со словами *мчаться* и *нестись* они стали сцепляться позднее.

Прокатить на вороных

Прокатить на вороных значит «забаллотировать, провалить на выборах». Возникает естественный вопрос: откуда появилось такое значение у этого, казалось бы, типично «транспортного» оборота?

Метафорическое значение появилось у него в XIX в. из калямбур, который объясняется существовавшей тогда процедурой голосования белыми («за») и черными («против») шарами.

Калямбурное устойчивое сочетание слов *прокатить на вороных* буквально, таким образом, обозначает «положить кому-нибудь черных (вороных) шаров».

Так по прихоти словесной игры (правда, очень удачной) слово *вороные*, обозначавшее лошадей, получило в данном обороте значение «шары».

Прописать ижицу

Это шуточный выражение представляет собой выразительный фразеологический эквивалент словам *высечь*, *наказать*. По своему происхождению оно тесно связано с нашей старой азбукой и письмом и существовавшей ранее на Руси «порочной» (и, конечно, порочной) методой обучения грамоте отстающих. Для того чтобы стало ясным, как родилось это устойчивое сочетание слов, надо знать, во-первых, что такое *ижица*, и, во-вторых,

каково здесь значение глагола *прописать*. *Ижица* — это название последней буквы старого кириллического алфавита, которая по форме напоминает развилку. Что касается глагола *прописать*, то в нашем обороте он употребляется в значении «очень хорошо написать, написать образцово, так, как пишут для прописи».

Если учитывать, что очень часто прописные буквы ранее писали не чернилами, а красной краской, то становится особенно понятной меткость иронии выражения *прописать ижицу*. Ведь при «хорошей», старательной порке (когда удары ложатся под углом друг к другу) на теле действительно возникает что-то вроде прописной ижицы.

Разные шалаши

Всем хорошо известны хоровые и популярные выражения *С милым рай и в шалаше* и *Милости прошу к нашему шалашу*. Пословица *С милым рай и в шалаше* значит «с любимым человеком всегда хорошо, даже в очень стесненных материальных условиях». Поговорка *Милости прошу к нашему шалашу* является фамильярно-шутивным приглашением присоединиться к компании, сесть за стол. Выражения эти очень непохожие, но есть в них и общее. Сближает эти обороты наличие в их составе существительного *шалаш*. Однако *шалаш* в названных выражениях, при всей своей близости друг к другу, все же разные. И эта разница смысловая, она возникла в результате развития у слова *шалаш* переносного значения. Но почувствовать и увидеть ее можно только тогда, когда мы узнаем биографию обоих выражений.

Пословица *С милым рай и в шалаше* возникла в XIX в. По своему происхождению она является получившей крылатость строчкой из стихотворения поэта Н. М. Ибрагимова «Русская песня» (1815), которое не только очень быстро завоевало любовь и популярность, но и действительно стало русской народной песней. Фраза из песни вошла в пословицу. Вот ее родное четверостишие, откуда она была извлечена:

Не ищи меня, богатый:
Ты не мил моей душе.
Что мне, что твои палаты?
С милым рай и в шалаше!

Как видим, здесь *шалаш* значит «бедное жилище», «лачуга», «легкая постройка», наскоро сделанная, как выражается В. Даль, «из подручных припасов» (веток, солом и т. д.). Недаром ведь он противопоставляется слову *палаты* предыдущего предложения (Что мне, что твои палаты?).

Иное (уже вторичное и более узкое) значение имеет слово *шалаш* в поговорке *Милости прошу к нашему шалашу*. В ней

шалаш выступает уже не как антоним существительного *палатки*, а как синоним его уменьшительно-ласкательного производного *палатка* (1) в значении «легкая постройка с прилавком для мелкой торговли». Дело в том, что выражение *Милости прошу к нашему шалашу*, несомненно, пришло из речи мелких торговцев на ярмарке, зазывавших покупателей каждый к своему шалашу — небольшой палатке или ларьку с товарами (в них нельзя было войти, как, например, в лавку, к ним можно было только подойти).

Такое значение слова *шалаш* в XVI—XVIII вв. было очень употребительным. Два примера из многих. В писцовых книгах Казани 1565—1568 гг. читаем: *Среди площади шалаша, а сидят в них с рыбою с вареною и с пироги с пряженными и с кисели.*

В «Проекте законов о правах среднего рода жителей» 1768 г. находим: *Мелочные купцы суть те, которые, не будучи в состоянии иметь лавки, сидя в прилавках и так называемых окошках и шалашах, мелочные товары, назначенные для торгу им, продают в розницу.*

Заметим, что подобное развитие «торгового» значения наблюдается и у некоторых других названий построек. Достаточно назвать слова *палатка* — 1) «временное помещение из натянутой на остов ткани», 2) «легкая постройка с прилавком для мелкой торговли», *балаган* — 1) «легкое строение, предназначенное для временного жилья», 2) «легкая постройка для торговли и зрелищ», *шатер*, имеющее в сербскохорватском языке значения «шатер» и «рыночная палатка», *киоск* (во французском языке первоначально «садовая беседка»), *павильон* (исходно лишь «палатка, шатер»).

Как ни кинь — все клин

Этот фразеологический оборот интересен не только по значению, но и по структуре. Образующие его части связаны между собой в единое целое (помимо грамматических и смысловых отношений) с помощью неточной, но очень удачной рифмы. Поэтому в речи он выступает как своеобразное «фразеологическое стихотворение», подобное выражениям типа *редко да метко*, *Федот да не тот, ни ответа ни привета, ни кожи ни рожи*, *для милого дружка и сережка из уха* и т.п. У фразеологизма *Как ни кинь — все клин* есть вариант *Куда ни кинь — все клин*, возникший независимо, но при тех же самых обстоятельствах.

Значение обоих выражений можно сформулировать так: «выхода из положения нет» (ср. в романе И. С. Тургенева «Новь»: *Только от этого мне бы не было легче — и ничего бы не изменилось... Куда ни кинь — все клин!*).

По происхождению наши фразеологические синонимы связаны с бывшим ранее крестьянским обычаем при распределении общинной земли кидать жребий. Заметим, что земля при этом (хорошая и плохая отдельно) распределялась малыми долями.

В исходном свободном сочетании слов существительное *клин* значит «самая маленькая мера земли, узенькая полоска поля» (даже меньше осминника, т. е. $1/8$ десятины, ср. старую поговорку *Не постои за клин, не станет и осминника*, имевшую обобщенно-метафорическое значение «Уступишь в малом, не будет и большого»).

Это объясняет современную семантику разбираемых оборотов. Ведь, действительно, выхода из положения нет, если, как и куда ни кинь крестьянин жребий при дележке земли, все равно целого хорошего участка он не получит: достанутся одни клинья.

Заварить и расхлебывать кашу

В заглавии заметки для краткости два оборота объединены. Обычно же они употребляются в речи отдельно и представляют собой антонимы. Ведь *заварить кашу* значит «затейть хлопотное и сложное дело (иногда даже очень неприятное)», а *расхлебывать кашу*, напротив, — это «хлопотное и сложное дело распутывать». В рамках одного словесного целого оба эти выражения обязательны лишь в поговорке *Сам кашу заварил, сам ее и расхлебывай*, т. е. «сам затеял что-либо хлопотное, сам и выпутывайся».

Каково происхождение этих очень употребительных выражений? Почему и откуда появились у них указанные значения (явно образно-метафорического характера)?

Сначала были свободные сочетания слов *заварить кашу* и *расхлебывать кашу*. Современное обобщенно-переносное значение у них появилось после того, как слово *каша* стали употреблять в значении «заванй обед, праздник по поводу крестин или свадьбы» (такое значение существительного *каша* в диалектах сохранило и сейчас), а затем и в значении «беспорядок, суматоха, сумятица, путаница».

Заметим, что последнее значение у кулинарных терминов развивается очень часто (ср. хотя бы существительные *винегрет*, *кавардак* и *вермишель*).

Интересно, что подобное развитие пережило слово, родственное глаголу из выражения *заварить кашу*, — простонародное существительное *заваруха*, также имеющее значение «сложное и запутанное дело». Оно тоже вначале имело только «кулинарное» значение и было одним из названий каш (в диалектах «кашные» имена *завара*, *заваруха*, *завариха* еще известны).

Что же касается противопоставления слову *заварить* именно глагола *расхлебывать*, а не какого-либо другого, то это объясняется тем, что слово *каша* обозначало прежде не современную кашу, т. е. одно из вторых блюд, а первое блюдо — похлебку из крупы (с этимологической точки зрения, *каша* буквально значит «крупя, очищенное зерно»). Кашу тогда можно было, действительно, расхлебывать.

Заметим, что слова *кашевар* и *однокашник* появились как производные от словосочетаний *варить кашу* и *одной каши*, в которых существительное *каша* имеет еще одно, пока не названное значение „артель, семья“, в русских диалектах XIX в. очень распространенное. Слова *кашевар* и *однокашник* в момент возникновения их в языке соответственно обозначали артельного повара и товарища по артели или воспитывающегося в той же семье.

Не миновать глаголя

Этот оборот имеет значение „быть повешенным, погибнуть“ и, между прочим, не имеет никакого отношения к глаголю. Он требует объяснения лишь потому, что содержит в своем составе устаревшее ныне слово *глаголь* „виселица“. Таким образом, буквально выражение *не миновать глаголя* значит „не миновать, не избежать виселицы“.

Что же касается существительного *глаголь* „виселица“, то оно возникло на базе слова *глаголь* как названия буквы „Г“. Виселица получила свое новое имя от прописной буквы „Г“ из-за сходства формы этих (во всем остальном совершенно непохожих друг на друга) предметов.

Гол, как сокол

Это рифмованное выражение означает „очень бедный“. Как показывают факты истории русского языка, такое значение возникло в нем после появления у слова *голый* „нагой, недетский“ переносного значения „бедный“ (ср. собирательные *голытьба*, *голытьба* „беднота“). Мирное сосуществование обоих этих значений у прилагательного *голый* наблюдается в обороте *С миру по нитке — голому рубашка*, в котором, кстати, существительное *мир* имеет архаическое значение „народ, крестьянская община“.

Что касается сравнительной части нашего выражения (как *сокол*), которая равна по значению слову *очень*, то она никакого отношения к известному названию птицы не имеет, о чем свидетельствует не только исходный смысл слова *голый*, но и окончательное ударение в существительном *сокол*.

Сокол в ней — обозначение металлического тарана, употреблявшегося в древности в качестве стенобитного орудия. Этот таран представлял собой совершенно гладкую, т. е. „голую“, чугунную болванку, подвешенную на цепях. Заметим, что фамилия *Соколов* по своему происхождению у одних ее владельцев может восходить к древнерусскому имени *Сѡкол* (из *сѡкол*), а у других — к *Сокѡл* (из *сокол*).

Очертя и сломя голову

Обороты *очертя голову* и *сломя голову* имеют каждый не только свое, одному ему присущее значение (*очертя голову* „безрассудно, не подумав“, *сломя голову* „стремительно, опрометью, стремглав“), но и особые, лишь для него характерные словесные связи.

Выражение *очертя голову* свободно сцепляется с самыми различными глаголами. Правда, есть у него и „любимчик“ — глагол *бросится*. Что касается фразеологизма *сломя голову*, то его окружение ограничено глаголами быстрого передвижения (*бежать, мчаться, скакать* и т. д.).

И все же у этих различных по значению и словесным связям фразеологических оборотов есть нечто общее.

Прежде всего, что видно даже невооруженным глазом, у них является одинаковым зависимый компонент — *голову*. Однако общий зависимый член в идиомах *очертя голову* и *сломя голову* лишь внешнее выражение их кровного родства по происхождению. Дело в том, что выражение *очертя голову* родилось, так сказать, при поддержке и содействии оборота *сломя голову*. Оно появилось в языке в результате контаминации оборотов *очертя* (себя или кого-либо другого) *кружом* и *сломя голову*. Происхождение первого связано с суеверным (еще языческим) обычаем очерчивать себя или кого-либо другого кругом для ограждения от нечистой силы. В момент своего появления в языке сочетание *очертя кружом* было синонимично более позднему обороту *осеня крестом*.

Очертя себя кругом или осеня крестом, можно было уже как будто делать что-либо, не боясь. Но это, по мнению тех, кто сам раз отрезал, чтобы один раз отрезать, и на бога надеялся, а сам не пошлал, значило действовать не думая, безрассудно. Отсюда и пошло современное значение оборота *очертя голову*.

Совершенно иного происхождения выражение *сломя голову*. Оно тоже, между прочим, вначале имело только значение „безрассудно, отчаянно“, о чем свидетельствует, в частности, существующее и сейчас в диалектах слово *сломиголова* „отчаянный смельчак, сорвиголова“.

Оборот *сломя голову* возник из соответствующего свободного словосочетания со значением „потеряв голову“, соприкасающегося с сочетаниями *сложить голову*, с одной стороны, и *сломать руки* — с другой. На развитие современного значения у фразеологизма *сломя голову*, возможно, повлияло (кроме закономерной соотносительности „не думая“ — „очень быстро“) также выражение *стрелять голову*, известное сейчас лишь в диалектах и других славянских языках. По корневому составу и значению оно как бы повторяет литературное наречие *стремглав* (буквально — „опустив голову, вниз головой“), заимствованное русским языком из старославянского.

Семь пятниц на неделе

Выражение *семь пятниц на неделе* — это образное обозначение человеческого непостоянства. Так говорят о том, кто часто меняет свои решения, постоянно отступает от своего слова, не выполняет своих обещаний, т. е. о людях, на которых нельзя положиться и которым нельзя доверять.

О происхождении этой поговорки спорят, но кажется, решение, предложенное С. В. Максимовым еще в конце XIX в., является единственно правильным. Разгадка каламбурного выражения *семь пятниц на неделе* заключена в слове *пятница*: ведь если данное выражение передать буквально, то это можно сделать словами *вся неделя состоит из пятниц, неделя — сплошная пятница*. По какой же причине для обозначения людей, не выполняющих своих обещаний, в качестве главного „героя“ была выбрана пятница, а не какой-либо другой день недели? И отчего это выражение стало художественно-выразительным обозначением человеческого непостоянства?

Оказывается, все определяется историческими причинами, условиями старого русского быта. Дело в том, что пятница некогда была свободным от работы днем (и не только у славян — ср. нем. Freitag — буквально „свободный день“), а потому и базарным. Поэтому-то пятница была долгое время также и днем исполнения различных торговых обязательств. В пятницу, получая деньги, давали честное слово привезти на следующей неделе заказанный товар. В пятницу, получая товар, обещали в следующий базарный день (т. е. в пятницу следующей недели) отдать полагающиеся за него деньги.

О нарушающих эти обещания и было первоначально гиперболически сказано, что у них *семь пятниц на неделе*. Вполне возможно, что обобщенно-метафорическое обозначение непостоянства в решениях человека, на которого нельзя положиться, закрепилось в выражении *семь пятниц на неделе* под влиянием народно-этимологического сближения слов *пятница* и *пятиться* „отступать“ (от своего слова) (ср. *идти на пятую точку*), особенно ясно проявляющегося в поговорке *семь раз на неделе попятиться*.

Выразительность оборота *семь пятниц на неделе* всегда привлекала к себе художников слова. Очень удачно использовал его, в частности, А. С. Пушкин в своей эпиграмме на книготорговца Смирдина:

Смирдин меня в беду поверг;
У торгаша сего семь пятниц на неделе,
Его четверг на самом деле
Есть после дождичка в четверг.

В этом контексте оборот *семь пятниц на неделе* органически связан с выражением *после дождичка в четверг*, т. е. „никогда“.

Заметим, что еще более тесно связаны друг с другом, по существу своему слиты воедино эти обороты в синонимической поговорке *после пятницы в четверг*.

Выражение *после дождичка в четверг* в этимологическом отношении представляет собой, как полагают, формулу недоверия к Перуну, славянскому языческому богу грома, днем которого был четверг: поскольку молябы, обращенные к Перуну, не достигали цели, то о том, чего не будет, стали говорить, что это будет — *после дождичка в четверг*.

К черту на кулички

Сейчас это выражение значит „очень далеко, неизвестно куда, в глухомань“. По своему происхождению оно, скорее всего, является распространением ответа все на тот же действительно сакраментальный, „запретный“ вопрос *куда?* (ср. ходячую реплику *к черту* в ответ на пожелание успеха в виде фразеологизма *ни пуха ни пера*). Современная форма, как обычно полагают и как считал еще В. Даль, представляет собой переделку более старого выражения *к черту на кулички*, возникшую в результате подмены ставшего узкодиалектным слова *кулички* „лесные полянки, острова на болоте“ и т. д. созвучным существительным *кулички* „кулички, пасха“. В результате этого фразеологизм приобрел (сейчас уже, правда, осознаваемую очень слабо) экспрессивную выразительность соединения противоречивых понятий (оксюморона): отправляться „к черту на кулички“, а значит, и на пасху — само собой разумеется, идти или ехать бог знает куда, — ведь понятия черта и религиозного праздника пасхи совершенно несовместимы.

Острая каламбурность этого выражения (ср. *реветь белугой, белая ворона, живой труп, от жилетки рукава* и т. п.) потусквела у него потому, что в современном русском языке нет уже слова *кулички* в значении „пасха“ и почти не употребляется уменьшительно-ласкательная форма от слова *кулич*.

На кудыкину гору

Этот оборот чаще всего используется сейчас в качестве экспрессивно-выразительного ответа на назойливый и ненужный с точки зрения спрашиваемого вопрос: *куда (идешь, едешь, спешишь и т. д.)?* По своему значению он равен фразам типа *А тебе какое дело? или Тебе не все равно?* и т. п. По сфере употребления это общенародный фразеологизм, свойственный живой и непринужденной разговорной речи.

Родился же он в охотничьей среде и первоначально представлял собой ответ охотников на запрещенный с их точки зрения вопрос о том, куда они отправляются. Строгий запрет охотников на такой вопрос объясняется существовавшим у них ранее по-

верьем, что если хочешь успеха, нельзя называть места охоты (ср. поговорку *Не кудыкай, счастья не будет*). Вполне возможно, что такое табу было наложено на вопрос *куда?* по чисто лингвистическим причинам (см.: Зеленин Д. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. I. Л., 1929, с. 79), в силу созвучия *куда* со словами *куд* (*куда*) «злой дух, черт, дьявол», *кудесит* «колдовать», *кудь* «колдовство», известного в диалектах *прокуда* «лукавый, зловерный человек» и др.

Таким образом, искони в выражении на *кудыкину гору* как бы сливаются два значения: буквальное — «на твою — кудыкину — гору» (*кудыка* — это «тот, кто спрашивает, куда охотник направляется») и метафорическое «к черту» (*кудыка* — от *куд(а)* «злой дух, черт, дьявол»).

Фразеологизм на *кудыкину гору*, по сути дела, «повторяет» выражение *к черту на кулички*.

О слове *костить* и обороте *перемывать косточки*

Современная форма фразеологического сращения *перемывать косточки*, синонимическое глаголам *слетничать*, *злословить*, *судачить* (о ком-либо), сменила более старую *перемывать кости*, известную еще в XIX в. Именно эта старая форма и явилась основой для образования слова *костить* «ругать».

Оборот *перемывать кости* в качестве устойчивого сочетания слов родился на базе переменного словосочетания, связанного с существовавшим в древности у славян обычаем так называемого вторичного захоронения, которое осуществлялось спустя несколько лет после похорон умершего для очищения его от грехов и снятия с него заклатья. Перед вторичным захоронением выкопанные останки (т. е. кости) перемывались, что, естественно, сопровождалось воспоминаниями о покойнике, оценкой его характера, поступков и дел. Это и явилось причиной образно-метафорического переосмысления слов *перемывать кости*, первоначально имевших самый прямой, буквальный смысл.

Это его конек

Так мы называем чье-либо увлечение, излюбленное занятие или, как теперь часто говорят, хобби. Слово *конек* выступает здесь в качестве синонима словам *увлечение*, *страсть*, *хобби*. Очень хороший пример этого мы находим в одной из журнальных статей: «...Это пристрастие, которому отдается свободное время. Можно его назвать очень распространенным в последнее время английским словом «хобби». Или русским

литературным «увлечение». Или менее литературным, но более метким «конек»» («Театр», 1965, № 5, с. 136). Такое значение существительное *конек* получило уже в момент появления в русском языке выражения *это его конек* (а также оборотов *сестра со своего конька* и *оседлать своего конька*). А все эти выражения увидели свет в конце XVIII в. Все они суть не что иное, как фразеологические кальки, т. е. пословные переводы французских оборотов, в свою очередь калькирующих английские фразеологизмы. Родились последние в романе «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна, с которым русское общество конца XVIII в. вначале познакомилось в переводе на французский язык. Наше выражение передает французский оборот *c'est son dada*, родившийся при переводе английской поговорки *It is his hobby-horse*. Обратили внимание на последнее английское слово? Да, вы правы. Оно имеет прямое и непосредственное отношение к популярному сейчас *хобби*. Ведь это оно же, но только в полном, несокращенном виде. Таким образом, английское слово *хобби* (сокращение первоначального *hobby-horse*) приходило в наш язык дважды: в виде кальки *конек* в конце XVIII в. и в качестве прямого заимствования буквально несколько лет назад.

Намылить голову и задать головоломку

Эти очень употребительные и образные выражения — синонимы. Оба они имеют значение «сильно бранить, распекать». Но не только это делает их фразеологическими «собратьями» в нашей речи. Они одинаковы и с точки зрения сферы их употребления, и по своей стилистической разговорно-фамильярной окраске.

Больше того, эти фразеологизмы родственны и по происхождению. Правда, родство их не непосредственное, и родственники они дальние. Однако языковой источник у них один и тот же.

Как ни удивительно, эти, казалось бы, чисто русские выражения отражают в себе (правда, по-разному) иноязычное влияние и в конечном счете обязаны своим появлением на свет соответствующему немецкому выражению.

Как же все-таки родились в русском языке обороты *намылить голову* и *задать головоломку*?

Сначала, как пословный перевод, точная фразеологическая калька немецкого оборота *den Kopf waschen*, появилось выражение *мыть голову*. В XIX в. этот оборот (и его формы) употреблялся довольно часто (ср. в письме П. А. Вяземского А. И. Тургеневу: *Я знал, что Оболенский мыл голову Каченовскому за какие-то стихи*), но затем стал архаизмом и вышел из речевого обихода. Но он не исчез бесследно. На его базе возникли фразеологизмы *намылить голову*, с одной стороны, и слово *головоломка* — с другой.

Выражение *намылить голову* появилось в обороте *мыть*

(вымыть, помыть) голову путем замены глагола словом той же смысловой сферы (мыть — намыливать). Подобные процессы в фразеологии — не редкость (ср. на всех парах < на всех парусах, городить чушь < городить чепуху, бог знает < бог весть и т. д.).

Существительное *головомойка* возникло на базе оборота *голову мыть* посредством сложения и суффикса **-к(а)**. Такие „фразеологические“ по своему происхождению слова в словообразовательной системе русского языка также встречаются очень часто (вспомните хотя бы слова *головомолка* < *голову ломать*, *головокружение* < *голова кружится*, *зубоскал* < *зубы скалить*, *кривотолки* < *кривые толки* и т. п.)

Позднее существительное *головомойка* было использовано говорящими как слово той же смысловой сферы, что и слово *бани*, и появилось — на базе фразеологизма *здать баню* — выражение *здать головомойку*.

Заметим, что выражение *здать баню* само по себе также не исконно. Оно родилось (как, между прочим, и фразеологизм *здать жару*) от оборота *здать пару*, в связи с замещением слова *пар* опять-таки словом той же тематической группы — существительным *бани*.

Что же касается выражения *здать пару* (< *дать пару*), то оно является изначальным и возникло как устойчивое сочетание слов уже не по модели, а из свободного сочетания, когда составляющие его слова стали употребляться не в прямом („парильном“) значении, а в обобщенном и образно-переносном.

В заключение заметим, что заимствованный характер выражения *мыть голову* отмечался уже В. Далем: „Намылить и вымыть кому голову, с нем. пожурить“ (Толковый словарь..., т. 1, с. 367), но впоследствии никем из лингвистов замечен не был. Мы до сих пор плохо используем то, что было сделано нашими предшественниками.

Пиррова победа

Фразеологизм *пиррова победа* „победа, не оправдывающая понесенных за нее жертв, победа, равная поражению“ возник из свободного сочетания слов. По описанию Плутарха, победа над римлянами в 279 г. до н. э. эпирскому царю Пирру стоила стольких жертв, что, когда он узнал об этом, то воскликнул: „Еще одна такая победа, и мы погибли!“ И в самом деле, в следующем, 278-м году его войска были разбиты теми же римлянами.

Не зная происхождения этого оборота, нельзя оценить прелесть и изящество остроумной миниатюры Ф. Кривина: „Много побед одержал великий Пирр, но в историю вошла только одна *пиррова победа*“.

Заметим, что в этой небольшой фразе писатель не только разлагает выражение *пиррова победа* на его составные компоненты, но и, делая это, употребляет еще один оборот со словом *победа* — сочетание *одержать победу*. Вряд ли оно когда-нибудь останавливало на себе ваше внимание; обычно, рядовое описательное выражение, равное глаголу (*победить*) и входящее в привычную и типовую модель (ср. *дать гудок* — *загудеть*, *привести беседу* — *побеседовать*, *нанести удар* — *ударить* и т. д.). Но особенность у него все же есть. Она не в том, что в выражении *одержать победу* лексическое значение целиком пришло к рукам существительное *победа*, оставив на долю глагола *одержать* чисто морфемное значение (равное значению суффикса **-и(ть)** в глаголе *победить*). Это интересно, но свойственно всем такого рода описательным оборотам. Своеобразие в том, как наш оборот появился на лингвистический свет. А возникло это (книжное!) выражение на базе разговорно-просторечного оборота *одержать верх*, в результате замещения слова *верх* в известной степени синонимичным (ср. *его верх*, *его победа*) словом *победа*.

Крокодиловы слезы

Фразеологический оборот возник в русском языке в результате буквального перевода сложного немецкого слова *Krokodilstränen* (ср. подобное происхождение выражений *детский сад* — *Kindergarten*, *соломенная вдова* — *Strohwitwe* и т. д.).

Первую запись этого фразеологизма мы находим в „Немецко-латинском и русском лексиконе“ Вейсмана 1731 г. (с. 123). Появление соответствующего образования в немецком языке связано с поверьем о том, что когда крокодил пожирает человека, то он плачет (ср. в „Азбуконике“ XVIII в.: *Крокодил зверь водный... Егда имат человека ясти, тогда плачет и рыдает, а ясти не перестает*).

Зарыть талант в землю

Это выражение интересно тем, что в одном слове *талант* здесь содержится ... два слова, различных не только по значению, но и по происхождению. Очень часто оборот *зарыть талант в землю* объясняют как фразеологизм, заимствованный из старославянского языка. В действительности же он возник уже в русском языке, хотя и на базе евангельской притчи.

В притче рассказывается о том, как один из рабов некоего господина — в отличие от других, пустивших деньги в ход и умноживших их, — зарыл данный ему талант в землю, так как не хотел обогащать далее хозяина своим трудом. Эта притча и легла в основу нашего устойчивого сочетания слов в переносно-метафорическом значении „погубить свои способности“. Здесь слово

талант имело вначале свое исходное значение „крупная денежная единица“. По происхождению оно является старославянским переобразованием греч. *talanton*. Позднее, уже в XVIII в., чему способствовало целостное значение оборота „погубить свои способности“, старое слово *талант*, являющееся историзмом, заместились заимствованием из немецкого языка (правда, этимологически восходящим к первому), уже со значением „талант, дарование“. И в нашем обороте произошла незаметная подмена греческого *talanton* немецким *Talent*.

Заметим попутно, что рассматривать слово *талант* „дарование, способности“ как переносное значение существительного *талант* „большая денежная единица“, возникшее на русской почве, было бы совершенно неправильно. А это иногда наблюдается (см. хотя бы кн.: Попоу Р. Н. Фразеологические единицы современного русского литературного языка с историзмами и лексическими архаизмами. Вологда, 1967, с. 20).

Хранить молчание и играть в молчанку

Понятие „молчать“ в нашем языке можно выразить по-разному. Самым обычным и стилистически нейтральным является односложное его выражение — с помощью глагола *молчать*. Но можно в том же значении употребить и иные средства. В самом деле, в современном русском литературном языке рядом со словом *молчать* как его фразеологические синонимы свободно и часто употребляются также обороты *хранить молчание* и *играть в молчанку*.

Первый принадлежит книжной речи, второй относится к устойчивым сочетаниям слов разговорного языка. Как же они возникли?

Совсем недавно — только в XVIII в. (ср. у Пушкина: *Хранить молчанье в важном споре...*) — в книжной речи возникает выражение *хранить молчание*. Оно рождается как пословный перевод латинского оборота *silentium servare*.

Несколько позже в качестве разговорного эквивалента обороту *хранить молчание* входит в употребление выражение *играть в молчанку*. По своему происхождению оно является таким же результатом фразеологизации свободного сочетания слов, обозначающего вид игры, как и обороты *играть в кошки-мышки*, „хитрить, обманывать“, *играть в прятки*, „скрывать, утаивать что-либо“, *играть в бирюльки*, „заниматься пустяками“ и т. д. Основной смысл игры в молчанку (слово *молчанка* значит „молчанье“) заключался в том, чтобы не проговориться первому; первый сказавший что-нибудь платил штраф. Сама игра исчезла из обихода, но ее название в виде фразеологизма *играть в молчанку* „молчать“ осталось жить.

Идти ва-банк

О значении этого оборота говорится далее в связи с объяснением фразеологизма *идти направо*. Как же оно появилось? Возникло оно в речи любителей карточной игры также по модели, т. е. по аналогии с другими, уже существовавшими оборотами. Но есть в рождении этого оборота и своя особенность. Дело в том, что родился он... по ошибке, в результате „смешения французского с нижегородским“. Было это так. Сначала в среде игроков-дворян появилось французское выражение *en banque* (собственно — „иду на банк“), слышнее затем в нашей речи в слово. Затем это слово было включено в фразеологическую схему со словом *идти*. И пошло гулять выражение *идти ва-банк*, в буквальном смысле не что иное, как „идти, иду на банк“ (т. е. на все, что разыгрывается на кону).

Нечто подобное — по этимологической неправильности — мы находим и в выражении *не в своей тарелке*.

Не в своей тарелке

Это очень употребительное в разговорном языке выражение равнозначно наречиям *неудобно*, *плохо*, *стесненно* и в качестве обязательных слов-сопроводителей имеет глаголы *чувствовать* или *быть*. Этот оборот с этимологической точки зрения неправильный. Фразеологическое сращение *не в своей тарелке* является ошибочным переводом французского оборота *ne pas dans son assiette*. Слово *assiette* „состояние, положение“ спутали с его омонимом *assiette* „тарелка“. В результате этого вместо правильного *не в своем положении*, *не в своем состоянии* возникло *не в своей тарелке*. Сейчас этот плод переводческого недоразумения никаких возражений у говорящих не вызывает и является самым обычным и рядовым, никаких норм литературной речи не нарушающим. В первой же половине XIX в. против его употребления бурно протестовали. Выступал против него, в частности, и А. С. Пушкин.

Разводить тары-бары

Разводить тары-бары — это болтать пустяки, заниматься пустыми разговорами. Выражение было создано по модели, по аналогии с фразеологизмами *разводить разводи*, *разводить антимионии* и т. д. При этом в качестве нового грамматически зависимого компонента было использовано сложное существительное *тары-бары*, представляющее собой „перегласованный“ повтор типа *трень-брень*, *шалый-валяй*, *шурь-мурь*, *фигли-мигли*, *шахер-махер* и т. д. Обе части этого слова являются звукоподражательными и соответственно связаны с глаголами *тараторить* и *тарабарить* „говорить пустяки“. Следовательно, буквально *тары-бары* значит „болтовня“.

В разбираемом обороте перед нами форма множественного числа. В форме единственного числа существительное *тара-бара* наблюдается в составе производного от него слова *тарабарищина*.

Собаку съел

Вряд ли кто-нибудь из вас не употреблял в своей речи этого выражения. И очевидно, почти у каждого когда-нибудь возникал вопрос: а почему мы так говорим? Почему понятие „мастер на что-либо“ выражается оборотом, состоящим из существительного *собаку* и глагола *съел*? Надо сказать прямо, вопрос этот очень трудный. Даже те, кто действительно собаку съел на решении таких задач (имеем в виду этимологов и специалистов по фразеологии), пока что не дали не только удовлетворительного, но и более или менее вероятного объяснения происхождения этого странного фразеологического сравнения.

А. А. Потегия в свое время предполагал, что оборот *собаку съел* появился в крестьянской среде и что его рождение связано с земледельческим трудом: лишь „тот, кто искутился в этом труде, знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду и собаку бы съел“ (К истории звуков русского языка, IV. Варшава, 1883, с. 83). Однако такое объяснение В. В. Виноградов (см. его „Русский язык“, М., 1947, с. 23) не без оснований считает ложным субъективным осмыслением имеющегося выражения вместо реального определения его биографии. Ведь устойчивого сочетания слов „устанешь, с голоду и собаку бы съел“ никогда в нашей речи не существовало.

Явно неправильное, анекдотическое объяснение нашего загадочного оборота находим мы у С. В. Максимова (Крылатые слова. М., 1955, с. 194–196), считающего, что фразеологизм *собаку съел* восходит к свободному сочетанию слов, заключающему в себе насмешку над петровскими, нечаянно будто бы чуть не съевшими на свадьбе щи с собачиной.

Думается, что оборот *собаку съел* при всей своей исключительности (с точки зрения логического несоответствия значения целого и составляющих его частей) не представляет собой ничего исключительного. Скорее всего, это выражение является одной из многих идиом, родившихся в результате сокращения полной формы (ср. *Голод — не тетка < Голод — не тетка, пирожка не подсухнет; Как заведенный < как заведенные часы; На чужой каравай рот не развезай < На чужой каравай рот не развезай, а раньше вставай, да свой затевай* и т. д.). И истоком его является поговорка, зафиксированная В. И. Далем, — *Собаку съел, а хвостом подавился*. Эта поговорка употребляется по отношению к человеку, который сделал что-то очень и очень трудное и споткнулся на пустяке (мясо у собак невкусное, собак не едят, и съесть целую собаку если не невозможно вовсе, то действительно, чрезвычайно трудно).

Современное же значение („мастер на что-либо“) возникло уже у сокращенной формы *собаку съел*: тот, кто сделал или может сделать что-либо очень и очень трудное, является, несомненно, мастером своего дела.

Дополнительной аргументацией в пользу предлагаемого объяснения может служить „морфологическая ущербность“ нашего оборота. Ведь можно сказать лишь *собаку съел (-а, -и)*, употребив глагол в тех же формах прошедшего времени, что и в соответствующей полной поговорке.

Заметим, что „морфологическая недостаточность“ выражения *собаку съел* устранена в глаголе *насобачиться* „стать мастером на что-либо“, возникшем в результате сжатия фразеологизма в слово (ср. подобные по происхождению глаголы *наладиться < пойти на лад, надрызкаться < напиться вдрызг, смататься < смотать удочки, зажмуриться < зажмурить глаза* и т. д.).

Кстати, грубовато-просторечный оттенок этот глагол приобрел сравнительно недавно. Еще в начале XIX в. слово *насобачиться* совершенно свободно в своей авторской речи употребляли самые взыскательные стилисты.

Чужими руками жар загребать

Оборот этот представляет собой образно-метафорическое выражение, синонимическое словам *пользоваться результатами чужого труда*. Он появился в нашем языке в результате сокращения более распространенного и полного. А именно этот фразеологизм возник на базе поговорки *Легко чужими руками жар загребать*. Отметим, что в последней слово *жар* употребляется в конкретном значении „горящие уголья“ (загребать которые из печи для хозяйки было делом нелегким). То же значение слово *жар* имеет и в фольклорной формуле как *жар горит* („блестит“), и в составном названии птиц русских сказок *жар-птица*, а возможно, и в диалектном наименовании клюквы — *жаровика* (ср. жаровый „огненный, баргяный, красный“), если ягода, как черника, голубика, вороника, получила свое имя по цвету.

Задеть за живое

Фразеологический оборот *задеть за живое* в значении „обидеть, взволновать“ возник в результате переосмысления выражения *задеть за живое* со значением „поранить“. Последнее родилось в живой разговорной речи благодаря сокращению более полного по составу фразеологизма *задеть за живое мясо „пораниться“* (при стрижке ногтей или срезке мозолей). Так объяснял это выражение уже В. Даль. (см. „Толковый словарь...“, т. I, с. 538).

Шарашкина контора

Фразеологический оборот *шарашкина контора* (как и синонимичное и дублетное ему выражение *шарашкина фабрика*) возник в живой разговорной речи и имеет негативный характер. Он был образован по модели с использованием как структуры фразеологических оборотов типа *почтовая контора*, *волостная контора* и т. д., так и их грамматически опорного слова *контора* (об исконно русских фразеологических оборотах, образованных по модели, см.: Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1984).

Поэтому, для того чтобы установить этимологию этого выражения, достаточно определить, каково происхождение слова *шарашка* (*шарашкина* является, несомненно, притяжательным прилагательным, ср.: с *гулькин нос*). Однако именно это и является невыясненным. Более того, в словарях не фиксируется даже сам фразеологизм.

Поскольку в этимологических словарях слово *шарашкина* (контора, фабрика) не получило пока абсолютно никакого объяснения, в настоящее время можно предложить лишь предварительную, хотя, как нам кажется, и очень вероятную этимологию.

Это объяснение полностью согласуется со значением фразеологического оборота *шарашкина контора*, а также сферой его употребления и экспрессивно-стилистической окраской. Скорее всего, слово *шарашкина* этимологически связано как родственное с таким словом, как диалектное *шараш* (нагольная) «шваль, голытьба, жулье». Если это так, то *шарашкина контора* — буквально «контора жуликов, обманщиков» (ср.: *шарашнуть* «ударить», *ошарашить* «оглушить», подобное *ошеломить*, которое первоначально значило тоже «оглушить, ударить»).

Фразеологизм *шарашкина контора* дал недавно нашей речи обратное образование — *шарага* (ср.: *фляга* — из *фляшка*).

Как вкопанный и как заведенный

Эти ходовые и выразительные обороты различны по значению, но тем не менее имеют немало общего. Бросается в глаза прежде всего их одинаковая структура: в том и в другом после сравнительного союза *как* следует страдательное причастие прошедшего времени, образованное от приставочного глагола совершенного вида. Но не только это роднит их друг с другом. Похожим оказывается и появление их в речи. Ведь и одно и второе выражение родилось от более полных фразеологизмов.

Оборот *как заведенный* значит «без остановки». Еще во второй половине XIX в. его в современном виде не существовало. И употреблялась несокращенная форма фразеологического единства *как заведенные часы* (ср. у Л. Н. Толстого: *Князь... по привычке, как заведенные часы, говорил вещи, которым он и не*

*хотел, чтобы верили, у В. Даля: Василько молот без умолку, как заведенные часы, и т. д.)). После сокращения оборота причастие стало изменяться по числам и родам. Рядом с одной-единственной ранее формой *как заведенные* (в составе выражения *как заведенные часы*) появились формы *как заведенная, как заведенный*.*

Оборот *как вкопанный* в литературном языке сцепляется только со словами *стоять* и *остановиться*. Его прямое значение — «неподвижно, замерев на месте от ужаса или удивления». По происхождению он также является сокращением более ранней формы *как вкопанный в землю*, восходящей в свою очередь к соответствующему свободному сочетанию слов. Последнее родилось вместе с бызлизм — вплоть до Петра I — наказанием оккупывать живых людей за какое-либо серьезное преступление (см. указ Алексея Михайловича 1663 г., по которому так наказывали жену за убийство мужа).

Разделать под орех

Значение «разругать, раскритиковать» возникло у этого оборота на базе более старого — «сделать (что-либо) очень основательно и хорошо».

В своем первоначальном значении фразеологизм родился в профессиональной речи столяров и краснодеревщиков из соответствующего свободного сочетания слов. Изготовление мебели под ореховое дерево из других сортов древесины требовало большого труда и хорошего знания дела.

Из речи столяров и краснодеревщиков выражение *разделать под орех* и проникло в русский литературный язык. Ср. оттуда же обороты *топорная работа* (первоначально о работе плотников) и *без сучка и задоринки* (буквально — «без каких-либо изъянов»).

Нечем крыть

Так в непринужденной разговорной речи мы нередко передаем значение «нечего возразить» или «нечего ответить» (ср. хотя бы у Н. А. Островского в романе «Как закалялась сталь»: *Да тебе любой скажет — увиливаешь от ответственности, и тебе крыть нечем*). Этот очень выразительный и энергичный оборот — один из довольно многочисленных в современном русском литературном языке фразеологических арготизмов. Пришел он в литературную речь из аргю картежников, где обозначал, что у игрока нет карт, которыми он мог бы крыть, т. е. бить, карту противника.

Таким образом, выражение *нечем крыть* — из той же «картежной» семьи, что и фразеологизм *смешать карты*, «растронуть чьи-либо планы или намерения», *ставить на карту* «надеясь

чего-либо добиться, подвергать что-либо опасности", *втирать очки* "обманывать кого-либо, изображая что-либо в искаженном, но выгодном для себя свете" (выражение возникло первоначально для обозначения шулерства с очками, т. е. знаками игральными карт), *идти ва-банк* "действовать, рискуя всем, что есть", и др. (см. с. 215).

Идти направо

Фразеологизм этот принадлежит по своему происхождению к той же "картежной" семье, что и выражения *нечем крыть*, *втирать очки*, в известной степени синонимичный ему оборот *идти ва-банк* (о нем см. заметку "Идти ва-банк") и некоторые другие.

Его значение в настоящее время — "идти наугад, не раздумывая, напролом". В арго картежников оно имело иную семантику, о чем очень наглядно говорит его происхождение. А родилось оно там как выражение, прямо противоположное по смыслу обороту *идти на верную* (*идти на верную ставку*) "играть на верняка", давшему, между прочим, слово *наверное* "наверняка" (затем оно получило значение "вероятно"). Причем и возникло наше выражение по модели оборота *идти на верную* с использованием еще одного фразеологизма — поговорки *Или пан, или пропал*, из которой был взят последний ее компонент *пропал*. Так *идти на верную* + *Или пан, или пропал* дали *идти направо*.

Притча во языцех

Фразеологизм *притча во языцех* в современном русском языке имеет значение "предмет всеобщих разговоров, объект постоянных пересудов".

Появился он в нашей речи как одно из довольно многочисленных библейских выражений, заимствованных из старославянского языка. По своему лексическому составу этот оборот представляет собой объединение слов *притча* (с исходным значением "рассказ, пословица, поговорка") с предложно-падежной формой *во языцех*, в которой слово *язык* имеет значение "народ". Таким образом, буквально *притча во языцех* "поговорка в народе", затем "то, о чем постоянно говорят".

Форма *во языцех* < *въ языцѣхъ* является старой формой предл. пад. мн. числа с чередованием *к — ч* (ср. современную форму *в языках*). Аналогично "застряла" старая форма с *ч* в выражениях *темна вода во облацехъ* "непонятно, неясно" и *всѣ в руке божией* "на все воля бога, судьба" (ср. современные формы *в облаках*, *в руке*), также, между прочим, восходящих к библии и усвоенных русским литературным языком из старославянского.

С гульки нос о с гульки нос

Вы никогда не задумывались, почему этот оборот имеет именно такое значение? Очень просто. Ведь буквально выражение с *гульки нос* обозначает "с голубиный (очень маленький) клюв". Предлог с указывает на уподобление по размеру (ср. *сам с ноготок*). А слово *гульки* является притяжательным прилагательным от *гулька* "голубь", в свою очередь образованного с помощью суффикса *-к(а)* от *гуля* того же значения. Слово же *гуля* как название голубя возникло на базе звукоподражательного подзывания *гуль-гуль*.

Бразды правления

Выражение это представляет собой книжный синоним слова *власть*. Отвлеченное значение "власть", характерное для него сейчас, является вторичным и возникло на основе очень конкретного. Это становится ясным, как только мы обратимся к истории фразеологизма. Он сформировался на базе свободного сочетания слов *бразды правления*, в котором первое существительное, ныне устаревшее, означало "возжи". Таким образом, буквально *бразды правления* значит "возжи правления".

Заметим, что слово *бразды* "возжи" не является старославянским и со словом *бразды* "борозды" (ср. у А. С. Пушкина: *Бразды пушистые взрывая, Летит комитка удалая*) совершенно не связано. Слово *бразды* "борозды", заимствованное из старославянского языка, образовало омонимическую пару с исконно русским *брѣзды* после того, как сильный *ѣ* прояснился в *о*, а последнее затем в результате аканья совпало по звучанию с *а* (что по ошибке также было закреплено и в написании).

Стоять у кормила

Этот книжный фразеологический оборот со значением "быть у власти, управлять" возник в древнерусском литературном языке из свободного сочетания слов *стоять у кормила*, в котором слово *кормило* (ср. однокоренное *кормчий* "рулевой") обозначало руль для управления ходом судна.

Уже в советское время на базе нашего оборота возник фразеологизм *стоять у руля* (в результате замены архаизма *кормило* синонимическим *руль* (заимствованием из голландского языка)). На его же основе как следствие "скращения" с синонимическими выражениями *находиться у власти*, *быть у власти* появился, между прочим, и его более распространенный и этимологически явно ошибочный (в силу тавтологичности слова *власть* и оборота *стоять у кормила*) вариант *стоять у кормила власти*, который весьма употребителен, несмотря на свою исходную "незаконность".

Заметим, что и обороты *находиться у власти*, *быть у власти* появились на свет также не без влияния идиомы *стоять у кормила*. Ведь в древнерусском письменном языке слово *кормило* имело также и (несомненно, извлеченное из оборота *стоять у кормила*) метафорическое значение "власть".

Очная ставка

Очной ставкой, как известно, называется одновременный и перекрестный допрос лиц, сведение их лицом к лицу (в ходе судебного разбирательства) для выяснения правды.

Оборот *очная ставка* целиком состоит из частей, которых вне его сейчас нет. Ведь прилагательное *очная* "глазная" и существительное *ставка*, обозначающее действие по глаголу *ставить*, отдельно уже не существуют.

По своей структуре выражение *очная ставка* относится к модели "прилагательное+существительное", поэтому можно подумать, что оно возникло на базе свободного сочетания слов именно такого типа (ср. *красная девица*, *зачетная книжка*, *голубая кровь* и т. д.). Неважно, что его сейчас нет, раньше оно ведь могло быть. Однако такое решение было бы неверным, так как искомого (казалось бы, совершенно необходимого) переменного сочетания прилагательного и существительного *очная ставка* не было никогда.

Выражение *очная ставка* родилось сразу как фразеологизм в результате переработки более старой юридической формулы *ставить с очей на очи* (ср. в записи 1606 г.: *Доводов ложных мне, великому государю, не слушати, а ссыкивати всякими сыски крепко и ставити съ очей на очи*).

За душой нет ничего

Этот фразеологический оборот среди других ничем как будто не выделяется. Состоит он из привычных и всем известных слов. Ясно и его значение: (У него) *за душой нет ничего* значит или "он беден, у него нет денег", или — это значение вторично — "он пустой человек, духовное ничтожество".

И все же выражение это своеобразным и любопытным делает слово *душа*, имевшее в первоначальной форме оборота совсем не тот смысл, который мы сейчас в него вкладываем (и который выступает до сих пор в таких, например, фразеологизмах: (предан) *душой и телом* "полностью", *от всей души* "искренне", (жить) *душа в душу* "дружно" и т. д.). Дело в том, что существительное *душа* в исходном словосочетании за *душой нет ни копейки* (затем ни копейки) заменилось более общим *ничего*) обозначает не душу, а ямочку, расположенную между ключицами на шее. Душой это углубление названо в свое время потому, что — по народным представлениям — здесь помещается душа.

Возникновение нашего оборота связано с существовавшим ранее обычаем хранить деньги на груди, "за душой".

Заметим, что такое же несомненное значение имеет существительное *душа* еще в одном выражении — (У него) *душа нараспашку*, служащем для образной характеристики искреннего, открытого и чистосердечного человека. В момент своего появления в речи словосочетание (У него) *душа нараспашку* обозначало человека с расстегнутым воротом рубахи, не боящегося показать, что у него за пазухой.

Сравните выражение с *открытым забралом* "честно, открыто", в котором слово *забрало* обозначает переднюю часть шлема, опускаемого на лицо для его защиты в сражении.

Нести околесицу и говорить новость что

Названные в заголовке выражения синонимичны: и то и другое имеет значение "болтать чепуху". Но они объединяются друг с другом не только этим. В обоих оборотах современное значение возникло не сразу, причем и там и там в результате строгой, но справедливой оценки народом стилистики речи (в первом случае — с точки зрения ее ясности и краткости, во втором — с точки зрения ее точности). Оборот *нести околесицу* первоначально обозначал "говорить вокруг да около, не затрагивая прямо сути предмета, вести разговор намеками и недомолвками, не кратко и ясно, а очень многословно". Слово *околесица* (от наречия *около*) в нем ранее обозначало "не идущие к делу речи", которые с позиции слушающего являются помехой для понимания сути дела, и следовательно, лишним, пустяками, чепухой.

Выражение *говорить новость что* получило значение "болтать чепуху" по другой причине. В новом значении этого оборота отразилось отрицательное отношение к людям, говорящим о том, чего сами точно не знают. В момент своего возникновения как устойчивого сочетания слов он буквально обозначал "говорить о том, чего не знает" и имел закрепленную форму 3-го лица ед. числа *говорит не весть что*. Слово *весть* в этом фразеологизме представляет собой 3-е лицо ед. числа настоящего времени глагола *ведѣти* "знать", вытесненного затем словом *ведать* того же значения.

Обороту *говорить новость что* аналогично по своему внутреннему образному стержню выражение *говорить черт знает что* (другой вариант — *говорить бог знает что*).

Три фразеологических алогизма

Почему мы говорим *пятая спица в колеснице*, и *дешево и сердито*, на *воде вилами написано*? Вы не обращали внимания на эти выражения? Нет, нет, не на значение этих устойчи-

вых словосочетаний (оно ясно всем), а на то, что слова в них сочетаются, «не в лад» с их значением, без учета логики и привычных смысловых связей. Почему же все-таки мы так говорим?

Выражение *пятая спица в колеснице* (о ком-нибудь или чем-либо лишнем и ненужном) возникло в нашей речи в результате соединения рифмованной поговорки *последняя спица в колеснице* («человек или предмет, имеющий очень небольшое — даже ничтожное значение в чем-то») и оборота *пятное колесо в телеге* (о ком-либо или чем-нибудь лишнем и ненужном), представляющего собой скорее всего дословный перевод немецкого выражения *fünfte Rad am Wagen*. У Салтыкова-Шchedрина еще встречается «прямое звучное звено» — *пятное колесо в колеснице*. На одну минуту помпадуру даже померещилось, что он как будто совсем лишний человек, вроде пятого колеса в колеснице.

Разбираемое выражение взяло значение у оборота *пятное колесо в телеге*, а подавляющее большинство слов (кроме прилагательного *пятая*) позаимствовало из фразеологизма *последняя спица в колеснице*. Так родилась новая поговорка — *пятая спица в колеснице*.

Совсем другая история произошла с оборотом и *дешево и сердито* (о чем-нибудь дешевом, но в то же время вполне отвечающем своему назначению). Его состав остался неизменным, но нами оказалось забыто старое значение наречия *сердито*. Дело в том, что раньше слово *сердитый* среди других имело также значение «дорогой, хороший» (прилагательное *сердитый* образовано от *сърдце*, ср. *сердечный друг и дорогой друг*). Это значение особенно часто и ярко проявлялось в обороте *сердитая цена* (ср. у Лескова: *У графини теперь... страстное желание иметь пару сереньких лошадок с колясочкой, хотя не очень сердитой цены*). Отсюда в качестве каламбура и появилось наше выражение и *дешево и сердито* (буквально «и дешево и дорого, хорошо», но дорого не по цене, а по качеству), причем несомненно как своеобразный полемический выпад против пословицы *дорого, да мило; дешево, да гнило*.

Аналогичный случай того, как логичное стало аллограмом, наблюдается и в поговорке на *воде вилами написано* («очень сомнительно, неясно»), в которой первоначальные *вилы* «круги» (ср. *вилы*, диал. *вил* «завиток» и т. д.) — в силу выхода его из употребления — понимается «а правильное — не понимается») как *вилы* «вид сельскохозяйственного орудия».

Быть немым как рыба и реветь белугой

Эти выражения по своему значению прямо противоположны, антонимичны. Однако в их составе есть нечто общее. Ведь и в первом и во втором фразеологическом обороте есть слово, обозначающее рыбу (в первом случае — рыбу вообще, во втором — одну из разновидностей осетровых рыб).

И если выражение *быть немым как рыба* никаких вопросов не вызывает (рыбы действительно «не говорят»), то оборот *реветь белугой*, несомненно, привлекает к себе внимание. Почему мы говорим *реветь белугой*? Ведь белуга реветь не может. В чем же здесь дело? Может быть, это сознательное сочетание несочетающихся логически слов, например такое же, как в выражениях *живой труп*, *начало конца*, *без году неделя* и т. д.? Нет, оказывается, не совсем так.

Дело в том, что вначале было выражение *реветь белухой* (а не *белугой*), в котором слово *белуха* обозначает полярного дельфина, действительно способного реветь. И лишь потом оно было «переделано» в *реветь белугой* и превратилось в каламбур.

Глухая тетерея

Как образно писал С. Т. Аксаков в своих «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии», этой «всем известной укорительной поговоркой потянуто того, кто, будучи крепко на ухо или по рассеянности, чего-нибудь не дослышал». Выражение это имеет грубоватый, даже бранный оттенок, однако употребляется часто и охотно.

Кроме своей основной, «женской» формы (*глухая тетерея*), оно известно также и в «мужской» форме — *глухой тетерев*. «Мужской» вариант используется лишь по отношению к лицам мужского пола. В своем же основном виде (в «женской» форме) рассматриваемый оборот употребляется и по адресу лица женского пола, и по адресу лица мужского пола. Он выступает в качестве «фразеологического существительного» общего рода, вроде слов *разиня*, *соня*, *рва* и т. п.

Каково происхождение этого оборота? По мнению С. Т. Аксакова, появление его прямо и непосредственно связано с названием птицы — глухого тетерева (глухаря). В таком переносе птичьего имени на человека сказалось будто бы общепринятое в русском народе представление о глухом тетереве как о глухой птице:

«В молодости моей я еще встречал стариков охотников, которые думали, что глухие тетерева глухи, основываясь на том, что они не боятся шума и стука...

Народ также думал, да и теперь думает, что глухарь глух. Это доказывает всем известная укорительная поговорка... «Эх ты, глухая тетерея».

Однако этот перенос названия с птицы на человека, как полагает писатель-охотник, не является законным, так как распространено мнение о глухоте глухого тетерева «совершенно ошибочно... Глухарь, напротив, имеет необыкновенно тонкий слух, что знает всякий опытный охотник». Что же касается названия птицы, то «имя глухаря дано ему не потому, что он глух, а потому, что водится в глухих, уединенных и крепких местах».

Таким образом, если верить С. Т. Аксакову, оборот *глухая тетеря* возник в результате метафоризации составного наименования глухаря по отношению к человеку. На первый взгляд в этом он как будто прав. И все-таки в его объяснении есть явные ошибки. Во-первых, несправедливо, будто народ „думал, да и теперь думает, что глухарь глух“. Во-вторых, перенос названия с птицы на человека является вполне законным: ведь, несмотря на тонкий слух, в определенные моменты, при токовании, глухарь действительно не слышит. В-третьих, неверно, будто название *глухарь* дано птице потому, что она „водится в глухих, уединенных и крепких местах“. Это название связано „с тем, что эта птица при токовании как бы гложет...“ (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 417). Но дело не только в этом. Внимательное „дознание“ приводит к выводу, что С. Т. Аксаков ошибался и в главном. Фразеологизм *глухой тетерев* — вовсе не образно-переносное употребление птичьего составного термина, обозначающего глухаря. Он возник путем прямого сочетания прилагательного *глухой* с существительным *тетерев* на основе сжатия выражения *глух, как тетерев на току*.

Что касается „женской“ формы, то она появилась позднее и по общему правилу на базе „мужской“.

Быльем поросло

Если говорить, что нечто быльем поросло, то это значит, что оно давно забыто. Этот оборот появился на свет в результате сокращения фразеологизма *было да быльем поросло*, в свою очередь возникшего путем сжатия пословицы *Было да прошло, и быльем поросло*. Последняя организована как художественное целое не только ритмом и рифмой. В ней мы наблюдаем также и игру слов, основанную на каламбурном сближении исконно однокорневых, но давно уже очень далеких друг от друга слов *было* и *былье*. Слово *былье* „травы“ исконно является собирательным существительным (типа *травье, старье, гнилье* и т. д.) от слова *быль* „травянистое растение, трава, бурьян“. Это старое слово до сих пор сохраняется в составе вариантного нашему выражению фразеологизма *былью поросло* и в производном слове *быльинка*. Образовано же оно было от глагола *быть (быти)*, но не в современном его значении, а в более древнем — „расти, произрастать“. Омонимическое, хотя и этимологически родственное слову *быль* „трава, растение“ существительное *быль* (ср. пословицу *Быль молодцу не укор* „за прошлое не упрекают“) восходит уже к глаголу *быть* в значении „быть“.

Заметим, что отношения, подобные *быль* „растение, трава“ — *быль* „то, что было“, наблюдаются и в других языках, ср., например, греч. *phyton* „растение“ и *physis* „то, что есть, природа, действительность“.

Два сердца в одном сердце

Как известно, у человека только одно сердце. Одно слово *сердце* найдете вы и в толковых словарях. Правда, у этого слова несколько значений, и в одном из них налицо любопытный „разрыв сердца“ на две (по своему значению противоположные, антонимические) части.

В исходном, прямом, основном значении слово *сердце* выступает как название центрального органа кровообращения (ср. *операция на сердце*). В другом — вторичном и переносном — значении это слово употребляется сейчас как синоним слова *средоточие* (ср. *Москва — сердце нашей Родины*).

Еще одно значение, также вторичное и переносное, обычно употребляется очень расплывчато: „сердце как символ переживаний, чувств, настроений человека“. Ведь переживания, чувства и настроения у человека могут быть самые разные, даже противоположные. Именно этим и объясняется отмеченный смысловой „разрыв сердца“.

Данное значение существительного *сердце* проявляется только тогда, когда оно употребляется в составе фразеологических оборотов. Здесь-то и становится особенно яркой антонимичность слова *сердце*. В одних оборотах оно называет различные хорошие чувства (душевности, расположения, внимания, волнения и даже любви): (у кого-либо) *золотое сердце, от всего сердца, брать за сердце*, (что или кто-либо) *по сердцу* „нравится“, *принимать близко к сердцу*, (у кого-либо) *нет сердца* „честный человек“ и т. д. В других выражениях слово *сердце* имеет уже значение „злости, гнева, раздражения“: *сорвать сердце* (на ком-либо) „злбить злбу“, *иметь сердце* (на кого-либо) „сердиться, злиться“, *сказать с сердцем* „сказать со злбой или с раздражением“.

Чем объясняется такая смысловая многоплановость и противоречивость слова *сердце*? Она свойственна ему потому, что сердце считалось (в отличие от головы)местилищем всех чувств, которыми может обладать человек,— от любви до гнева и злбости.

Многозначность слова *сердце* проявляется и в производных от него словах. Так, слова *сердцевидный, сердцебиение* образованы на базе существительного *сердце* в его прямом значении, слово *сердцевина* является производным от *сердце* уже в значении „средоточие“. Но обратимся к такому слову, как *сердечный*. От какого *сердца* оно образовано? Все будет зависеть от того, какое прилагательное мы возьмем. *Сердечный* в словосочетании *сердечная болезнь* является суффиксальным производным от слова *сердце* в его исходном значении „центральный орган кровообращения“. А вот *сердечный* в словосочетаниях *сердечный прием* „искренний прием“ и *сердечные тайны* „любовные тайны“ будет уже иным: суффиксальным производным от слова *сердце* в переносном (притом положительном) значении „душевность, любовь“. Возникает вопрос: а нет ли производных от слова

сердце тоже в переносном, но уже отрицательном значении — «злоба, гнев»? Есть и такие. Во-первых, это наречие *в сердцах* «осердясь, в гневе» (это одно слово, хотя и пишется раздельно), возникшее в результате сращения предложно-падежного сочетания. Во-первых, это глагол *серчать* «сердиться», образованный от *сердце* в значении «злоба, гнев» с помощью суффикса *-а(ть)* (ср. *ужинать, мужать, делать* и т. д.). Заметим, что его современное написание этимологически является неверным. Еще в XIX в. (ср. «Толковый словарь...» В. Даля) его писали правильно — *серчать*.

Словами *в сердцах* и *серчать* состав производных от слова *сердце* «злоба, гнев» и ограничивается. Особняком стоят слова *сердиться, сердиться* и *сердитый*. Но об этом см. в заметке «Как читается на морфеме и как образовано прилагательное *сердитый*?».

С грехом пополам

Данное разговорное выражение означает «кое-как» или «с большим трудом». Второе значение более позднее, оно возникло на базе значения «кое-как». Наш фразеологический оборот появился из свободного сочетания слов с *грехом пополам*, в котором существительное *грех* обозначало не проступок, как сейчас, а ошибку. Таким образом, с *грехом пополам* буквально значит «пополам с ошибкой» (и следовательно, «кое-как»).

Заметим, что такое же значение имеет слово *грех* и в пословице *На грех мастера нет*.

В эпоху Пушкина значение «ошибка» у слова *грех* было еще вполне обычным. Вспомните хотя бы строки из романа «Евгений Онегин»: «...Да помни, хоть не без греха (т. е. «не без ошибки»). — Н. Ш.), Из Энеиды два стиха.

Не ради красного словца о фразеологизмах красный угол, красный уголок и им родственные

В русском языке есть слова, разные по своей способности «образовывать» фразеологические обороты. Одни держатся особняком, употребляясь только как самостоятельные единицы. Другие иногда свободно сливаются со своими соседями в единое целое, превращаются в компоненты устойчивых сочетаний слов, при необходимости извлекаемых нами из памяти в составе своеобразного словесного блока. К числу таких слов, равно известных и в свободном употреблении, и в виде составной части фразеологизма, принадлежит, в частности, прилагательное *красный*. В свободном употреблении слово *красный* имеет сейчас только одно — цветное — значение, которое, напомним, является исконным и собственно русским, возникшим уже в эпоху раздельного существования восточно-славянских языков (см.: Ш а н с к и й Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959,

с. 182). Что же касается его фразеологически связанного употребления, то здесь мы наблюдаем целую гамму значений: 1) «красный», 2) «красивый, хороший», 3) «почетный», 4) «революционный, связанный с советским строем», 5) «ясный, светлый» и др.

Во фразеологизмах, образующих заглавие данной заметки, реализуется несколько названных значений. В обороте *не ради красного словца* «не для того, чтобы только красиво сказать» ясно видно значение «красивый» (а красивым может быть меткое и выразительное слово), ср. *красноречие*.

В обороте *красный угол* «самое почетное место в избе или комнате» явственно проглядывает семантика «почетный». Во фразеологизме *красный уголок* «помещение (в учреждении, общежитии и т. д.), отведенное для культурно-просветительской работы», несомненно, просвечивают сразу два значения: «связанный с советским строем» и «красный»; такая же сложная семантика может быть отмечена у слова *красный* и в оборотах *красная доска* (ср. устарелое *повесить на черную доску*) и *красное знамя* (Его фотография все еще красовалась на красной доске; Коллектив редакции в этом году получил Красное знамя). К значениям «красный» и «относящийся к советскому строю» здесь подкладывается также и значение «почетный» (переходящим Красным знаменем награждают за победу в социалистическом соревновании в знак почета (вспомните выражение *доска почета*)). Заметим, что именно такие слова являются по-настоящему многозначными, поскольку имеют несколько значений одновременно. При обычной полисемии слова реализуют свои разные значения в сочетании с разными словами.

Ну, а теперь о родословной названных фразеологизмов. Биография их различна. Самое недавнее выражение — советизм *красное знамя* (в значении «переходящее красное знамя, вручаемое за какие-либо успехи»). Оно возникло в результате сужения значения на базе фразеологизма *красное знамя* «знамя Советов > знамя революции (красного цвета)», которое является в свою очередь (как и слово *красный* «революционно настроенный») калькой французского выражения *drapeau rouge* (Вспомните, например, как в 1848 г. погиб во Франции Рудин, герой одноименного романа И. С. Тургенева: «...Вдруг на самой ее вершине (баррикады). — Н. Ш.) ... появился высокий человек в старом куртке... В одной руке он держал красное знамя, в другой — кривую и тонкую саблю и кричал что-то напряженным тонким голосом, карабкаясь сверху и помахиывая знаменем и саблей».

В советскую эпоху (в 20-е годы) появился ныне имеющий уже оттенок устарелости фразеологический оборот *красная доска*. Одновременно с ним родился и его антоним — *черная доска*. На красной доске отмечали ударников, на черной — отстающих. Сейчас более употребительным и частотным в значении «красная доска» является фразеологизм *доска почета*, которая по цвету

что процесс языкотворчества может идти только в обратном порядке: от слова (с его прямым и переносным значениями) к тексту.

В заключение несколько слов о слове *ящик* в его первоначальном смысле. Оно появилось в русском языке как уменьшительно-ласкательное существительное с суффиксом *-ик*, подобно словам *доми́к, мости́к, мя́чик* и т. д. В словарях фиксируется только с «Лексикона трехязычного» Федора Поликарпова 1704 г. От какого слова оно было образовано? От существительного *яскъ*, «вылупившегося» из слова *аскъ* (ср. *агнец*, но *ягненок*). Что же касается древнего *аскъ* «ящик, корзина, коробка», то его происхождение, как говорит, покрыто мраком неизвестности. Обычно его считают переобразованием древнесканд. *аскр* «деревянный сосуд» или еск. «корзина, чашка».

Два разных сезона

Речь пойдет о *бархатном* и *мертвом* сезонах. Действительно, это совершенно разные вещи, а отсюда и абсолютно чужие друг другу фразеологические обороты. Они отличаются и значением, и родословной. Выражение *бархатный сезон* обозначает «осенние месяцы (сентябрь и октябрь) на юге». Фразеологизм *мертвый сезон* — это «время затишья». Первое возникло в нашем языке в результате фразеологизации свободного сочетания слов, где прилагательное *бархатный* имеет значение «мягкий, умеренно теплый» (ср. *зима была мягкая, погода становится мягче*). Второй представляет собой одну из фразеологических калек с прилагательным *мертвый*. Скорее всего, оборот *мертвый сезон* является калкой франц. *morte saison* (во французском языке он отмечается с XV в.). Соответствующие выражения есть и в других языках Западной Европы (ср. нем. *tofe Saison*, англ. *the dead season*), но, думается, что и в этих языках указанные фразеологизмы являются галлицизмами.

Из фразеологических калек со словом *мертвый* следует прежде всего указать выражения *мертвый язык* (франц. *langue morte*), *мертвая точка* (франц. *point mort*), *мертвый капитал* (нем. *toles kapital*), *мертвый груз* (англ. *dead load*).

И специально — оборот *живой труп*, укрепившийся как оксюморонное сочетание Л. Н. Толстого, которым он назвал свою драму, несомненно исходя из французского фразеологизма *un mort vivant* (буквально — «живой мертвый»). Выражение *мертвые души*, ставшее крылатым с появлением поэмы Н. В. Гоголя под таким названием, особенно во вторичном, тоже оксюморонном значении «люди, мертвые духом», является уже собственным русским от корки до корки и входит в серию исконных субстантивных фразеологизмов во главе с прилагательным *мертвый* типа *мертвая петля* (после соответствующего полета Нестерова), *мертвый сон*, *мертвая вода* (в сказках) и т. д.

Но оставим в покое первый компонент наших «заглавных»

фразеологизмов и ненадолго обратимся к их опорному слову *сезон*. Оно толкуется как лексическая единица, имеющая сейчас в русском языке два связанных друг с другом значения (см., например, *Словарь современного русского языка* в 17-ти томах. М.—Л., 1962, т. 13, с. 571): 1) «одно из времен года», 2) «часть года, наиболее подходящая и обычно используемая для какой-либо деятельности, занятий, работ, отдыха и т. д.». Среди второго значения выделяются еще два «сознания»: а) «период времени, в течение которого работают театры», б) «время созревания плодов, цветения растений».

Внимательный анализ употребления существительного *сезон* в настоящее время заставляет дать корректировку его толкованию: слово *сезон* следует охарактеризовать как однозначное, имеющее одно-единственное значение — «определенный отрезок времени в году», все остальные — «от лукавого» и являются выходами за пределы слова в контекст. Значение слова *сезон* в словосочетаниях *зимний сезон, сезон охоты, купальный сезон, фруктовый сезон, футбольный сезон* и т. д. абсолютно одинаково.

Такое же по семантике французское *сезон*, заимствованное нами во второй половине XIX в., демонстрирует явление расширения значения. Этимологически оно восходит к лат. *satio* «время сева», того же корня, что и слова *сев, сеять, семя*.

Мурашки забегали

Фразеологический оборот, представленный в заглавии, имеет целый ряд родственных, имеющих то же опорное слово и семантику «бросило в озноб» (от холода, страха, волнения и т. д.). К нему примыкают выражения с глаголами *пошли, пробежали, побежали, поползли* и существительными *по спине, телу, коже*. Все эти фразеологизмы имеют ярко выраженный разговорный характер и употребляются часто и охотно.

Свободное сочетание слов превратилось в устойчивое фразеологическое единство в результате возникновения и закрепления в нем переносно-метафорического значения. В основу последнего легко сходство ощущения, испытываемого от озноба (холода, страха, волнения и т. д.), с тем, которое человек испытывает, когда по его спине пробегает мурашка, т. е. «маленький муравышка».

Слово *мурашка*, производное от *мураш* — тж., возникло по аналогии с *букашка*. Существительное *мураш* сейчас является периферийной лексической единицей и осознается как просторечное, хотя иногда употребляется и в поэзии. Ср., например, у Б. Пастернака:

Как были те выходы в тишь хороши!

Безбрежная степь, как марина.

Вздыхает ковыль, шуршат мураши,

И плавают плач комариный.

Мы делим отдых красное, а
Под копошение мураша

Сосною снотворной смесью
Лимона с ладаном дыша.

(Сосны.)

Что касается слова *мураш*, то оно, как и *муравей*, родилось на базе общеславянского названия этого насекомого — *погугъ*, *погуга*, которое в других славянских языках дало, соответственно, сербскохорв. *мрав*, болг. *мравка*, польск. *mrówka*, *mrówie* „муравьи”, словацк. *mravce*, полабск. *mrōvi* ⁽¹⁾ и др.

Древнерусское *моровки* изменилось в *муравей* под народно-этимологическим влиянием слова *мурава* „трава” (*шй > ей* в результате падения редуцированных, ср. *Сергий > Сергей*).

Появление на месте звука *в* звука *ш* отражает нерегулярное суффиксальное „чередование” несного происхождения (ср. *кудрявый — кудряш*, *торговец — торгош*, *воробей — воробушек*, *соловей — соловушка* и т. д.).

Но не будем более ворошить „этимологический муравейник”. Под занавес отметим лишь, что наш оборот встречается не только у нас. Он, например, имеет несомненные соответствия в польском языке (ср. *mrówie przechodzi*), в болгарском языке (ср. *мравки полазват*) и т. д.

Поэтому не исключено, что фразеологизм *мурашки бегают* восходит в своей образной основе к общеславянской эпохе.

Черным по белому о выражении черная кошка пробежала

Фразеологических оборотов, имеющих в своем составе зоонимы, очень много, и они самые разнообразные. Приведем хотя бы выражения *как белка в колесе* (из басни Крылова), *медведь на ухо наступил* (о человеке, лишенном музыкального слуха), *собаку съел* (о нем см. выше, с. 216—217), *пустить красного петуха* — „поджечь”, *остались от козляка рожки да ножки* „ничего не осталось”, *слово — не воробей, вылетит — не поймаешь*, *слона-то я и не приметил*, *белая ворона*, *дойная корова*, (*врет*) *как сивый мерин* „бесовестно”, (*глуп*) *как сивый мерин* „очень” и т. д. Среди них есть и несколько выражений со словом *кошка* (знает *кошка*, чье *мясо съела*; *кошки скребут на сердце* „тревожно, тоскливо”, *жить как кошка с собакой* „плохо, в бесконечной ссоре” и т. д. К этому фразеологическому „семейству” относятся и оборот *черная кошка пробежала (между кем-л.)* „произошла ссора, размолвка”, в обиходе очень частотный и хорошо известный. Истоки этого оборота и его значения связаны с сейчас уже уходящими приметами и суевериями. Так, через порог нельзя здороваться — поссориться, назад возвратиться, выходя из дому, — дороги не будет, встречать женщину с пустым ведром — к неудаче и т. д. Ср. у Мамина-Сибиряка в „Зеленых горах”: „На охоту или рыбную ловлю он обыкновенно выходил

ранним утром... Делалось это с целью, чтобы,— боже сохрани,— какая-нибудь баба не перешла дороги”.

Кроме названных, бывало также поверье, что с человеком случится какая-нибудь неприятность, если ему дорогу перебежит черная кошка. Отсюда и „вырос” оборот *черная кошка пробежала (между кем-либо)*, своеобразно отраженный затем в производном от него выражении *дорогу перебежать (кому-либо)* „опережая или мешая, испортить какое-нибудь дело”.

Что касается фразеологизма, начинающего заглавие заметки, то оно имеет иные корни. *Черным по белому* является, несомненно, фразеологической калькой, и скорее всего калькой немецкого фразеологизма *schwarz auf weiß*. А. И. Герцен употреблял его еще в „исконном виде”: „если ты забыл или написал сгоряча — то все же оно останется *schwarz auf weiß*”. (Письмо Н. П. Огареву от 6 июня 1868 г.)

Впрочем, подобные обороты известны и в других западноевропейских языках (ср. франц. *noir sur blanc*, англ. *to put down in black and white* и др.).

Своим рождением в древнем мире оно обязано обычаем писать на белой бумаге черными чернилами.

О двух „дорожных” фразеологизмах

Дороги бывают разные. Разными представляются и их названия (как словные, так и фразеологические). Остановимся кратко на перекрестке двух дорожных имен фразеологического характера. Их биография в целом довольно проста, однако не такая единообразная, как структура. По своей структуре они оба выступают в виде сочетания „прилагательное + существительное”. Это фразеологизмы *столовая дорога* и *железная дорога*.

Коротко скажем об их происхождении. О фразеологизме *столовая дорога* у М. Фасмера в его „Этимологическом словаре русского языка” говорится буквально в двух словах: „*Столовая дорога*. От *столб*”. Это объяснение трудно считать достаточным. Оно является неполным даже по отношению к прилагательному *столовая*. А уж о фразеологизме и говорить нечего. Вспомните использование нашего выражения в XIX в.:

В каком году — рассчитывай,	На столовой дороженьке
В какой земле — угадывай,	Сошлись семь мужиков...

(Некрасов. Кому на Руси жить хорошо.)

Вот мчится тройка почтовая
Вдоль по дороге столовой.

(Народная песня.)

Ведь слово *столб*, от которого посредством суффикса *-ов-* было образовано прилагательное в обороте *столовая дорога*, вовсе не тот столб, который содержится в выражении *пригвоздить к позорному столбу* или в фразеологизме *дойти до геркулесовых*

столбов (об этих оборотах см.: Рус. яз. в школе, 1979, № 3 и № 6). Вспомним, что позорный столб — это установленное вертикально бревно, к которому раньше приязывали для всеобщего обозрения (выставляли на позор, т. е. „на обозрение“. Приговждали, кстати, к кресту. Поэтому оборот *пригвоздить к позорному столбу* является фразеологической контаминацией. Вспомним также, что на краю света Геркулес воздвиг совсем не деревянные столбы, а каменные в виде... Гибралтара и Муми.

Слово *столб* в обороте *столбовая дорога* означает природный столб с указанием расстояния до какого-либо пункта. Такие столбы ставились на больших, магистральных, „столбовых дорогах“, соединяющих крупные населенные пункты, в отличие, например, от дорог проселочных.

Что касается оборота *железная дорога*, то его родословная совсем иная. Он возник (естественно, после появления в России первой железной дороги Петербург — Царское Село в 1837 г.) как калька франц. *chemin de fer* (буквально „дорога железа“).

В советское время на базе оборота *железная дорога* в разговорной речи возникло слово *железка*, аналогичное словам *многоотиражка* < *многоотиражная газета*, *бетонка* < *бетонная дорога*, *фугаска* < *фугасная бомба* и т. д. Оно подобно широко употребительному в XIX в. синониму *чугунка*.

Интересно, что в основу названия железной дороги было положено французское имя, а не английское (*railway* — „рельсовая дорога“), хотя первые железные дороги появились в Англии. Зато оттуда к нам пришло слово *трамвай* (*tram* „вагон, тележка, вау „дорога“). Из американского варианта английского языка в качестве „дорожных“ слов у нас (правда, на правах экзотизмов) можно отметить также такие производные от *вау „дорога“*, как *собе́й* (*subway*) „подземная железная дорога“ и *бродве́й* (*Broadway*), буквально „широкая дорога“.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В заметках, с которыми вы уже познакомились, рассказывалось о том, что можно назвать генеалогией слов. Эти лингвистические „метрики“ слова, указывающие время и место появления его на свет, его „родных и родителей“, его первоначальную форму и значение и т. д., являются результатом того или иного (то глубокого, то весьма приблизительного и предварительного) этимологического анализа.

И к нему в своей школьной практике учитель не только часто прибегает сам, но и нередко заставляет обращаться учеников. Естественно, что в классе это, как правило, самый элементарный этимологический разбор, с большими упрощениями и неизбежными неточностями, с опорой почти исключительно на языковое

чувье. Однако свою роль — и большую — он играет, особенно если словообразовательные факты языка (как прошлого, так и настоящего) берутся не сами по себе, а в каких-то утилитарных целях, диктуемых методикой преподавания русского языка как учебного предмета.

Как известно, работа по словообразованию в школе направлена сейчас в первую очередь на ознакомление учащихся с морфемным составом слов современного русского языка. На уроках, специально посвященных словообразованию, ученики знакомятся также с тем, но какими правилами в русском языке создаются новые слова, какие словообразовательные способы и средства существуют в нем в настоящее время.

Однако работа по словообразованию в школе может носить и несколько иной, по существу прикладной характер. Очень часто слова разбиваются на значимые части не для определения их структуры и способа образования, а для того, чтобы уяснить их правильное написание, или их смысловое значение и стилистические оттенки, или их происхождение и т. д. Такого рода работа проводится не только на уроках русского языка, но и на уроках литературного чтения, где она является частью общей работы по обогащению лексики и повышению культуры речи школьников. Именно в этих случаях дается не только словообразовательный анализ слова, но иногда и анализ этимологический.

Словообразовательный анализ слова вскрывает его строение и место среди других слов современного языка с точки зрения существующей системы русского словообразования. Так как эта система, как часть языковой действительности строя, очень устойчива, то в подавляющем большинстве слов определение их современного словообразовательного характера оказывается в известной мере и установлением их происхождения, т. е. этимологии.

Для слов с активно производящими основами, с продуктивными словообразовательными элементами этимологического анализа часто практически не существует: он совпадает в них с разбором словообразовательным. Например, в таких словах, как *норка*, *кареглазый*, *резчик*, *бурный*, *горнист*, *выбросить*, *ледокол*, *голосистый*, *садовый*, *соткать*, *входить*, *соавтор*, *пригорок*, уяснение их словообразовательного строения (*нор-к(а)*, *кар-е-глаз(ый)*, *рез-чик()*, *бур-н(ый)*, *горн-ист()*, *вы-брос-и(ть)*, *лед-о-кол()*, *голос-ист(ый)*, *сад-ов(ый)*, *со-тк-а(ть)*, *в-ход-и(ть)*, *со-автор()*, *при-гор-ок()*) является одновременно и установлением их реального образования. То же можно сказать и о почти всех существительных, содержащих в своем составе суффикс *-изн(а)* (ср. *голубизна*, *желтизна*, *крутизна* и др.), которые не только сейчас выделяют этот суффикс, но и являются словами, при помощи его образованными.

Это же свойственно глаголам на *-ать*, образованным от разнообразных звукоподражательных слов и местоимений (*якать*,

тыкать, тлякать, хихикать, мяукать, аукать, каркать, баюкать, кукарекать, хрюкать и т. п.).

Такое совпадение словообразовательного разбора с этимологическим объясняется тем обстоятельством, что в настоящее время они членятся на части так же, как членились в то время, когда появились в русском языке. Изменение в морфологическом составе наблюдается не во всех словах и отнюдь не является обязательным для всех слов русского языка.

Вместе с тем, производя анализ состава и структуры слова, следует всегда иметь в виду, что многие слова за время существования в языке изменили свое морфологическое строение. Поэтому, например, нет никакой гарантии, что слова, ныне корневые, неприводные, ранее не распадалась на морфемы, что слова, сейчас каким-либо образом членимые, ранее членились так же. Определение словообразовательных связей, существующих между такого рода словами и другими словами в настоящее время, не будет уже выяснением того, как, от каких слов, при помощи каких способов словопроизводства они возникли.

Для разбора с морфологической точки зрения слов, изменяющихся по тем или иным причинам свою первоначальную словообразовательную структуру, большую роль приобретает этимологический анализ.

Различие словообразовательного, с одной стороны, и этимологического — с другой, разбора слова можно показать, например, на анализе слов *здание*, *жук*, *час*, *смородина*, *окно*, *ужин*, *скрупулезный*, *халатное* (отношение), *целовать*, *посетить* и т. д.

Если с точки зрения современных словообразовательных связей все это слова с неприводимой основой (слова *целовать*, *посетить* выделяют в основе лишь суффиксы *-а-* и *-и-*), то с исторической точки зрения, как показывает этимологический анализ, все они оказываются и разложимыми словами с производными основами, и вместе с тем словами, сохранявшими внутреннюю форму слова, т. е. словами, в которых ясен мотив возникновения их как названий предметов объективного мира.

С этимологической точки зрения слово *здание* предстает перед нами как образование от *зѣдати* "строить" (ср. *зодчий* "архитектор") при помощи суффикса *-ни-*(*е*), слово *жук* — как производное с суффиксом *-к-* от звукоподражательного комплекса *жу*, слово *час* — как слово, возникшее на базе глагольного корня *ча-* (ср. *чаяти* "ждать", *паче чаяния* "сверх ожидания"), осложненного суффиксом *-с-*.

Этимологический разбор приводит нас к выводу, что такими же производными являются и слова *смородина* (с суффиксом *-ин(а)*, от слова *смородъ* "сильный запах"; ср. старославянск. *сморѣ*), *окно* (от слова *око* "глаз", с суффиксом *-ѣно*), *ужин* первоначальное "полдник", от слова *ужь* "юг", с суффиксом *-инѣ*), *скрупулезный* (с суффиксом *-езн(ий)* от слова *скру-*

пул — название старинной единицы аптекарского веса, равной 1,24 грамма), *халатный* (с суффиксом *-н-*, от слова *халат*).

Такой разбор позволяет нам вскрыть мотивацию названия и невыделяемые с современной точки зрения морфемы в словах *посетить* и *целовать*: *посетить* оказывается образованием с приставкой *по-* и корнем *-сет-* (ср. древнерусск. *сѣтъ* "гость"), а *целовать* — производным от прилагательного *цѣль* "здоровый, невредимый", первоначально обозначавшим не "целовать", а "приветствовать" (ср. современное "здравствуй").

Необходимость этимологического анализа для выяснения происхождения и действительной картины образования многих слов, существующих в современном русском литературном языке, определяется зачастую не теми изменениями, которым подверглось их словообразовательное строение, а тем, в качестве каких — исконно русских или заимствованных — появляются они (с соответствующим смысловым значением и морфемной структурой) в нашей речи.

В словообразовательной структуре, например, таких слов, как *октябрь*, *дуэль*, *флигель*, *флюгер*, *небоскреб*, *живопись*, (газетная) *утка*, с того времени, как они появились в русском языке, никаких изменений не произошло.

Этимологическое рассмотрение этих слов для объяснения их образования и происхождения обуславливается их сторонним, заимствованным характером. Оно показывает, что слова *небоскреб* и *живопись* являются словообразовательными кальками (первое — с английского слова *skyscraper*, второе — с древнегреческого слова *zōographia*), а слово *утка* (газетная) представляет собой семантическую кальку с французского слова *canard*.

Этимологическое рассмотрение дает возможность установить иноязычное происхождение слов: *октябрь* — из латинского, *дуэль* — из французского, *флигель* и *флюгер* — из немецкого языка. Знакомство с их значением и употреблением в языке-источнике позволяет выяснить и тот образ, который был положен в основу соответствующего названия: *октябрь* (от *octo* "восемь") по римскому календарю был восьмым месяцем в году; *дуэль* (из *среднелат.* *duellum*) восходит к латинскому словосочетанию *duo bellum* и буквально означает "война двух"; слова *флигель* и *флюгер* представляют собой трансформацию немецкого слова *Flügel* в значении "крыло" (от глагола *fliegen* "летать").

Производя на практике этимологический разбор слова, не следует забывать, что его никоим образом нельзя смешивать с делением слов на морфемы с точки зрения современных языковых связей и соотношений. Ведь если морфемный анализ дает нам картину морфологического состава рассматриваемого слова в настоящем, то этимологический разбор знакомит нас с его прошлым, иногда весьма отдаленным.

Основное методическое правило, которое вытекает из всего изложенного, сводится к тому, чтобы при ознакомлении учеников

с основными понятиями и фактами словообразования современного русского языка брать по возможности исконно русские и этимологически ясные слова, производить только морфемный и словообразовательный разбор. Этимологический же анализ нужно применять лишь в тех случаях, когда он необходим как вспомогательное средство для орфографических, лексических и других целей.

Следовательно, этимологический анализ в школе никогда не должен быть самоцелью, он всегда должен быть целенаправленным, обусловленным конкретными задачами, связанным с работой по повышению грамотности, языкового чутья и общей речевой культуры. Кроме того, этимологический разбор всегда должен проводиться учителем лишь в той мере, в какой это доступно ученику соответствующего возраста.

В IV—VII классах следует ограничиваться этимологическим анализом непроемных или производных слов с морфологически ясной и исторически явно составной словообразовательной структурой.

Так, например, этимология слов *азбука* и *алфавит* (соответственно представляющих собой древнерусскую словообразовательную кальку греч. *alfabētos* и его прямое древнерусское заимствование; первое известно с XIII в., второе — с XV в.) в «облегченном» и методически адаптированном виде может быть дана уже в IV классе.

То же можно сказать и об этимологии прилагательного *оранжевый*. Происхождение этого слова как заимствования из французского языка, восходящего к *оранж* (*orange*) «апельсин», можно объяснить очень доходчиво, особенно если его сопоставить с синонимическими прилагательными *апельсиновый* «цвета апельсина» и с односущфаксальными прилагательными *сиреневый* «цвета сирени» (ср. также *оливковый*, *кремовый*, *вишневый*, *малиновый*, *свинцовый*, *куачовый* и т. п.).

Уже в V—VI классах вполне доступной учащимся будет этимология существительных *понедельник* и *опашало*. Для того чтобы ученики уяснили ее, необходимо сообщить им лишь старые значения слов *неделя* (которое раньше обозначало «воскресенье — свободный от работы день»: *неделя* от не дѣлати) и *пахать* (оно имело ранее значение «махать», ср. *врукопашную*) и напомнить о значении предлога «после» (ср. *по истечении*, *по прибытии* и т. д.) и суффикса *-л(о)*, образующего слова со значением орудия действия (ср. *поддувало* от *поддувать*, *белыла* от *белить* и т. п.).

Что же касается этимологии и родства слов, например, *корова* и *серна*, то, для того чтобы было ясно происхождение и первоначальное словообразовательное строение этих слов, приходится выходить за пределы русского и даже близкородственных славянских языков и привлекать данные по крайней мере из латинского языка. Только сопоставление этих слов (с учетом их

фонетических изменений: *корова* < **koḡva*; *серна* < **serna* < **sr̥na* со словами латинского языка *corpi* «рог», *serpa* «лань») вскрывает их производный с этимологической точки зрения характер, существование в них когда-то корня **koḡ-/s̥r̥g-* и выделявшихся суффиксов *-va* и *-pa-*, а также первоначальное их значение, связанное с образом, положенным в основу названия: «рогатая», «имеющая рога».

Такой этимологический разбор слова, связанный с привлечением не только данных русского языка и его истории, но и фактов близкородственных славянских языков, а в отдельных случаях и других западноевропейских и классических, возможен и целесообразен лишь в специальных кружках и факультативах для учеников средних и старших классов.

Выше, при разграничении словообразовательного и этимологического анализа, уже указывалось, что прежде всего отличается их друг от друга. Этимологический и словообразовательный анализ противопоставлены друг другу прежде всего тем, что первый является средством выяснения прошлого в жизни слова, тогда как второй имеет своей целью объяснить его настоящее.

Но разница между ними не только в этом. Словообразовательный и этимологический анализ не соотносительны и резко разнятся между собой объемом своих задач.

Когда слово подвергают словообразовательному анализу, то интересуются лишь его морфологическим строением и составом, но отнюдь не его значением, как таковым, и исконно русским или заимствованным характером.

При разборе со словообразовательной точки зрения слов *подерпула*, *колоннада*, *подлодка* важно установить, что слово *подерпула* делится на приставку *под-* и непроемную основу *-группа(а)* и образовано приставочным способом; что слово *колоннада* представляет собой суффиксальное образование с помощью *-ад(а)* от основы *-колонн(а)*; что слово *подлодка* соотносительно со словосочетанием *подводная лодка* и осознается как сложение сокращенной основы *под-* и полной основы *-лодка(а)* и т. д. В этом случае специально не рассматриваются другие факты, например то, что слово *подерпула* является исконно русским, слово *колоннада* — заимствованным из греческого языка, а слово *подлодка* — калькой с французского слова (из лат. *submarina*).

Что касается значений слов, то их в данном случае не анализируют, а из них исходят при установлении семантико-словообразовательных связей с другими словами. Предметом словообразовательного анализа оказывается лишь современная структура слова.

Этимологический анализ слова не ограничивается определением того, как слово делилось раньше, каким способом и на базе каких слов оно образовано. Его задачи оказываются гораздо более разнообразными и соответственно более сложными.

Конкретно в задачи этимологического анализа слова входят: 1) определение исконного или заимствованного характера слова (с данным значением и структурой), 2) выяснение образа (представления), положенного в основу слова как названия предмета действительности, 3) установление того, когда слово появилось в языке и как, на базе чего и с помощью какого способа словообразования оно возникло, 4) реконструкция его праформы и старого значения.

При выяснении этимологии слова прежде всего важно установить его происхождение: является ли данное слово исконно русским или же оно заимствовано из какого-либо языка. Здесь существенно четкое разграничение: 1) иноязычных слов и слов, возникших на их основе в русском языке, 2) происхождения морфем, составляющих слово, и самого слова, 3) одинаковых по структуре и значению слов разных языков и словообразовательных и семантических калек и 4) языка-передатчика и языка-источника.

Нельзя считать, например, заимствованными слова *ехида*, *спец*, *нигилист* (или такие, как *кайник*, *соавтор*, *школьный*, *лжиться*, *известник* и т. п., имеющие русские словообразовательные элементы). Несмотря на их иноязычные корни, они являются словами русского языка: слово *ехида* возникло в результате усложнения основы на базе греч. *echidna* (от производной основы *-ехидн-* отпочковался суффикс *-н-* по аналогии со словами *голодна*, *свободна* и т. д.); слово *спец* появилось в советскую эпоху как сокращение слова *специалист* (франц. *spécialiste*); слово *нигилист* — как образование от лат. *nihil, "ничто"*, впервые в статье Надеждина "Сомнище нигилистов" в первой трети XIX в. В других языках мы можем встретить эти слова лишь как заимствованные из русского языка.

Определяя источник иноязычного слова, надо четко отличать происхождение частей того или иного слова от реального возникновения этого слова в языке при назывании явлений действительности.

Неправильно, например, было бы, учитывая греческое происхождение частей слов *утопия* и *телефон*, отнести их к заимствованиям из греческого языка, потому что как слова они возникли в английском языке: слово *утопия* — неологизм Томаса Мора (XV—XVI вв.), слово *телефон* появилось в конце XIX в.

Требуется четко различать калки и слова, возникшие как одноструктурные и синонимические в разных языках совершенно самостоятельно (ср., например, слова *выход* и *Ausgang* как аналогичные образования от глаголов *выходить* и *ausgehen*). Для того чтобы слово отнеси к калкам, необходимо иметь совершенно определенные факты, говорящие о том, что его структура или значение воспроизводит соответствующий факт иноязычного слова.

Наконец, при определении, из какого именно языка пришло

в русский язык то или иное слово, обязательно следует учитывать, что слова попадают в нашу речь часто не непосредственно из того языка, в котором они возникли, а через какой-либо другой или другие языки.

В ряде случаев при этом в языке-передатчике происходит такая трансформация звуковой оболочки, значения и структуры слова, что в русском языке его приходится уже считать заимствованным не из языка-источника, а из того языка, из которого слово в наш язык поступило.

Было бы совершенно неверным, например, считать, что слово *бронх* является заимствованием из латинского языка, а слово *рынок* — из немецкого. С тем звучанием и значением, которое им свойственно, они характерны соответственно французскому и польскому языкам и в русском языке должны определяться: *бронх* как галлицизм, а *рынок* как полонизм. Другое дело, что во французском языке слово *bronche* является заимствованием из латинского языка, а в польском языке слово *gulek* не что иное, как переработка немецкого слова *Ring*.

Второй задачей этимологического разбора слова (с которой связаны и две остальные) является определение образа, который был положен в основу слова как названия. Почему данный предмет объективной действительности назван именно так, а не как-либо иначе? Таков вопрос, который возникает в данном случае. Ответ на него очень часто является одновременно ответом на вопрос, от какого слова было образовано анализируемое слово.

Название первоначально при своем возникновении всегда является мотивированным. Называя тот или иной предмет объективной действительности, люди используют названия других предметов или явлений, в том или ином отношении с ним связанных или соотносимых. Вещи и явления в результате этого начинают называться по тому признаку, иногда весьма несущественному, который казался достаточно характерным для того, чтобы отличить их от других.

Таким бросающимся в глаза признаком, по которому предмет или явление получает свое название, может быть форма, цвет, функция, размер, сходство с чем-либо и другие внешние и внутренние свойства. *Кольцо*, например, получило свое название по форме (*коло* «круг»; ср. *около*), *желток* (яйца) — по цвету, *мыло* — по функции, *окно* — по сходству (от *око*) и т. д.

Образ, положенный в основу названия, и оформляющие его словообразовательные элементы составляют лишь основу того значения, которое закрепляется потом за словом в результате длительной традиции употребления. Признак, положенный в основу названия данного предмета, может характеризовать не только его, но и другие явления объективного мира. Кроме того, он всегда является весьма общим и неопределенным. Реальное значение слова, напротив, конкретно и индивидуально. Поэтому

очень часто ясного представления о действительном значении слова образ, положенный в основу названия, не дает.

Например, понимание образа в болгарских словах *черница*, *встрило*, *птичка* не приводит нас к знанию их фактического значения (*черница* "тутовое дерево", "ягода этого дерева", *встрило* "веер", "бумажный змей", *птичка* "воробей").

Ясное представление образа в русских диалектных словах *голянка* и *зеленец* не дает все же возможности твердо сказать, не зная соответствующего говора, что они называют (*голянка* "особого типа рукавица", *зеленец* в разных диалектах — "свежий венчик", "незрелая ягода", "островок, поросший камышом или вняком", и т. д.).

Напротив, нередко бывает, что во многих хорошо знакомых нам словах образ уже не ощущается, так как в результате изменений значения, звучания и структуры слова он очень часто стирается и мотивированность названия исчезает. В ряде случаев это приводит к возникновению в языке таких словосочетаний, которые с этимологической точки зрения как бы противоречат логике, или объединения совершенно различные вещи (*розовые деревья*), или тавтологически повторяя одно и то же (*торная дорога*, *силосные ямы*; *тор* "дорога", ср. чешск. *tor* "дорога", *силос* — из испанского языка, *silos* буквально "ямы").

Все слова с непроизводными основами и некоторые производные функционируют в языке как чисто условные и немотивированные обозначения. Первоначальные представления, образы, положенные в основу, например, таких слов, как *комната*, *долото*, *курица*, *забота*, *греча*, *зеркало*, *яровые*, в настоящее время совершенно исчезли, и слова предстают перед нами как условные названия.

Этимологический анализ восстанавливает забытое говорящими. Оказывается, *комната* названа была так потому, что первоначально это было помещение с камином (лат. *caminata*). В основу слова *долото* был положен глагол *долбить* (*долото* из *dolbto* "орудие для выдалбливания"). Слово *курица* оказывается производным от слова *кур* (ср.: как *кур* во *щи*), для обозначения особи женского пола. *Кур*, т. е. петух, получил название звукоподражательного характера (по крику *кукареку*). *Забота* (ср. севернорусск. *зобота*) осознается как образование от глагола *зобать* "есть". *Греча* получила наименование по происхождению (из Греции), *яровые* — по времени (от исчезнувшего в русском языке слова *яро* "весна", ср. *ярка*, *попорок*, *Ярло* и др.), *зеркало* (старое *зерцало*) — по функции (как орудие для "созерцания", видения, ср. глагол *созерцать*).

Для восстановления признака, ставшего основой названия, важнее всего определить то слово, которое послужило базой для образования анализируемого. Тем самым его определение в известной степени ведет к выяснению того, как данное слово было образовано.

При выяснении этого чрезвычайно важного вопроса этимологический разбор слова должен привести нас к реконструкции наиболее древней, насколько это возможно, структуры слова, к определению конкретного слова, на основе которого разбираемое слово образовано, наконец, к установлению действительного способа его образования.

Разбирая слова с этой точки зрения, следует учитывать прежде всего историчность их звучания, структуры и значения, в первую очередь процессы опрощения, переразложения и усложнения основы, а также факты тесного слияния морфем в слове. Совершенно необходимо возникающие на основе всестороннего анализа выводы проверять данными словарей как современного русского литературного языка, так и древнерусского, диалектных словарей и словарей других языков.

Анализируя способы образования того или иного слова, важно четко отграничивать их один от другого. Будет неверным, например, утверждение, что слова *вожатый* и *закусочная* образовались путем превращения соответствующих имен прилагательных в существительные.

На проверку оказывается, что слово *вожатый* никогда не было прилагательным (обращает особое внимание на себя уже его структура: суффикс *-ат-* следует за глагольной основой и не имеет присущего ему значения), напротив, это существительное с суффиксом *-атай* (ср. у Пушкина: *Но я молю тебя, поклонник верный твой, Будь мне вожатаем*), подвергшееся влиянию имен прилагательных на *-ый*. Результатом было переразложение основы в пользу окончания, образование на месте суффикса *-атай* суффикса *-ат-* и включение слова в систему склонения имен прилагательных.

Что же касается существительного *закусочная*, то оно тоже никогда не было прилагательным, а создано по модели прилагательных, действительно превратившихся в существительные женского рода, обозначающие то или иное помещение (*гостиная* < *гостинная комната*, *прихожая* < *прихожая комната* и т. д.; определение "перетянуло" на себя значение всего сочетания, определяемое существительное исчезло). Слово *закусочная* никакого существительного в таком значении не определяло.

Неправильно будет отнесение к прилагательным, перешедшим в существительные, такого слова, как *вселенная*, к причастиям, перешедшим в прилагательные, такого слова, как *рассеянный* (человек): оба слова являются кальками с соответствующих греческого и французского слов *oikoumenē* и *distract*.

Мы совершим ошибку, если современные словообразовательные соотношения между словами *жилище* — *жить* отождествим с реальным образованием первого слова с помощью суффикса *-лиц(е)*. Как указывает устаревшее слово *жило* (ср. *Почему ты думаешь, что жило недалеко?* у Пушкина в "Капитанской дочке"), слово *жилище* образовано посредством суффикса *-ищ(е)*.

Определяя старую структуру слова и его производящую основу, следует учитывать все те изменения, которые возможны в слове.

Чтобы стала несомненным фактом связь слова *набабдашиник* с исчезнувшим словом *бабдак* „эфес, рукоятка“, заимствованным из тюркских языков, необходимо иметь в виду фонетические изменения в слове, именно закрепление на письме произношения *чи*, как *ши* (ср. *Столешников* переулоч, *Свешников* и т. д.).

При восстановлении картины образования слова *разинуть* нельзя будет не принимать во внимание изменений в структуре слова, связанных с тесным слиянием приставки *раз-* и корня *-зи-*, который, в частности, мы находим в глаголе *зять*.

Естественно, что очень часто для определения первоначальной составной структуры корневых слов приходится прибегать к сопоставлению данных русского языка с фактами других языков. Так, отглагольное происхождение слова *рука* (из **ronka*) выясняется лишь при учете родственных литовских слов: существительного *ranka* „рука“ и глагола *genkti* „собираю“; образование слова *крупа* с помощью суффикса *-па* — при сопоставлении его с родственным ему греческим *kruō* (ударяю) и т. д.

Так как значение слова в процессе употребления в языке с течением времени может меняться и во многих словах сейчас совершенно другое, нежели раньше, то этимологический анализ слова включает в себя также и определение наиболее древнего значения, которое возможно установить на основании существующих языковых фактов и их взаимоотношений.

Такое определение старого (иногда чрезвычайно давнего) значения того или иного слова осуществляется, как правило, при помощи сравнительного анализа данных древнерусского и других — славянских и прочих индоевропейских — языков. Однако в ряде случаев необходимо также и всестороннее рассмотрение фактов, бытующих в системе современного русского языка (как литературного, так и диалектов). Так как такого рода факты привлекаются в этимологической практике довольно редко, а именно они являются наиболее доступными для школьников, то прежде всего остановимся на них.

На старое значение слова, употребляющегося в настоящее время с иным значением, могут указывать 1) значения производных слов и 2) фразеологические обороты, включающие в свой состав анализируемое слово. Использование при этимологическом разборе производных слов оказывается возможным потому, что эти слова были образованы на базе слов с ныне исчезнувшими значениями. Использование с этими же целями фразеологических оборотов связано с тем, что в ряде устойчивых выражений сохраняются не только устаревшие, ныне не употребляющиеся отдельно слова, но и старые значения таких слов, которые с другими значениями еще и сейчас входят в активный словарный запас. Разберем на конкретных примерах эти два источника отдельно.

Значения производных слов могут быть использованы для выяснения старого значения слова, от которого они были образованы, только в том случае, если они имеют прозрачную морфологическую структуру и если имеющимся в них словообразовательным элементам свойственно четкое, закрепленное за ними значение. Привлекаемые слова подвергаются в таком случае обязательно морфологическому разбору с исторической точки зрения.

Возьмем, к примеру, такое слово, как *богатый*. С современной точки зрения оно предстает перед нами как слово с непроизводной основой, несомнительное со словом *бог*. Однако этимологически по своему строению оно явно составное, и суффикс *-ат-* в нем вычленяется совершенно свободно. Суффикс *-ат-* (ср. *рогатый*, *крылатый*, *бородатый* и т. д.), как известно, имеет значение „обладающий чем-либо“. Исходя из этого, мы видим, что корню *бог-* в слове *богатый* свойственно иное значение, чем слову *бог*. Учитывая общее значение слова *богатый* „обладающий большим имуществом, богатством“ и как бы вычитая из него значение суффикса *-ат-* „обладающий чем-либо, что обозначено корнем“, можно прийти к выводу, что корень *бог-* в нем имеет значение „богатство“, „большое имущество“ и т. д. Этот корень в слове *богатый* лишен религиозной окраски и имеет старое конкретно-бытовое содержание. Отсюда можно сделать заключение, что когда-то (до появления на Руси христианства) слово *богъ* имело значение „богатство“, „большое имущество“ и именно от него (в таком значении) было образовано слово *богатый*, в отличие, скажем, от слов *богиня*, *богомолье* и т. д., возникших на базе слова *бог* в сравнительно новом, религиозном значении. О том, что этот вывод правилен, свидетельствует наличие других слов с данным корнем (ср. *убогий*, „крайне бедный“, приставка *у-* здесь имеет значение отрицания), а также факты других индоевропейских языков.

То же можно отметить и для слов *грех*, *господь*, первоначально не имевших в русском языке религиозных значений (они были заимствованы из старославянского языка). Старые значения этих слов сохраняются в словах *огрех*, *господин*, *господство* и др.

Слова *краснобай*, *красноречие* указывают на старое, когда-то бывшее у слова *красный* значение „хороший“, „красивый“ (ср. *краснозем*, *краснокожий*, *раскраснеть* и т. п., образованные уже от слова *красный* как обозначения цвета).

Слова *черепок*, *Черепанов* (ср. диал. *черепан* „гончар, горшечник“) отражают старое значение слова *череп* — „глиняная посуда, горшок, плошка“.

Слова *непогода*, *погожий*, *беспутный* свидетельствуют о старых „положительных“ значениях слов *погода* и *путь* (слово *погода* обозначало ранее только хорошую погоду, слово *путь* — только хорошую дорогу).

Слово *пятнадцатый* своим значением точно определяет

для нас значение слова *алтын* „три копейки“, ныне существующего лишь в пословице *Не было ни гроша, да вдруг алтын*.

Слово *сад-виноград* своей структурой и семантикой „выдает“ нам старое значение существительного *виноград*, обозначавшего ранее „сад“, „виноградник“. Ведь по своему характеру это сложносоставное образование принадлежит к разряду словесных производных, возникших в результате объединения синонимов того же типа, что и *друг-приятель*, *путь-дорога*, *сила-моченька*, *грусть-тоска* и т. д.

Слова *разглагольствовать* и *наречие* дают возможность ясно представить старые, ныне исчезнувшие значения слов *глагол* и *речь*: нетерминологическое значение „слово“ у слова *глагол* и терминологическое значение „глагол“ у слова *речь* (*наречие* — словообразовательная калька греч. *επίρημα*, т. е. „прилагалие“).

Слова *средний* и *бремя* сохраняют прежние значения слов *среда* („середина“; *средний* „находящийся в середине“) и *братъ* („нести“, ср. подобное значение в латинском слове *fero*, греческое слово *phereo* и т. д.).

О старых значениях ряда перечисленных выше слов говорят также и некоторые фразеологические обороты, имеющие эти слова в качестве одного из своих членов (ср. с *грехом пополам*, *на миру и смерть красна*, *плошки да черепки* — *те же горшки* и т. д.).

О старых, иных, нежели свойственных им сейчас, значениях слов *неверный* „неверующий“, *жир* „богатство“, *талант* „монета“, *горб* „спина“, *стопа* „шаг“ говорят такие фразеологические выражения, как *с жиру беситься*, *зарыть талант в землю*, *гнуть горб перед кем-нибудь* (слово *спина* укрепляется в русском языке как заимствование из польского в XVI в.), *Фома неверный*, *пойти по стопам* и т. д.

Производные слова говорят не только о старых значениях употреблявшихся в настоящее время слов, но и о существовании слов, сейчас уже в русском языке неизвестных. Очень часто один этимологический анализ слова, без привлечения других данных, приводит к знакомству с устаревшими словами. Так, простой этимологический разбор слов *персидский*, *беличий*, *подающие*, *утлый*, *одеяло* указывает на исчезнувшие из употребления слова *Персид* (старое название Персии), *белица* (старое название белки), *подавать* („подавать“), *мло* („дно“, ср. *долта*), *одеять* („одевать“) и т. д.

В целях установления старого значения важно также привлечь лексические данные русских диалектов, сохраняющих в отдельных случаях очень древние языковые факты. Так, например, старое значение слова *полено* „расколотое надвое“ (от *пол*, „половина“) вскрывается при сопоставлении его с диалектным словом *полють* „разрубать, раскалывать надвое“. Собственное имя *Шульга* раскрывается в своем первоначальном нарицательном значении при сравнении его с диалектным нарицательным *шульга* „левша“ и т. д.

Вопросы, на которых мы остановились, вовсе не исчерпывают, конечно, всех тех проблем, которые к этимологии относятся. В частности, почти не затрагивалось использование в этимологическом анализе сравнительно-исторического метода, проблемы архетипов и праформ, калькирования, далекой реконструкции структуры, семантики и звучаний, использования экстралингвистических факторов и т. д.

Все, о чем мы говорили, в первую очередь обращено к учителю и касается поэтому только таких фактов, которые или имеют методическое значение и связаны с разграничением этимологического и словообразовательного анализа, или так или иначе (чаще всего и свободнее всего, конечно, на факультативных занятиях и в кружках) могут быть применены в школьной практике.

Учитель не должен пренебрегать на уроках русского языка (да и литературы тоже) испытанным оружием этимологического анализа. Ведь, вскрывая прошлое слова, мы тем самым открываем для себя в нем и то, что принадлежит ему как определенной лексической единице также и сегодня, точнее и вернее понимая его семантику, полнее представляя себе его место в языковом „обществе“, сознательно усваивая его орфографическое обличье, глубже проникая, наконец, в его художественно-выразительные возможности и образную суть. Умственные и умелые (с учетом возрастных особенностей учащихся и характера излагаемого материала) путешествия в дальние этимологические страны, посланные справки о происхождении слов — одно из действительных средств сделать обучение русскому языку в школе не только по-настоящему обучающим и воспитывающим, но и интересным, занимательным в самом хорошем смысле этого слова.

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов об этой книге	3
--	---

АНАТОМИЯ СЛОВ

Внутри слова	5
Внутри слова <i>внутри</i>	5
Почему <i>-ся</i> не частица	7
Об окончаниях и суффиксах в словах <i>вечером</i> и <i>дома</i>	10
Где корень в слове <i>солнце</i> ?	11
Может ли <i>ком</i> быть суффиксом?	12
Чему родственно слово <i>силком</i> ?	13
Странность прилагательного <i>молчаливый</i>	14
Как членится на морфемы и как образовано прилагательное <i>сердитый</i> ?	14
Какой суффикс участвует в образовании глагола <i>участвовать</i> ?	16
Какая приставка в слове <i>встать</i> ?	17
Про числительное <i>девятью</i>	17
О словах <i>космос</i> , <i>космонавт</i> и <i>космический</i>	18
Можно ли считать корнем <i>кус</i> в слове <i>искусство</i> ?	19
Что является корнем в существительном <i>счет</i> : <i>чет</i> или <i>счит</i> ?	20
Откуда в словах <i>окаянный</i> , <i>постоянный</i> и <i>отчаянный</i> два <i>н</i>	20
Почему в глаголе <i>расспросить</i> два <i>с</i>	21
Немного о приставке <i>пре-</i>	21
<i>Я</i> в слове <i>приятный</i>	22
<i>Рассчеты</i> и <i>подсчеты</i>	22
Почему глагол <i>отворить</i> пишется с одним <i>т</i> ?	23
Где же, наконец, суффикс в прилагательном <i>розоватый</i> ?	24
Три ли морфемы в слове <i>томский</i> ?	26
Есть ли в слове <i>вынуть</i> корень?	27
Анатомия слова <i>принять</i>	28
Делим слово <i>любезный</i>	29
<i>Защипка</i> и <i>пашинка</i>	30
Глагольные близнецы — <i>одеть</i> и <i>надеть</i>	30

Что такое <i>бесталанный</i> ? „Несчастный“ или „бездарный“?	31
О двух <i>а</i> в слове <i>аллея</i>	32
Можно ли <i>трогать</i> , не <i>трогая</i> ?	33
Поперечное сечение глагола <i>рисовать</i> и его этимология	33
Прилагательные <i>морская</i> и <i>смертельная</i> как они есть	34
Почему в слове <i>гаплогения</i> нет <i>гаплогении</i>	35
Два корня <i>плт-</i>	35
Как членится и образовано слово <i>поколение</i>	36
Други друга	37
О суффиксиде <i>-роб</i>	37
<i>Остановимся, постояим и оставим</i>	38
О «лишних» морфемах в слове <i>женитьба</i>	39
Можно ли считать существительные <i>картина</i> и <i>карта</i> однокорневыми словами	40
Почему слово <i>подлинный</i> пишется с двумя <i>н</i>	40
Два однокорневых синонима	40
Волнующее до сих пор слово <i>волнительно</i>	41
Почему в слове <i>скатерка</i> нет буквы <i>т</i>	41
Поперечное сечение глагола <i>тыкать</i> и его происхождение	42
<i>Организовать</i> — <i>организу</i>	42
С помощью какого суффикса было образовано слово <i>мохнатый</i>	42
Редкие корни и суффиксы	43
<i>Треючка</i> и <i>щетка</i>	43
Размышления о том, почему мы пишем <i>месо</i> , но <i>варево</i>	44
Что правильнее: <i>опята</i> или <i>опенки</i> ?	46
Варианты или одно и то же?	46
Глагол <i>уничтожить</i> по составу и происхождению	47
Для точности о выражении <i>для бязиру</i>	47
Несколько слов о слове <i>удовлетворять</i>	48
Остановимся немного на слове <i>постановщик</i>	48
О <i>пожарнике</i> , <i>чертежнике</i> и других	48
<i>-И</i> и <i>-те</i> в глаголах повелительного наклонения	50
<i>Поверка</i> и <i>проверка</i>	51
Три слова с приставкой <i>тре-</i>	51
Почему в слове <i>летчик-космонавт</i> склоняются обе части, а в слове <i>инженер-покаковник</i> — только вторая?	52
Где кончается основа слова и начинается окончание	53
Слово <i>приобретать</i> в морфемном и этимологическом отношении	57
О прошлом и настоящем существительных <i>сапожник</i> и <i>портной</i>	58
О родственных связях слова <i>предварительный</i>	60
О слове <i>заветный</i> , его составе и написании	60
Про <i>о</i> в слове <i>кинемеханик</i> и <i>е</i> в слове <i>кинематография</i>	61
<i>Вчера</i> и <i>днес</i>	62
<i>Слаще</i> или <i>слаже</i> ?	63
Что такое <i>ч</i> в слове <i>стричь</i>	64
Нужные сведения о прилагательном <i>сведущий</i>	65
Почему в слове <i>лестница</i> пишется буква <i>т</i> ?	66
<i>Таганрожский</i> или <i>таганрогский</i> ?	66

Почему мы пишем <i>городки</i> , но <i>городошник</i> ?	67
Исключение ли прилагательное <i>голеовой</i> ?	67
Правильно ли употребляется морфема <i>-ся</i> в форме <i>равняйся</i> ?	68
<i>Баки, дупель, Каспий</i> и другие	69
Как разбирать слово по составу	70

РОДОСЛОВНАЯ СЛОВ

Зри в <i>корень</i>	83
Что такое смотреть в <i>корень</i>	83
Где <i>корень</i> в слове <i>корень</i> ?	83
Как была названа <i>рука</i>	84
Два слова о слове <i>один</i>	85
Для ради предлогов <i>для</i> и <i>ради</i>	86
Про <i>дорогу</i> и <i>лицу</i>	87
За что <i>говядина</i> называется <i>говядиной</i>	89
Где <i>корень</i> в слове <i>где</i> ?	89
Этимологический разбор слова <i>забор</i>	90
Почему дом называют <i>домом</i> ?	91
Пронсходит ли существительное <i>врач</i> от слова <i>врать</i> ?	92
Можно ли доказать, что в слове <i>топар</i> надо писать <i>о</i> , а не <i>а</i> ?	92
Почему прачку называли <i>прачкой</i> ?	94
О слове <i>сказка</i>	95
Образование и морфемика существительного <i>металлургия</i>	95
<i>Сырок</i> и <i>сырник</i>	96
"Война и мир" Л. Н. Толстого и В. Маяковского	97
О трех воинских званиях	98
Являются ли родственными слова <i>победа</i> и <i>убедить</i>	99
Чем отличаются числительные <i>тысяча, миллион</i> и <i>миллиард</i> от счетных существительных	99
В каких родственных отношениях находятся между собой слова <i>больной, болеть</i> и <i>боль</i> ?	102
Метрики прилагательного <i>пышный</i>	103
Мнимые полногласия в словах <i>серебро</i> и <i>железо</i>	103
<i>Житомир</i>	105
Откуда в слове <i>ишь</i> мягкий знак?	105
Чудесные превращения слова <i>каждый</i>	106
Что есть <i>кто</i>	108
Что было раньше: <i>фляга</i> или <i>фляжка</i> ?	109
Родословная <i>дворняжки</i>	110
Все цвета радуги	111
Два <i>ключа</i>	113
<i>Слесарь, ключ</i> и <i>замок</i>	114
Откуда есть пошло слово <i>отверстие</i> и какой в нем <i>корень</i>	115
Что значит слово <i>хлябь</i>	116
Два глагола <i>обуть</i>	117
Что моет <i>судомойка</i> ?	118

<i>Опять</i> и <i>обратно</i>	119
О чем рассказывает слово <i>окно</i>	119
Чем существительные <i>порт, гавань</i> и <i>пристань</i> отличаются друг от друга	120
Как родилось слово <i>брандует</i>	121
Правильно ли мы пишем слово <i>зуталин</i> ?	121
<i>Голышом, капишом</i> и <i>телешом</i>	122
<i>Одеколон</i> и <i>жабел</i>	124
<i>Партийность</i>	125
<i>Хвостизм</i>	127
<i>ЦК</i>	128
Этимологические детективы	129
Слова, открытые "на кончике пера"	129
<i>Смазливый</i> и <i>нелепый</i>	132
Похож ли <i>кран</i> на журавля?	134
<i>Ерунда</i> и <i>чепуха</i>	135
<i>Кувада</i> и <i>наковальня</i>	136
Почему назывался <i>груздем</i> ?	138
<i>Сладкий</i> и <i>соленый</i>	141
О "сотворении" слова <i>таварь</i>	142
<i>Жуче</i> и <i>жучка</i>	143
Когда и как появились грамматические термины <i>склонение</i> и <i>наклонение</i>	144
О "вине" винительного падежа	147
О <i>спряжении</i> и <i>падежах</i>	148
<i>Электрификация</i>	150
Что такое <i>писатель</i>	152
Исхино русское слово <i>пионер</i>	153
От <i>мылохода</i> до <i>дунохода</i>	154
<i>Луна</i> и <i>Селена</i>	157
Почему <i>луну</i> называли <i>месяцем</i>	158
<i>Мада, возмездие</i> и <i>безвозмездный</i>	159
<i>Казначей, барабанщик</i> и <i>басмач</i>	162
<i>Чужие близнецы</i>	164
Что общего между словами <i>капитан</i> и <i>капустка</i> ?	165
Откуда получают имена реки	167
О <i>Воле</i> и <i>влаге</i>	169
Как называются города	170
О городке <i>Городке</i>	177
<i>Болград</i> и <i>Грановиль</i> — маленькие большие города	178
Почему в слове <i>Солигорск</i> пишется буква <i>и</i>	179
<i>Владимир</i> и <i>Познань</i>	180
По следам междометий	180
Что такое междометие	180
<i>Адьо, прощай</i> и <i>до свиданья</i>	181
<i>Айда</i> и <i>гайдамаки</i>	182

Алло, слушаю, у телефона	183
Амба и баста	183
Ась	184
Ату и его антоним тубо	184
Баю-бай	185
Бис и браво	185
Брр! Мороз	185
Брысь и прочь	186
Вишь	186
Два ли вок?	187
О третьем есть и единственном нет	187
Здраствуй	188
Ишь	189
Что такое кричать караул	189
Французское марш и английское стоп	189
Пли!	190
Пока	190
Спасибо и пожалуйста	190
О словах ура и виват	191
Два нечезнувших звука в слове усь	191
Галлицизм ли фюить?	192
Чуть-чуть о чу	192
От чш! до цш!	193
Шабаш!	194

В стране фразеологических оборотов	194
Лучше меньше, да лучше	194
Всерьез и надолго	195
Порядок дня	196
Учиться, учиться и учиться	197
Лишь только	198
Люблю молодца за обычай	199
Кануть в вечность	199
Фишкина грамота	201
Во весь опор	201
Прокатить на воронях	202
Прописать ижицу	202
Разные шалаш	203
Как ни кинь — все клин	204
Заварить и расхлебывать кашу	205
Не миновать глаголя	206
Гол, как сокол	206
Очертя и сломя голову	207
Семь платиц на неделе	208
К черту на кулички	209
На кудыкину гору	209
О слове костить и обороте перемывать косточки	210

Это его конек	210
Намылить голову и задать головоломку	211
Пиррова победа	212
Крокодиловы слезы	213
Зарыть тапакт в землю	213
Хранить молчание и играть в молчанку	214
Идти ва-банк	215
Не в своей тарелке	215
Разводить тары-бары	215
Собаку съел	216
Чужими руками жар загребать	217
Задеть за живое	217
Шарашкина контора	218
Как вколпанный и как заведенный	218
Разделить под орех	219
Нечем крыть	219
Идти направо	220
Притча во языцех	220
С гульки нос о с гульки нос	221
Бразды правления	221
Стоять у кормила	221
Очная ставка	222
За душой нет ничего	222
Нести околесицу и говорить невесте что	223
Три фразеологических алогизма	223
Быть немим как рыба и реветь белой	224
Глухая тетеря	225
Быльем поросло	226
Два сердца в одном сердце	227
С греком пополам	228
Не ради красного словца о фразеологизмах красный угол, красный уголок и им родственных	228
О фразеологизмах черный ящик и черная дыра и их опорных существительных	230
Два разных сезона	232
Мурашки забегали	233
Черным по белому о выражении черная кошка пробежала	234
О двух «дорожных» фразеологизмах	235

Происхождение слов и этимологический анализ	236
--	------------

~~11/2039~~
22/666

Николай Максимович Шанский

В МИРЕ СЛОВ

Зав. редакцией А. В. Прудникова
Редактор И. И. Нестеренко
Художник В. А. Галакин
Художественный редактор В. А. Аткирская
Технический редактор Е. В. Богданова
Корректор Г. М. Махова

ИБ № 8263

Сдано в набор 08.03.84. Подписано к печати 13.03.85. Бум. кл.-журн. отечества. Гарнитура литературная. Печать офсет. Усл. печ. л. 16+0,25 фора. Усл. кр.-отт. 16,75. Уч.-изд. л. 17,36+0,45 фора. Тираж 252 000 экз. Заказ № 854. Цена 80 коп.

Орден Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 120846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. Саратовский орден Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавиографпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ДИВИШЬСЯ ДРАГОЦЕННОСТИ НАШЕГО ЯЗЫКА: ЧТО НИ
ЗВУК, ТО И ПОДАРОК; ВСЕ ЗЕРНИСТО, КРУПНО, КАК САМ
ЖЕМЧУГ, И ПРАВО, ИНОЕ НАЗВАНИЕ ЕЩЕ ДРАГОЦЕННЕЕ
САМОЙ ВЕЩИ.

Н. В. Гоголь

МНОГИЕ РУССКИЕ СЛОВА САМИ ПО СЕБЕ ИЗЛУЧАЮТ
ПОЭЗИЮ, ПОДОБНО ТОМУ, КАК ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ
ИЗЛУЧАЮТ ТАИНСТВЕННЫЙ БЛЕСК...

К. Г. Паустовский

1 лист. 1100с.

КАЖДОЕ СЛОВО СВЯЗАНО ДВОЯКОГО РОДА УЗАМИ: БЕС-
ЧИСЛЕННЫМИ СВЯЗЯМИ СХОДСТВА СО СВОИМИ РОДИ-
ЧАМИ ПО ЗВУКАМ, СТРУКТУРЕ ИЛИ ЗНАЧЕНИЮ И СТОЛЬ
ЖЕ БЕСЧИСЛЕННЫМИ СВЯЗЯМИ СМЕЖНОСТИ С РАЗНЫ-
МИ СВОИМИ СПУТНИКАМИ ВО ВСЕВОЗМОЖНЫХ ФРАЗАХ;
ОНО ВСЕГДА ЧЛЕН ИЗВЕСТНЫХ ГНЕЗД ИЛИ СИСТЕМ СЛОВ
И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ЧЛЕН ИЗВЕСТНЫХ РЯДОВ СЛОВ.

Н. В. Крушевский

В НЕПРЕРЫВНОМ ДВИЖЕНИИ ЯЗЫКА, В БОРЬБЕ С НО-
ВЫМИ СЛОВАМИ И ЗА НОВЫЕ СЛОВА, В ОТМИРАНИИ (А
ИНОГДА И ВОЗРОЖДЕНИИ) ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТАРИНЫ, В
РАСШИРЕНИИ ЛЕКСИКИ ЗА СЧЕТ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ
РОДНЫХ ДИАЛЕКТОВ И ЧУЖИХ ЯЗЫКОВ НАБЛЮДАЮТСЯ
НЕКОТОРЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ В ЯЗЫКЕ РУКОВОДЯЩИЕ
НАЧАЛА, ЕСТЬ ГРАНИЦЫ И ПРЕДЕЛЫ.

В. И. Чернышев